

ISSN 2782-2966

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SEMIOTIC STUDIES

Научный журнал

Том 5 • № 2 • 2025

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. SEMIOTIC STUDIES
SEMOTICHESKIE ISSLEDOVANIIA. SEMIOTIC STUDIES

Том 5, № 2, 2025

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Журнал включен ВАК РФ в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук с 31.05.2023 г. Журнал включен в библиографическую базу данных РИНЦ (НЭБ eLIBRARY.ru). Статьям присваивается идентификатор DOI.

Печатное СМИ, журнал «Семиотические исследования. Semiotic studies» является периодическим научным изданием, освещающим вопросы общей семиотики и смежных дисциплин. Знак, знаковый процесс и его векторы, семантика, синтактика и прагматика как измерения семиозиса, материальное воплощение знака – это тематическое пространство публикуемых работ. Журнал ориентирован на междисциплинарный синтез теоретического и практического знания, осуществляемый в рамках философии, литературоведения и социологии.

Цель журнала – изучение, осуществление и популяризация семиотического подхода к исследованию реальности.

Задачи журнала – создание международного, междисциплинарного исследовательского пространства в терминах и моделях общей семиотики, актуализация классического наследия и апробация новых идей семиотической мысли, создание и применение семиотических схем анализа и интерпретации в философском, литературоведческом и социологическом знании.

Тематика журнала

5.7. Философия (Социальные и гуманитарные науки)

- 5.7.1. Онтология и теория познания
- 5.7.6. Философия науки и техники
- 5.7.7. Социальная и политическая философия

5.9. Филология (Социальные и гуманитарные науки)

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.3. Теория литературы

5.4. Социология (Социальные и гуманитарные науки)

- 5.4.2. Экономическая социология
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7. Социология управления

Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и двойное слепое рецензирование ведущими учеными в соответствии с тематикой и специализацией журнала.

Главный редактор

А.Ю. Нестеров, д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Заместитель главного редактора

Л.Г. Тютелова, д-р филол. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Ответственный секретарь

Т.Ю. Депцова, канд. пед. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, ул. Академика Павлова, 1.
Тел. +7 (846) 3345406, **e-mail:** semiotic@ssau.ru
www: <https://journals.ssau.ru/semiotic>

Издатель и учредитель: Самарский университет

Адрес издателя: 443086, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, Московское шоссе, 34, корп. 22 а, 312 б, Центр периодических изданий Самарского университета.

СМИ зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер серии **ПИ № ФС77-79678** от 27.11.2020 г.

Издаётся с 2021 г. Выходит 4 раза в год.

Подписной индекс в Объединённом интернет-каталоге «Пресса России» 85744

ISSN 2782-2966

Корректурa – *И.В. Ахматова*

Компьютерная верстка, дизайн – *И.В. Ахматова*

Информация на английском языке – *В.Д. Шевченко,*

Л.С. Самсонова

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+ Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

В оформлении обложки использованы художественные работы Карла Аймермахера.

Подписано в печать 30.06.2025.

Выход в свет 04.07.2025.

Формат 60х84/8. Бумага офсетная. Печать оперативная. Печ. л. 19,25. Тираж 200 экз. (первый завод – 40 экз.). Заказ №

Отпечатано в типографии Самарского университета.

Адрес типографии: Самарский университет, 443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара, Московское шоссе, 34.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

© Самарский университет, 2025

Редакционная коллегия

К. Аймермахер, д-р филол. наук, почётный проф. (Рурский университет, Бохум, Германия)

В.И. Аршинов, д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

П.Н. Барышников, д-р филос. наук, доц. (Пятигорский государственный университет, Пятигорск, РФ)

Т.В. Бернюкевич, д-р филос. наук, проф. (Московский государственный строительный университет, Москва, РФ)

В.Ю. Бочаров, канд. социол. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

М.Н. Вольф, д-р филос. наук, доц. (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, РФ)

Н.В. Головкин, д-р филос. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, РФ)

И.В. Дёмин, д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Д.И. Дубровский, д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

Т.Н. Иванова, д-р социол. наук, доц. (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, РФ)

В.Е. Лепский, д-р психол. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

М.Н. Липовецкий, д-р филол. наук, проф. (Колумбийский университет, Нью-Йорк, США)

В. Лопичич, д-р филол. наук, проф. (Нишский университет, Ниш, Сербия)

Н.П. Малютина, д-р филол. наук, проф. (Университет Белостока, Белосток, Польша)

А.И. Мантарова, д-р социол. наук, проф. (Институт философии и социологии Болгарской Академии наук, София, Болгария)

А. Нордманн, д-р филос. наук, имеретированный проф. (Институт философии, Технический университет Дармштадта, Дармштадт, Германия)

А.В. Павлов, д-р филос. наук, проф. (Высшая школа экономики, Москва, РФ)

И. Пёрцген, д-р филол. наук, проф. (Бременский университет, Бремен, Германия)

П. Ристхаус, д-р филол. наук, проф. (Хагенский заочный университет, Хаген, Германия)

Н.Т. Рымарь, д-р филол. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

С.А. Судьин, д-р социол. наук, доц. (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, РФ)

С. Томашчикова, д-р филос. наук, доц. (Университет им. Павла Йозефа Шафарика, Кошице, Словакия)

И.А. Христов, д-р по социологии, проф. (Университет Паисия Хилендарского, Пловдив, Болгария)

Г. Шольц, д-р филос. наук, почётный проф. (Рурский университет, Бохум, Германия)

Н.П. Щукина, д-р социол. наук, проф. (Самарский государственный медицинский университет, Самара, РФ)

Н.А. Ястреб, д-р филос. наук, доц. (Вологодский государственный университет, Вологда, РФ)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

С требованиями к оформлению статей для публикации в журнале можно ознакомиться на веб-сайте в разделе «Прием статей»:

<https://journals.ssau.ru/semiotic/about/submissions>

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

ISSN 2782-2966

SAMARA
UNIVERSITY

Samara National
Research University

SEMIOTICHESKIE ISSLEDOVANIJA

SEMIOTIC STUDIES

Scientific journal

Vol. 5 • no. 2 • 2025

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. SEMIOTIC STUDIES
SEMIOTICHESKIE ISSLEDOVANIJA. SEMIOTIC STUDIES
Vol. 5, no. 2, 2025

JOURNAL FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation into the list of peer-reviewed scientific publications, where the main scientific results of theses for the Candidate of Sciences degree, for the Doctor of Sciences degree should be published starting 31.05.2023. The journal is included into the RSCI bibliographic database (eLIBRARY.ru Public Electronic Library). Articles are assigned a DOI identifier.

The journal "Semiotic Studies" is a scientific periodical highlighting the issues of general semiotics and adjacent disciplines. The sign, sign process and its agenda, signification (semantics), syntactics and pragmatics as the measurements of semiosis, material realization of a sign – the research areas of the published papers. The journal is focused on the interdisciplinary synthesis of theoretical and practical knowledge implemented within the framework of philosophy, literature studies and sociology.

The aim of the journal is studying, implementing and promoting the semiotic approach to researching into the reality.

The objectives of the journal – developing the international, interdisciplinary research space in terms and models of general semiotics, maintaining the current state of the classical heritage and new ideas' testing of semiotic thought, developing and application of semiotic analysis and interpretation patterns in philosophical, literature and sociological knowledge.

Remit of the journal

5.7. Philosophy (Social sciences and humanities)

5.7.1. Ontology and theory of knowledge

5.7.6. Philosophy of science

5.7.7. Social and political philosophy

5.9. Philology (Social sciences and humanities)

5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation

5.9.3. Literary theory

5.4. Sociology (Social sciences and humanities)

5.4.2. Economic sociology

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.7. Management sociology

All the articles undergo reviewing by the Antiplagiat program and double-blind peer-reviewing by the leading scientists in line with the remit and specialties of the journal.

Chief Editor

A.Yu. Nesterov, Dr. phil. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Deputy Chief Editor

L.G. Tyutelova, Dr. philol. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Executive Editor

T.Yu. Deptsova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Editorial office address:

1, Academician Pavlov Street, Samara, 443011, Samara region, Russian Federation.

Tel. +7 (846) 3345406, e-mail: semiotic@ssau.ru

www: <https://journals.ssau.ru/semiotic>

Publisher and Founder: Samara National Research University

Address of Publisher: Center of Periodical Publications of Samara National Research University, room 312B(Б), building 22A, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Samara region, Russian Federation.

The mass media registration certificate **III No. ФС77-79678** of **27.11.2020**. The mass media organization was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

ISSN 2782-2966

The journal has been published since 2021, 4 times a year.

Subscription index in the United internet-catalog «Press of Russia» 85744

ISSN 2782-2966

Proofreading – *I.V. Akhmatova*

Computer layout, design – *I.V. Akhmatova*

Information in English – *V.D. Shevchenko, L.S. Samsonova*

Business model: financing of the journal is carried out by the founder, all articles are published free of charge.

0+, free price.

The Authors' articles do not necessarily reflect the views of the publisher.

The art works by Karl Eimermacher have been used while creating the cover design.

Passed for printing on 30.06.2025. **The publication** 04.07.2025. Format 60x84/8. Litho paper. Instant print. Print. sheet. 19,25. Circulation 200 copies (first printing – 40 copies). Order No.

Printed on the printing house of Samara University.

Printing house address: 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Samara region, Russian Federation. www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

© Samara National Research University, 2025

Editorial board

K. Eimermacher, Dr. philol. habil., Professor Emeritus (Ruhr University, Bochum, Germany)

V.I. Arshinov, Dr. phil. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

P.N. Baryshnikov, Dr. phil. habil., Associate Professor (Pyati-gorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation)

T.V. Bernyukevich, Dr. phil. habil., Professor (Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russian Federation)

V.Yu. Bocharov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

M.N. Volf, Dr. phil. habil., Associate Professor (Institute for Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

N.V. Golovko, Dr. phil. habil., Associate Professor (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation)

I.V. Demin, Dr. phil. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

D.I. Dubrovsky, Dr. phil. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.N. Ivanova, Dr. soc. habil., Associate Professor (Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation)

V.E. Lepskiy, Dr. psych. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

M.N. Lipovetsky, Dr. philol. habil., Professor (Columbia University, New York, USA)

V. Lopichich, Dr. philol. habil., Professor (University of Nis, Nis, Serbia)

N.P. Maliutina, Dr. philol. habil., Professor (University of Białystok, Białystok, Poland)

A.I. Mantarova, Dr. soc. habil., Professor (Institute of Philosophy and Sociology at Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria)

A. Nordmann, Professor em. (Darmstadt Technical University, Darmstadt, Germany)

A.V. Pavlov, Dr. phil. habil., Professor (Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation)

Y. Pörzgen, Dr. philol. habil., Professor (University of Bremen, Bremen, Germany)

P. Risthaus, Dr. philol. habil., Professor (Open University of Hagen, Hagen, Germany)

N.T. Ryamar, Dr. philol. habil., Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

S.A. Sudin, Dr. soc. habil., Associate Professor (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation)

S. Tomashchikova, Dr. phil. habil., Associate Professor (University named after Pavel Yosef Shafaric, Košice, Slovakia)

I.A. Hristov, Dr. soc. habil., Professor (Plovdiv University "Paisii Hilendarski", Plovdiv, Bulgaria)

G. Scholtz, Dr. phil. habil., Professor Emeritus (Ruhr University, Bochum, Germany)

N.P. Shukina, Dr. soc. habil., Professor (Samara State Medical University, Samara, Russian Federation)

N.A. Yastreb, Dr. phil. habil., Associate Professor (Vologda State University, Vologda, Russian Federation)

REQUIREMENTS FOR THE DESIGN OF ARTICLES

The requirements for the design of articles for publication in the journal can be found on the website in the "Acceptance of articles" section:

<https://journals.ssau.ru/semiotic/about/submissions>

This is an open access content distributed in accordance with the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction via any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

СОДЕРЖАНИЕ

Философия

Ивашенко А.В., Головнин О.К., Демина А.И. Концептуализация междисциплинарной творческой инженерной деятельности	8
Гордова А.Ф., Твердынин Н.М. Ноксологические вызовы техногенного социума: социально-философский аспект	14
Черных А.А. Д.И. Писарев о монизме, материализме и партийности философии.	21
Марков А.В., Штайн О.А. Кукла в маске как эстетико-семиотическая модель	33

Литературоведение

Викторов И.А., Гарбузинская Ю.Р. Перспективизм в научных взглядах Н.Т. Рымаря: этико-эстетический вектор творческой личности	42
Полева Е.А., Мастепак Т.Г. Социокультурное пространство в романе В. Набокова «Камера обскура».	51
Морозов Д.Д. Природа звуковых ремарок в пьесе Леонгарда Франка «Мужской квартет».	62
Розанов М.А. Формирование творческого перспективизма И. Макьюэна.	70
Абрамовских Е.В. Живописный экфрасис в субъектной структуре лирического цикла С. Гандлевского.	79

Социология

Петрова И.Э., Дулесин Е.И. Траектории выборов в биографиях руководителей негосударственных конфессиональных центров реабилитации наркозависимых	86
Рушева А.В. Запрос на созидательное управление	96
Ревякина Н.П. В поисках семиотического кода города Ростова-на-Дону.	107
Митрофанова С.Ю. Завершилось ли детство у современной молодежи? Треки эмпирического анализа	112

Междисциплинарные исследования

Масленкова Н.А., Никитина А.С. Искусственный интеллект как соавтор? Переосмысление авторства в контексте взаимодействия человека с ИИ	122
--	-----

Рецензии

Лисенкова А.А., Тульчинский Г.Л. Человек, техника и космос: о значении книги Фридриха Дессауэра «Человек и космос. Спор о технике» в переводе А.Ю. Нестерова. Рецензия на книгу «Человек и космос. Опыт. Спор о технике» в переводе А.Ю. Нестерова.	134
--	-----

Информация

Авдошина Н.В. и др. Человек в информационном обществе: связь поколений через «историческую память» и поиск точек взаимодействия традиций и прогресса	139
---	-----

CONTENTS

Philosophy

Ivaschenko A.V., Golovnin O.K., Demina A.I. Conceptualization of interdisciplinary creative engineering activities	8
Gordova A.F., Tverdnyin N.M. Noxological challenges of technogenic society: socio-philosophical aspect	14
Chernykh A.A. D.I. Pisarev on monism, materialism and partisanship of philosophy.	21
Markov A.V., Shtayn O.A. The masked puppet as pattern of semiotics and aesthetics	33

Literature studies

Viktorov I.A., Garbuzinskaya Yu.R. Perspectivism in the scientific views of N.T. Rymar: the ethical and aesthetic vector of a creative individual	42
Poleva E.A., Mastepak T.G. Sociocultural space in V. Nabokov's novel "Camera Obscura"	51
Morozov D.D. The kind of sound remarks in Leonhard Frank's play "Male Quartet"	62
Rozanov M.A. Formation of Ian McEwan's artistic perspectivism.	70
Abramovskikh E.V. Picturesque ekphrasis in the subjective structure of the lyrical cycle of S. Gandlevsky	79

Sociology

Petrova I.E., Dulesin E.I. Choice trajectories in the biographies of leaders of non-state confessional drug rehabilitation centers.	86
Rusheva A.V. Request for creative management.	96
Revyakina N.P. In search of Rostov-on-Don semiotic code	107
Mitrofanova S.Yu. Has the childhood of the modern youth ended? Tracks of empirical analysis.	112

Interdisciplinary studies

Maslenkova N.A., Nikitina A.S. Artificial intelligence as a co-author? Rethinking authorship in the context of human interaction with AI	122
---	-----

Reviews

Lisenkova A.A., Tulchinsky G.L. Man, technology and cosmos: on the significance of Friedrich Dessauer's book "Man and Cosmos. The dispute about technology" in translation by A.Yu. Nesterov. Review of the book "Man and Cosmos. Experience. Dispute about technology" translated by A.Yu. Nesterov.	134
--	-----

Information

Avdoshina N.V. and others Man in the information society: connection between generations through "historical memory" and the search for points of interaction between traditions and progress.	139
---	-----

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-2-8-13

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 62:1

Дата поступления: 11.03.2025

рецензирования: 11.05.2025

принятия: 16.06.2025

А.В. Иващенко

Самарский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: anton.ivashenko@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7766-3011>

О.К. Головнин

Самарский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: o.k.golovnin@samsmu.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1418-2226>

А.И. Демина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: demina.ai@ssau.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6054-9255>

Концептуализация междисциплинарной творческой инженерной деятельности

Аннотация: в статье в контексте развития технологий генеративного искусственного интеллекта поднимается вопрос о том, достаточно ли воспроизводить способы человеческой генерации смыслов для изобретательской творческой деятельности? Показано, что ответ на этот вопрос зависит от понимания и представления результата творческой деятельности. Результат творческой деятельности должен быть представлен на некотором языке, причем этого языка становится достаточно для представления изобретения как результата инженерной деятельности. В ходе рассуждений мы обращаемся к семиотике, задача которой в данном случае состоит в выборе языковых способов отображения результатов инженерного творчества, правил и конструкций, эффективных для развития генеративного искусственного интеллекта и удобных для человеческой интерпретации. Предложена концепция, предполагающая выделить в роли семиотической основы интеллектуальной инженерии некое техническое средство генезиса семиозиса инженерного творчества. Чтобы создать такое средство, необходимо дополнительно реализовать программные сервисы стимулирования изобретательской деятельности, содержащие концепты существующих решений инженерных задач для представления накопленного опыта. Наследуя от этих концептов конкретные кейсы инженерных задач, можно построить достаточно разветвленное дерево решений, пересечение ветвей которого способствует прорастанию семиозиса инженерного творчества как нервной ткани языка интеллектуального изобретательства. Применение предложенной концепции на практике может стать организационной основой реализации искусственного интеллекта, способного к техническому творчеству.

Ключевые слова: философия техники; техническое творчество; семиотика; инженерная деятельность; искусственный интеллект.

Цитирование: Иващенко А.В., Головнин О.К., Демина А.И. Концептуализация междисциплинарной творческой инженерной деятельности // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 2. С. 8–13. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-2-8-13>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Иващенко А.В., Головнин О.К., Демина А.И., 2025

Антон Владимирович Иващенко – доктор технических наук, профессор, директор Передовой медицинской инженерной школы, Самарский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. Чапаевская, д. 89.

Олег Константинович Головнин – доктор технических наук, доцент, заведующий кафедрой медицинской физики, математики и информатики, Самарский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. Чапаевская, д. 89.

Анна Ивановна Демина – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

A.V. Ivaschenko

Samara State Medical University,
Samara, Russian Federation
E-mail: anton.ivashenko@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7766-3011>

O.K. Golovnin

Samara State Medical University,
Samara, Russian Federation
E-mail: o.k.golovnin@samsmu.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1418-2226>

A.I. Demina

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: demina.ai@ssau.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6054-9255>

Conceptualization of interdisciplinary creative engineering activities

Abstract: in the context of the development of generative artificial intelligence technologies, the article raises the question of whether it is sufficient to reproduce the methods of human meaning generation for inventive creative activity. It is shown that the answer to this question depends on the understanding and representation of the result of creative activity. The result of creative activity should be presented in a specific language, and this language becomes sufficient for presenting the invention as a result of engineering activity. In the course of reasoning, we turn to semiotics, the task of which in this case is to select linguistic methods for representing the results of engineering creativity, rules and constructions that are effective for the development of generative artificial intelligence and suitable for human interpretation. A concept is proposed that assumes that a specific technical means of the genesis of semiosis of engineering creativity should be singled out as a semiotic basis for intellectual engineering. To create such a means, it is necessary to additionally implement software services for stimulating inventive activity, containing concepts of existing solutions to engineering problems for conveying the accumulated experience. Inheriting specific cases of engineering problems from these concepts, it is possible to construct a sufficiently branched tree of solutions, the intersection of whose branches contributes to the emergence of the semiosis of engineering creativity as the neural substrate of the language of intellectual invention. The application of the proposed concept in practice can become the organizational basis for the implementation of artificial intelligence capable of technical creativity.

Key words: philosophy of technology; technical creativity; semiotics; engineering activity; artificial intelligence.

Citation: Ivaschenko, A.V., Golovnin, O.K. and Demina, A.I. (2025), Conceptualization of interdisciplinary creative engineering activities, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 5, no. 2, pp. 8–13, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-2-8-13>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© Ivaschenko A.V., Golovnin O.K., Demina A.I., 2025

Anton V. Ivaschenko – Doctor of Technical Sciences, Professor, Director of the Advanced Medical Engineering School, Samara State Medical University, 89, Chapaevskaya str., Samara, 443099, Russian Federation.

Oleg K. Golovnin – Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Medical Physics, Mathematics and Informatics, Samara State Medical University, 89, Chapaevskaya str., Samara, 443099, Russian Federation.

Anna I. Demina – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Современного человека достаточно сложно удивить новыми возможностями генеративного искусственного интеллекта. Нейронные сети проникли во все области нашей жизни и деятельности

(Рассел, Норвиг 2021): они помогают в бизнесе и досуге, живут в ноутбуках и смартфонах, общаются в Интернете и по телефону. Бывает сложно отличить живого оператора банковских или потребительских услуг от робота. Отмечается даже

появление «мертвого» Интернета (Walter 2024), в котором преимущественно взаимодействуют между собой интеллектуальные боты. Несмотря на очевидную спорность этой теории, следует признать, что современному человеку приходится существовать в одной среде с искусственным интеллектом (Карелов 2023), (Bubeck et al. 2023).

Способность искусственного интеллекта рассуждать и действовать почти человеческими способами поднимает вопрос о возможности нейросетевого творчества (Крылов 2024, Пожарев 2024, Стельмахов 2023, Демина 2023). Искусственный интеллект способен создавать новые изделия изобразительного искусства, музыкальные произведения, писать достаточно внятные тексты, от студенческих рефератов до поэзии и прозы. Несмотря на то, что талант этих произведений остается под вопросом, они, несомненно, имеют художественную ценность, как минимум в постмодернистском смысле.

Следующим шагом развития искусственного интеллекта в этом контексте ожидаемо является инженерное изобретательство. Предпосылки такой задачи базируются не только на расширении возможностей искусственного интеллекта, но и на вполне обоснованных предположениях современной инженерной науки о возможности виртуализации изобретений в цифровых двойниках (Боровков, Кулемин 2024), способности алгоритмизации инженерного творчества (Альтшуллер 2008), (Богомолова 2023) и объективности существования его результатов (Нестеров 2023), (Дессаур 2024), доступность которых человеку открывается в процессе творческого поиска.

Основным отличием генеративного искусственного интеллекта является его задача быть похожим на человека, формировать такие же, как естественный интеллект, изображения и тексты. При этом обучение такого интеллекта производится на базе известных текстов и рассуждений. Искусственный интеллект в этом смысле не выявляет внутренние проблемы и не вырабатывает способы и алгоритмы их решения, но действует похожим на человека образом.

Приведенное рассуждение приводит к заключению о невозможности применения такого подхода для инженерного решения, поскольку он противоречит самому духу и смыслу изобретательства. Чтобы усовершенствовать телефон, необходимо понимать его физику и системотехнику; мало рассуждать о его возможностях, спорить о недостатках и фантазировать о перспективах применения. Однако именно рассуждение, спор и научно-фантастические вымыслы и допущения в этом случае бывают необходимыми условиями поиска новых технических решений.

Развиваемое в последние годы генеративное проектирование на основе методов искусствен-

ного интеллекта (Na and Kim 2021) также не дает решения задачи творческой инженерной деятельности. Генеративные модели, обученные на определенных изделиях, способны генерировать лишь изделия подобного вида, оставляя инженера внутри процесса проектирования. Генеративный дизайн нельзя считать актом творчества (Энгельмейер 2021), пока не создан инженерный искусственный интеллект, способный заменить инженера в способности предлагать изобретения и вырабатывать гипотезы.

Таким образом, мы приходим к вопросу о том, достаточно ли воспроизводить способы человеческой генерации смыслов для изобретательской творческой деятельности? Ответ на этот вопрос зависит от понимания и представления ее результата.

Ход исследования

Результатом изобретательства является изобретение – продукт деятельности человека, отчужденный от его интеллекта. Технический продукт должен существовать вне творца, будучи овеществленным в материале. При этом справедлива позиция, в которой идея изобретения, описанная моделью или цифровым двойником, отражает полностью его суть, даже не будучи реализована в реальности. Обоснование такой позиции связано с требованием релевантности модели формуле изобретения, когда наиболее важные свойства полностью отражены в виртуальном пространстве. Концепция цифровых двойников подтверждает такую возможность.

В качестве цифрового двойника в данном случае выступает некоторый информационный или цифровой облик изделия. Если важны его материальные характеристики, это может быть трехмерная модель с указанием материала и способа производства, технологического процесса, позволяющего преобразовать модель в изделие. Если важны динамические или поведенческие характеристики, модель может быть представлена в форме математической формулы или уравнения. Если надо представить организационные решения, подходят соответствующие диаграммы и графики.

Так мы приходим к представлению модели на некотором языке (моделирования, математики, схематизации и др.), причем этого языка становится достаточно для представления изобретения как результата инженерной деятельности. Поскольку выбранный язык должен быть понятен человеку как для интерпретации результата инженерной деятельности в качестве такового, так и для реализации результатов этой деятельности в реальности, он должен быть сконструирован и предназначен для использования человеком. В противном случае человек не будет способен его использовать и не сможет поддерживать взаимодействие на должном уровне.

Если же искусственный интеллект способен воспроизвести результат человеческого мышления, возможно не воспроизводя самого процесса мышления, и представить этот результат человеку на понятном ему языке, то он готов воспроизводить изобретательскую деятельность. Следовательно, воспроизводить на понятном человеку языке способы человеческой генерации смыслов для изобретательской деятельности достаточно.

В контексте модели формообразующих способностей человека (*homo investigator*–*homo inventor*–*homo faber* (Дессауэр 2024)) генеративный искусственный интеллект должен не только уметь конструировать с учетом имеющихся знаний и опыта (*inventor*), но и формулировать вопросы, находить противоречия и выявлять проблемы (*investigator*). При этом с учетом наличия цифровых двойников переводить образы целевых решений во внешний мир не требуется (*faber*), достаточно представить их в виде, доступном для использования человеком или технической системой. Согласно концепции трехакта П.К. Энгельмейера (Энгельмейер 2021), в первом акте технического творчества изобретение предполагается с опорой на интуицию, что позволяет зародить идею изобретения и сформулировать гипотезу; во втором акте гипотеза доказывается с опорой на разум и рассуждение, что позволяет разработать план изобретения и доказать осуществимость; в третьем акте изобретение осуществляется с опорой на мастерство, что позволяет практически воплотить изобретение.

Тогда схема технического действия представится в следующей форме: формулировка проблемы, выработка идеи для решения проблемы и конструирование модели объекта в форме, воспринимаемой человеком. Применение специализированных методик, например, теории решения изобретательских задач (Альтшуллер 2008), методов дизайн-мышления (Богомолова 2023) или генеративного дизайна (Dean and Loy 2020), позволяет решить только задачу конструирования, но никак не задачу целенаправленного поиска идеи, где инженерная интуиция изобретателя выходит на первый план, выполняя пересборку опыта и знаний для поиска решения выявленной проблемы.

Таким образом, делая попытки ответить на вопросы о способах реализации творческой инженерной деятельности, а также о способности генеративного искусственного интеллекта к инженерному творчеству, вырастает платформа семиозиса как базы для инструментария исследований и разработки (Нестеров 2021). Задача семиотики в данном случае состоит в выборе языковых способов отображения результатов инженерного творчества, правил и конструкций, эффективных для развития генеративного искусственного интеллекта и удобных для человеческой интерпретации. Очевидным лидером в этом соревновании

выступает естественный язык с приоритетом английского как наиболее широко используемого в научном сообществе.

Однако, неоднозначность использования естественного языка людьми естественным же способом будет воспроизводиться генеративным искусственным интеллектом как ключевая особенность человеческого мышления. В этом контексте решение задачи может легко заменяться рассуждением о своей перспективности и неоднозначности, а легкость подмены понятий будет широко применяться в техническом споре.

Язык трехмерного моделирования в этом смысле более перспективный, поскольку обладает вполне формализованным набором семантических правил, нарушение которых одинаково неестественно выглядит для обоих видов интеллекта. В графическом языке можно вполне найти конструкции построения смыслов и их декомпозиции. Так, простейшее материальное изделие «втулка» может быть получено как методом движения одной кривой по траектории другой, так и методом вычитания одного цилиндра из другого. Такой подход позволяет представить конструкцию изделия в виде конструкторского произведения, полученного рассуждениями с использованием графических примитивов. Здесь видится перспектива по практическому применению генеративного искусственного интеллекта для поддержки принятия инженерных решений.

Отметим, что применение логических операций и формальных грамматик позволяет обобщить графические примитивы такого языка, однако такое конструирование искусственно, так как основано на применении конструкций естественного языка или программирования, преимущественно функциональных, к графическому, который объектно ориентирован по своей природе и сложен для функционального представления.

Сложность использования графического языка инженерного творчества состоит в его узком спектре применения, связанного, прежде всего, с профессиональной деятельностью. В быту схемы и чертежи применяются редко. Следовательно, для активизации языка схем и трехмерных моделей именно в роли семиотической основы интеллектуальной инженерии необходимо техническое средство генезиса семиозиса инженерного творчества. Такое средство может быть построено на базе системы управления инженерными данными, и его элементы можно увидеть, например, в справочнике материалов и сортиментов PDM/PLM-систем (Щекин, Трибушинин 2022).

Однако для того, чтобы создать такое средство, необходимо дополнительно реализовать программные сервисы стимулирования изобретательской деятельности, построенные, например, в форме семантической сети (Лапшин 2010). Се-

мантическая сеть представляет собой информационную модель предметной области, которая имеет вид ориентированного графа. Вершины этого графа содержат концепты предметной области и реализующей их сущности, а ребра описывают отношения между ними. Такое представление позволяет описать знания предметной области и использовать их для воспроизведения отдельных примеров или кейсов.

Например, если реализовать базу знаний инженерного творчества в виде семантической сети, можно ее использовать в системах управления инженерными данными для концептуализации и систематизации представлений о предметной области. Причем это будет полезно не только для информационного описания классификаторов реальных объектов, таких как деталь, сборочная единица, заготовка или изделие, но и для представления абстрактных сущностей, таких как идея или изобретение.

Можно предложить вариант реализации семантической сети, которая будет описывать результаты инженерной деятельности. Построение базы знаний позволит фиксировать уже найденные технические решения и использовать их для генерации новых. В узлах такой сети знаний будут находиться концепты «Проблема», «Способ» и «Техническое решение», которые связаны между собой переходами «Идея». Наследуя от этих концептов конкретные кейсы инженерных задач, можно построить достаточно разветвленное дерево решений, пересечение ветвей которого способствует прорастанию семиозиса инженерного творчества как нервной ткани языка интеллектуального изобретательства. Средствами искусственного интеллекта можно дорабатывать такую сеть, рассматривая разные варианты генерации идей в рамках правдоподобных рассуждений отрицания, обобщения и аналогии. Траектория движения по такой сети будет соответствовать рассуждению изобретателя, а сеть, насыщенная переходами, может стать образцом решения инновационной задачи для схожих условий. Существующие идеи при этом декомпозируются до уровня отдельных приемов, что позволяет редуцировать проблему до уровня простых решений.

Заключение

Таким образом, применение предложенной концепции на практике может стать организационной основой реализации искусственного интеллекта, способного к техническому творчеству. Правильный выбор языка представления инженерных решений и алгоритмов поиска аналогий и обобщений позволяет сформировать перспективную основу для поддержки принятия творческих решений с использованием искусственного интеллекта.

Библиографический список

- Bubeck, S. et al. (2023), *Sparks of artificial general intelligence: early experiments with GPT-4*, Cornell University, 155 p.
- Dean, L. and Loy, J. (2020), Generative product design futures, *The Design Journal*, vol. 23, no. 3, pp. 331–349.
- Na, H. and Kim, W. (2021), A study on the practical use of generative design in the product design process, *Arch. Des. Res.*, vol. 34(1), pp. 85–99.
- Walter, Y. (2024), Artificial influencers and the dead internet theory, *AI & Soc.*, February, pp. 1–2.
- Альтшуллер Г. Найти идею: Введение в ТРИЗ-теорию решения изобретательских задач. Москва: Альпина Паблишер, 2008. 409 с.
- Богомолова И.С. Дизайн-мышление: от названия к сути метода // Архитектура и современные информационные технологии. 2023. № 4 (65). С. 92–102.
- Боровков А.И., Кулемин В.Ю. Цифровой инжиниринг для создания изделий высокой степени технологической сложности на основе цифровых двойников // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. 2024. № 3 (133). С. 98–104.
- Демина А.И. Могут ли машины творить? Семиотический аспект проблемы нечеловеческих субъектов творчества // Сознание, тело, интеллект и язык в эпоху когнитивных технологий. Тезисы докладов Первой всероссийской конференции. Пятигорск, 2023. С. 77–78.
- Дессауэр Ф. Человек и космос. Опыт. Спор о технике: монография; пер. с нем. А.Ю. Нестерова. Т.1. Самара: Мудрая черепаха, 2024. 340 с.
- Карелов С.В. «Ловушка Гудхарта» для AGI: проблема сравнительного анализа искусственного интеллекта и интеллекта человека // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2023. Т. 3. № 3. С. 5–22.
- Крылов Н.А. Моделирование креативности в искусственном интеллекте: возможности и границы // Семиотические исследования. 2024. Т. 4. № 3. С. 31–36.
- Лапшин В.А. Онтологии в компьютерных системах. Москва: Научный мир, 2010. 222 с.
- Нестеров А.Ю. Онтологический плюрализм Ф. Дессауэра // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 71. С. 119–127.
- Нестеров А.Ю. Семиотика как методология и онтология // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2021. Т. 1, № 1. С. 6–13. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-1-6-13>.
- Пожарев Т. Тест Гутенберга. Часть 1: создание креативного ИИ агента // Искусственные общества. 2024. Т. 19. № 4. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800033493-1-1/> (дата обращения 10.02.2025).

Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход. 4-е изд. Хобокен: Пирсон, 2021. 1409 с.

Стельмахов Д.А. Творческий потенциал искусственного интеллекта в контексте идеи нового просвещения // Кантовский сборник. 2023. Т. 42, № 4. С. 240–251.

Щекин А.В., Трибушинин И.Н. Автоматизация определения соответствия отечественных конструкционных сталей кодам материалов по классификации SANDVIK // Вестник машиностроения. 2022. № 4. С. 33–37.

Энгельмейер П.К. Теория творчества. Москва: Либроком, 2021. 208 с.

References

Bubeck, S. et al. (2023), *Sparks of Artificial General Intelligence: Early experiments with GPT-4*, Cornell University, 155 p.

Dean, L. and Loy, J. (2020), Generative product design futures, *The Design Journal*, vol. 23, no. 3, pp. 331–349.

Na, H. and Kim, W. (2021), A study on the practical use of generative design in the product design process, *Arch. Des. Res*, vol. 34(1), pp. 85–99.

Walter, Y. (2024), Artificial influencers and the dead internet theory, *AI & Soc*, February, pp. 1–2.

Altshuller, G. (2008), *Find an idea: Introduction to TRIZ-the theory of inventive problem solving*, Alpina Publisher, Moscow, Russia.

Bogomolova, I.S. (2023), Design thinking: from the name to the essence of the method, *Arkhitektura i sovremennye informatsionnye tekhnologii = Architecture and Modern Information Technologies*, no. 4 (65), pp. 92–102.

Borovkov, A.I. and Kulemin, V.Yu. (2024), Digital engineering for creating products of high technological complexity based on digital twins, *Izvestiya Rossiiskoi akademii raketnykh i artilleriiskikh nauk*, no. 3 (133), pp. 98–104.

Demina, A.I. (2023), Can machines create? Semiotic aspect of the problem of non-human subjects of creativity, *Mind, body, intelligence and language in the age of cognitive technologies*, Pyatigorsk, pp. 77–78.

Dessauer, F. (2024), *Man and space. Experience. Debate on technology*, translation from German by A.Yu. Nesterov, Mudraya cherepakha, Samara, Russia.

Karelov, S.V. (2023), The “Goodhart’s trap” for AGI: the problem of comparative analysis of artificial intelligence and human intelligence, *Uchenye zapiski Instituta psikhologii Rossiiskoi akademii nauk = Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*, vol. 3, no. 3, pp. 5–22.

Krylov, N.A. (2024), Modeling Creativity in Artificial Intelligence: Possibilities and Limits, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 4, no. 3, pp. 31–36.

Lapshin, V.A. (2010), *Ontologies in computer systems*, Nauchnyi mir, Moscow, Russia.

Nectarov, A.Yu. (2023), Ontological Pluralism of Friedrich Dessauer, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya = Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, no. 71, pp. 119–127.

Nestrov, A.Yu. (2021), Semiotics as methodology and ontology, *Semioticheskie issledovaniya, Semiotic studies*, vol. 1, no. 1, pp. 6–13, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-1-6-13>.

Pozharev, T. (2024), Gutenberg Test. Part 1: Developing a Creative AI Agent, *Iskusstvennye obshchestva = Artificial Societies*, vol. 19, no. 4, [Online], available at: <https://artsoc.jes.su/s207751800033493-1-1/> (Accessed 10 February 2025).

Russell, S. and Norvig, P. (2021), *Artificial intelligence: a modern approach, fourth edition*, (in Russian), Pearson, Hoboken.

Stelmakhov, D.A. (2023), Creative potential of Artificial Intelligence in the context of the idea of the New Enlightenment, *Kantovskij sbornik = Kant Collection*, vol. 42, no. 4, pp. 240–251.

Shchekin, A.V. and Tribushinin, I.N. (2022), Automation of determination of conformity of domestic structural steels with material codes according to SANDVIK classification, *Vestnik mashinostroeniya*, no. 4, pp. 33–37.

Engelmeyer, P.K. (2021), *Theory of creativity*, Librokom, Moscow, Russia.

Submitted: 11.03.2025

Revised: 11.05.2025

Accepted: 16.06.2025

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-2-14-20

Дата поступления: 20.04.2025

рецензирования: 07.06.2025

принятия: 16.06.2025

А.Ф. Гордова

Академия гражданской защиты МЧС России
имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика,
г. Химки, Российская Федерация

E-mail: gordovanna@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9928-213X>**Н.М. Твердынин**

Академия гражданской защиты МЧС России
имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика,
г. Химки, Российская Федерация

E-mail: tvernick@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0678-0768>**НАУЧНАЯ СТАТЬЯ**

УДК 614.8:316+504.4:316

**Ноксологические вызовы техногенного социума:
социально-философский аспект**

Аннотация: проблемы безопасности с развитием техногенного социума приобретают всё большее значение применительно как к существующим технологиям, так и к оценке потенциальных угроз, связанных с развитием техники и технологии, то есть создают ноксологические вызовы самому существованию цивилизации. В статье рассмотрены исторические и социально-философские аспекты появления и решения таких угроз, для преодоления которых необходим не только анализ проблем, связанных с безопасностью, но и создание продуманных рекомендаций с использованием междисциплинарного и трансдисциплинарного подходов.

Ключевые слова: ноксологические задачи; синтетические полимерные материалы; химическая технология; техника.

Цитирование: Гордова А.Ф., Твердынин Н.М. Ноксологические вызовы техногенного социума: социально-философский аспект // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 2. С. 14–20. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-2-14-20>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Гордова А.Ф., Твердынин Н.М., 2025

Анна Фирсовна Гордова – кандидат химических наук, доцент, доцент кафедры химии и материаловедения, Академия гражданской защиты МЧС России им. генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика, 141435, Российская Федерация, Московская область, г. Химки, мкр. Новогорск, ул. Соколовская, стр. 1А.

Николай Михайлович Твердынин – доктор философских наук, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, профессор кафедры химии и материаловедения, Академия гражданской защиты МЧС России им. генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика, 141435, Российская Федерация, Московская область, г. Химки, мкр. Новогорск, ул. Соколовская, стр. 1А.

SCIENTIFIC ARTICLE**A.F. Gordova**

Civil Defence Academy EMERCOM of Russia,
Khimki, Russian Federation

E-mail: gordovanna@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9928-213X>**N.M. Tverdynin**

Civil Defence Academy EMERCOM of Russia,
Khimki, Russian Federation

E-mail: tvernick@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0678-0768>

Noxological challenges of technogenic society: socio-philosophical aspect

Abstract: with the development of a technogenic society, security issues are becoming increasingly important both in relation to existing technologies and in assessing potential threats associated with the development of technology and technological systems, that is, they create noxological challenges to the very existence of civilization. The article examines the historical and socio-philosophical aspects of the emergence and resolution of such threats, which require not only an analysis of security-related issues, but also the creation of thoughtful recommendations using interdisciplinary and transdisciplinary approaches.

Key words: noxological problems; synthetic polymer materials; chemical technology; technique.

Citation: Gordova, A.F. and Tverdnyin, N.M. (2025), Noxological challenges of technogenic society: socio-philosophical aspect, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 5, no. 2, pp. 14–20, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-2-14-20>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© Gordova A.F., Tverdnyin N.M., 2025

Anna F. Gordova – Candidate of Chemistry, Associate Professor, Associate Professor of the Department of chemistry and materials science, Civil Defence Academy EMERCOM of Russia, 1A, Sokolovskaya str., Khimki, 141435, Russian Federation.

Nikolay M. Tverdnyin – Doctor of Philosophy, Candidate of Technical Sciences, Professor of the Department of chemistry and materials science, Civil Defence Academy EMERCOM of Russia, 1A, Sokolovskaya str., Khimki, 141435, Russian Federation.

Введение

Ноксологические вызовы и появление техники

Выживание как человека, так и всего социума всегда было связано с борьбой за безопасное существование. Хотя термин ноксология (наука о безопасности, включая потенциальные угрозы) достаточно современен, ноксологические вызовы сопровождали человека с момента его появления. Необходимость каждый день добывать пищу, защищаться от непогоды, от хищных животных заставила первобытного человека начать преобразовывать природную среду вокруг себя, создавая мир несуществующих в природе технологических артефактов. Из всех видов живых организмов на земном шаре только человек умеет изготавливать сложные орудия труда.

Выдающийся испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет предлагал разделить историю техники на три периода: 1) техника, связанная с отдельными случаями; 2) техника ремесленника; 3) техника, создаваемая техниками и инженерами (цитируется по (Митчем 1995, с. 38)).

Предком современного технолога, возможно, был человек, который пытался использовать сок растения в качестве лекарства или для рисования и с интересом обнаруживал, что из глины и песка можно слепить какую-нибудь фигурку. Это отдельные случаи (начальный этап истории техники по Ортега-и-Гассету). Начав с изготовления деревянных и каменных орудий, человек постепенно научился перерабатывать несъедобные продукты охоты: кости, рога, шкуры, когти. Из волокон растений (продуктов собирательства) человек научился изготавливать верёвки, нити, позднее – грубые ткани.

Представление процесса деятельности, в ходе которого исходный материал превращается в результат, продукт деятельности, назвали технологией. Это определение технологии применимо к любому виду человеческой деятельности (Горохов 2011, с. 123), но в этой статье мы будем говорить о технологии как о технической деятельности. Первыми «технарями» (техниками, технологами) в человеческом социуме были ремесленники, появившиеся в ходе неолитической революции, когда охотники и собиратели превратились в земледельцев и скотоводов. Новые методы ведения хозяйства потребовали более сложных орудий труда для возделывания земли и обращения с одомашненными животными. На смену каменным орудиям труда приходили металлические. Изготовление металлических орудий труда требовало много времени и соответствующих знаний и (или) опыта. Занимающиеся таким трудом ремесленники не имели времени заниматься земледелием или скотоводством, но их занятие давало возможность прокормить себя и семью.

Второй период в истории техники – техника ремесленника (Митчем 1995, с. 38). Металлические орудия труда начинают вытеснять каменные. Для обработки камня при изготовлении каменных орудий использовались механические процессы. Выплавка металлов для изготовления металлических орудий потребовала применения физических и химических процессов.

Человеку приходится столкнуться с неизвестными ранее ноксологическими проблемами:

– с опасностями физических и химических процессов при производстве новых материалов (металлов);

– с опасностями применения металлических изделий.

При выплавке и переплавке меди частицы цинка и свинца переходят в состав металлургических газов. С металлургическими газами цинк и свинец могли попадать в организмы ремесленников и тех, кто находился рядом с плавильными мастерскими. Переходят в шлак и могут накапливаться в культурном слое вместе со шлаком железа, марганец, кобальт, титан, молибден и ванадий. При этом в выплавляемой меди повышается содержание мышьяка, сурьмы, висмута, золота, серебра. Эти элементы уже в период медного века (8–7 тысяч лет до нашей эры) попадали в организм человека при использовании медной посуды. Для выплавки металла из руды в большом количестве необходим древесный уголь. Начинается сведение лесов (Александровская 2003, с. 82).

Добавление к меди мышьяка, сурьмы, свинца или олова позволило получить различные виды бронз, что качественно изменило самые разнообразные изделия и позволило создать принципиально новые. Начало бронзового века – примерно 5–6 тысяч лет назад. Выплавка бронзы привела к поступлению в организмы людей избыточного количества меди, олова. В организмы кузнецов эти соединения попадали в мастерских с металлургическими газами, в организмы других людей – при использовании бронзовой посуды (Александровская 2003, с. 90).

Железный век (I тысячелетие до н. э. – начало первого тысячелетия н. э.) – это временные рамки античного мира. Для выплавки металлов нужны были минералы. Для работы в шахтах использовались рабы или преступники. Их смертность была очень высокая. Античные врачи описывали профессиональные заболевания занятых на добыче киновари (сульфид ртути (II)) (Александровская 2003, с. 90). Из дошедших до нас инструкций по организации труда рабов можно узнать, что гибель раба во время работы серьезной проблемой не считалась, исходя из социального статуса рабов, точнее его отсутствия (Паулов 2017, 449) и отношения к рабам как к орудиям труда и средству извлечения прибыли (Котова 2024, с. 183). Плавление железа требует более высоких температур, чем плавление меди. При таких температурах содержащийся в атмосфере азот превращается в токсичные оксиды азота, что оказывало влияние на здоровье ремесленников (Александровская 2003, с. 88).

В Древнем Риме часть водопроводных труб была сделана из свинца. Зажиточные римляне использовали бронзовую посуду, внутренняя поверхность которой была покрыта свинцом. Из водопроводных труб, соединения свинца, олова, меди (токсичных тяжелых металлов) вместе с водой и пищей (в тесто для хлеба также попадала освинцованная вода) переходили в организмы жи-

телей Древнего Рима. Негативному воздействию ионов тяжелых металлов на человеческий организм способствовало употребление кислой пищи и вина (Александровская 2003, с. 112).

Со временем потребность в качественных ремесленных изделиях возрастала, появились мастера, их ученики и подмастерья, появились ремесленные школы, необходимые для передачи технологического знания. Возрастает и масштаб ноксологических вызовов человеку. В ремесленных мастерских «техника безопасности» сводилась к стремлению ремесленника не стать инвалидом, не покалечить себя и не покалечить наиболее ценных работников, труд которых обеспечивал процветание ремесленной мастерской. Хотя объёмы производств в средние века нельзя назвать крупными, но очень часто производство наносило ущерб здоровью (например, использование ртути для изготовления болванок в производстве шляп).

На смену цехам пришли мануфактуры, на которых продолжал использоваться ручной труд. Охраной труда при этом специально никто не занимался. Реакции на связанные с техникой ноксологические вызовы во времена ремесленных мастерских, цехов, мануфактур и производств времен начала промышленной революции сводились к отсутствию охраны труда на производстве, отсутствию гигиены труда, отрицательному влиянию продукции малых производств на здоровье потребителей из-за отсутствия знаний о токсичности многих веществ. Работники сами изготавливали и изобретали примитивные средства защиты: кожаные фартуки у кузнецов, птица в клетке как «датчик» наличия рудничного газа у шахтёров и т.п.

То же самое, но в ещё больших масштабах продолжалось с началом фабрично-заводского производства (Твердынин 2019, с. 165–168).

Цель данной работы – рассмотреть социально-философский аспект ноксологических вызовов техногенного социума.

Техносфера и техносферный социум

Первые механизмы: рычаги и блоки – появились несколько тысяч лет назад и использовались еще в Древнем Египте при строительстве пирамид. Но долгое время, чтобы привести механизмы в действие, использовалась только физическая сила человека и тягловых животных.

Промышленная революция положила начало использованию энергии ископаемого топлива как движущей силы механизмов. Для производства новых машин и механизмов нужны были новые промышленные предприятия, производительность которых значительно превышала производительность средневековых мануфактур. Появляется транспорт, использующий энергию ископаемого топлива. К промышленной революции

относятся значительные изменения особенностей взаимодействия человека, технологий и окружающей среды. Здесь уместно говорить о том, что результат технической деятельности внедряется в структуры социума (Горохов 2011, с. 123). Количество людей, занятых на промышленных предприятиях, постоянно увеличивается. В странах Европы и Северной Америки начинает создаваться техносфера. Что это?

Техносфера – это пространство геосфер Земли, находящееся под воздействием производственной деятельности человека и занятое ее продуктами (цитируется по (Чуйков 2012, с. 175)), это современная, искусственно созданная человеком для блага человека среда его обитания. Техносфера создает свою структуру и режим функционирования (Беднаржевский 2013, с. 73).

Техносфера – это глобальная совокупность орудий, объектов, материальных процессов и продуктов общественного производства (цитируется по (Чуйков 2012, с. 175)).

Техносфера – часть биосферы, преобразованной человеком для удобства своей жизнедеятельности и для обеспечения своей безопасности (Чуйков 2012, с. 176).

Техносфера – одно из проявлений человеческой сущности, выступающее на первый план в современную эпоху, продукт взаимодействия людей с материальным миром. «Философский смысл использования понятия «техносфера» состоит в раскрытии с его помощью всеобщей сущности технической деятельности и универсального значения ее результатов, составляющих постоянно увеличивающуюся техногенную среду, необходимую для поддержания жизни людей» (цитируется по (Чуйков 2012, с. 175)).

Техногенный социум – общество, создающее техносферу и живущее в техносфере. Поддержание стабильности в том числе техносферного социума – одно из современных условий поддержания жизни на Земле.

Когда-то первобытный человек вынужден был отвечать на ноксологические вызовы природной среды созданием орудий труда для преобразования биосферы вокруг себя. Современные вызовы – это ноксологические вызовы техногенного социума, к которому принадлежит сам человек.

Химическое производство с точки зрения комплексной безопасности – типичный пример ноксологических вызовов техносферного социума.

Проблемы безопасности химических производств особенно обостряются с началом промышленной революции (с появлением машин). Среди производств, которые за несколько лет убивали рабочих, можно отметить производство жести методом горячего цинкования, производство пороха, зеркальное производство, производство красок и обработка кожи. Охрана труда на производстве

сводится к охране машин от поломок. Представление о гигиене труда отсутствует.

Не только рабочие страдали от отсутствия приемлемых условий труда на производстве и токсичной производственной окружающей среды. В Англии и Франции XIX века популярным зеленым красителем, содержащим мышьяк, окрашивали ткани, цветы для украшения нарядов и помещений, обои и даже кондитерские изделия. Распознавать токсичные свойства красителя не могли больше 30 лет. Над составом красителя и его токсичностью задумались после скоропостижной кончины молодой работницы, занимавшейся окраской цветов зеленым красителем для украшения женских причёсок. Симптомы болезни однозначно свидетельствовали об отравлении. Анализ причин отравления указал на токсичность красителя. К концу XIX века для окрашивания в зеленый цвет применяли уже другие вещества (Вовк 2022).

Ноксологические задачи современной химической технологии будут рассмотрены на примере производства полимерных материалов.

Химическая технология – область химии, изучающая вещества и процессы их превращений в химическом производстве.

Химико-технологические системы (производства) появляются, когда

- развитие науки позволяет получать те или иные вещества, которые могут стать материалами;
- появляется потребность социума в масштабных производствах тех или иных веществ (материалов);
- развитие техники позволяет создать требуемые химико-технологические системы.

Полимерные материалы (ПМ) – одно- или многокомпонентные системы, основу которых (матрицу) составляют высокомолекулярные соединения или полимеры. Макромолекулы полимеров – длинные цепи, состоящие из повторяющихся частей (Ярославов 2021, с. 15). Человек всю свою историю использовал полимеры природного происхождения: растительные волокна, шерсть, кожу, позднее – шёлк, природный каучук, белковые вещества. Во второй половине XIX века начинается производство искусственных волокон (нитрошелка, вискозы, медно-аммиачного волокна).

Крупномасштабное производство синтетических полимеров начало развиваться в XX веке, потому что именно в XX веке такими же сверхвысокими темпами развивается машиностроение. Существовавшие ранее материалы не обладали присущими полимерам качествами, необходимыми в конструкциях машин. И до сих пор машиностроение потребляет значимую часть производимых синтетических полимеров.

Быт техносферного социума значительно отличается от быта социумов более ранних. По мнению Х. Ортега-и-Гассета, со второй половины

XIX веке впервые во всемирной истории идеологически и реально значение жизненных интересов народных масс, в том числе и в быту, выступило на первое место и в сознании самих народных масс, и в сознании государственных деятелей (цитируется по (Вернадский 1991, с. 31). В первой четверти XX века социалистическая революция в России показывает и народным массам, и государственным деятелям во всем мире, что добротная одежда, удобные жилища, образование – удел не только элит. Широкие массы людей нуждаются в добротных, но бюджетных одежде, обуви, обустроенном быте, качественных продуктах питания. Это требует расширения производственной сферы, появления новых предприятий по производству одежды, обуви, предметов быта для народных масс.

По мнению П.К. Энгельмейера, сфера техники в конечном счете восходит к человеческой воле и внутреннему стремлению человека к техническому творчеству (Митчем 1995, с. 18). Это утверждение полностью подтверждает продукция технологии полимеров.

Трудно найти точку на земном шаре, в которой, посмотрев вокруг, нельзя было бы не увидеть полимерные материалы. Это одежда, обувь, транспорт, изоляционные материалы, конструкционные материалы, эксплуатационные материалы, медицинское оборудование, упаковка.

Созданная человеком синтетическая полимерная продукция позволяет ему перешагнуть за пределы своего «органического» я. Так определял технику Хосе Ортега-и-Гассет (цитируется по (Митчем 1995, с. 36)).

М. Хайдеггер считал пластмассы примером Bestand – объектов, готовых для продажи, продуктов массового производства, не представляющих ценностей за рамками человеческих потребностей (цитируется по (Митчем 1995, с. 42)). Действительно, пока трудно назвать произведения искусства, изготовленные из полимеров. Но синтетические полимеры стали материалами всего около 100 лет назад. Пока эти материалы никого не вдохновили на создание шедевров, но и мрамор, и дерево довольно долго были материалами для утвари прежде, чем из них стали создавать шедевры.

Крупномасштабное производство синтетических полимерных материалов позволило разработать для широких народных масс доступные по цене одежду, обувь, предметы быта, строительные и конструкционные материалы и сопровождалось ноксологическими вызовами.

Какие ноксологические вызовы ставит сегодня производство полимеров перед техногенным социумом?

Современное производство полимеров – многостадийные технологически схемы, включающие сложное оборудование, параметры проведения

процессов и работы оборудования могут меняться во времени в зависимости от способа производства. Все параметры процесса и работы оборудования строго регламентированы. Для производства разработаны правила охраны труда (техники безопасности). Иногда встречаются нарушения правил охраны труда и параметров процесса, что приводит к авариям на производстве. Масштабных аварий на производствах полимеров в последние десятилетия в России и в мире не зафиксировано. Для характеристики воздуха на предприятиях разработаны предельно допустимые концентрации веществ в воздухе рабочей зоны. Для характеристики воздуха, воды, почвы за пределами предприятий разработаны предельно допустимые концентрации веществ, за соблюдением которых следят соответствующие органы. Предприятия по производству полимеров при соблюдении параметров процессов производства не несут опасности сотрудникам предприятий и населению в регионах, где предприятия размещаются. Серьезные проблемы, связанные с выбросами в окружающую среду токсичных веществ, возникают при утечках хлорсодержащих полимеров или сырья для их производства. Ликвидируют масштабные утечки обычно сжиганием, при этом в атмосферу выделяется большое количество токсикантов.

Другая ноксологическая задача, связанная с производством синтетических полимеров, – утилизация готовой продукции. Пластики не разлагаются в биосфере, редуцентов для них нет. На свалках по всему миру скопилось огромное количество синтетических полимеров. Любой мусорный ящик больше чем на половину заполнен пластиками. Со свалок на суше полимерные материалы смываются ливневыми водами в реки и каналы. С водами рек и каналов или сразу с потоками ливневых вод пластики попадают в океан, где не разлагаются из-за отсутствия редуцентов, а только измельчаются, в том числе до состояния микропластика – частиц размером менее 5 мм, которые могут попадать в организмы морских животных вместе с пищей и водой. Между Гавайскими островами и побережьем Калифорнии располагается Большое тихоокеанское мусорное пятно (Восточный мусорный континент) площадью до 1,5 млн кв. км, состоящее из синтетических полимерных материалов (Ярославов 2022, с. 18).

Здесь уместно вспомнить, что Ж. Эллюль выделял семь характерных черт современной техники: рациональность, артефактность, самонаправленность, рост на собственной основе, неделимость, универсальность и автономность (Митчем 1995, с. 50). Неделимость и автономность – характеристики, в полной мере относящиеся к таким продуктам современной техники, как полимерные материалы. Синтетические полимеры на свалках и в водоемах наносят серьезный вред живым организ-

мам. Только малая часть применяемых на земном шаре пластиков перерабатывается.

Вместе с полиэтиленом и полипропиленом в тройке по популярности находится поливинилхлорид (ПВХ). Этот синтетический полимер используется для изготовления стройматериалов (оконных рам, дверей, водосточков, отделочных материалов), одноразовых изделий медицинского назначения, уплотнителей в холодильниках, спортивного инвентаря, грампластинок, плакатов, штор, садовых шлангов, наклеек, банковских карт и т.д. А что с ноксологическими вызовами? При сгорании изделий из ПВХ (на свалках, на дачных участках, в условиях нарушения технологических режимов работы мусоросжигательных заводов, в результате пожаров, аварий на производствах) в атмосферу выделяются высокотоксичные полихлорированные дибензодиоксины (ПХДД) и полихлорированные дибензофураны (ПХДФ) (Филатов 1997, с. 19–25), вызывающие тератогенез, канцерогенез, поражение эндокринной, иммунной и репродуктивных систем (Петросян 2013, с. 118).

Заключение

Таким образом, ноксологические вызовы современной химической технологии отличаются от подобных вызовов до промышленной революции. При условии неукоснительных соблюдений параметров технологических процессов и правил охраны труда само производство становится менее опасным, но возникают проблемы хранения, транспортировки веществ, утилизации отслужившей свой век готовой продукции и отходов производства.

Чтобы принимать современные ноксологические вызовы химических производств и других компонентов техносферы, техногенному социуму необходимо больше внимания уделять одновременному повышению статуса и ответственности лиц, занимающихся проблемами техносферной безопасности. Специалисты в области техносферной безопасности обязаны обладать требуемым образованием, и их деятельность должна регулироваться соответствующей законодательной базой. Грамотно отвечать на ноксологические вызовы современной техносферы в своей повседневной деятельности могут и должны не только специалисты в области техносферной безопасности, но и все представители социума, например, сокращая использование полимерных материалов для упаковки и осуществляя отдельный сбор твердых коммунальных отходов (ТКО), значительная часть которых – синтетические полимерные материалы. Здесь велика роль экологического просвещения и пропаганды в СМИ такого образа жизни социума, который, во-первых, соответствует состоянию современной техносферы, а во-вто-

рых, позволит не усугублять ноксологические вызовы будущим поколениям. Взаимоотношения техносферного социума и техносферы, формирование экологической культуры техносферного социума – представляющая значительный научный интерес область деятельности социологов.

Биосферу, перестроенную научной мыслью и трудом человека, В.И. Вернадский называл ноосферой (Вернадский 1991, с. 241). Научная мысль позволила человеку преобразовать части биосферы в техносферу для удобства своей жизнедеятельности и своей безопасности, создав тем самым техносферный социум. Но современный техносферный социум своей сущностью несет и ноксологические вызовы, многие из которых, возможно, им еще не осознаны или осознаны не до конца. Совершенствование техносферы не сведет на «нет» ноксологические проблемы, но характер их решения будет меняться. Соединение различных научных подходов с позицией междисциплинарности и трансдисциплинарности в осмыслении подобных неоднозначных проблем создаст возможность техногенному социуму своим трудом «шлифовать» техносферу для снижения остроты ноксологических вызовов.

Библиографический список

- Александровская Е.И., Александровский А.Л. Историко-географическая антропология. Москва: НИИ-Природа, 2003. 204 с.
- Беднаржевский С.С., Иванов И.А., Король Ж.В. Основы техносферной безопасности в нефтегазовом комплексе // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 2. С. 72–73.
- Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. Москва: Наука, 1991. 271 с.
- Вовк А. Как одежда зеленого цвета медленно убивала женщин. 2022. URL: <https://dzen.ru/a/YxVGEVDeuXIYMvRP> (дата обращения: 8.11.2024).
- Горохов В.Г. Понятие «технология» в философии техники и особенность социально-гуманитарных технологий // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. 28, № 2. С. 110–123.
- Котова Л.Г., Влазнева С.А., Котова В.А. Экономическая мысль Древнего Рима на примере трактата М. Катона «О земледелии» // Экономика и предпринимательство. 2024. № 8(169). С. 182–185. DOI: <https://doi.org/10.34925/EIP.2024.169.8.032>.
- Митчем К. Что такое философия техники? / пер. с англ. под ред. В.Г. Горохова. Москва: Аспект Пресс, 1995. 149 с.
- Паулов П.А., Калашникова Е.Б., Кобзарев М.А. Правовой статус рабов в Древнем Риме // Российская наука: актуальные исследования и разработки: Сборник научных статей IV Всероссийской

заочной научно-практической конференции. В 2-х частях, Самара, 06 октября 2017 года. Часть 2. Самара: Самарский государственный экономический университет, 2017. С. 448–450.

Петросян В.С., Аверочкина И.А. Загрязнение биосферы токсикантами и его влияние на здоровье населения // Вестник РАЕН. 2013. Т. 13, № 5. С. 113–120.

Поливинилхлорид. URL: <https://proplast.ru/articles/polivinilhlord-svoystva-tehnologiya-proizvodstva/> (дата обращения: 9.11.2024).

Твердынин Н.М. Техника в литературе разных стран и эпох. Москва: Диалог культур, 2019. 240 с.

Филатов Б.Н., Данилина А.Е., Михайлов Г.М., Киселев М.Ф. Диоксин. Медико-экологические аспекты (тревоги сегодня, трагедия завтра): монография / под ред. проф. П.Е. Шкодича. Москва: Изд-во 2-ой типографии ФУ «Медбиоэкстрем» Минздрава РФ, 1997. 132 с.

Чуйков Ю.С. Что такое «Экология техносферы»? // Астраханский вестник экологического образования. 2012. № 4 (22). С. 174–180.

Ярославов А.А., Аржаков М.С., Хохлов А.Р. Жизненный цикл полимерного материала: проблемы и перспективы // Вестник Российской академии наук. 2022. Т. 92, № 1. С. 15–22.

References

Alexandrovskaya, E.I. and Alexandrovsky, A.L. (2003), *Historical and geographical anthropochemistry*, NIA-Priroda, Moscow, Russia.

Bednarzhevsky, S.S., Ivanov, I.A. and Korol, Zh.V. (2013), Fundamentals of technosphere safety in the oil and gas complex (educational and methodological manual), *International Journal of Applied and Fundamental Research*, no. 2, pp. 72–73.

Vernadsky, V.I. (1991), *Scientific thought as a planetary phenomenon*, Nauka Publ., Moscow, Russia.

Vovk, A. (2022), *How green clothes slowly killed women*, [Online], available at: <https://dzen.ru/a/YxV-GEVDeuXIYMvRP> (Accessed 11 August 2024).

Gorokhov, V.G. (2011), The concept of "technology" in the philosophy of technology and the peculiarity of social and humanitarian technologies, *Episte-*

mology and Philosophy of Science, vol. 28, no. 2, pp. 110–123.

Kotova, L.G., Vlazneva, S.A., and Kotova, V.A. (2024), The economic thought of Ancient Rome on the example of M. Cato's treatise "On agricultural", *Economics and Entrepreneurship*, no. 8 (169), pp. 182–185, DOI: <https://doi.org/10.34925/EIP.2024.169.8.032>.

Mitcham, C. (1995), *What is the philosophy of technology?*, Translated from English, Edited by V.G. Gorokhov, Aspect Press, Moscow, Russia.

Paulov, P.A., Kalashnikova, E.B. and Kobzarev, M.A. (2017), The legal status of slaves in Ancient Rome, *Russian science: current research and development: Collection of scientific articles of the IV All-Russian Correspondence Scientific and Practical Conference. In 2 parts, Samara, October 06, 2017. Volume Part 2*, Samara State University of Economics, pp. 448–450, Samara, Russia.

Petrosyan, V.S. and Averochkina, I.A. (2013), Contamination of biogeosphere with priority toxicants and its effect on public health, *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, vol. 13, no. 5, pp. 113–120.

Polyvinylchloride (2024), [Online], available at: <https://proplast.ru/articles/polivinilhlord-svoystva-tehnologiya-proizvodstva/> (Accessed 11/09/2024).

Tverdnyin, N.M. (2019), *Technique in literature of different countries and epochs*, Dialogue of cultures, Moscow, Russia.

Filato, B.N., Danilina, A.E., Mihaylov, G.M. and Kiselyov, M.F. (1997), *Dioxin. Medico-empirical aspect (worries now, tragedy tomorrow): monograph*, under order. Prof. P.E. Shkodich, Moscow, Russia.

Chuikov, Yu. (2012), What is «ecology of technosphere», *Astrakhan Bulletin for Environmental Education*, no. 4 (22), pp. 174–180.

Yaroslavov, A.A., Arzhakov, M.S. and Khokhlov, A.R. (2022), The life cycle of polymer materials: problems and prospects, *Herald of the Russian Academy of Sciences*, vol. 92, no. 1, pp. 15–22.

Submitted: 20.04.2025

Revised: 07.06.2025

Accepted: 16.06.2025

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 141

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-2-21-32

Дата поступления: 28.04.2025
рецензирования: 02.06.2025
принятия: 16.06.2025

А.А. Черных

Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: deusdrus@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0009-0003-9083-231X>

PHILOSOPHY

Д.И. Писарев о монизме, материализме и партийности философии

Аннотация: рассматривается эпизод из дискуссии о статье Н.Г. Чернышевского «Антропологический принцип в философии». Показывается, как Д.И. Писарев отстаивал материалистическое мировоззрение против критики оппонентов. Ставятся следующие задачи: 1) выявить актуальные онтогносеологические идеи Д.И. Писарева для современной онтологии и теории познания; 2) проанализировать принцип партийности философии на примере статей Д.И. Писарева. Целью исследования является прояснение специфики взглядов Д.И. Писарева и обоснование его актуальности как философа. Методологией исследования выступает принцип партийности, то есть классификация философских систем в рамках парадигм идеализм–материализм и дуализм–монизм, согласно которой онтогносеологические взгляды философа являются фундаментом для политических, антропологических, этических, эстетических и иных идей. В качестве источников рассматриваются в первую очередь тексты Д.И. Писарева, в которых он отстаивал правоту Н.Г. Чернышевского в рамках дискуссии об антропологическом принципе. Также учитываются тексты мыслителей, с которыми Д.И. Писарев полемизировал: П.Л. Лаврова, П.Д. Юркевича и других. Новизна обуславливается демонстрацией того, что принцип партийности философии не вульгаризирует понимание онтологических и гносеологических проблем, а помогает понять саму природу онтогносеологических вопросов, а также указанием на антропологический поворот в русской философии в XIX в. Делается вывод о высоком значении Д.И. Писарева для русской и мировой философской мысли, онтологии и теории познания.

Ключевые слова: материализм; идеализм; позитивизм; монизм; дуализм; партийность философии; антропологический поворот; антропологический принцип; русская философия.

Цитирование: Черных А.А. Д.И. Писарев о монизме, материализме и партийности философии // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 2. С. 21–32. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-2-21-32>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Черных А.А., 2025

Андрей Александрович Черных – кандидат философских наук, ассистент кафедры общественных наук, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 191023, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30–32.

SCIENTIFIC ARTICLE

A.A. Chernykh

St. Petersburg State University of Economics,
St. Petersburg, Russian Federation
E-mail: deusdrus@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0009-0003-9083-231X>

D.I. Pisarev on monism, materialism and partisanship of philosophy

Abstract: an episode from the discussion of N.G. Chernyshevsky's article *The Anthropological Principle in Philosophy* is considered. It is shown how D.I. Pisarev defended the materialistic worldview against his opponents' criticism. The study sets out the following tasks: 1) to identify the relevant ontognoseological ideas of D.I. Pisarev for contemporary ontology and theories of cognition; 2) to examine the principle of partisanship in philosophy using examples from Pisarev's works. The aim of the study is to clarify the specific features of Pisarev's philosophical views and to justify his relevance as a thinker. The methodology is based on the principle of partisanship, i.e. the classification of philosophical systems within the paradigms of idealism–materialism

and dualism–monism, according to which the philosopher's ontognoseological views serve as the foundation for his political, anthropological, ethical, aesthetic, and other ideas. The primary sources analyzed are texts by D.I. Pisarev in which he defended Chernyshevsky's position in the discussion of the anthropological principle. Texts by other thinkers with whom Pisarev engaged in polemics, such as P.L. Lavrov, P.D. Yurkevich, and others, are also taken into account. The study's novelty lies in showing that the principle of partisanship in philosophy does not vulgarize the understanding of ontological and gnoseological problems, but rather helps reveal the nature of ontognoseological questions. The study also highlights the anthropological turn in Russian philosophy in the 19th century. The conclusion emphasizes the high significance of D.I. Pisarev for both Russian and global philosophical thought, particularly in the fields of ontology and gnoseology.

Key words: materialism; idealism; positivism; monism; dualism; partisanship of philosophy; anthropological turn; anthropological principle; Russian philosophy.

Citation: Chernykh, A.A. (2025), D.I. Pisarev on monism, materialism and partisanship of philosophy, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 5, no. 2, pp. 21–32, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-2-21-32>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Chernykh A.A., 2025

Andrey A. Chernykh – Candidate of Philosophy, Assistant Professor of the Department of Social Sciences, St. Petersburg State University of Economics, 30–32, Griboedov Canal Embankment, St. Petersburg, 191023, Russian Federation.

Введение

В 1860-х гг. среди русских мыслителей развернулась дискуссия об антропологическом принципе, спровоцированная, с одной стороны, работой Н.Г. Чернышевского «Антропологический принцип в философии», а с другой – критикой этой работы П.Д. Юркевичем. Онтологические позиции Н.Г. Чернышевского и П.Д. Юркевича наиболее обще можно охарактеризовать как материализм и идеализм соответственно. Гносеологические же позиции названных мыслителей раскрываются через различие монизма и дуализма: если Чернышевский доказывает *материальное единство мира как субстанции*, то Юркевич проводит непреодолимую границу между материальным и духовным началами, наряду с этим заимствуя идеи как из христианской догматики, так и из агностицизма И. Канта.

Следствием позиции Чернышевского и его школы становится принцип, согласно которому мир познаваем, причем человеческие формы познания адекватны миру, а потому не могут считаться искажением. Такой принцип вытекает из монистического понимания мира.

В то же время Юркевич и его сторонники опираются как на религиозное представление о человеке (дуализм души и тела), так и на гносеологический пессимизм Канта. Вкупе получается, что душа, духовная жизнь (то есть психика, сознание) принципиально непознаваемы посредством физиологии, но доступны только «интроспекции» (внутреннему зрению). Чернышевский и Писарев уже в XIX в. видели, что такое представление о мире и человеке противоречит науке и мешает достижению истины, а сегодня это тем более очевидно, когда психология развивается во многом благодаря естественным наукам и их методам.

Это обстоятельство заставляет вновь обратиться к идее партийности философии, причем не только в социально-политическом его значении, но прежде всего в онтологическом и гносеологическом смыслах: пока одна философская «партия» идет бок о бок с наукой и стремится к истине, другая «партия» использует науку как инструмент для доказательства своей позиции.

Из сказанного ясно, что дуалистическая позиция в познавательном плане явно проигрывает монизму, точно так же, как дуалистический идеализм проигрывает монизму и материализму. Другими словами, дуалистический идеализм как философскую систему следует признать несостоятельной, в то время как монизм и материализм имеют перспективы для развития.

Опираясь на современные им достижения философской мысли и естественных наук, Чернышевский и его последователи отстаивали материалистический взгляд на мир и человека как часть бытия. Юркевич же и его сторонники занимали идеалистическую позицию, тесно связанную с религиозным мировоззрением.

Однако Чернышевский не сказал последнее слово в философии. Один из его последователей, Д.И. Писарев, продолжил развивать онтогносеологические идеи, высказанные автором «Что делать?». На примере работ Писарева рассмотрим материалистическую философию и ее потенциал.

Статья Д.И. Писарева «Схоластика XIX века», вышедшая в 1861 г. в журнале «Русское слово», представляет собой значительный эпизод в дискуссии об антропологическом принципе и партийности философии. О некоторых других этапах этой полемики мы писали ранее (Черных 2024а, Черных 2024б). Для адекватного понимания данной работы следует обратить внимание на то, как

исследователи оценивают философские взгляды Писарева. Это тем более необходимо, так как рассматриваемая статья стала переходом мыслителя от просветительских идей к революционно-демократическим.

А.Н. Маслин пишет, что Писарев испытал на себе влияние идей позитивизма, но остался материалистом: «Подчеркивание мировоззренческого значения естествознания порой означает у Писарева в определенном смысле материалистически истолкованные позитивистские веяния» (Маслин 1968, с. 140). А.А. Галактионов и П.Ф. Никандров оценивают философию Писарева как предшествующий этап в становлении марксистской онтологии: «Писарев в сущности был метафизическим материалистом; диалектика проявляется у него лишь стихийно, и то главным образом в области естественных наук, когда он рассматривает развитие в растительном и животном мире» (Галактионов, Никандров 1970, с. 419). В.С. Никоненко, рассматривая «реализм» Писарева как продолжение философии Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова, подчеркивает важность целостного рассмотрения философии мыслителя: «Противоречивые оценки философских воззрений Писарева становятся возможными в том случае, если в поле зрения исследователя попадают отдельные статьи мыслителя, пусть даже наиболее важные, а также в том случае, если не учитывать особенности выражения его философских взглядов» (Никоненко 1983, с. 83).

В контексте полемики вокруг работы Чернышевского «Антропологический принцип в философии» (Чернышевский 1987) особенно важно иметь в виду следующее замечание Никоненко, в котором исследователь выступает против обесценивания философии «реализма»: «“Антитеоретические” высказывания Писарева направлены против схоластики, теоретического скудоумия дудышкиных и Н. Ко, против реакционных концепций» (Никоненко 1983, с. 88). Другими словами, Писарев не выступал против системы, диалектики, философии как таковых, он выступал именно против их идеалистических форм.

Полемическая работа Писарева «Схоластика XIX века» разбита на две статьи, каждая из которых вышла в 1861 г. в журнале «Русское слово». Главы I–X датированы 12 мая, а XI–XVII главы – 3 сентября.

В первой части Писарев выразил свое отношение к современной ему журнальной «критике», высказав в то же время свои взгляды на проблему партийности философии и обозначив некоторые замечания о взглядах П.Л. Лаврова и методах критики М.А. Антоновича. В связи с этим Лавров написал статью «Моим критикам» (Лавров 1861).

Во второй части Писарев более определенно говорит о журналистах «Отечественных записок»,

которые критиковали взгляды Чернышевского, то есть материализм, «реализм» и «нигилизм». Среди таких авторов Писарев называет Альбертини, Бестужева-Рюмина, Дудышкина. Кроме того, Писарев упоминает «Русский вестник» и в отдельных главах – П.Д. Юркевича.

Иными словами, Писарев высказывается против «схоластики» журналов «Русский вестник» и «Отечественные записки», а также таких мыслителей, как Юркевич и Лавров. С мировоззрением же Чернышевского и Антоновича журналист «Русского слова» солидаризируется.

Этот эпизод из дискуссии имеет не только и не столько историко-философское значение, сколько общеполитическое: в работах Писарева проявляется значение актуальных идей о тесной связи монизма и материализма, о партийности философии и отстаивается взгляд о том, что формы человеческого познания адекватны миру, то есть что антропоморфизация мира есть не искажение, а корректное познание. Однако эти идеи представлены у Писарева неявно, чем обусловлена трудность в их изучении.

О различии «жизни» и «теории», материализма и идеализма

Критикуя «схоластику», Писарев затрагивает проблему эффективности современной ему журналистики: «Пишущие люди забывают, что они пишут не для себя, а для общества» (Писарев 1955b, с. 98). Как результат, читающая публика следит не за борьбой идей, которые выработаны мыслителями, а за «скандальной стороной» журнальной полемики. Далее Писарев выступает против иллюзий о воздействии русских журналов на сознание народа. Шестидесятник подчеркивает, что «о влиянии на простой народ... смешно и говорить. Наш народ, конечно, не знает того, что о нем пишут и рассуждают, и, вероятно, еще лет тридцать не узнает об этом» (Писарев 1955b, с. 99). Писарев выражает сомнение в том, смогла ли журналистика решить хотя бы один практический вопрос, относящийся к жизни народа.

В неявном виде речь идет не столько о проблемах журналистики или общества, сколько о проблеме соотношения жизни и теории, то есть о «реалистическом» (материалистическом) и идеалистическом взглядах на мир. Вопросы онтологии предшествуют проблемам социума и общественных институтов, так как являются их основанием. Идеализм, по Писареву, есть теория без приложения к практике, в то время как материализм предполагает претворение идей и теорий в жизнь. Через такую интерпретацию становится понятно онтологическое значение слов Писарева.

Теоретическая деятельность не может изменить жизнь «народа», представители которого не только в силу нехватки образования не могли понять

статьи, публикуемые в журналах 60-х гг. XIX в., но и почти никогда не владели элементарной грамматикой, то есть не умели читать. Соответственно, справедливо положение Писарева, что «гражданин воспитывает жизнь, а не книга» (Писарев 1955b, с. 100). Журналистика вообще не может приблизить теоретика к «народу», для этого необходимо жить среди него и иметь с ним общие интересы. То есть не слова и идеи, а именно материальное основание является существенным.

Во фрагменте текста, вырезанном цензурной правкой, Писарев оценил русского крестьянина как такого представителя общества, который «еще не в состоянии возвыситься до понятия собственной личности, возвыситься до разумного эгоизма и до уважения к своему я» (Писарев 1955b, с. 101). В этих словах видны отблески этической теории, которую параллельно разрабатывали Чернышевский и Лавров, теорию, имеющую своим основанием монистический принцип, согласно которому эгоизм и разумный эгоизм – одно и то же, но на разных стадиях развития.

В этом же фрагменте Писарев предлагает стратегию просвещения народа, то есть пропаганды разумного эгоизма. После изъятых частей текста следуют слова: «Это среднее сословие, гуманизированное общечеловеческими идеями, может сделаться посредником между передовыми деятелями русской мысли и нашими младшими братьями – мужиками» (Писарев 1955b, с. 101).

В начале главы IV Писарев формулирует цель русской журналистики и ее целевую аудиторию. Цель журналистики, согласно Писареву, заключается в том, чтобы разбить предрассудки своей аудитории и «помочь ей выработать себе разумное мирозерцание» (Писарев 1955b, с. 102). Но воздействовать на образ мыслей сформировавшихся людей не представляется возможным силами журналов, а потому целевая аудитория должна состоять из «людей молодых и свежих, людей, способных принять истину и отрешиться от отцовских заблуждений» (Писарев 1955b, с. 102). Хотя в этих рассуждениях есть здоровое зерно, следует заметить, что оно имеет явно народнический и просветительский характер, то есть отчасти утопический. Однако важнее другое – Писарев показывает, что для адекватного познания действительности необходимо отказываться от идей, не имеющих основание в «жизни».

Данные рассуждения о задачах журналистики и стратегии просвещения могут показаться далекими от вопросов собственно философских, от проблем партийности философии и антропологического принципа. Но Писарев именно с этого начинает изложение своего материалистического взгляда на мир, человека, общество. Если Чернышевский в «Антропологическом принципе» подходил к вопросу издали, говоря сначала о связи

политических и философских взглядов, о материальном единстве мира, то Писарев отстаивает материализм и критикует «схоластику» (идеализм), начиная с изложения стратегии ведения журналистской деятельности. Различение этих акцентов помогает лучше понять специфику взглядов Чернышевского и Писарева, однако это не принципиально для понимания самой сути материалистической философии, которую они представляют.

Развивая идею о партийности философии, Писарев критикует «рассудительных людей», которые пытаются найти золотую середину. Однако «нейтралитет, который стараются держать люди рассудительные, есть в сущности оптический обман» (Писарев 1955b, с. 104). Такой оптический самообман можно обнаружить в работах Лаврова, который пытается находиться вне борьбы материализма и идеализма, объясняя это стремление тем, что обе партии «метафизичны», а потому ненаучны. Однако следует признать, что позиция Писарева о том, что субъективность является неотъемлемой частью объективности, в философском и научном отношении более состоятельна, чем агностицизм Лаврова (здесь уместно было бы вспомнить типы научной рациональности по В.С. Степину).

Затрагивая тему литературы, Писарев высказывает суждение о среднем сословии как о главном акторе общественных преобразований. «Борьба идей, а не личностей, столкновение понятий и воззрений возможны только в этом классе» (Писарев 1955b, с. 107). С одной стороны, этим Писарев объясняет преобладание в литературе выходцев из среднего класса в качестве героев. С другой стороны, автор подчеркивает значимость этого класса в идеологической и, соответственно, политической борьбе. Также Писарев пишет о психологической значимости такого подбора героев: «Занимаясь преимущественно средним сословием, наша изящная словесность обращает свое внимание не столько на общество, сколько на человеческую личность» (Писарев 1955b, с. 107). Таким образом, литература отражает «явления русской жизни».

Далее автор подчеркивает, что «критика» не должна придумывать новые явления, которых нет в жизни, а только следовать литературе, которая, по мысли Писарева, справляется со своей задачей. Так, он пишет, что «критика может только обсуживать существующие явления, выражать потребности, носящиеся в обществе, а не порождать новые явления» (Писарев 1955b, с. 108). Важно понимать, что этим автор не пытается принизить значение «критики», а только указывает ее роль. Более того, Писарев пренебрежительно отзывается именно о тех «жалких людях», которые чувству и жизни предпочитают «строгую систематичность» и построение теорий. Но в таких словах автор критикует не систему и теорию вообще,

а идеализм, который ставит системы и теории выше той действительности, в которой существует человек, то есть в материальной субстанции, в широко понятой природе.

В соответствии с пониманием, что при формировании мировоззрения *действительность* важнее *теоретических построений*, Писарев высказывается о характере Отечественной войны 1812 г. и действиях народа материалистично и даже несколько по-утилитаристски: «Эти миллионы поднимаются не для того, мне кажется, чтобы отстаивать какую-нибудь общую идею, а для того, чтобы защитить свои личные интересы» (Писарев 1955b, с. 110).

В контексте различения *живого чувства* и *идеалистических теорий* Писарев ставит проблему современной ему журналистики следующим образом: «Нас заели фразы, мы пустились в диалектику, воскресили схоластику» (Писарев 1955b, с. 111). То есть вместо «настоящего дела» обсуждаются «слова и отвлеченности»: в духе, близком средневековой.

Выступая против «теории», Писарев обращает внимание на то, что вряд ли кто-либо стал бы оспаривать следующее положение: «“Уважайте в себе и в других человеческую личность”» (Писарев 1955b, с. 112). Но применять такую истину, очевидную в теории, оказывается затруднительно на практике: «...посмотрите вокруг себя – вы встретите на каждом шагу противоречия этому простому правилу практической нравственности; загляните в историю человечества, и вы убедитесь в том, что оно даже теоретически не уяснило себе этой идеи» (Писарев 1955b, с. 112). Из этого обстоятельства Писарев выводит правило, согласно которому *«приложение принципа к делу гораздо важнее самого принципа»* (курсив мой. – А.Ч.)» (Писарев 1955b, с. 112). Можно было бы возразить, что для применения принципа необходимо этот принцип уяснить на теоретическом уровне. Но здесь, как и в случае с текстами Чернышевского, автор делает акцент на том, что наиболее важно для него, даже если из-за этого акцента как будто происходит переход из одной крайности в другую – не менее сомнительную – крайность. Тем не менее, это крайность не по сути, а только по форме: чтобы выпрямить согнутую палку, сначала приходится выгнуть ее в обратную сторону. Другими словами, утверждается, что реальность важнее теории, поскольку сама теория возникает не до, а после жизни и реальности.

Именно осуществление принципов на практике Писарев считает наиболее важной проблемой, так как об этих принципах, как он считает, редко возникают разногласия. Споры чаще ведутся о частностях. Журналист «Русского слова» пишет в соответствии с принципом партийности: «...кто не сходит с нами в основании, с тем мы счита-

ем всякий спор совершенно бесполезным» (Писарев 1955b, с. 112). Поэтому Писарев не видит необходимости в серьезной полемике ни с «Русским вестником», ни с «Отечественными записками», ни с Юркевичем. Очевидно, того же взгляда придерживался и Чернышевский, отказываясь от полемики с автором статьи «Из науки о человеческом духе» (Юркевич 2015).

Этот тезис, высказываемый Писаревым и созвучный словам Чернышевского, имеет большое философское значение. *Основание* представляет собой не просто философскую категорию, а такую форму бытия, от которой берут начало все прочие формы сущего. В этом русские демократы и материалисты солидаризируются с немецкими классиками Фихте, Шеллингом и Гегелем, отыскивающими не просто предпочтительную или удобную категорию для развития своей онтологии, а такое основание, из которого логически правильно и необходимо выводить последующие категории. Соответственно, если нет согласия в основании (о самом бытии), то спор обо всем последующем (о категориях, об антропологии, об общественном устройстве, о журналистике и прочем) не имеет действительного научного смысла.

Подчеркивая пользу и жизненность материалистического взгляда, а также отвлеченность и фантастичность идеалистического, Писарев предлагает релятивистский взгляд на прекрасное. Так, он утверждает, что «абсолютной красоты нет» (Писарев 1955b, с. 115) и что «понятие красоты лежит в личности ценителя, а не в самом предмете» (Писарев 1955b, с. 115). Далее Писарев выражает эту мысль формулой: «Красота чувствуется, а не меряется аршином» (Писарев 1955b, с. 115). И хотя такой взгляд нельзя считать необходимым для материализма, все-таки его можно вывести из материалистического понимания мира и человека. Писарев осознает зависимость эстетического чувства от деятельности мозга, поэтому утверждает, что «силлогизмы», из которых следует, что произведение художественно, не имеют значения, если оно «не подействовало на мою нервную систему» (Писарев 1955b, с. 115). Это крайность, которую вряд ли можно считать истинной, однако в ней хоть и неполно, но все же проявляется антропологический поворот в понимании бытия и красоты.

С этим положением о восприятии произведений искусства индивидами связано утверждение о том, что «строго проведенная теория непременно ведет к стеснению личности» (Писарев 1955b, с. 116). По Писареву, если мы ставим теорию выше личности, это приводит к тому, что личность самоистязает себя ради идеи, теории, предрассудков. С данным пониманием соотносимо и положение о недопустимости руководства над трудом художника. Писарев утверждает, что человека искусства нельзя ни «наталкивать», ни «оттаскивать». Исхо-

дя из своего убеждения, автор упрекает «г. –бова» (Н.А. Добролюбова) за то, что он стремится «запрячь поэзию в воз» (Писарев 1955b, с. 118). Иными словами, личность и художник – то, что дано, в то время как рамки, в которые их загоняют, есть идеи, оторванные от жизни.

Далее Писарев пишет: «Наше время решительно не благоприятствует развитию теорий. Народ хитрее стал, как выражаются наши мужики, и ни на какую штуку не ловится» (Писарев 1955b, с. 118). Писарев понимает под словом *теория* не любое теоретическое построение, а именно идеалистические концепты, например, философскую систему Гегеля (Гегель 1974, Гегель 1975, Гегель 1977). Такой теории Писарев противопоставляет «современный, здоровый и свежий материализм» (Писарев 1955b, с. 118), который в большей степени соответствует духу русского мужика и всего народа. От лица русского народа идеолог «нигилизма» пишет, что «нам мало понятны энтузиазм и мистицизм страстного адепта» (Писарев 1955b, с. 118).

В этической сфере отказ от идеалистической теории и восприятие материалистического взгляда на мир приводит к разумному эгоизму. Стоит сказать, что разумный эгоизм и эгоизм в обыденном смысле представляют собой различные явления, которые отличаются друг от друга в первую очередь количественно (разумный эгоизм есть более развитая форма эгоизма). Журналист «Русского слова» пишет: «Если бы все в строгом смысле были эгоистами по убеждениям, ...не создавая себе искусственных понятий идеала и долга и не вмешиваясь в чужие дела, то, право, тогда привольнее было бы жить на белом свете, нежели теперь, когда о вас заботятся чуть не с колыбели сотни людей, ...которые вас знают не как личность, а как единицу» (Писарев 1955b, с. 119). Другими словами, последовательное проведение теории разумного эгоизма на практике способствует более благоприятному существованию и продуктивному развитию общества, при этом личность и ее свобода не приносятся в жертву. Разумеется, в России XIX в. осуществить такое было невозможно, однако Чернышевский и Писарев были уверены, что общество способно развиваться до соответствующего уровня в будущем. И, пожалуй, нет убедительных оснований думать, что такое будущее не настанет.

В сфере же науки, по Писареву, идеализм приводит к тому, что «элемент фантазии» «разыгрывается в чужой области». Иными словами, идеалистические построения представляют собой антипод научности. Но если фантазия остается в своем собственном статусе, то есть понимается как художественный вымысел, то она не приносит и не может принести человечеству и науке никакого вреда.

Решая вопрос о цели (смысле) жизни, Писарев дает иной ответ, чем Чернышевский и Лавров. Если последние два мыслителя считали, что жизнь обретает высокий смысл от принесения индивидом пользы человечеству, то Писарев смотрит на это значительно проще: «...не спрашивайте о цели; цель сама найдется, и жизнь решит вопросы прежде, нежели вы их предложите» (Писарев 1955b, с. 120). Взгляд Писарева следует признать вполне здравым, но ставить на этом точку нам кажется опрометчивым; следовало бы дополнить его положениями из философии Чернышевского и Лаврова, которые мы упомянули. Другими словами, сама жизнь (действительность, реальность) опережает человека в достижении истины, истина уже есть в жизни, а человек только следует этой реальной истине, соответственно, всегда как бы опаздывает, пытается догнать. В этом правота Писарева. Но в то же время человечество – это часть «жизни», а потому не может быть ничего более значительного в жизни индивида, чем приведение действительности к ее собственной истине. В этом правота Чернышевского и Лаврова.

Далее Писарев поднимает проблему соотношения эгоизма и добра в человеке: «...как согласить эти эгоистические начала с любовью к человечеству? Об этом нечего заботиться. Человек от природы существо очень доброе» (Писарев 1955b, с. 120). Так, если не ставить перед индивидом различных требований, которые мы наблюдаем на протяжении почти всей истории человечества, то человек будет добр. Такое понимание человеческой природы напоминает концепцию естественного состояния Руссо, и Писарев обращает на это внимание. Но Писарев идет дальше французского мыслителя, так как замечает, «что дикари живут при таких условиях, которые мешают свободному развитию характера» (Писарев 1955b, с. 121). Среди таких условий журналист «Русского слова» выделяет: а) угрозу со стороны природы, к которой дикарь еще не вполне адаптировался, б) суеверия и предрассудки, в) стремление к идеалу. Иными словами, Писарев представляет развитие общества в три этапа: 1) дикое состояние, при котором человек находится во власти природы и *теорий*, 2) цивилизованный человек, который смог покорить природу настолько, чтобы не бояться ее, но не освободился от своих *теорий*, 3) человек, который разовьется настолько, что сможет отбросить *теории*. Так, Писарев пишет, что «эмансипация личности и уважение к ее самостоятельности является последним продуктом позднейшей цивилизации» (Писарев 1955b, с. 121).

Насколько видно, природа оказывается не таким значительным препятствием на пути развития человечества, как продукт самих людей – теории, то есть предрассудки и идеалы. «Теоретикам

нет дела до того, что есть в наличности; они говорят: так должно быть» (Писарев 1955b, с. 121). Писарев ставит идеалистам в упрек то, что они не свои понятия соотносят с действительностью, а наоборот: действительность хотят «переделать» под свои понятия. Причем речь идет не о социальном преобразовании, и не о подчинении природы человеку, и даже не об антропоморфном характере познания, а о фантастическом мировоззрении, которое идет вразрез с реальностью. *Идеалист воображает мир иным, а материалист осознает мир в его наличности и делает иным на практике.*

Таким образом, противником материализма оказывается идеалистическая теория. Писарев пишет, что «в практической жизни мы все материалисты и все идем в разлад с нашими теориями» (Писарев 1955b, с. 122). Поэтому материалист не входит в противоречие, когда занимается философией или наукой, так как его практика соответствует материалистической теории. Идеалист же не может связать практику и теорию, в силу чего для него «идеал служит вечным упреком и постоянным кошмаром» (Писарев 1955b, с. 122). По Писареву, материалист принимает *очевидность* как критерий истины, в то время как идеалист по мере сил старается бороться с очевидностью, чтобы защитить свои теоретические построения. Однако стоит сказать, что речь идет не о той очевидности, о которой говорят феноменологи.

Также Писарев упрекает «философов всех времен» за растрату их труда на «бесплодные усилия понять несуществующее». Вместо этого следовало бы уделить внимание тому, что предстает перед непосредственным взглядом человека. На основании этих положений выводится формула, напоминающая по способу доказательства аргумент Добролюбова и Чернышевского против души: *«Невозможность очевидного проявления исключает действительность существования»* (Писарев 1955b, с. 123).

Утверждая, что наука вытесняет умозрительную философию, Писарев выдвигает требование, которое с некоторыми оговорками можно приписать всей философской партии материализма: «... мы хотим знать, что есть, а не догадываться о том, что может быть» (Писарев 1955b, с. 123).

Критика позитивизма с материалистических позиций

Если позитивистская философия стремится убрать субъекта из акта познания, то «метафизика», то есть материализм и идеализм, трудно представимы без субъекта. Однако идеализм имеет тенденцию к утверждению дуализма души и тела, из чего выводится либо дуализм как в антропологии, так и в онтологии (что явно несостоятельно), либо к непоследовательности и эклектике (мо-

низм в онтологии, дуализм в антропологии). По Писареву, последовательным и адекватным объекту познания может быть только материализм.

В главе X Писарев разбирает ряд статей Лаврова, критикуя его философию за «неопределенность» и «диалектику». По Писареву, слабая сторона Лаврова, которую не замечает «критика» (то есть другие журналисты), заключается «в отсутствии субъективности, в отсутствии определенных и цельных философских убеждений» (Писарев 1955b, с. 125). Иными словами, Лавров не относит себя ни к материалистам, ни к идеалистам, пытается быть не в философии, а над философией. В *чрезмерном стремлении* к объективности Писарев и видит недостаток, поскольку верный путь к объективности лежит именно через субъективность, которую Лавров избегает.

Писарев пишет о публичных лекциях Лаврова, опубликованных в январском выпуске «Отечественных записок» (Лавров 1965). Журналист «Русского слова» ожидал увидеть в этих лекциях взгляд Лаврова на современную философию, то есть хотел обнаружить партийность философии и субъективность, без которых истина недостижима. Но «Лавров с особенным старанием скрыл свою личность так, что вы до нее решительно не доберетесь» (Писарев 1955b, с. 126).

По Писареву, Лавров не высказывает никаких конкретных суждений, а его мысль ограничивается общими местами. Писарев видит необходимость в приложении философских достижений на практике, то есть она должна быть полезна, а «то, что г. Лавров называет философией, то оторвано от почвы, лишено плоти и крови, доведено до игры слов, — это схоластика, праздная игра ума» (Писарев 1955b, с. 126). Так, Лавров ставит вопрос о том, «что такое я» (Писарев 1955b, с. 126), но в результате рассуждений не дает ответ. Более того, Лавров отводит этому вопросу место за границами науки, то есть считает его принципиально неразрешимым.

Писарев утверждает, что по своему содержанию лекции Лаврова «бесполезны», а потому их не стоит подробно разбирать и критиковать частности. В связи с этим журналист «Русского слова» критикует Антоновича за его рецензию на первые две лекции Лаврова, которая опубликована в «Современнике» за апрель 1861 г. По мысли Писарева, Антонович «доказывает логическую непоследовательность тогда, когда следовало бы доказать практическую бесполезность» (Писарев 1955b, с. 128).

Писарев предлагает свой подход к критике лавровских лекций: нужно спросить, актуальны ли разговоры об умозрительной философии и получилось ли у Лаврова сказать по этой теме что-либо достойное внимания. Как пишет Писарев, Антонович углубляется в оценку второго вопроса, ко-

торый касается Лаврова, но первый вопрос о жизнеспособности спекулятивной философии Антонович оставляет без внимания.

Здесь важно заметить, что Писарев приводит соображение Антоновича о том, что Лавров эклектик, но не высказывает своего суждения. Лавров же в статье «Моим критикам» утверждал, что Писарев согласился с Антоновичем, хотя мы не наблюдаем ни согласия, ни оспаривания.

Писарев считает, что Антоновичу следовало разобрать также третью лекцию, так как в ней «философские убеждения г. Лаврова высказываются, наконец, в более определенной форме и ведут к реальным выводам в сфере практической жизни» (Писарев 1955b, с. 129).

Проанализировав труд Лаврова, Писарев заключает: «В области нравственной философии взгляды наши почти диаметрально противоположны» (Писарев 1955b, с. 129). Для Писарева важно непосредственное восприятие действительности такой, какая она есть, то есть восприятие очевидности; а нравственный идеал, аскетизм и стремление к цели для него не представляют никакого смысла. Лавров же, по Писареву, подчиняет очевидность и непосредственность систематичности и формальной логике, действительность делит на вещи-в-себе и явления, изгоняя тем самым очевидность из сферы познания, а также нравственное становление личности сводит к стремлению к идеалу и «нравственным специям и ингредиентам». Иными словами, материалист Писарев видит в Лаврове спекулятивного философа, идеалиста. Однако характеристика, которую дали Лаврову Чернышевский и Антонович, должна была бы несколько оправдать Лаврова в глазах Писарева, если бы он согласился с тем, что автор лекций не идеалист, а эклектик. Следует заметить, что эклектизм взглядов Лаврова заключается в том, что он оказывается наполовину позитивистом, наполовину материалистом. Более того, излагая свое этическое учение, он дал категориальное обоснование разумного эгоизма.

В завершение первой части «Схоластики XIX века» Писарев пишет, что другие философы, помимо Лаврова, не достойны такого внимания, поэтому ограничивается о них парой слов. К примеру, о Страхове он говорит в едком ироническом тоне: «Страхов считает нужным доказывать, что между человеком и камнем большая разница» (Писарев 1955b, с. 131). О Юркевиче же журналист «Русского слова» в подобном же ключе скажет позднее в связи с «Русским вестником» и «Отечественными записками».

Отсюда видно, что философское основание в онтологиях Писарева и Лаврова все же прослеживается, хотя и неявно. В то же время Страхов и Юркевич, будучи идеалистами, не удостоиваются внимания материалиста Писарева.

Партийность философии

Партийности философии часто понимается либо как политизация философии, либо – в лучшем случае – как такой взгляд на философию, которого чаще придерживаются мыслители именно материалистического направления. Однако философы как таковые партийны, в том смысле что всегда придерживаются той или иной философской партии и свою онтологию строят в соответствии с фундаментальными положениями своего направления.

Другими словами, во-первых, партийность философии некорректно сводить исключительно к политике, во-вторых, хотя материалисты чаще других философов провозглашают принцип партийности философии, все же этого принципа придерживаются мыслители и других направлений, даже если на словах его отрицают. Анализ второй части статьи Писарева это наглядно показывает.

Вторая часть начинается со слов о консервативно-либеральных журналистах, которые негативно высказываются о революционно-демократической критике. Писарев оправдывает «свистунов» тем, что критика и ирония не могут принести вред: «Живая идея, как свежий цветок от дождя, крепнет и разрастается, выдерживая пробу скептицизма» (Писарев 1955b, с. 133). Более того, здоровый скептицизм необходим, так как со сменой поколения меняются убеждения и идеи, а «что казалось неопровержимым вчера, то валится сегодня» (Писарев 1955b, с. 134). Соответственно, отказаться от написания статей и ждать, пока мировоззрение окончательно сформируется, как рекомендуют оппоненты «свистунов», Писарев считает неправильным. И дело не только в том, что взгляды человека всегда пребывают в становлении, но и в том, что «страстный бред или пылкая диалектика юноши всегда западают в душу слушателя глубже и шевелят ее живее, чем мудрый совет старика» (Писарев 1955b, с. 135). Это тем более верно, что авторитеты, по Писареву, бывают ложными и тогда могут быть разбиты сомнением, а если авторитет окажется не ложным, то сомнение его упрочит. Иными словами, в целях познания истины следует подвергать сомнению прежние убеждения, не превращать в догмы, а регулярно испытывать их и перепроверять.

Писарев смотрит на многие вещи как на относительные: не только эстетика, но и познание имеет релятивистский характер. Так, он утверждает, что воззрения не могут быть ни истинны, ни ложны, так как их много и они равноправны. Следует сказать, что такое положение не вполне соотносится с материалистическим мировоззрением и смотрится скорее как элемент полемики, чем серьезное утверждение.

Далее Писарев выдвигает знаменитый ультиматум своей философской партии, к которой сле-

дует отнести также Чернышевского, Добролюбова и, с некоторыми оговорками, Лаврова: «...что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится, что разлетится вдребезги, то хлам; во всяком случае, бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть» (Писарев 1955b, с. 135).

«Полемические красоты» Чернышевского (Чернышевский 1950), как пишет Писарев, «взволновали журнальный мир» (Писарев 1955b, с. 136). Многих журналистов больше привлекают споры и полемика, чем научные открытия. Писарев утверждает, что «Русский вестник» и «Отечественные записки» уделяют Чернышевскому чрезвычайно много внимания. К примеру, отмечается, что «Русский вестник» опубликовал ответ на июньскую статью «Современника» в номере своего журнала за тот же месяц.

Как известно, «Отечественные записки» упрекали Чернышевского за то, что он проигнорировал Юркевича: «...ведь считали же они отказ Чернышевского за доказательство его несостоятельности» (Писарев 1955b, с. 138). Но, как писал редактор «Современника» в «Полемических красотах», ему нет смысла спорить с Юркевичем. Чернышевский объяснял это тем, что его оппонент ведет дискуссию не против него, а против материалистов вообще, а также тем, что Чернышевский ставил Юркевича значительно ниже себя в качестве мыслителя. Писарев же пишет, что спор с Юркевичем и вообще с идеалистами есть то же, что «ломать себе голову, следя за извилинами ваших аргументаций, написанных тяжелым, неясным языком 30-х годов» (Писарев 1955b, с. 138). Иными словами, взгляды идеалистов Писарев оценивает как устаревшие. Кроме того, он утверждает, что полемика с ними лишена смысла потому также, что в этом нет необходимости для просвещения и пропаганды идей: «Чтобы убедить публику? Да она и без того на нашей стороне» (Писарев 1955b, с. 138).

Также Писарев не видит в серьезной полемике против идеалистов ничего интересного для читателей: «Если бы мы стали вас опровергать по пунктам, статьи наши вышли бы так же скучны и головоломны, как ваши критические исследования» (Писарев 1955b, с. 138). Соответственно, журналист «Русского слова» считает излишней полемику материалистов против идеалистов, за тем исключением, если спор будет вестись при помощи иронии и «свиста».

Писарев также дает похожую рекомендацию «Отечественным запискам», которые позиционируют себя «серьезными» в противовес «мальчишкам» и «свистунам» из «Современника» и «Русского слова». «Вы должны показывать вид, будто чувствуете к нам полнейшее, холодное, равнодушное презрение, будто *игнорируете* нас» (Писарев 1955b, с. 139). Однако консервативно-либеральная

печать не выдерживает «свиста» и «насмешек», а потому посвящает Чернышевскому статьи, авторы которых стремятся разоблачить его.

В ответ на замечание Чернышевского о том, что «Отечественные записки» не имеют единства направления, Дудышкин отреагировал умеренным согласием, считая, что подобная полифония представляет собой скорее положительное качество для журнала. Писарев оспаривает обе точки зрения, так как, несмотря на отсутствие единства, которое подразумевал Чернышевский, он усмотрел другое, а именно: «...недоступность живым интересам, ...игнорирование живых и больных мест нашей частной и общественной жизни» (Писарев 1955b, с. 140). Но такое «единство» вряд ли можно ставить в заслугу редакции журнала.

Обозначая проблему полемики между представителями различных философских партий, Писарев поднимает тему авторитетов. Так, он отмечает, что спорить с представителем своего же лагеря «приятно», так как есть возможность сослаться на авторитет, как, например, средневековые схоласты в ходе диспута могли привести цитату из сочинений отцов церкви или же трактатов Философа. В таком споре ссылка на авторитет сама по себе является полноценным аргументом. Poleмика же с представителем иной партии не оставляет такой возможности. Например, ссылки Юркевича на Канта в критическом разборе статьи Чернышевского лишены смысла, так как авторитет кенигсбергского мыслителя вряд ли мог убедить последователя Фейербаха.

В следующей главе Писарев анализирует возражения Альбертини против Чернышевского, но они в основном касаются социально-политических вопросов. Мы отметим чисто философский момент. Из статьи Альбертини Писарев делает следующий вывод о характере его взглядов: «1) должно хвалить своих адептов, хотя бы они говорили вздор и делали гадости; 2) должно ругать наповал своих противников, чернить их всеми правдами и неправдами и радоваться, если чернит их кто-либо другой» (Писарев 1955b, с. 146). В этих двух пунктах проявляется принцип партийности, но доведенный до абсурда. Согласно первому пункту, материалисты всегда должны хвалить друг друга, так же должны поступать идеалисты по отношению к своим единомышленникам. Из второго же пункта следует, что материалист в любом случае обязуется порицать идеалиста, а идеалист – материалиста. Другими словами, из этих пунктов следует, что значение имеют только самые основы, философский фундамент, который не простирается дальше основного вопроса философии. Очевидно, что такой взгляд существенно упрощает суть дела. Вероятно, Писарев смог вывести такие положения из слов Альбертини потому, что этот последний пытался выстроить обличение Чернышевского.

Из этого логически вытекает замечание Писарева, которое он делает уже Бестужеву-Рюмину. Так, журналист «Русского слова» настаивает на том, что при ведении полемики необходимо руководствоваться лишь идеями своего противника как предметом критики. Личные же отношения к оппоненту только навредят процессу дискуссии, так как могут увести от сути разногласия – от противоборства философских партий.

В контексте причин падения Рима Писарев пишет, что «Бестужев-Рюмин, как идеалист, не может помириться с трезвым воззрением г. Чернышевского» (Писарев 1955b, с. 151). С точки зрения последнего, Рим пал *не по необходимости, а по причине* нападения варваров. Писарев отстаивает взгляд Чернышевского на то, что «упадок нравов» не может стать причиной разрушения государства или цивилизации.

Бестужев-Рюмин упрекает Чернышевского за пожелание «способствовать развитию» народа, когда к этому нет возможности. Писарев же возражает, что для этого достаточно «не мешать», то есть убрать чисто материальные преграды на пути народа к просвещению. Перестав голодать и обретя время на досуг, народ стал бы, по мысли Писарева, не только читать, но и даже писать книги. С этим стоит согласиться, ведь таким же образом появились образованные люди среди привилегированных классов в Античности.

Далее Писарев высказывает противоречивую мысль о том, что пропаганда материализма в России XIX в. невозможна в силу социально-экономической отсталости страны, так как в ней все еще сохраняется «рабство» в виде крепостного права. Журналист «Русского слова» утверждает, что такой порядок поддерживается идеалистическим взглядом на действительность. Однако В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Чернышевский и сам Писарев пропагандировали материализм, несмотря на цензурные ограничения в Российской империи XIX в.

Развивая идею о распространении материализма, Писарев пишет, что отдельные личности могут приходиться к такому мировоззрению двумя путями: 1) испытывая неудачи, утраты и потери, 2) размышляя, чисто теоретически. Первый путь журналист считает трудным, а второй – скорее простым. Причем становление человека материалистом обуславливается обстоятельствами, а потому применимо не только к индивидам, но и обществу.

Далее журналист «Русского слова» говорит о Дудышкине, но в большей мере иронизирует. Так, Писарев оценивает редактора «Отечественных записок» как незначительного мыслителя: «Вы хвалите то, что вам по плечу, – а по плечу вам то, что кажется мизерным утопистам, т. е. людям, смотрящим дальше, чувствующим глубже и говорящим смелее» (Писарев 1955b, с. 156). Утопистов же,

среди которых и Чернышевский, Писарев ставит значительно выше.

В завершение статьи Писарев пишет о Дудышкине как о недобросовестном журналисте, который приписывает своему оппоненту слова, которых тот не писал. Но что важнее, журналист «Русского слова» в контексте «Отечественных записок» упоминает Юркевича, которого вслед за М.Н. Катковым высоко оценил и Дудышкин. По Писареву, эта солидарность проистекает из трех причин: 1) Юркевич выступил против Чернышевского, 2) поддерживает «рутину», то есть устаревшие воззрения, 3) «его доводы чрезвычайно туманны, как вообще доводы идеалистов, старающихся поддержать свои построения путем диалектики» (Писарев 1955b, с. 157).

Иными словами, Дудышкин согласился с Катковым, а Катков согласился с Юркевичем не столько потому, что каждого из них убедили философские и логические аргументы, а потому, что они узнали друг в друге людей своего круга, мыслителей своей философской партии.

Позднее, в статье «Московские мыслители», вышедшей в журнале «Русское слово» за 1862 г., Писарев в контексте полемики с Катковым и «Русским вестником» снова упоминает Юркевича и его статью «Из науки о человеческом духе», направленную против «Антропологического принципа в философии» Чернышевского.

В главе VII Писарев пишет о труде Юркевича, что «будет основательнее пройти эту статью молчанием» (Писарев 1955a, с. 301), хотя журналист «Русского слова» все же видит аргументы как за, так и против ведения полемики против этой статьи. Причина же, по которой Писарев снова только упоминает и демонстративно игнорирует работу «Из науки о человеческом духе», заключается в принадлежности Юркевича к лагерю идеалистов: «Решаюсь я не говорить об этой статье собственно потому, что не вижу ни малейшей точки соприкосновения между мыслями г. Юркевича и моими собственными идеями» (Писарев 1955a, с. 301). Писарев не видит в этих воззрениях той жизненности (материалистичности, «реализма»), к которой сам стремится, поэтому говорит о его статье как об устаревшей и наполненной «диалектическими тонкостями».

Но такое отношение следует воспринимать не как отказ от полемики, а как своеобразный способ ведения спора. Заявляя нежелание писать возражения Юркевичу, Писарев дает ему весьма низкую оценку как философу.

Писарев часто с пренебрежением говорит о «диалектике» как об искусстве спора, в котором упражнялись средневековые теологи, однако здесь отмечает, что готов «пользоваться философскою диалектикою как орудием борьбы» (Писарев 1955a, с. 302). Иными словами, сам метод для

него вполне приемлем, но значение этого метода определяется целью, которую ставит себе «диалектик». Однако Писарев не считает для себя нужным всерьез употреблять средства диалектики для спора со «схоластом», который пользуется ей как будто для упражнения мысли.

Журналист «Русского слова» высказывает суждение, схожее по своему смыслу со словами Чернышевского о статье Юркевича: «...не умеющие окинуть одним взглядом целое направление мысли, возражают против отдельных подробностей, спорят против частных недосмотров и превращают живую идею в диалектическое толчение воды (курсив мой. – А.Ч.)» (Писарев 1955а, с. 302). Соответственно, как считает Писарев вслед за Чернышевским, материалисту следует только «пройти мимо» такого явления, как труд Юркевича.

Такому выводу о Юркевиче и других «схоластах XIX в.» соответствует взгляд Никоненко, который выразил методологическое значение «нигилизма» Писарева по отношению к идеалистической мысли в следующих словах: «Истина может быть только одна, правильное, верное мировоззрение может быть только одно – это ясно осознал Писарев, и вся его деятельность была направлена на развитие научного мировоззрения» (Никоненко 1983, с. 86).

Заключение

В результате исследования следует заключить, что:

1. Изучение философии Д.И. Писарева ставит перед исследователем задачу различения, с одной стороны, полемических приемов и, с другой стороны, собственно взглядов мыслителя. Буквальное прочтение его текстов не может привести к адекватному пониманию идей философа.

2. Монизм и материализм представляют собой одну и ту же философскую партию, но рассмотренную под различными углами зрения. В материалистической философии существует только одна субстанция – материя. Идеальное же представляет собой атрибут субстанции.

3. Идеализм тяготеет в равной степени как к монизму, так и к дуализму. Дуалистическое представление о тех или иных формах бытия чаще оказывается выражено в антропологии: в виде дуализма души и тела. Идеалистический монизм же чаще встречается в онтологии: действительной субстанцией, началом всего и причиной самой себя является божество или какая-либо высшая форма духа.

4. Принцип партийности философии не вульгаризирует онтологию, теорию познания и вообще философию, а помогает понять саму природу философского знания и основных вопросов философии.

5. Во взглядах Д.И. Писарева прослеживается проведение принципа, согласно которому познание имеет человеческую природу, то есть человеческое знание о мире всегда приобретает специфические человеческие формы. Другими словами, адекватное познание мира всегда субъективно, но это познание вообще возможно, поскольку мир адекватен формам познания человека.

Из сказанного следует, что статьи Д.И. Писарева представляют собой не только эпизод из дискуссии 1860-х гг. об антропологическом принципе, но и значительный вклад в развитие отечественной и мировой онтогносеологии.

Источники фактического материала

Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. Москва: Мысль, 1974. 452 с.

Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 2. Философия природы. Москва: Мысль, 1975. 695 с.

Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. Москва: Мысль, 1977. 471 с.

Писарев Д.И. Московские мыслители. Сочинения. В 4 т. Т. 1. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 274–319.

Писарев Д.И. Схоластика XIX века. Сочинения. В 4 т. Т. 1. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 97–159.

Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии. Сочинения. В 2 т. Т. 2. Москва: Мысль, 1987. С. 146–229.

Чернышевский Н.Г. Полемические красоты. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 7. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1950. С. 707–774.

Библиографический список

Галактионов А.А., Никандров П.Ф. Русская философия XI–XIX веков. Ленинград: Наука, 1970. 652 с.

Лавров П.Л. Моим критикам // Русское слово. 1861. Июнь. Отдел II. Русская литература. С. 48–69.

Лавров П.Л. Три беседы о современном значении философии // Философия и социология. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. Москва: Мысль, 1965. С. 509–573.

Маслин А.Н. Писарев Д.И. // История философии в СССР. В 5 т. Т. 3 / под ред. В.Е. Евграфова. Москва: Наука, 1968. С. 133–157.

Никоненко В.С. Материализм Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1983. 151 с.

Черных А.А. Диалог философских школ об «антропологическом принципе» в статьях Н.Г. Чернышевского и М.Н. Каткова // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 1. С. 5–15.

Черных А.А. Психофизиология И.М. Сеченова как критика взглядов П.Д. Юркевича на антропологический принцип // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2024. № 1(49). С. 57–73.

Юркевич П.Д. Из науки о человеческом духе. Из науки о человеческом духе: Очерки по философии и богословию. Изд. Стереотип. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. С. 3–91.

References

Galaktionov, A.A. and Nikandrov, P.F. (1970), *Russian philosophy of the XI–XIX centuries*, Nauka, Leningrad, USSR.

Lavrov, P.L. (1861), To my critics, *Russian Word*, June, Part II, Russian Literature, pp. 48–69.

Lavrov, P.L. (1965), Three conversations on the contemporary significance of philosophy, *Philosophy*

and Sociology: Selected works, vol. 1, Mysl', Moscow, pp. 509–573.

Maslin, A.N. (1968), Pisarev D.I., *History of Philosophy in the USSR*, vol. 3, Nauka, Moscow, pp. 133–157.

Nikonenko, V.S. (1983), *Materialism of N.G. Chernyshevsky, N.A. Dobrolyubov, D.I. Pisarev*, Publishing House of Leningrad University, Leningrad, 151 p.

Pisarev, D.I. (1955), *Moscow thinkers, Works*, vol. 1, State Publishing House of Artistic Literature, Moscow, pp. 274–319.

Pisarev, D.I. (1955), Scholasticism of the XIX Century, in Pisarev D.I., *Works*, vol. 1, State Publishing House of Artistic Literature, Moscow, pp. 97–159.

Yurkevich, P.D. (2015), From the Science of the Human Spirit, *From the Science of the Human Spirit: Essays on Philosophy and Theology*, Stereotype Publishing House, Book House "LIBROKOM", Moscow, pp. 3–91.

Submitted: 28.04.2025

Revised: 02.06.2025

Accepted: 16.06.2025

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 745:111

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-2-33-41

Дата поступления: 27.04.2025
рецензирования: 03.06.2025
принятия: 21.06.2025

А.В. Марков

Российский государственный
гуманитарный университет,
г. Москва, Российская Федерация,
Владимирский государственный
университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир, Российская Федерация
E-mail: markovius@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6874-1073>

О.А. Штайн

Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
E-mail: shtaynshtayn@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-1701-3147>

Кукла в маске как эстетико-семиотическая модель

Аннотация: понятие куклы в маске позволяет соединить идею маски и кукольного театра, а значит, и идею социальной стратегии с собственными творческими конфигурациями вещей, неожиданным вдохновением, которое дают вещи. В статье рассматривается возможность возобновления некоторых функций архаической маски с опорой на африканскую философию Квази Виреду, объектно-ориентированную онтологию Грэма Хармана, а также многочисленные данные современных жанровых фильмов, анимационных фильмов и арт-инсталляций. Архаическая маска являет симбиотический принцип, альтернативный миметическому, а различные способы одновременного использования куклы и маски относят миметический принцип к обыденной жизни, тогда как принцип симбиоза делают принципом инновационного практического действия. В статье рассмотрены различные варианты куклы в маске: пантомима в ее противостоянии шаблону театрального искусства, автоматон как вариант механизма, снимающего и надевающего маску в ходе имитации человеческих функций, наконец, фильмы ужасов, где в качестве маски куклы выступают наиболее человеческие признаки, такие как глаза. Постановка в один ряд различных явлений кинематографа, анимации, литературы и прикладного искусства показывает, что кукла в маске – это не топос или прием, усиливающий драматические ожидания или актуализующий режимы аффективности, но способ создания здесь и сейчас нового режима аффективности, который и востребован прикладной эстетикой. Поэтические примеры подтверждают, что такой режим аффективности может быть создан не ситуацией конфликта, а общим переживанием при виде произведения декоративно-прикладного искусства. Этот режим имплицитно эстетике страха и трансформаций, которая нашла себе место в хорроре. Но также этот режим позволяет планировать создание публичных символов, принимаемых коллективом как закономерные и необходимые для его самосознания.

Ключевые слова: маска; кукла; аффект; хоррор; жанровое искусство; оптика; визуальность; мимесис; онтология культуры; декоративно-прикладное искусство.

Цитирование: Марков А.В., Штайн О.А. Кукла в маске как эстетико-семиотическая модель // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 2. С. 33–41. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-2-33-41>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Марков А.В., Штайн О.А., 2025

Александр Викторович Марков – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры кино и современного искусства, Российский государственный гуманитарный университет, 125047, Российская федерация, г. Москва, Миусская площадь, д. 6; профессор кафедры русской и зарубежной филологии, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, 600000, Российская Федерация, г. Владимир, ул. Горького, д. 87.

Оксана Александровна Штайн – кандидат философских наук, доцент, доцент Департамента философии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 620002, Российская федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.

SCIENTIFIC ARTICLE

A.V. Markov

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation,
Vladimir State University,
Vladimir, Russian Federation
E-mail: markovius@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6874-1073>

O.A. Shtayn

Ural Federal University named after the First
President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russian Federation
E-mail: shtaynshtayn@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-1701-3147>

The masked puppet as pattern of semiotics and aesthetics

Abstract: the notion of the masked puppet allows us to bridge the idea of the mask and puppet theater, and thus the idea of social strategy, with the intrinsic imaginative configurations of things, the unexpected inspiration that things provide. This article explores the possibility of reviving some of the functions of the archaic mask, drawing on Kwasi Wiredu's African philosophy, Graham Harman's object-oriented ontology, and a wide range of data from contemporary genre films, animated films, and art installations. The archaic mask represents a symbiotic principle as an alternative to the mimetic principle, and the various ways in which the puppet and mask are used simultaneously relate the mimetic principle to everyday life, while the symbiotic principle becomes a principle of innovative practical action. The paper considers the different variants of the masked puppet: the pantomime in its opposition to the templates of theater art; the automaton, as a variant of the mechanism that removes and puts on the mask in the course of imitating human functions; and finally, horror films, where the most human features, such as eyes, act as the mask of the puppet. Setting the various phenomena of cinema, animation, literature, and applied art in the same row shows that the masked puppet is not a topos or a technique that reinforces dramatic expectations or actualizes modes of affectivity, but a means of creating a new mode of affectivity in the here and now, which is demanded by applied aesthetics. The poetic examples confirm that such a mode of affectivity can be triggered not by a situation of conflict, but by the shared experience of encountering a work of art or craft. This mode implicates the aesthetics of fear and transfiguration that has found a place in horror. But it is also a mode that allows us to plan the elaboration of public symbols that are accepted by the collective as legitimate and necessary for its self-awareness.

Key words: mask; puppet; affect; horror; genre art; optics; visuality; mimesis; ontology of culture; arts and crafts.

Citation: Markov, A.V. and Shtayn, O.A. (2025), The masked puppet as pattern of semiotics and aesthetics, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 5, no. 2, pp. 33–41, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-2-33-41>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© Markov A.V., Shtayn O.A., 2025

Alexander V. Markov – Doctor (Dr. Hab.) of Philological Sciences, Professor of the Department of Cinema and Contemporary Art, Russian State University for the Humanities, 6, Miuskaya Sq., Moscow, 125047, Russian Federation; Professor of the Department of Russian and Foreign Philology, Vladimir State University, 87, Gorkogo str., Vladimir, 600000, Russian Federation.

Oksana A. Shtayn – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, 19, Mira Str., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation.

Введение

Кукла в маске – это метафора человека, балансирующего между ролью и подлинной волей. В хорроре она становится монстром, в театре – ин-

струментом актера, а в философии – символом симбиотического взаимодействия. От африканских ритуалов до системы Станиславского маска и кукла остаются ключевыми элементами, через

которые человек осознает себя. Они напоминают, что идентичность – это не данность, а перформанс, требующий зрителя. Сопоставление архаических представлений с современными культурными практиками открывает новые пути для анализа искусства, антропологии и философии. Кукла в маске – не просто образ, а фундаментальный принцип, объясняющий, как человек конструирует свою реальность.

Конечно, фундаментальность любого социального переживания при изучении должна учитывать сами истоки индивидуации. О.М. Фрейденберг пишет, что так как в архаике нет абстрактного мышления, то нет возможности сказать «один» в абстрактном смысле, применяя этот абстрактный предикат к какой-то произвольно выбранной единице. В архаике любое «я», будучи обозначено в речи, превращается в «букву ты», как в рассказе Л. Пантелеева. Любое название себя как индивида подразумевает и признание другого как индивида, который становится твоей тенью, твоим двойником, близнецом или функциональным соответствием: «Семантический генезис этой увязки объясняется тем, что в первобытно-коммунистическом обществе не было производственно-социальных предпосылок к таким формам сознания, которым было доступно восприятие единичности, и число один носило множественный, resp. двойственный, характер. Отсюда боги-близнецы и боги, расщепленные на-двое, соединенные в мифе мотивом дружбы, родства или вражды» (Фрейденберг 1935, с. 382). Далее Фрейденберг показывает, как этот другой превращается в разных жанрах в разные ипостаси: эпического друга-другинника, трагического друга-товарища, комического паразита. Всякий раз это другой, который выставляет не свою индивидуальность, но способность вполне воспринять чужую индивидуальность. Он не играет никакой роли, он только оказывается просто представителем, представляя хозяина. М.Л. Андреев точно заметил, что в античной бытовой комедии паразит может двигать интригу, но может оставаться исключительно декоративным персонажем: «Паразит с его титаническим обжорством играет роль, которая может быть как функциональной, так и чисто декоративной» (Андреев 2002, с. 9). Андреев прослеживает эту декоративность паразита, представляющего только как бы само представительство, само то, что кроме хозяина, в доме еще кто-то может быть представительным, при этом не совершая никаких полезных действий. Это проект хозяина, некоторое устройство, не менее властное над материальным миром, чем сам хозяин, но при этом никакие функции в этом проекте не закреплены. Можно сказать, что паразит и оказывается куклой в маске: он декоративен по функции, но при этом он представляет одно из комических амплуа, одну из комических масок.

С таким паразитом можно сопоставить проклятую куклу, такую как Брамс в триллере Уильяма Брента Белла «Brahms: The Boy II» (2020), в триллере комический паразитизм превращен в уничтожение уже животных и людей, а не еды – эта кукла провоцирует преступления, когда она мертва, как только она оживает, она приобретает характер, и поэтому легко можно ее бросить в печь, как получившую характер, но от нее остается маска, которая и сливается с лицом мальчика – то есть происходит та самая индивидуация, идущая на смену архаической «дружине» или «другу», когда «я» и становится только этим «я» с совершенно индивидуальными и опознаваемыми зрелищными характеристиками.

Методы и процедуры исследования

Такая связь отсутствия индивидуации в архаике с развитием не только всем известной архаической маски, но и куклы, подтверждена африканской философией. Крупнейший африканский философ Квази Виреду (Wiredu 1983) настаивал на том, что западная мысль исходит из того, что некоторая субстанциальность самополагания в западной философии всегда имеется, независимо от того, признается ли человек «чистой доской» или же признаются априорные идеи или представления человека, или даже человек описывается отрицательно, как открытая возможность, как в ницшеанстве или экзистенциализме. Всё это для него варианты признания отправной точки разума и мышления, которой уже приписаны какие-то онтологические измерения. В африканской мысли человек существует сначала как некоторый ритм, некоторая открытость, некоторая ситуация, по отношению к которой действует мысль. Человеком человек становится внутри человечности, то есть совершая этический поступок, который и конструирует его как отправную точку для новых поступков.

В традиционной мысли аканов, центральноафриканского народа, люди не рождаются как волевые существа, они рождаются как часть природы, они не имеют изначально ни природной, ни социальной онтологии. Изначально природа лелеет человека, испытывает его, и поэтому нельзя говорить, что человек обладает природной или социальной сущностью, ничего в этом порядке испытаний или сбережений не указывает на собственную сущность человека. Люди обретают волю, оказываясь среди событий, то есть совершая этический поступок, который и делает человека человеком. Поэтому в этой системе невозможно чисто теоретическое мышление, но только практическое мышление, включающее в себя тело, танец, ритуал и другие коллективные аффекты. Нельзя не отметить типологического сходства мысли Виреду с магистральной линией гениев советской пси-

хологии, от Выготского и Лурия до Рубинштейна и Леонтьева (и проект Ильенкова со слепоглохонемыми), также настаивавших на однозначности определения мышления внутри социальной жизни как навыка совершения поступков и на том, что только в поступках человек становится настоящим человеком.

Но Виреду говорит, что существенное в человеческом опыте всегда конструируется благодаря акту оценки, не только благодаря приобретению опыта, выраженного в речи, как в советской психологии и нейропсихологии, исходившей из письменной культуры и связавшей когнитивные и речевые навыки, но и благодаря внеречевому или доречевому опыту. Таким опытом, связанным с дописьменными культурами, оказывается экзистенциальное переживание, транс, маска, опыт ритма, создающего особую чувствительность, мысль ногами. Тогда африканец и может назвать добрый поступок ценным, он оказывается тем, что сделало самого его тело преисполненным достоинства, телом божественным, тогда как поступок, будучи оценен и другими, признается правильным и человеческим, и признается частью онтологии и этики одновременно. Оценка поступка не требует тоже письменности и речи, но может выражаться в мимике, жестах, театральности жизни. В таком случае маска – это не что иное, как механизм ускоренного достоинства, тогда как кукла – человек в момент оценки собственного поступка, когда он получает божественный статус и может быть только вместилищем достоинства, воздействуя на других трепетным ритмом, но не отдельными словами или жестами.

Идеи Фрейденберг о двойственности архаического сознания находят отражение в современных культурных феноменах: от театральных масок до кинематографических кукол. Даже сегодня «я» не существует без «другого», будь то зритель, актер или ожившая кукла.

Результаты исследования и их обсуждение

Этот другой как основа индивидуации был открыт современными философиями, отказавшимися от идеи человеческой исключительности и настаивающими на плоской онтологии, равняющей персональный опыт с интерперсональным. Грэм Харман говорит в одном из интервью, что театральный элемент никогда нельзя изъять из искусства, просто потому что произведение имеет некоторый избыток в сравнении со вкладываемым в него смыслом. Этот избыток и вовлекает зрителя в произведение: даже если зритель не вовлекается при рассмотрении скульптуры именно так, как вовлекается в действие в театре, всё равно зритель уже вовлечен как-то в жизнь произведения. Он не может выстроить свою индивидуальность в качестве зрителя в отрыве от ин-

дивидуальности произведения, здесь скорее произведение оказывается началом индивидуации, а зритель – тенью, маской или паразитом по отношению к нему. Харман говорит: «Осмелюсь предположить, что маска была первым произведением искусства в человеческой истории. У этого предположения нет археологических доказательств, потому что маски изготавливались из волокна и кожи, недолговечных материалов. Таким образом, археологи не смогли найти очень уж древние маски, несмотря на то что они нашли древнейшие росписи в пещерах и ювелирные украшения. Я думаю, мы все можем ощутить их первобытную привлекательность и внушаемый ими страх» (Харман web). Здесь, конечно, можно проиллюстрировать тайской традицией сохранения кожи с лица учителя. Такая «кожа лица учителя» (หนังหน้าครู) – культовый предмет исполнителей традиционного театра (นาฏศิลป์): когда выдающийся актер умирал, то ученики снимали кожу с лица трупа, чтобы иметь благословение для своего профессионального роста.

Эта маска-кожа, внешне похожая и на античные маски, которые мы привыкли встречать уже как символы театра, не надевается, но она смотрит пустыми глазницами, тем самым требуя от учеников входить в образ. Это лучшее архаическое соответствие системе Станиславского, которую вспоминает Харман – ты вживаешься в образ не пластически приспособляясь к нему, а совершая не менее убедительное действие, так что предмет как бы смотрит на тебя пустыми глазами. Ты изображаешь чайник, но не начинаешь кипеть буквально или переносно, но чайник показывает, что ты достиг большего актерского мастерства, чем у тебя было раньше. Маска-кожа означает, что твой успех в актерском мастерстве будет оценен, даже если публика к этому не готова, но ты не будешь сомневаться, что ты уже актер, достойный своего учителя. Как показывает Харман, маска создает особое пространство, где стирается грань между наблюдателем и объектом. Она не просто скрывает лицо, но трансформирует саму природу восприятия, возвращая нас к архаическим ритуалам.

Так, актером, достойным своего вневременного учителя Бастера Китона, стал мем-пантомимист клоун Леонид Енгибаров. Из множества амплуа больших актеров хочется сказать о «большом клоуне». В истории советского цирка был Виталий Лазаренко и Леонид Танти, Карандаш и Олег Попов, Юрий Никулин и тот самый Леонид Енгибаров. Р. Славский говорил, что «выдающийся клоун создает оригинальную маску» (Славский 1989, с. 50). Мы бы сказали, что маской для клоуна становится лицо, играющее и жонглирующее, призывающее и пугающее неуловимо для взгляда зрителя.

Енгибаров создал свой образ-маску, под стать авторской художественной модели новой клоунской интермедии, взяв примером лицо Бастера Китона: «Настоящее потрясение, – писал Леонид, – перед глазами все время стоял его невозмутимо-грустный взгляд, его худое, бледное, чуть скуластое лицо и приплюснутая шапочка на голове» (Славский 1989, с. 63). С момента встречи с творчеством Китона, «каменно-бесстрастное лицо стойка» (Славский 1989, с. 63) стало интеллигентно-грустным лицом-маской Енгибарова. Кожа учителя приросла к лицу другого артиста, дав ему благословение на зрительский успех.

Енгибаров убежденно утвердил свой поиск на теории Б. Брехта: «Главное средство мастера циркового смеха – экстраординарное преувеличение» (Славский 1989, с. 106). Брехтовский эффект очуждения в качестве актерского метода позволял проявлять позицию по отношению к поступкам своих же персонажей даже в маленькой антрепризе. Сложная миниатюра «Катушки» Леонида Енгибарова говорит нам о тщеславии, а интермедия «Тарелки» ставит в оппозицию инспектора манежа, который отвечает за соблюдение правил/социальных норм, и мальчишку. «В результате целенаправленных размышлений о клоунской маске Енгибаров все больше склонялся к характеру подростка» (Славский 1989, с. 90). Это и есть кукла в маске: карикатурный и искренний персонаж, каждый из которых высвечивает свое лицо исключительно в действии, причем действие одного персонажа невозможно без действия другого – но лицом, их высвечивающим, будет лицо самого Енгибарова.

Ведь для утверждения идеи лица и характера персонажа необходим полный образ, каждая деталь которого продумана и рассчитана. Таков герой в «Андрее Рублеве» А. Тарковского, когда герой Р. Быкова обнажает спину и мы видим ниже спины нарисованную рожицу. Лицо везде, это полный образ. Подобную художественно реализованную идею мы наблюдаем в фильме Ф. Феллини «Клоуны». Скоморохи выворачивали одежду наизнанку и надевали шапки задом наперед. Они «валяли дурака», но этот «дурак знал о мире больше, чем его современники» (Славский 1989, с. 131). Так клоун-мим в полосатой фуфайке, черном трико, поношенной мужской шляпе, с минимальным гримом на лице, с подростково-французской челкой вышел на арену цирка и показал, как образ может дрейфовать внутри самого лица, хотя, казалось бы, социальная маска стала определенной, но под этой маской выстраивается кукла чистой игры, чистого преувеличения, чистой брехтовской отмены четвертой стены. Тогда молчаливая пантомима оказывается и пробуждением к игре, и Харман лучше всех в современной философии показал, что письменность и текстовость можно трактовать не только как введение писанных правил, но и

как особую технику пробуждения, где кукла просыпается, надев, а после сняв маску прописанных ей правил, оставшись при этом принадлежащей и миру яви, и миру сновидения.

Харман вспоминает: «Однажды, где-то 20 лет назад, меня пригласили в Чикаго на вечеринку по случаю Хэллоуина. Я долго не мог купить костюм, и к тому моменту, как я добрался до магазина, там ничего не осталось, кроме одной шедевральной вещи. Это была устрашающая маска зебры из Танзании с дымчатыми заплатами вокруг глаз. Животное, восставшее из мертвых. Я надел черный свитер и черные штаны и нанес на них белый скотч, чтобы сделать полосы, затем я повесил на шею коровьи колокольчики, чтобы усилить тревожный эффект, и я выиграл первый приз на этой вечеринке. Чуть позже мы обнаружили, что одна из собак моих родителей была напугана маской зебры, и нам пришлось спрятать ее в кабинете. Но как-то раз мой брат со своей девушкой навестили меня и захотели увидеть маску. Я надел ее, а их собака, которая любила меня так же, как брата, начала вести себя так, как если бы увидела демона, – громко и испуганно лаять. Вторая собака примчалась из комнаты, подпрыгнула и сорвала маску. Собаки, которые так хорошо знали меня и помнили мой запах, были тем не менее уверены, что я превратился в монстра. В людях этот первобытный страх и восхищение масками еще сильнее. Единственным шоу, которое заставило меня разрыдаться из-за своей красоты, была выставка в Канаде, посвященная индейским маскам с северо-запада Тихоокеанского побережья Америки, маскам племени квакиутл: вороны, осьминоги и т.д. В нас осталось что-то, что заставляет содрогаться при виде маски. Надеть маску или увидеть ее – все равно что попасть в театральное пространство, где ты вовлечен в искусство, а не просто воспринимаешь его» (Харман web). Как мы видим, Харман выделяет следующие свойства маски: 1) она обращена не к человеку как носителю индивидуального сознания, а ко всей природе, собака тоже опознает маску как сообщение, причем требующее немедленной реакции, 2) воздействие маски – это не опознание, подразумевающее мимирию, а как раз противоположность всякой мимирии, напоминание, что есть какое-то индивидуальное начало, не сводимое к мимикрии, 3) маска создает особое театральное пространство, где ты уязвим для воздействия искусства, где ты не можешь вынести никакой аффект искусства за скобки. Исходя из этого, Харман указывает и на недостаток АСТ Бруно Латура: в этой системе акторы действуют не как куклы, а, скорее, как социальные маски, как те, кто взял на себя какую-то функцию. Тогда как любая маска подразумевает вот эту пугающую индивидуализацию, и поэтому, чтобы взаимодействия стали регулярными, необходимо

как раз превратить акторов в куклы, не в смысле чистого исполнителя чужой воли, марионетки, но в смысле устойчивой способности к симбиозу. В книге «Имматериализм» (Харман 2018) Харман рассматривает как кукольные сценарии разных предприятий, таких как Ост-Индская компания, подразумевавшие как раз устойчивые формы производства и получения дохода, осуществлялись не через социальные маски и не через мимику, как в системе Латура или Каллона с его мимикрией предприятия то под министерство, то под саму природу, а через наличие определенного воспроизводства волевых индивидов. Как только это производство «кукол», деревянных солдат Урфина Джюса заканчивается, заканчивается и существование компании. Именно такой симбиотический принцип вместо миметического и требует от авторов хорроров о страшных куклах отказываться от спецэффектов, которые говорят как бы о всемогущей воле постановщика и разрушают тем самым волю куклы.

Сам Харман стремился оспорить редукцию Латуром вещей к их агентности через собственный сон. В книге «Circus Philosophicus» (2010) он пересказывал свой сон, в том числе такой эпизод: «Только сейчас я заметил три странных флага, свисавших с шестов на здании напротив. На самом левом флаге был изображен зазубренный зеленый треугольник на поле глубокого вермильона. Флаг справа был менее заметен при таком направлении ветра, но, очевидно, представлял собой оптическую иллюзию с использованием туго закрученной спирали. Но именно флаг в центре сыграет важную роль в моей жизни: на этом знамени была изображена реалистичная зебра на фоне чистейшей лазури. В этом дремлющем животном было что-то знакомое, и я вскоре вспомнил, как однажды использовал зебру в качестве примера для своей теории спящих или дремлющих объектов. Именно над этой теорией я сейчас размышлял, продолжая попытки найти некую точку посредничества между философией Латура (которая не допускала никаких спящих объектов) и моей собственной (которая категорически требовала их наличия)» (Шишков web). Таким образом, хотя зебра и есть персонаж сна, она как некоторый страх, навязчивая мысль, не принадлежит только полю сна. Ведь внутри сна она репрезентирует нечто другое, чем просто логику сна, репрезентирует несводимость сна к его логике. Можно сказать, что зебра есть кукла, надевающая маску сна, но также способная ее снять на тот миг, когда она становится примером, некоторым моментом мышления и аргументации.

Харман далее говорит об этом весьма подробно, объясняя, что данность зебры – это данность практической эстетики, то есть она выступает как механизм или устройство, которое направляет объекты к практическим решениям. Объекты при

этом получают свободу воли, но только частично, потому что будучи частью единой плоскости, они реализуют эту свободу воли как маску, как способ выступить, обрести социальное измерение и предстать социально свободными для других. Например, школа позволяет свободно оперировать знаниями в обществе, сама не будучи свободным институтом. Зебра тогда – это кукла, виртуальный автоматон, который хотя и снится, но он своей непрактичностью показывает, сколь легок переход от сна к бодрствованию и от мечты к яви. То есть зебра – кукла проектного мышления, остающаяся до тех пор, пока существуют проекты, ее можно представить, например, как *пачку ордеров* (образ Алексея Гастева) (Гастев 1921) или как план-проект. Харман пишет: «Остается вопрос, как объект переходит из состояния сна в состояние бодрствования. Нетрудно догадаться, что объект переходит от одного опыта к другому, прокладывая туннель через различные свои восприятия – к новым. Но как зебра может выбрать уход от объектов в сон, а затем снова вернуться к отношениям бодрствования? Ответ в том, что она не может. Как и любой другой объект, зебра просто то, что она постоянно есть. Но это означает, что вхождение в сон или возвращение в состояние бодрствования не может быть вызвано самой зеброй. Только части зебры способны направлять её в новые ситуации того или иного рода. Другими словами, свобода воли существует не для объектов, а только для их частей. Сами по себе мы отрезаны от окружающей среды, но отчасти находимся во власти своих частей. Это странная обратная сторона принципа, согласно которому мы всегда выходим за пределы своих частей, но не всегда выходим из внешних отношений» (Шишков web).

Виктор Григорьев создал такую куклу-автоматон, Коломбину, которая сейчас представлена у входа в Музей театрального и музыкального искусства в Санкт-Петербурге. Это кукла в маске, которую движет электромотор, она снимает маску и вновь надевает ее. Она становится фонарем, зажигаются в ней лампочки. Таков ее функционал, явить театральный свет и даже прообраз умного света. Здесь кукла в маске как бы дает свободу воли театрам, разным театральным постановкам прошлого, которые становятся поучительными для посетителей музея. Спектакли выходят в музейном пространстве за пределы своих частей, по слову Хармана, за пределы музеефицированного прошлого, но остаются во внешних отношениях истории театра.

Возможна и злая, совершенно не просвещенная, лишенная всякого намека на свет кукла в маске. Анимационный фильм «Зверь» (2021) чилийского режиссера Хуго Коваррубиаса на тему банальности зла создает обобщенный образ тиранической личности, в которой узнаются черты

Ингрид Ольдерок, офицера спецслужб А. Пиночета, которую обвиняли в пытках заключенных газом и травле собакой. Сюжет образует то, как героиня, склеенная фарфоровая кукла, которой был нанесен удар в висок, летит в самолете и пытается забыть о призраках прошлого. Вся анимация – большой флэшбек: героиня живет в пригороде, в пригороде же неподалеку находится тайная тюрьма, в обычном милом коттедже, где фарфоровые полицейские музыкой из войлочного магнитофона заглушают крики узников. Садистку мучают кошмары – в одном из снов она вместо палки бросает любимой собаке нож и сносит ей голову, в другом на лужайке оказывается и копия тюрьмы, кукольный домик. Ее убивают выстрелом в висок, и перед ней разворачивается замедленная съемка, где пуля проходит через ее дом, снося привычные вещи. Таким образом, неприятная героиня отождествляется с бытом как с маской, уютной маской пригородной жизни; она не различает свое тело и привычный дом, тогда как сама является куклой, исполнительницей чужой воли.

Наконец, кукла в маске как чистый страх перехода от состояния детства в состояние взрослости – это Коралина в одноименном анимационном фильме режиссера Генри Селика (2009). Одиннадцатилетняя Коралайн Джонс получает в подарок тряпичную куклу, похожую на нее. Игровой мир/потусторонний и мир реальный/посюсторонний в фильме зазеркалены – и ключом к освобождению/заточению душ детей-кукол, что оказались запертыми в зеркале, являются пуговицы-глаза. Метафора души от Гегеля до Л.Н. Толстого выстраивалась через зрение и видение. М.Б. Ямпольский, лучше всего об этом писавший, цитирует слова Гегеля: «Человек – это ночь, это пустое ничто, которое содержит все в своей простоте, богатство бесконечно многих представлений, образов.... Это ночь, чистая самость: то появляется вдруг окровавленная голова, то какая-то белая фигура» (Ямпольский 2001, с. 6). Хочется добавить: «то деревянные пуговицы, которыми невозможно смотреть на реальный мир». Коралина начинает себя идентифицировать в момент, когда перестает осознавать себя как кукла. Тогда кукла с пуговицами вместо глаз теряет силу. Пуговица – это сама взрослость, застегнутость на все пуговицы.

Такой переход ко взрослости через зрение отметил Ж.-П. Сартр, обращающий наше внимание, что дети не только ведут как-то себя с куклами, отзеркаливая манеру общения взрослых с ними, но и начинают куклами играть двойную игру, манипулировать собой, как они делают со взрослыми. «Он себя видит видящим; он смотрит, чтобы видеть, как он видит; он созерцает свое созерцание дерева, дома» (Андреев 2004, с. 130) – пишет Л.Г. Андреев, комментируя позицию Сартра, и продолжает: «это уже не ребенок, это конструи-

руется Сартром модель взрослого». Л.Г. Андреев выделяет среди творчества Сартра книгу «Слова», квинтэссенцию и сердцевину философского и литературного творчества, где даются не только автобиографические, но истинно экзистенциальные вызовы и ответы на эту ситуацию бытия-видящим, что ты видим не хуже, чем буква. Ты – кукла экзистенциального вызова, а буквы-слова-тексты – твоя маска, которую ты снимаешь, но после торопишься надеть.

Такое отзеркаливание отмечает и Леонид Пантелеев, упомянутый выше в тексте, в книге для родителей «Наша Маша» ведет дневник наблюдений за своей маленькой дочкой. Дети играют с куклами, которые играют с детьми:

«Прохожу мимо столовой и вижу сквозь стеклянную дверь: Машка сидит на тахте, держит двумя руками крохотную бумажку и читает что-то вслух кукле Эмме, которая сидит рядом:

– Я ей читаю, – говорит Маша.

– Что это – газета?

– Да... газета... московская “Правда”» (Пантелеев 1976, с. 138).

Газета нужна как часть игры, подражающей взрослым, это как объект Хармана, получающий свободу воли только в одном своем аспекте, буквенном. И эти буквы, слова и становятся произвольным чтением девочки, имитацией акта чтения, маской для куклы, которая тоже должна заговорить по-взрослому. Можно было бы описать эту сцену как пантомиму, но это серьезная игра, газета-бумажка работает как Зебра Хармана, позволяя миру детей и миру взрослых поторопиться одинаково надеть социальные маски. Прикладная эстетика кукольного мира оказывается здесь автоматом, запускающим социальную речь и способствующим взрослению девочки.

Прекрасный пример литературного хоррора на тему «кукла в маске» мы встречаем в стихотворении Георгия Иванова «Фигляр»:

Я храбрые марши играю,
Скачу на картонном коне,
И, если я умираю,
Все звонко хлопают мне.

Мои представления не плохи,
Понравятся, коль поглядишь.
Ученые прыгают блохи,
Танцует умная мышь.

А то, если милые гости
Хотят, мы в дальнем углу
Отыщем ржавые гвозди,
Особенную пилу.

Приятно тела восковые
Гвоздем раскаленным колоть:

Трепещут они, как живые,
Нежны, как живая плоть.

Я сердце когда-то измучил,
И стало негодным оно,
А пытки для глупых чучел
Выдумывать – так смешно.

Я детские песни играю,
В карманах ношу леденцы,
И, если я умираю,
Звенят мои бубенцы.

Стихотворение имеет в себе черты и высказывания лирического героя, и ролевой лирики. Фигляр по крайней мере дважды меняется, что соответствует трем начальным «я». Сначала он просто актер, который устраивает зрелища на потребу публики, но также может устроить и страшное зрелище, казнив ненужных кукол. Далее он сам себя ощущает ненужным в любви, а значит, он сам оказывается кем-то смешным, он смеется над казнимыми куклами, и они заставляют публику смеяться над ним или же признать себя смешным. Следующая индивидуация приводит к тому, что просто это «я» и оказывается «я» куклы, для детей он не более интересен, чем кукла, а значит, может тоже сразу умереть. Тем самым, это стихотворение о кукле, сначала надевшей маску кукольника, потом снявшей эту маску, а потом надевшей маску куклы. Только так можно связно понять индивидуальность повествователя. Но эта индивидуализация скорее сопоставима с выбором между доброй и злой куклой и между добрым и злым поступком, то есть ситуацией добрых и злых кукол, способствующих социальной ответственности, а не кошмарных кукол, способствующих взрослению. Но мы видим, как в стихах может описываться этот опыт пробуждения и принятия любых социальных правил как записи, письма, маски, которую можно отбросить в любой момент, вновь погружаясь в собственный кошмар. Пантомима выходит на границы письменности и стихотворного ритма и оказывается тем страхом, от которого нельзя не отвести глаза.

Сходную трехчастную структуру мы находим в стихотворении Зинаиды Гиппиус «Мученица»:

Кровью и огнём меня покрыли,
Будут жечь и резать, и колоть,
Уголь алый к сердцу положили,
И горит моя живая плоть.

Если смерть – светло я умираю,
Если гибель – я светло сгорю.
И мучителей моих я – не прощаю,
Но за муку – их благодарю.

Ибо радость из-под муки рвётся,
И надеждой кажется мне кровь.
Пусть она за эту радость льётся,
За Того, к кому моя любовь.

В первой строфе это маска мученицы, которая должна выдержать любые пытки, и эти пытки тоже уничтожающие, разрушающие и расплавляющие тело, как тело восковой куклы. Далее эта маска человека снимается, и равенство человека и куклы выражается в том, что мучитель не может быть прощен – вопреки житиям мучеников, где мученики молились за мучителей. Это позиция именно индивида, который не обладает властью прощать в своей самотождественности, прощать можно только приняв маску Другого, который и может всё исправить. И такая маска в конце оказывается кукольной – наблюдение за своей же собственной льющейся кровью возможно для куклы, надевшей кукольную маску – а иначе миметическое отношение потребует всё же не признать радость (какая тут радость?) – а стихотворение Гиппиус требует такую радость признать, то есть признать социальную зрелость, что ты, мученица, окончательно повзрослела.

Заключение

Итак, мы увидели теснейшую связь *куклы в маске* с проблемой архаического мышления и индивидуации. О.М. Фрейденберг поставила вопрос о невозможности абстрактного понятия «один» в архаическом сознании, где любое «я» неизбежно предполагает «другого» – двойника, близнеца или функционального соответствия. Это отражается в мифологии (боги-близнецы) и литературе, где индивидуальность всегда существует в связке с зеркальным отражением. Фрейденберг показала, как «другой» принимает различные формы в зависимости от жанра: эпический дружинник, трагический товарищ, комический паразит. Эти фигуры не обладают собственной индивидуальностью, но служат отражением главного героя, подчеркивая его роль. В комедии паразит, по замечанию М.Л. Андреева, может быть как функциональным, так и чисто декоративным персонажем. Он не действует самостоятельно, а лишь представляет саму идею представительства, становясь «куклой в маске» – существом без воли, но с символической значимостью.

Но изучение истории театра неотделимо от понимания маски как архаического инструмента театральности. Грэм Харман показал, что маска – первое произведение искусства, воздействующее не только на людей, но и на животных, вызывая инстинктивный страх. Она создает пространство, где зритель не просто наблюдает, но вовлекается в искусство, теряя контроль над собственным восприятием. В хорроре кукла (как в «Brahms: The Boy II») становится носителем зловещей инди-

видуальности, а в традиционном театре (например, у тайских исполнителей) маска-кожа учителя служит инструментом вживания в роль. Кукла и маска – это два полюса: одна обретает характер, другая его стирает. Леонид Енгибаров, необычный клоун СССР, лишенный гротеска, создавший свою «маску» под влиянием Бастера Китона, демонстрирует, как лицо артиста становится инструментом игры. Его персонажи – «куклы в масках», где социальная роль (клоун, подросток) сливается с индивидуальным исполнением. Он предпочитал пантомиму слов и вещей для осуществления индивидуации, в том числе используя вещи. Такая индивидуация и есть выход пантомимы на границы письма, явных и явленных правил, и дальнейшее признание свободы воли, в том числе и зловещей свободной воли некоторых злодеев.

От античного парасита до зловещих кукол в хоррорах – везде прослеживается конфликт между индивидуальностью и ее имитацией. Маска и кукла становятся ключевыми метафорами для понимания того, как человек конструирует свою идентичность через взаимодействие с «другим». Примером куклы в маске можно считать актеров, выполняющих одну функцию, например, актер-ангел, открывающий Венецианский карнавал в маске. Архаика показывает такую маску как непосредственно театрализирующую жизнь, не через миметический, а через симбиотический принцип. Грэм Харман критикует Бруно Латура, указывая, что в его социологии только социальные маски и куклы, а для настоящей философии нужна кукла в маске. Именно такая кукла в маске нужна и прикладной эстетике, где недопустимо, чтобы миметический принцип увлек далеко от решения практических задач. Прикладная эстетика нуждается в симбиотическом принципе, и кукла в маске оказывается наиболее поучительным символом такого симбиоза. Она осуществляет свои функции в пределах своей механизации и механизации своего зрения, из-за чего и не происходит эстетической идеализации, зрительной мечты, но при этом осуществляется зримое действие куклы и маски, углубляющее социальное переживание всех, кто оказался свидетелем этого действия.

Библиографический список

- Андреев Л.Г. Жан-Поль Сартр. Свободное сознание и XX век. Москва: Гелеос, 2004. 416 с.
- Андреев М.Л. На границах комедии. Чтения по истории и теории культуры. Вып. 34. Москва: РГГУ, 2002. 32 с.
- Гастев А.К. Пачка ордеров. Рига, 1921. 8 с.
- Пантелеев Л.А. Наша Маша. Ленинград: Детская литература, 1976. 382 с.
- Славский Р. Леонид Енгибаров. Москва: Искусство, 1989. 303 с.

Фрейдсберг О.М. Из до-гомеровской семантики // Академику Н.Я. Марру: XLV – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1935. С. 381–392.

Харман Г. Имматериализм. Объекты и социальная теория. Москва: Издательство института Гайдара, 2018. 160 с.

Харман Г. За эстетикой – будущее философии. Электронный ресурс. URL: <https://www.colta.ru/articles/art/12175-grem-harman-za-estetikoy-budushee-filosofii> (дата обращения: 28.03.2025).

Шишков А. Радио Харман [блог переводов]. URL: <https://web.telegram.org/a/#-1002580818101> (дата обращения 28.03.2025).

Ямпольский М.Б. Демон и лабиринт. Очерки немиметического зрения. Москва: НЛО, 2001. 336 с.

Wiredu, Kwasi (1983), The Akan concept of mind, *Ibadan Journal of Humanistic Studies*, no. 3, p. 113–134.

References

Andreev, L.G. (2004), *Zhan-Pol' Sartr. Svobodnoe soznanie i XX vek*, Geleos, Moscow, Russia (In Russian).

Andreev, M.L. (2002), Na granicah komedii, *Chteniya po istorii i teorii kul'tury*, vol. 34, RGGU, Moscow, (In Russian).

Gastev, A.K. (1921), *Pachka orderov*, Riga, (In Russian).

Panteleev, L.A. (1976), *Nasha Masha*, Detskaya literatura, Leningrad, USSR, (In Russian).

Slavskij, R. (1989), *Leonid Engibarov*, Iskusstvo, Moscow, USSR, (In Russian).

Freidenberg, O.M. (1935), Iz do-gomerovskoj semantiki, *Akademiku N.Ya. Marru: XLV*, Izd-vo AN SSSR, Moscow, Leningrad, pp. 381–392, (In Russian).

Harman, G. (2018), *Immaterializm. Ob'ekty i social'naya teoriya*, Izdatel'stvo instituta Gajdara, Moscow, Russia, (In Russian).

Harman, G. (n.d.), *Za estetikoy – budushchee filosofii*, Retrieved March 28, 2025, [Online], available at: <https://www.colta.ru/articles/art/12175-grem-harman-za-estetikoy-budushee-filosofii>, (In Russian).

Shishkov, A. (n.d.), *Radio Harman*, Retrieved March 28, 2025, [Online], available at: <https://web.telegram.org/a/#-1002580818101>, (In Russian).

Yampol'skij, M.B. (2001), *Demon i labirint. Ocherki nemimeticheskogo zreniya*, NLO, Moscow, Russia, (In Russian).

Wiredu, K. (1983), The Akan Concept of Mind, *Ibadan Journal of Humanistic Studies*, no. 3, pp. 113–134.

Submitted: 27.04.2025

Revised: 03.06.2025

Accepted: 21.06.2025

НАУЧНЫЙ ОБЗОР
УДК 82.09

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-2-42-50

Дата поступления: 24.05.2025

рецензирования: 21.06.2025

принятия: 24.06.2025

И.А. Викторов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация

E-mail: ivan.viktorov02@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-4233-1779>

Ю.Р. Гарбузинская

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация

E-mail: garbuzinskaya.yur@ssau.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0313-5848>

**Перспективизм в научных взглядах Н.Т. Рымаря:
этико-эстетический вектор творческой личности**

Аннотация: в научном обзоре рассмотрены истоки понятия перспективизм в научных работах профессора Н.Т. Рымаря и развитие этого понятия в поздних работах ученого. Перспективизм понят как процесс творческой деятельности, рождающийся в диалоге между личностью художника и языками культуры и создающий динамическую архитектуру художественной формы. В обзоре проанализированы понятия, содержащие в себе идею перспективизма: романная структура, творческая деятельность, граница, перспективация, повествовательная перспектива, художественный метанарратив.

Ключевые слова: перспективизм; эстетический объект; творческая деятельность; художественная форма; художественные языки XX века; роман; романная этика; проблема личности; Рымарь Н.Т.

Цитирование: Викторов И.А., Гарбузинская Ю.Р. Перспективизм в научных взглядах Н.Т. Рымаря: этико-эстетический вектор творческой личности // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 2. С. 42–50. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-2-42-50>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Викторов И.А., Гарбузинская Ю.Р., 2025

Иван Андреевич Викторов – магистрант 1 курса кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

Юлия Романовна Гарбузинская – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC REVIEW

I.A. Viktorov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation

E-mail: ivan.viktorov02@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-4233-1779>

Yu.R. Garbuzinskaya

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation

E-mail: garbuzinskaya.yur@ssau.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0313-5848>

Perspectivism in the scientific views of N.T. Rymar: the ethical and aesthetic vector of a creative individual

Abstract: the scientific review examines the origins of the concept of perspectivism in the scientific works of Professor N.T. Rymar and the development of this concept in his later works. Perspectivism is understood as a process of creative activity that arises in a dialogue between the personality of the artist and the languages of culture and creates a dynamic architecture of the art form. The review analyzes the aspects that reflect the idea of perspectivism: novel structure, creative activity, boundary, perspectivation, narrative perspective, and metanarrative.

Key words: perspectivism; aesthetic object; creative activity; art form; artistic languages of the twentieth century; novel; novel aethics; personality problem; Rymar N.T.

Citation: Viktorov, I.A., Garbuzinskaya, Yu.R. (2025), Perspectivism in the scientific views of N.T. Rymar: the ethical and aesthetic vector of a creative individual, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 5, no. 2, pp. 42–50, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-2-42-50>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© Viktorov I.A., Garbuzinskaya Yu.R., 2025

Ivan A. Viktorov – Graduate student of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

Yulia R. Garbuzinskaya – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

В обзорной статье, посвященной работам профессора Н.Т. Рымаря, мы хотим показать, как именно концепция перспективизма – одна из недавних идей Николая Тимофеевича, наиболее полно представленная в его работе 2022 года «Перспективизм в искусстве и роман XX века: де-фабулизация», – пронизывает все книги и статьи ученого, отражается во всех темах и направлениях его научной мысли.

Перспективизм можно определить как вектор авторской активности, направленный на решение этико-эстетической задачи посредством создания художественной формы произведения, где в диалоге творческой личности и языков культуры художник ставит вопрос о мире и человеке.

Это предварительное определение перспективизма помогает увидеть глубину и многоаспектность этого понятия, теоретический фундамент которого был заложен Н.Т. Рымарем в работах разных лет.

Теоретические работы Н.Т. Рымаря о романе в свете концепции перспективизма

Сложно сказать, когда именно перспективизм становится объектом пристального внимания ученого, в какой момент это слово приобретает понятийную глубину и терминологическую определенность, но можно видеть уже в ранних работах, что ученый говорит о перспективе, перспективации, или об «определенной направленности» творческого мышления художника.

Например, в книге «Введение в теорию романа» (1989) Н.Т. Рымарь пишет о принципе по-

нимания произведения искусства с точки зрения «направленности и цели высказывания» (этот принцип, как указывает ученый, был выдвинут в XIX в. Августом Бёкхом). Открывая «идеальное высшее единство сообщения», этот принцип понимания произведения искусства характеризует его жанр» (Рымарь 1989, с. 11).

То есть «направленность и цель высказывания» художника связана с понятием жанра, для передачи «идеального единства сообщения» художник выбирает особую жанровую модель, отсюда перспективизм в книгах «Введение в теорию романа» и «Поэтика романа» можно понимать как процесс реализации задач романного жанра.

Именно в первых книгах Николая Тимофеевича, посвященных проблеме романа, закладывается понимание искусства как деятельности. Такое понимание творчества, во-первых, подчеркивает его процессуальный характер, во-вторых, обращает внимание на фигуру автора, которая эту деятельность и осуществляет. Во «Введении в теорию романа» Н.Т. Рымарь определяет художественную деятельность следующим образом: «Это деятельность по обработке, организации материала, в фактуре, внутренней мере которого происходит активное образное отражение и ценностно ориентированное пересоздание действительности, переработка и разработка, развертывание и организация образов, – процесс деятельности, логика и структура которого создает художественное произведение» (Рымарь 1989, с. 10). Соответственно, уже здесь художественное произведение предстает не как реализация «замысла» художника, но как ценностная

активность, как «кристаллизующийся» в процессе понимание смысл произведения.

Фактически в книгах «Введение в теорию романа» и «Поэтика романа» ученый стремится обнаружить перспективизм романного творчества в развитии и становлении романного жанра. Уже здесь появляется образ «цели», содержащейся в романной структуре. Все многообразие форм романного творчества может раскрыть свой общий философский, мирозерцательный, гуманистический смысл только тогда, когда во всех явлениях романного искусства, в сюжетно-композиционных и повествовательных его формах обнаружится определенная творческая цель, подчиненность всех моментов художественной организации произведения общей эстетической задаче, реально понятой не только как отражение и познание действительности, но и как творческий процесс по переработке и преобразованию этой действительности в самой художественной форме. Это решение эстетической задачи связано с проблемой личности, роман создает форму, в которой личность может получить восполнение утраченной эпической цельности, преодолеть ситуацию отчуждения, вызванную отделением личности от коллектива, обособлением ее ценностей, разрывом с другими, ощущением исключительности и одиночества.

Перспективизм романа обнаруживает себя в путях решения проблемы личности – одной из основных проблем, изначально интересовавших Н.Т. Рымаря. Еще во «Введении в теорию романа» закладывается следующее понимание этой проблемы: «Проблема личности – проблема соотношения субъективного и объективного, индивидуального и коллективного, частного и общего, – проблема, связанная с возможностями реализации человеком своей сущности в окружающем мире» (Рымарь 1989, с. 19). Оттого, исторически роман на разных этапах своего существования имеет дело с различным пониманием личности, ее возможностей и ее образа в конкретную эпоху.

В «Поэтике романа» (1990) идея перспективизма присутствует, на наш взгляд, в высказываниях об активности субъекта творческой деятельности и диалоге художника с «громадным историческим опытом освоения и творческой переработки реальности под определенным углом зрения» (Рымарь 1990, с. 13). Структура романного мышления понимается как «система ценностных ориентаций, которая содержит в себе большие культурно-исторические контексты и уже несет в себе определенный миробраз» (Рымарь 1990, с. 13–14). Как нам кажется, именно здесь подчеркивается связь понятия перспективизма с понятием ценностей, проблематизируемых в художественной форме произведения.

В «Поэтике романа» автор уделяет место разговору о «повествовательной перспективе», поня-

тию, несомненно, близкому к понятию перспективизм. Рымарь говорит об отношениях контакта и дистанции между повествователем и героем. Эти отношения «проявляются как взволнованность и холодность, интимность и беспощадная объективность, внутренняя и внешняя точка зрения», «в этих чертах проявляются не столько отношения повествователя к противостоящему ему герою, сколько формы образосозидающей активности творческого субъекта, формы ценностного развертывания, разработки, создания романного образа» (Рымарь 1990, с. 200).

Повествователь может оставить герою «свободу за пределами его слова» (Рымарь 1990, с. 205), и поэтому сущностью романного искусства становится такое развертывание образа, когда образ героя оказывается на границе, когда «герои совершают попытки выйти за пределы своих возможностей» (Рымарь 1990, с. 208).

Повествователь понимается не как нарративная техника, а как носитель «среднего типа социального сознания», культуры мышления социальной среды своей эпохи (Рымарь 1990, с. 209–210). В столкновении с его ценностями через контакт и дистанцию с ним дается ценностный смысл героя и «общий смысл высказывания» автора, понимаемый не как результат, а как деятельность, процесс, то есть именно как устремленность, как вектор, перспективизм. Как мы увидим далее, это одна из сторон диалогических отношений, возникающих в эстетическом объекте.

Перспективизм и проблема художественной деятельности

Если упомянутые выше работы были большей частью посвящены перспективизму романной формы, то в совместной с В.П. Скобелевым книге «Теория автора и проблема художественной деятельности» (1994) Н.Т. Рымарь обращается напрямую к тому, что он позже назовет авторским перспективизмом. В этой работе, как понятно из названия, продолжается развитие идеи искусства как деятельности, в этот раз напрямую связываемой с авторской активностью. Здесь исследователи обращаются к бахтинской концепции материала, оказывающего сопротивление творцу. В этой работе, на наш взгляд, дается весьма подробное описание способа обнаружения авторского перспективизма в произведении.

Исходным положением исследователей становится мысль о том, что «смысл поэзии и искусства – в деятельной работе художника, его творческом взаимодействии с материалом» (Рымарь, Скобелев 1994, с. 6). Произведение понимается как «содержательное единство» и «форма организует художественный текст, предстающий как реализация целостного отношения автора к действительности» (Рымарь, Скобелев 1994, с. 5).

Соответственно, «Искусство начинается с освоения и переработки [художником] жизненного материала, и только в результате этой работы – творческого взаимодействия воли художника и энергии, заключенной в материале, – возникает художественное содержание» (Рымарь, Скобелев 1994, с. 6). Поскольку именно в процессе «творческого взаимодействия воли художника и энергии, заключенной в материале», возникает художественное содержание, художественная форма оказывается первична по отношению к содержанию.

Содержание по Бахтину (из этого определения исходит Н.Т.) – это ценности/деятельность познания и (этического) поступка. Отсюда можно прийти к мысли о том, что содержание образует материал и воля художника, вступающие в определенные отношения. Следовательно, содержание не дано в замысле, но появляется лишь в процессе этого взаимодействия, о чем Н.Т. говорит в статье о перспективизме: «Художник, формируя целое, оказывается также тем, кто впадает в зависимость от него, так как он вынужден следовать логике психологических реакций героя, давая им ценностное завершение: фактически он «служит» своему произведению» (Рымарь 2022, с. 9).

Мы подробно остановились на этих формулировках теории автора, потому что они подчеркивают процессуальный, динамический характер творческой деятельности. Понимание смысла произведения искусства заключено в освоении вектора направленности всех элементов системы художественного произведения к некоему единству. Это единство (и его возможное достижение) не покрывается понятием «позиция автора», потому что слово «позиция» не передает процессуальность и динамику, очень важную в формировании и освоении смысла художественного произведения. В то время как понятие перспективизма напрямую передает именно эту установку – активное преодоление материала в форме, проявление смысла произведения в самой деятельности, в движении, в котором художник вступает в диалог с готовыми формами (это может быть жанр, или сюжетная схема, или культурные ценности, или язык, или герой, с его психологическими реакциями и его правдой).

Авторы книги «Теория автора и проблема художественной деятельности», развивая идеи художественной формы, преодолевающей материал и возвращающей человеку переживание мира (формальная школа), идеи системности произведения (структурализм), идеи Гумбольдта (об обретении независимости от языковой сферы в индивидуальном высказывании в слове), идеи Бахтина о слове не как единице языка, но как позиции сознания, активности, с которой художник вступает в отношения, позволяющие личности высказываться, потому что «никто не вправе монологизировать

истину» (Рымарь, Скобелев 1994, с. 51), и наконец, идеи, развивающие теорию автора, – от Виноградова и его «форм языкового сознания» до Томашевского и Гинзбург с идеей разного проявления автора в различных субъектах организации художественного текста, до работ Кормана, предложившего системно-субъектный метод анализа, – Скобелев и Рымарь приходят к мысли, что за каждым высказыванием в произведении стоит голос субъекта и автор не может быть сведен к завершенной позиции. В произведении есть нечто, что «выражает» автора, но не совпадает с ним, его сознанием, а подлинной основой искусства является не сознание, а целостная жизнь: «Поэтому художник говорит не только своим голосом – в его высказывании высказывает себя жизнь. Дело, как видно, не только в том, что художник повторяет общие места сознания своей среды, эпохи и проч., не только в том, что он в искусстве не только говорит, но и деятельностно живет – его жизнь, его деятельность является непосредственным высказыванием жизни, не покрываемым его конкретной точкой зрения, задачами, которые он ставит перед собой в творческом акте» (Рымарь, Скобелев 1994, с. 109).

Эта целостность складывается из встречи события личного и сверхличного. И новые контексты культуры «дают произведению новый свет» (Рымарь, Скобелев 1994, с. 111). Идея перспективизма позволяет увидеть эту мысль о новых смыслах произведения, возникающих с новыми формами культуры, о новых связях глубинных форм опыта, универсальных структурах человеческого бытия, которые даны через личностное авторское сознание именно как отношение смыслов, как борьба «позиций», как вечно существующее (и в будущем) вопрошание, но не конечный ответ.

Перспективизм и теория границы

Вероятно, впервые Н.Т. Рымарь употребляет «перспективизм» именно как понятие в книге «Поэтика границы в литературе», изданной в 2016 году. По логике развертывания текста исследования, ему предшествует похожий термин «перспективация». В главе «Изоляция и медийное перспективирование» он употребляется применительно к границам, которые накладывает на художественное произведение тот или иной медиум (живопись, музыка, литература и т. д.): «Материал чрезвычайно интенсивно, а главное – существенно – перспективирует и особым образом семантизирует объект» (Рымарь 2016, с. 96). Перспективация, по мнению Н.Т. Рымаря, «организует эстетические бытие [целого] с определенной позиции и в определенном аспекте» (Рымарь 2016, с. 96). Здесь становится важным особое видение объекта, вернее перспектива его видения (в данном случае диктуемая материалом).

Далее, в главе «Эксплицитные и имплицитные рамы и контексты», посвященной рамочным композициям в литературных произведениях, появляется и понятие «перспективизм». Касательно него Н.Т. делает лишь общие замечания, однако уже здесь он вводит важные формулировки, которые, как мы увидим, будут играть роль в его дальнейших работах: «...необходимо обратить внимание также на то, что понятие перспективизма не должно быть ограничено только проблематикой, обусловленной субъективностью позиции рассказчика. Следует изучать также и функции композиционных соотношений между сюжетными и микросюжетными уровнями, создающими рамы и перспективы: речь идет об анализе отношений в системе рамочного повествования, возникающих между жизненными мирами и событиями, которые соотносятся не по субъектно-объектному принципу, а расположены в одной плоскости, рядом друг с другом» (Рымарь 2016, с. 160). Здесь звучит мысль о том, что перспективизм не есть лишь проблема «точки зрения» или «субъектной организации произведения», но напротив, несоизмеримо шире этих понятий, о чем Рымарь прямо скажет в более поздней статье: «Перспективизм в этом смысле – не проблема «метода точки зрения», фокализации или нарратологии в целом» (Рымарь 2022, с. 7).

В соседней главе «Двойная перспектива» Н.Т. Рымарь говорит о необходимости исследования «имманентного перспективизма в литературном произведении». «Перспективистские отношения» в произведении уже здесь предстают в свете диалогической концепции искусства, предложенной М.М. Бахтиным. Потому перспективизм обусловлен не только внутренней активностью произведения (к примеру, позицией героя), ведь «в литературном произведении “две власти и два закона” – эстетический объект есть место и событие их диалогического взаимодействия» (Рымарь 2016, с. 178). Отсюда, творческий субъект должен найти устойчивую позиции «вне», т. к. «до этого все останется лишь жизненным материалом, просто языком культуры, не организующимся в конкретное, ценностно оформленное “высказывание”». Таким образом, «имманентный перспективизм произведения, его воля к “самообрамлению” рождается в коммуникативных отношениях между субъектом, произведением и действительностью» (Рымарь 2016, с. 178).

В сущности, уже в этом фрагменте Н.Т. Рымарь вкратце оформляет идею о том, что далее он будет называть «авторским перспективизмом» – одним из основных направлений его нынешних исследований. Стоит сразу отметить, что в нашей статье мы несколько избегаем употребления словосочетания «авторский перспективизм», как он часто употребляется в статьях Н.Т., поскольку, хоть это

и основное направление исследования Н.Т. Рымаря, оно, однако, не исчерпывает всей полноты и сфер приложения данного понятия.

Понимание перспективизма в работах Н.Т. Рымаря 20-х годов

Далее Н.Т. начинает использовать термин перспективизм в своих научных работах постоянно и открыто, не замещая его параллельными, схожими понятиями. К примеру, в научно-методическом пособии «Художественный язык XX века (история мировой литературы)» (2021 г.), статье «О творческих истоках рильковских концептов “вещь” и “фигура”» (2022 г.) и, конечно же, статье «Перспективизм в искусстве и роман XX века: дефабулизация» (2022 г.). На данный момент генезис и сущность концепции перспективизма наиболее полно раскрыты в статье «Перспективизм в искусстве и роман XX века: дефабулизация». По большому счету, это единственная работа, посвященная непосредственно обозреваемой нами теме.

Традиционно понятие перспективизм связывается с фигурой Фридриха Ницше, в чьей философии перспективизм носит форму эпистемологической установки на абсолютную относительность познаваемого, зависимость его от познающего, ведь «нет ни факта, ни морального феномена, но лишь моральная интерпретация феноменов». Однако сам Н.Т. Рымарь в качестве одного из основных источников идеи перспективизма называет философию перспективистского мышления, а именно книгу «Философия перспективизма» (1990) Ф. Каульбаха. Ф. Каульбах не сводит понятие перспективизма лишь к философии Ф. Ницше, но находит его исток и центральные установки еще в философии Канта и Гегеля, тем самым, вероятно, связывая его, как и Н.Т. Рымарь, с эстетикой. Важным в понимании перспективизма по Каульбаху Н.Т. Рымарь считает «принцип соразмерности и согласованности опыта и способа поведения личности с ее поиском перспективы понимания мира, в котором эта личность нуждается» (цит. по Рымарь 2022, с. 7). Каульбах считает, что «определенная перспектива может быть для субъекта истиной, если она способна дать ему целостную картину мира, которую он сможет признать отвечающей его поиску смыслового горизонта» (Рымарь 2022, с. 7).

Таким образом, для Николая Тимофеевича «проблема перспективизма в искусстве – это вопросы ценностно ориентированного восприятия и его продуктивности, - проблема творческой активности – “эстезиса” и “пойэзиса”» (Рымарь 2022, с. 7). В искусстве исследователь связывает перспективизм с фигурой автора произведения, который и становится его носителем.

Как уже отмечалось, перспективизм в этой концепции не «точка зрения» или субъективная

позиция художника. «Перспективизм в литературе и искусстве – понятие, указывающее на наличие творческой воли, обнаруживающей себя в ценностно определенной внутренней форме художественного произведения» (Рымарь 2022, с. 7). Отсюда, Н.Т. Рымарь определяет перспективизм в искусстве как творческую активность формообразующей рефлексии художника как способа постижения и интерпретации создаваемого эстетического объекта (Рымарь 2022, с. 7).

В этом определении, во-первых, важно, что перспективизм понимается как творческая деятельность, что указывает на процессуальную природу перспективизма, осуществляемую субъектом творческой деятельности. Во-вторых, становятся принципиально важны те эстетические отношения, в которые вступает субъект творческой деятельности. Так, содержанием эстетического объекта по Бахтину становится «событие встречи сознаний автора, героя и читателя» (цит. по Рымарь 2006). Именно в этих диалогических отношениях и обнаруживает себя авторский перспективизм. «Внеэстетическая реальность входит в лицо героя и читателя в эстетический объект» (Рымарь 2006), потому именно «внежизненная активность автора-творца» призвана восполнить эти «жизненные» ценностные активности культуры и поднять их «к качественно новому бытию», тем самым придать им форму. В концепции Бахтина эти «жизненные активности» («действительность познания и этического поступка») оказывают автору сопротивление, отсюда его эстетической задачей становится облечь в определенную форму эти упорствующие активности. Оттого рефлексия художника в данной концепции начинает носить «формообразующий» характер. В свою очередь, форма понимается Н.Т. Рымарем в качестве «перспективизма автора-творца как активного ценностного отношения к содержанию» (Рымарь 2022, с. 10), которое она обымает. Здесь вновь звучит та же идея, что и в книге «Теория автора», – постижение содержания возможно лишь через форму; а в авторской воле, обрамляющей содержание произведения, т.е. в самой форме, заключен перспективизм творческого субъекта.

Именно поэтому перспективизм не смысл произведения или заданная авторская позиция, а направление активности: перспективизация – «не идейный схематизм автора, заданная концепция, а кристаллизующееся понимание смысла произведения» (Рымарь 2022, с. 10). Перспективизм снимает вопрос о конечной оформленности позиции автора, ведь по самому своему существу он носит процессуальный характер.

Все это отражается в определении авторского перспективизма, которое Рымарь дает в той же статье: «авторский перспективизм – творческая воля, направленная на решение определенной

творческой задачи, которое является реакцией художника на постигаемую им в работе над произведением жизнь» (Рымарь 2022, с. 10).

В публичной лекции, прочитанной в год своего 80-летия, профессор Н.Т. Рымарь определил понятие перспективизма как сознательную ценностную активность – движение художника к некоей цели, которая обуславливает направление его творчества. Сам образ цели становится здесь крайне важным, ведь он задает вектор авторской активности. Перспективизм таким образом становится попыткой высказать некоторое «главное», волнующее человека. Однако Рымарь уточняет, что мир ценностей – это мир целей, которых можно и не достигнуть.

Одной из излюбленных цитат, иллюстрирующих это положение, для Николая Тимофеевича становятся следующие слова Т. Адорно: «нет ничего выразительнее, чем глаза животных – чем глаза обезьян, которые, кажется, на самом деле в реальности грустят о том, что они не люди» (Адорно 2001, с. 166). Эта недостижимость некоего идеала в концепции Н.Т. и становится стремлением художника к невысказанному, к некой сверхцели, которая озаряет и определяет весь путь художника.

Здесь же вкратце дается и «методология» обнаружения авторского перспективизма: «Такое понимание эстетической деятельности предполагает анализ взаимодействия творческой воли субъекта с конкретными особенностями гуманитарной ситуации в культуре» (Рымарь 2022, с. 9–10). То есть перспективизм обнаруживается именно в конкретном способе оформления «жизненного материала», с которым взаимодействует художник. В этой концепции авторская активность становится ответом на вызовы культуры, а также формой решения проблем, на обнаружение которых направлена рефлексия художника.

Перспективизм как ответ на вызовы культуры

Сам Н.Т. Рымарь дает образец анализа перспективизма в художественном произведении в статье 2024 года, озаглавленной «Постмодернистский метанарратив. Двойное кодирование эстетической коммуникации: дискурс и личность». В ней он приходит к выводу, что в основе творчества многих писателей-постмодернистов, таких как Том Стоппард, Джон Барт и Джон Фаулз, лежит схожая проблематика. Вектор их ценностных активностей оказывается направлен на решение проблемы, специфической для культуры постмодерна, – проблемы разрыва между постулатами существующей в культуре идеологии, отстаивающей ценности индивидуальности, самостоятельности и прав личности, и практикой отношения к личности, на поверку обесценивающей ее. По мнению ис-

следователя, «социокультура постмодерна теряет интерес к индивидуальному сознанию личности, ее неповторимости как ценности высшего порядка» (Рымарь 2024, с. 26) – к тому, что составляло основу всей культуры исторического Модерна. В последней же трети XX в. и вплоть до наших дней сознание человека в гуманитарных науках рассматривается больше как «пространство определенных дискурсов, типологически определенных форм восприятия и реакций» (Рымарь 2024, с. 26).

Искусство постмодерна оказывается реакцией на «инструментальный разум» культуры, попыткой отстоять ценность индивидуальной личности – что становится «метанарративом» постмодернистского творчества. Именно так, к примеру, эта проблема остро ставится английским драматургом Т. Стоппардом в пьесе «Розенкранц и Гильденстерн мертвы». В образе совершенно потерянных второстепенных персонажей пьесы Шекспира, выводимых Стоппардом на первый план, Н.Т. Рымарь видит суть бытия среднего человека, которого «внезапно “послали” осознать, что на самом деле он никто» (Рымарь 2024, с. 31). Персонажи пьесы и знакомые с трагедией Шекспира читатели видят в Розенкранце и Гильденстерне «функцию», а не личность. Т. Стоппард же в «трехстороннем эстетическом событии» создает ситуацию видения проблематики их жизни: «это проблема невозможности тождества жизни и слова, в свете которой и жизнь, и искусство теряют свое оправдание» (Рымарь 2024, с. 31).

Заключение

Понятие перспективизма применимо, как нам кажется, к любой творческой личности и означает в широком смысле вектор пути творческого поиска. Цель поиска – открытие смысла, ценностно важного для человека. Николай Тимофеевич на публичной лекции, прочитанной на открытии VI Регионального теоретического студенческого семинара, посвященного изучению его работ в год его 80-летия, предположил, что перспективизм может быть понят как основа литературного метода художника. Метафорическая формула Теодора Адорно, о которой мы писали выше, о миметическом избытке, который есть у художника, о тех самых «глазах обезьяны, которые грустят, что они не люди», может служить образным объяснением природы перспективизма. Эта особенная грусть передает состояние молчаливого и неразрешимого вопроса перед лицом бытия, вопроса о смысле жизни конкретной человеческой личности, ответ на который каждый из нас не может перестать искать.

Библиографический список

Адорно Т. Эстетическая теория. Москва: Республика, 2001. 527 с.

Рымарь Н.Т. «Изоляция» и бахтинская концепция архитектоники эстетического объекта // Новый филологический вестник. 2006. № 2. С. 5–15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izolyatsiya-i-bahtinskaya-kontseptsiya-arhitektoniki-esteticheskogo-obekta> (дата обращения: 16.06.2025).

Рымарь Н.Т. Введение в теорию романа. Воронеж: Воронежский университет, 1989. 270 с.

Рымарь Н.Т. Ирония и мимезис: к проблеме художественного языка XX века // Ирония и пародия: межвуз. сб. науч. ст. / М-во образования и науки Рос. Федерации, Самар. гос. ун-т, Отд. филол. и междисциплинар. исслед. Самар. науч. центра РАН; [под ред. С.А. Голубкова, М.А. Перепелкина, В.П. Скобелева]. 2004. С. 4–17.

Рымарь Н.Т. О творческих истоках рильковских концептов «вещь» и «фигура» // Культура и текст. 2022. №1 (48). С. 152–165. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-tvorcheskih-istokah-rilkovskih-kontseptov-vesch-i-figura> (дата обращения: 16.06.2025). DOI: <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2022-1-152-165>.

Рымарь Н.Т. Перспективизм в искусстве и роман XX века: дефабулизация // Культура и текст. 2022. № 4 (51). С. 6–21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivizm-v-iskusstve-i-roman-hh-veka-defabulizatsiya> (дата обращения: 16.06.2025). DOI: <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2022-4-6-21>.

Рымарь Н.Т. Постмодернистский метанарратив. Двойное кодирование эстетической коммуникации: дискурс и личность // Новый филологический вестник. 2024. № 4 (71). С. 22–34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodernistskiy-metanarrativ-dvoynoe-kodirovanie-esteticheskoy-kommunikatsii-diskurs-i-lichnost> (дата обращения: 16.06.2025). DOI: <https://doi.org/10.54770/20729316-2024-4-22>.

Рымарь Н.Т. Аутентичность художественного высказывания как проблема эстетического события // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2013. № 1 (13). С. 128–150.

Рымарь Н.Т. Глава 1. Проблема аутентичности художественного языка в эпоху модерна // Современное как проблема в истории литературы и культуры: слова и границы понятий «модерн», «модернизм», «постмодерн», «постмодернизм»: коллективная монография / науч. ред.: Т.В. Журчева, И.В. Саморукова, К.А. Сундукова, Л.Г. Тютелова. Самара: ООО «Слово», 2012. С. 21–103.

Рымарь Н.Т. Границы художественного пространства: рама и материал // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2012. № 1. С. 90–100.

Рымарь Н.Т. Еще раз о «прозрачном» и «непрозрачном» слове: к вопросу о структуре поэтического слова // Вестник Самарской гуманитарной

академии. Серия: Философия. Филология. 2007. № 2. С. 185–194.

Рымарь Н.Т. Ирония и мимезис: к проблеме художественного языка XX века // Ирония и пародия: межвуз. сб. науч. ст. Самара: Самарский университет, 2004. С. 4–17.

Рымарь Н.Т. К проблеме «пограничности» аутентичного слова в литературе // Художественные языки немецкой культуры XX века: матер. сем. 2002/2003 [Сотрудничество института германистов Бохум – Самара]. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2004. С. 89–94.

Рымарь Н.Т. Кубистический принцип и проблема мимезиса // Диалог культур – культура диалога. Сборник в честь 70-летия Н.С. Павловой. Москва, 2002. С. 39–51.

Рымарь Н.Т. Пародирование и деятельностная природа искусства // Проблемы изучения литературного пародирования: межвуз. сб. науч. ст. Самара: Самарский университет, 1996. С. 32–41.

Рымарь Н.Т. Порог и язык порога // Поэтика рамы и порога: функциональные формы границы в художественных языках / науч. ред. Рымарь Н.Т. Самара: Самарский университет, 2006. С. 108–115.

Рымарь Н.Т. Поэтика границы в литературе: эстетические и поэтологические аспекты проблемы границы как феномена художественного языка. Седльце: Естественно-гуманитарный университет в Седльце, 2016. 334 с.

Рымарь Н.Т. Поэтика романа. Куйбышев: Саратов. ун-т, 1990. 252 с.

Рымарь Н.Т. Проблема авторского сюжета // Новый филологический вестник. 2006. № 3. С. 189–194.

Рымарь Н.Т. Проблема аутентичного слова: лирический язык прозы Вольфганга Борхерта // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Т. 1. Москва: Языки славянской культуры, 2004. С. 1–24.

Рымарь Н.Т. Проблематизация художественных форм в 20-е года XX века // Художественный язык литературы 20-х годов XX века: матер. конф. Европейская литература 20-х годов: лаборатория художественных форм. Самара, 13-15 декабря. 2000 г. Матер. конф. Самара: Самарский государственный университет, 2001. С. 16–26.

Рымарь Н.Т. Реалистический роман XIX века: поэтика нравственного компромисса // Поэтика русской литературы. Москва: РГГУ, 2001. С. 9–21.

Рымарь Н.Т. Роман XX века // Литературоведческие термины: материалы к словарю. 1999. № 2. С. 63–67.

Рымарь Н.Т. Романное мышление и культура XX века // Аспекты теоретической поэтики: К 60-летию Натана Давидовича Тмарченко: сб. науч. тр. Москва: Тверь, 2000. С. 88–102.

Рымарь Н.Т. Творческий потенциал мимезиса и «немиметических» форм в искусстве // Новей-

шая драма рубежа XX–XIX веков: миметическое/антимиметическое. Самара: Инсома-пресс, 2013. С. 5–21.

Рымарь Н.Т. Узнавание и понимание: проблема мимезиса и структура образа в художественной культуре XX века // Вестник Самарского государственного университета. 1997. № 3 (5). С. 28–39.

Рымарь Н.Т. Хронотоп и диалог // Хронотоп: Межвузовский научно-тематический сб. Махачкала, 1990. С. 34–37.

Рымарь Н.Т. Художественный метанарратив модерна и структура романа XIX в. // Семиотические исследования. 2023. Т. 3, № 3. С. 45–58. DOI: <https://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-45-58>.

Рымарь Н.Т. Художественный язык и язык культуры. Проблемы материала // Проблема художественного языка: сб. тр. Самарской гуманитарной академии. Вып. 2. Самара: Изд-во СаГА, 1996. С. 11–22.

Рымарь Н.Т., Скобелев В.П. Теория автора и проблема художественной деятельности. Воронеж: Логос-траст, 1994. 263 с.

References

Adorno, T. (2001), *Aesthetic theory*, Respublika, Moscow, Russia.

Rymar, N.T. (2006), «Isolation» and Bakhtin's conception of architectonics of aesthetic object, *Novyi filologicheskii vestnik*, vol. 2, pp. 5–15, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/izolyatsiya-i-bahtinskaya-kontseptsiya-arhitektoniki-esteticheskogo-obekta> (Accessed 16 June 2025).

Rymar, N.T. (1989), *Introduction to the theory of novel*, Voronezhskii university, Voronezh, Russia.

Rymar, N.T. (2004), *Irony and Mimesis: to the problem of XX's century language of art*, Samara State University, Samara, Russia, pp. 4–17.

Rymar, N.T. (2022), To the creative sources of Rilke's concepts "thing" and "figure", *Kul'tura i tekst*, vol. 48, no. 1, pp. 152–165, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-tvorcheskikh-istokah-rilkovskikh-kontseptov-vesch-i-figura> (Accessed 16 June 2025), DOI: <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2022-1-152-165>.

Rymar, N.T. (2022), Perspectivism in the art and novel of twentieth century: defabulisation, *Kul'tura i tekst*, vol. 51, no. 4, pp. 6–21, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivizm-v-iskusstve-i-roman-hh-veka-defabulizatsiya> (Accessed 16 June 2025), DOI: <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2022-4-6-21>.

Rymar, N.T. (2024), The postmodernist metanarrative. Double coding of aesthetic communication: discourse and individual, *Novyi filologicheskii vestnik*, vol. 71, no. 4, pp. 22–34, [Online], available at: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodernistskiy-metanarrativ-dvoynoe-kodi>

rovanie-esteticheskoy-kommunikatsii-diskurs-i-lichnost (Accessed 16 June 2025), DOI: <https://doi.org/10.54770/20729316-2024-4-22>.

Rymar, N.T. (2013), Authenticity of artistic statement as a problem of aesthetic event, *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii*, vol. 13, no. 1, pp. 128–150.

Rymar, N.T. (2012), *The problem of authenticity of artistic language in the epoch of Modern*, Collective monograph, Slovo, Samara, Russia, pp. 21–103.

Rymar, N.T. (2012), The borders of art space: frame and material, *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii*, no. 1, pp. 90–100.

Rymar, N.T. (2007), One more time about "transparent" and "not transparent" word: to the question of poetic word, *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii*, no. 2, pp. 185–194.

Rymar, N.T. (2004), Irony and mimesis: on the problem of artistic language of the twentieth century, *Irony and parody: inter-university. collection of scientific articles*, Samara University, Samara, pp. 4–17.

Rymar, N.T. (2004), To the problem of the authentic word in literature, *Samar. gumanit. akad., materials of seminars 2002/2003*, pp. 89–94.

Rymar, N.T. (2002), Cubist principle and the problem of mimesis, *Sbornik v chest' 70-letiya N.S. Pavlovoi*, pp. 39–51.

Rymar, N.T. (1996), The parodic and active nature of art, *Samara State University, collection of scientific articles: the problems of studying parody in literature*, pp. 32–41.

Rymar, N.T. (2006), Threshold and the language of threshold, Samara State University, *Poetics of the frame and threshold: functional forms of the border in artistic languages*, Scientific ed. Rymar N.T., pp. 108–115.

Rymar, N.T. (2016), *The poetics of the border in literature: aesthetic and poetological aspects of the problem of a border as a phenomenon of the language of art*, Estestvenno-gumanitarniy universitet v Sedl'tse, Siedlce, Poland.

Rymar, N.T. (1990), *Poetics of the novel*, Saratov university, Kuibyshev, USSR.

Rymar, N.T. (2006), The problem of the author's plot, *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 3, pp. 189–194.

Rymar, N.T. (2004), The problem of the authentic word: the lyrical language of Wolfgang Borchert's prose, *Yazyki slavyanskoi kul'tury*, vol. 1, pp. 1–24.

Rymar, N.T. (2001), The problematisation of art forms in the 20th of XXs century, *The materials of "European literature of 20th" conference*, pp. 16–26.

Rymar, N.T. (2001), *Realistic novel of the XIX century: the poetics of moral compromise*, RGGU, pp. 9–21.

Rymar, N.T. (1999), The XX century novel, *Literaturovedcheskie terminy: materialy k slovaryu*, no. 2, pp. 63–67.

Rymar, N.T. (2000), The novel thinking and culture of the 20th century, *Collection of scientific articles*, pp. 88–102.

Rymar, N.T. (2013), The creative potential of mimesis and "non-mimetic" forms in art, *Newest drama at the turn of the 20th–19th centuries: mimetic/ antimimetic*, pp. 5–21.

Rymar, N.T. (1997), Recognition and understanding: the problem of mimesis and the structure of the image in the artistic culture of the twentieth century, *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 5, no. 3, pp. 28–39.

Rymar, N.T. (1990), Chronotope and dialogue, *Khronotop: Mezhvuzovskii nauchno-tematicheskii sb.*, pp. 34–37.

Rymar, N.T. (2023), Artistic metanarrative of modernism and the structure of the novel of XIX century, *Semiotic studies*, vol. 3, no. 3, pp. 45–58, DOI: <https://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-45-58>.

Rymar, N.T. (1996), Artistic language and the language of culture: problems of material, *Problem of artistic language: collection. tr. Samara Humanitarian Academy*, vol. 2, pp. 11–22.

Rymar, N.T. and Skobelev, V.P. (1994), *Theory of the author and the problem of artistic activity*, Logos-trast, Voronezh, Russia.

Submitted: 24.05.2025

Revised: 21.06.2025

Accepted: 24.06.2025

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.161.1.06-31

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-2-51-61

Дата поступления: 01.03.2025
рецензирования: 01.06.2025
принятия: 20.06.2025

Е.А. Полева

Томский государственный педагогический университет,
г. Томск, Российская Федерация
E-mail: polewaea@rambler.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4224-8456>

Т.Г. Мастепак

Томский государственный педагогический университет,
г. Томск, Российская Федерация
E-mail: tanjamastepak@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0009-0007-1464-6645>

Социокультурное пространство в романе В. Набокова «Камера обскура»

Аннотация: в статье аргументируются теоретико-методологические основания анализа социокультурного пространства в произведениях модернистской эстетической природы. Анализ социокультурного пространства в романе «Камера обскура» сконцентрирован на трёх аспектах: во-первых, на исследовании социокультурной семантики пространственных образов, во-вторых, на организации социокультурного пространства в динамике сюжетного развития, в-третьих, на изучении персонажей в этом пространстве, социокультурный аспект характеристики каждого отдельно и в системе их взаимоотношений.

Анализ социокультурной семантики пространственных образов позволил реконструировать представления Набокова об укладе жизни европейского общества 1920-х годов в целом и конкретно центральных персонажей – ярких представителей разных социальных слоёв (бюргерская интеллигенция, творческая богема, пролетариат).

Вместе с тем социальный аспект интересует Набокова не автономно, а в контексте проблемы взаимосвязи социокультурного и индивидуального. Писатель показывает невозможность духовного роста и творческого развития социально маленькой и внутренне мелкой личности (Магда) даже в условиях изменения социокультурной среды, а также несостоятельность личности, слепой к окружающему миру, полностью замещающей социально-бытовое зрение эстетическим (Кречмар). Ниспровергается и позиция Горна, имеющего острое зрение, как социально-бытовое, так и творческое, но применяющего его для «окарикуатуривания» жизни. Набоков наказывает его тем, что в финале из создателя карикатур он превращён в «персонажа» карикатурной сцены, но воплощённой не в творчестве, а в социальной реальности.

Ключевые слова: литература русского зарубежья; социокультурное пространство; социокультурная семантика образов; В. Набоков; «Камера обскура».

Цитирование: Полева Е.А., Мастепак Т.Г. Социокультурное пространство в романе В. Набокова «Камера обскура» // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 2. С. 51–61. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-2-51-61>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Полева Е.А., Мастепак Т.Г., 2025

Елена Александровна Полева – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Томский государственный педагогический университет, 634061, Российская Федерация, г. Томск, ул. Киевская, д. 60.

Татьяна Геннадьевна Мастепак – преподаватель кафедры русской литературы, Томский государственный педагогический университет, 634061, Российская Федерация, г. Томск, ул. Киевская, д. 60.

SCIENTIFIC ARTICLE

Е.А. Poleva

Tomsk State Pedagogical University,
Tomsk, Russian Federation
E-mail: polewaea@rambler.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4224-8456>

T.G. Mastepak

Tomsk State Pedagogical University,

Tomsk, Russian Federation,

E-mail: tanjamastepak@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0009-0007-1464-6645>

Sociocultural space in V. Nabokov's novel "Camera Obscura"

Abstract: the article substantiates the theoretical and methodological foundations for analyzing the socio-cultural space in works of modernist aesthetic nature. The analysis of the socio-cultural space in the novel *Camera Obscura* focuses on three aspects: first, the study of the socio-cultural semantics of spatial images; second, the organization of socio-cultural space in the dynamics of plot development; and third, the study of the characters within this space, focusing on the socio-cultural aspect of each character individually and in the system of their relationships.

An analysis of the socio-cultural semantics of spatial images makes it possible to reconstruct Nabokov's ideas about the way of life in European society in the 1920s in general, and more specifically about the central characters – vivid representatives of different social strata (bourgeois intelligentsia, creative bohemians, proletariat).

At the same time, the social aspect interests Nabokov in the context of the relationship between the socio-cultural and the individual. The writer shows the impossibility of spiritual growth and creative development in a socially insignificant and internally petty personality (Magda), even within a changing socio-cultural environment, as well as the failure of a personality blind to the surrounding world, who completely replaces social and everyday perception with aesthetic perception (Kretschmar). Horn's position is also overturned: he possesses a keen vision, both social and creative, but uses it to "cartoonize" life. Nabokov punishes the immoral artist by turning him from a creator of caricatures into a character within a caricature scene, embodied not in creativity, but in social reality.

Key words: Russian literature abroad; socio-cultural space; socio-cultural semantics of images; V. Nabokov; "Camera Obscura".

Citation: Poleva, E.A. and Mastepak, T.G. (2025), Sociocultural space in V. Nabokov's novel "Camera Obscura", *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 5, no. 2, pp. 51–61, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-2-51-61>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© Poleva E.A., Mastepak T.G., 2025

Elena A. Poleva – Associate Professor, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Literature, Tomsk State Pedagogical University, 60, Kiyevskaya Str., Tomsk, 634061, Russian Federation.

Tatyana G. Mastepak – Teacher of the Department of Russian Literature, Tomsk State Pedagogical University, 60, Kiyevskaya Str., Tomsk, 634061, Russian Federation.

Введение

Социокультурный аспект поэтики художественного пространства в романах берлинского периода творчества В. Набокова практически не изучен. Это, на наш взгляд, объясняется тем, что, во-первых, объективно социальная тематика не занимает центрального места в произведениях писателя; о чуждости ему «социальных писателей» «типа Горького» он высказывался неоднократно, в том числе в «Лекциях по русской литературе» (Набоков 2010). Во-вторых, как отметила И.А. Едошина, по сложившейся в отечественном литературоведении традиции учёные, как правило, «не актуализируют социально-экономическую составляющую модернизма» (Едошина 2002).

Мы опираемся на немногочисленные исследования, подтверждающие значимость образов социокультурного пространства в поэтике про-

изведений модернистов. Например, Н.В. Шмидт в кандидатской диссертации «Городской текст в поэзии русского модернизма» обнаруживает многоуровневость семантики образа города у В. Брюсова. «Во-первых, это некий “абстрактный” город, топос которого наполнен чрезвычайно обобщенными образами-символами <...>; во-вторых, это современный город, данный в его *социально-бытовой конкретике* <...>, и в-третьих, это *конкретные города, связанные с прошлым человеческой культуры...*» (курсив наш – Е.П., Т.М.) (Шмидт 2007, с. 4–5). У А. Блока и А. Белого образ города тоже предстаёт «в конкретных бытовых реалиях», но при этом мифологизируется и «вовсе не перестает быть “символичным”» (Шмидт 2007, с. 6,7). Действительно, в литературе модернистской традиции социальное и социокультурное не довлеет над «неомифологическим», философско-ин-

теллектуальным и культурно-эстетическим, но является одним из уровней построения образной системы произведения и может выступать, на наш взгляд, в качестве предмета исследования. Тем более что контекст становления личности и творчества В. Набокова включает масштабные историко-социальные катаклизмы, явно сказавшиеся на его мировоззрении и отразившиеся в творчестве (эмиграция, утрата Родины после Октябрьской революции, неприятие как социального уклада в советской России, так и буржуазных социокультурных ценностей европейского общества).

При анализе мы учитываем сложившиеся магистральные линии интерпретации романа набоковедами. Наибольшее внимание исследователей привлекли темы искусства и зрения (восприятия), поэтика визуальности и кинематографичности, а также этико-философская проблематика (Мельников 2000), (Букс 2019), (Вострикова 2007), (Антошина 2009), (Копосова 2019), (Трубецкова 2010, 2019), (Крюкова 2018), (Чудинова 1999).

Наше исследование отчасти перекликается с работами о «городском тексте» в прозе В. Набокова (Томас 2004), (Уиллис 2008, с. 31, Уиллис 2008, с. 62), (Морев 2008), (Криволицкая 2008), но в них акцентированы иные аспекты изучения художественного пространства. Выражаясь понятиями, обозначенным в диссертации Т.С. Криволицкой, исследователи основное внимание уделяют «ирреальной», «миражной топографии», образам пространства, возникающим в сознании или бессознательном персонажей, и «мифопоэтическим ресурсам “городского” текста писателя» (Криволицкая 2008, с. 6). Нас же интересуют проблема взаимосвязи индивидуального и объективированного в слове конципированного повествователя пространства, взаимовлияния сознания (и бессознательного) и социокультурной среды в «Камере обскуре» (1931, первая публ. 1933).

В определении понятия «социокультурное пространство» мы опираемся на работы П.А. Сорокина (Сорокин 1992, 2010), Е.В. Орловой (Орлова 2017), адаптируя его под задачи литературоведческого исследования. Под «социокультурным пространством» понимаются, во-первых, образы топосов и локусов, обладающие в тексте социокультурной семантикой, во-вторых, социальные связи, взаимоотношения и положения персонажей в этом пространстве, выступающие художественными средствами и создания образов персонажей, и выражения авторской позиции, в-третьих, социальные характеристики пространства и персонажей в нём, выводящие к авторским представлениям об устройстве общества.

Анализ производился с опорой на труды Ю.М. Лотмана, предложившего учёт миромоделирующий потенциал художественного пространства и рассматривать его как способ выражения

различных связей: социальных, временных, этических и т.п. (Лотман 1988, 1996).

Ход исследования

Персонажи романа являются представителями разных социальных слоёв берлинского общества. В центре сюжета сознание бюргера-искусствоведа Бруно Кречмара, раскрывая которое Набоков художественно осмысляет одну из ключевых тем модернизма: несовпадения объективной реальности и её субъективной версии в восприятии отдельного человека. Наиболее ярким маркёром такого несовпадения является образ Магды, юной любовницы Бруно: она дана в оценке целого ряда персонажей, включая эпизодических, и такой приём позволяет Набокову акцентировать своеобразие восприятия Кречмара.

Переплетение в сюжете линий персонажей, имеющих разный социальный статус, позволяет показать сквозь призму их образов срез немецкого общества в целом. Причём писатель посвящает воссозданию пространственно-социальной среды существования персонажей отдельные главы. Бруно Кречмар и его семья вписаны в пространство собственной фешенебельной квартиры (II глава). Театр, галерея, их путешествие в разные города Германии упоминаются единично, не изображаются и не являются местом сюжетного действия, но служат созданию образа жизни обеспеченной семьи. Имя жены Кречмара (Аннелиза) аллюзивно связано с живописью эпохи Возрождения, с полотнами Леонардо да Винчи, а фамилия брата и, соответственно, её девичья (Гогенварт) содержит двойную отсылку – и культурную (творчество П. Гогена оказало значительное влияние на модернистское искусство, в том числе на немецкий экспрессионизм, который возник как отклик на социальные и политические потрясения 1-й четв. XX в.), и социально-историческую: Карл Зигмунд фон Гогенварт (1824–1899) – имевший графский титул и пользовавшийся уважением австро-венгерский государственный деятель. Аллюзии, вкупе с нравственными характеристиками Аннелизы и Макса (доброта, семейственность, неприятие пошлости), семантически возвышают образ этой семьи. Представители семьи «пролетариев» (Магда, её брат Отто) даны в локусах улицы, лавки, кабака, фабрики, съёмных квартир (III глава). Художник-карикатурист Роберт Горн так же, как и Магда, в детстве принадлежал миру социальных низов (в посвящённой его прошлому XVIII главе упоминается «нищая» мать, которую он бросил, эмигрировав в Америку, чтобы избежать мобилизации и участия в войне). Он выбрался из нищеты благодаря таланту карикатуриста и способности использовать обстоятельства в свою пользу. Однако его социальное и материальное положение неустойчиво: «...он года два-три тому

назад разбогател чрезвычайно, а ныне, исподволь и неуклонно, возвращался если не к нищете, то во всяком случае к заработкам очень посредственным» (Набоков 1991, с. 380). Из лаконичных эпизодов, посвящённых Горну, понятно, что он перемещается из страны в страну (Америка, Германия, Франция, Швейцария), из города в город (Гамбург, Берлин, Нью-Йорк и курортные места Франции), проживает в съёмных квартирах и отелях. Места его нахождения (до путешествия с центральными персонажами) детально не описываются, но упоминание перемещений создаёт образ человека, не укоренённого в конкретном социокультурном пространстве. Он оказывается там, где ему удобно, и умеет выбирать выигрышные для себя обстоятельства. Описание прошлого (по отношению сюжетным событиям) каждого персонажа включает пространственные характеристики, что позволяет проследить динамику и семантику перемещений, изменений социокультурной среды.

Заметим, что отдельные социально-исторические темы в повествовании даны «разряженно», неакцентированно. Например, в характеристике мужчин среднего поколения упоминается отношение к Первой мировой войне (отец Магды, в прошлом убеждённый вояка, Кречмар принял участие в боевых действиях в соответствии со своими представлениями о должном, брат Аннелизы воевал и погиб, а Горн эмигрировал, чтобы избежать призыва). А социальная среда жизни семьи Петерс и взросления Магды *концентрированно* представлена в третьей главе.

Основными локусами, оформляющими пространство её отрочества, являются панель дома, угол дома, мостовая, перекрёсток. Каждый из них включает не просто семантику уличного открытого пространства, это места *между* (домом и не-домом, несколькими улицами) и *окраина* города.

Одним из любимых занятий Магды было стоять с дочкой угольщика на панели у парадной двери дома и «шептаться». Набоков намеренно, полагая, использовал образ девочки на панели, совмещая буквальный смысл с метафорическим: социальная роль продажной женщины – вероятная судьба Магды (это в связи с закреплённостью за образом Магды красного цвета отметила А. Злочевская (Злочевская 2018)). Она избегает самого худшего варианта, но становится содержанкой то одного, то другого состоятельного мужчины.

Улица, на которой живёт Магда, в повествовании не называется, что лишает это место конкретности и служит созданию более обобщённого образа пространства жизни пролетариев. Это общественное место, которое дети освоили, превратили в своё (катание на велосипеде, игра в футбол, общение, знакомства). Специфика социальных отношений в этом пространстве формирует у Магды уже в юном возрасте определённые установки

и навыки: не бояться ввязываться в авантюрные истории с надеждой вырваться из мира, где её бьют, унижают, не считаясь с её внутренним состоянием (упоминания, когда её дома «драли», побоев братом, даны как норма отношений и с родителями, и со сверстниками), отстаивать свои интересы хитростью, ловкостью, силой (эпизоды общения с друзьями брата).

В романе отсутствует детальное описание её дома, вещественного наполнения жилья (детской комнаты, любимых игрушек и т.д.); «...в школе ей было легче, чем дома» (Набоков 1991, с. 330). И это семантически нагруженный минус-приём, означающий отсутствие «своего, безопасного... пространства» (Лютман 1996, с. 264–275). Вещи, описывающие период детства, принадлежат локусу улицы: Магда играла в футбол на мостовой, каталась на велосипеде брата «взад и перёд по своей улице» (Набоков 1991, с. 330). Перемещение на велосипеде имеет семантику свободы, но в то же время она ограничивается пространством одной улицы.

Район, где проживает Магда, и места её пребывания не включают элитарные культурные локусы, о них не упоминается в повествовании. Помимо дома и улицы, места социального жизни Магды и членов её семьи – лавки, кабак, бальный зал «Парадиз», кинематограф. Каждый упомянутый локус – общедоступное, связанное с массовой культурой место. Потенциальная элитарность бального зала (судя по семантике его названия, зал претендует на статус «райского места») снижается звуками цимбал и «улюлюканием джаза» (Набоков 1991, с. 331), массовой музыки. Негативное отношение Набокова к джазу, о котором он говорил прямо в своих интервью (Набоков 1962), в романе проявляется в характеризующем его отглагольном существительном («улюлюкание» имеет очевидные негативные коннотации). Низкий культурный уровень посетителей этого заведения подчёркивается поведением пожилых мужчин, которые делали молоденькой Магде «весьма откровенные предложения» (Набоков 1991, с. 331).

Писатель раскрывает внутренний мир персонажей социальной «окраины» через ирреальное пространство (мечты/грёзы/сны). Однако и здесь Набоков «не позволяет» им выйти за рамки своего социального статуса. Отто декламирует свои мечты и устремления, сидя в кабаке: «Человек первым делом должен жрать, да!» (Набоков 1991, с. 330). Для матери Магды важно самоутвердиться на посту швейцарихи. Приём переноса архитектурной пространственной детали из физического в ирреальное пространство её сна подчёркивает культурную, духовную ограниченность этого персонажа. «Сказочно-великолепная, белая как сахар лестница...» (Набоков 1991, с. 330) представляет собой образ пространственной оси

(Лотман 1996, с. 250), который потенциально связан с духовным восхождением или нисхождением. Но в своём сне женщина стоит внизу лестницы без интенции к движению. Это был «мучительный сон...» (Набоков 1991, с. 330) из-за досады, что другой человек, дошедший до самого верха, оставил на ступеньках огромные чёрные следы. Мечты «швейцарихи» сводятся к чистоте на парадной лестнице и повиновению жильцов, при этом подъём *другого* человека наверх мучителен.

Для Набокова отношения к семье и внутрисемейные связи являются одной из значимых характеристик персонажа. Вспомним уважительное отношение к отцу, матери, роду у Фёдора Годунова-Чердынцева в «Даре»; идентификация с семьёй и родом дала ему прочную экзистенциальную опору для жизни на чужбине, социальная (бытовая) нищета не изменила аристократизм духа, который и позволил сохранять достоинство в непростых обстоятельствах изгнания. В целом можно сказать, что Набоков разводит внешнюю (формальную) социальность и внутренне-социальный статус личности, которые могут не совпадать (точнее, часто не совпадают) в его романах. Магда не обретает опору в семье, её унижают, бьют, она не видит для себя образцов для подражания. С одной стороны, Магде чужды ценности родственников (преданность «швейцарскому делу» матери, «бюргерское республиканство отца» (Набоков 1991, с. 330), пролетарские взгляды брата), с другой стороны, её стратегия вырваться из мира социальных окраин – вариант поведения, демонстрируемого братом: оба думают об изменении своего положения за счёт других, способом «экспансии». Если Отто считает, что имеет право отнять силой или шантажом деньги у «капиталистов, покупающих дочерей бедняков» (Набоков 1991, с. 332) (речь о богатом любовнике Магды), то сестра планирует обогатиться и утвердиться в обществе так же за счёт Кречмара, но действуя не силой, а хитростью и обольщением.

Идеалы и цели для Магды задаёт массовая культура кино: она видит в фильмах противопоставленную существованию пролетариата богемную жизнь красивых и богатых людей, не отягощённых заботами. Отметим здесь ещё один важный, сквозной в романах Набокова семантический код. Сюжеты становления героев его романов связаны с мотивом «труда» (умственного, духовного и даже физического, например, в «Подвиге»), аллюзивно связанного, вероятно, с пушкинским стихом «Обитель дальнюю трудов и чистых нег» (искажение цитаты центральным персонажем «Отчаяния», усечение слова «трудов», полагает А. Долинин, принципиально, «разоблачает глубинное, сущностное отличие ... идиотского “жизнетворческого” проекта [Германа] от “завидной доли” Пушкина» (Долинин 2001)).

Имморальные персонажи планируют изменения в своей жизни не при помощи «труда», работы над собой, а посредством использования ресурсов других людей. Заметим также, что такая стратегия изменения жизни связана в романах о немецкой действительности («Камера обскура», «Отчаяние») с «пролетарским» или «советским» «проектом». Полагаем, что в анализируемом романе Набоков сознательно использовал неавтобиографический материал для выражения своей точки зрения на экспансию «пролетариями» культуры и социальных благ. Но ничего не обогащает захватчиков духовно; роста личности за счёт изменения социальной среды не происходит, не меняются ни вкус, ни ценности, ни нравственный облик. Кроме того, выражением авторской позиции по отношению к таким персонажам-захватчикам является мотив краха замысла. В «Камере обскуре» это демонстрирует пространственные перемещения Магды и этапы её пути к своим целям: она снялась в кино, но не стала «фильмовой дивой», обольстила богатого мужчину, но не добилась замужества и изменения социального статуса.

Сюжетная линия Магды связана со сменой мест жительства: из отчего дома она переезжает в съёмную комнату у Левандовской, затем в квартиры, снятые любовниками; потом гостиницы, квартира, вилла, арендованные Кречмаром. Наконец, личная квартира Бруно, попав в которую, она полагает, что совсем близко приблизилась к своей мечте и заняла более высокое положение в обществе: «А через год ты на мне женишься, – подумала про себя Магда... – Женишься, если, конечно, я к тому времени не буду уже в Холливуде – тогда я тебя к черту пошлю» (Набоков 1991, с. 371).

На образе «роскошной» квартиры остановимся подробнее, анализируя его с нескольких позиций: самоощущения в нём персонажей по мере развития их любовных отношений; интерьер квартиры, закреплённость / незакреплённость персонажей в ней.

Изначально это пространство семьи Бруно. Для описания группового портрета в интерьере Набоков использует живописный код, воссоздавая бюргерскую семейную идиллию во время трапезы, вечерних посиделок, соединяя аллюзии на жанровые картины голландцев XVII века (типа де Хоха и Вермеера) и ренессансные произведения: «жена, дочь, Макс принадлежали точно другой эпохе, мирной и светлой, как пейзажи ранних итальянцев. <...> Он пошел в гостиную: Аннелиза в клетчатом платье, Макс с сигарой да еще старая знакомая, вдова барона...» (Набоков 1991, с. 339–340). Неспешный, размеренный ритм жизни подчёркивается не только визуальной характеристикой интерьера (всё в нежных, приглушённых тонах) но и звуковой – семье свойственна спокойная речь, терпимое отношение к манерам

и привычкам друг друга. Это устойчивый мир с традиционным распределением семейных ролей.

Набоков акцентирует внимание на пересечении границ пространства, своего и чужого. Кречмар возвращается после первой ночи с Магдой и очень боится зайти в дом, подняться в квартиру. Он испытывает страх и утраты прежнего существования, и вступления в новое, неизведанное; при этом прежняя жизнь с женой бессознательно связывается им с миром, а будущее, ассоциируемое с Магдой, – с войной: «Вдруг он вспомнил, как на войне приходилось покидать прикрытие» (Набоков 1991, с. 356).

Трудность для Кречмара зайти в собственную квартиру после «грехопадения», предательства семьи контрастна лёгкости, с которой Магда, Горн и единично Отто проникают в неё. Это вызвано не только личными характеристиками персонажей, но и прагматичной стратегией выживания представителей / выходцев из низших слоёв общества. Отсутствие возможностей приобрести и удержать что-то своё толкает на экспансию и захват чужого. При этом чем увереннее ощущают себя Магда и Горн в не принадлежащем им пространстве, тем менее комфортно чувствует себя Кречмар в своём.

В целом, в отношениях Бруно и Магды проявляется реверсивность социальной роли и внутреннего самоощущения. Это относится не только к квартире, но и к другим локусам. Несмотря на то что Кречмар обеспечен, самореализован в профессии, должен иметь больше жизненного опыта в силу разницы в возрасте, он изначально не чувствует своего превосходства над Магдой. Она же ощущает себя хозяйкой и в снятой на деньги любовника квартирке, и в его собственном жилье, где она по своему усмотрению меняет обстановку: переехав к Кречмару, она первым делом изменила интерьер спальни дочери Бруно Ирмы, превратив её в игровую для пинг-понга. Пинг-понг в детской комнате в романе имеет дуальную семантику: с одной стороны, играя, Магда как бы компенсирует своё неудавшееся детство и проявляет свой юный возраст, с другой стороны, пинг-понг являлся салонной игрой для взрослых, и Кречмар улавливает недетский, эротический подтекст в движениях своей любовницы. Кроме этого, отметим, что комната для пинг-понга контрастирует со всем остальным интерьером квартиры, заполненным картинами старинной живописи и другими предметами элитарной культуры.

В сюжетной линии Магды Набоков настойчиво фиксирует несовпадение новых социальных условий и внутреннего мира личности: в разных обстоятельствах, даже в фешенебельной квартире Кречмара, даже попав в пространство художественного фильма, Магда остаётся дочерью «швейцарихи», молоденькой содержанкой из социальных низов, у которой отсутствует эстетиче-

ский вкус, чувство такта, изысканные манеры. В этом мы видим принципиальный спор Набокова с концепцией личности, складывающейся в советской идеологии и утверждавшейся в прогосударственной литературе СССР. Не бытие определяет сознание (тогда улучшение обстоятельств жизни должно способствовать личностному росту), а сознание во многом определяет бытие. Поэтому мелкий человек не использует блага для развития, а опошляет внешнюю среду. Мелкость личности Магды проявляется в том, как она распоряжается пространством, как подбирает прислугу: на съёмной квартире Кречмара встретила «угрюмая бабища с красными, как сырое мясо, руками...»; «Комната была донельзя безвкусно обставлена...» (Набоков 1991, с. 352).

Внутренняя суть Магды проявляется и через искусство. Кино оказывается «Портретом Дориана Грея» в движении – аллюзия на этот роман О. Уайльда именно в эпизоде просмотра фильма с Магдой прозрачна: её партнёршей была актриса с именем Дорианна. Экранный образ начинающей «фильмовой дивы» буквально отображает и признаки социального в индивидуальности («она была похожа на её мать-швейцариху на свадебной фотографии» (Набоков 1991, с. 400)), и глубоко-личностное, безнравственное («каждое движение терзало Магду, она была, как душа в аду, которой бесы показывают земные её прегрешения») (курсив наш – Е.П., Т.М.) (Набоков 1991, с. 400).

Страсть к Магде и связь с ней определённым образом дискредитирует Кречмара как искусствовед и негативно сказывается на его социальном окружении. Он подмечает отсутствие у неё вкуса, её бездарность, но не просто смиряется с этим, а любит, умиляется: «Он оглядывал гостиную, и его поражало, что он, не терпевший безвкусыя в вещах, полюбил это нагромождение ужасов...» (Набоков 1991, с. 360); при просмотре «скверного» фильма он «действительно был очарован» (Набоков 1991, с. 400).

В Магде подчёркивается не только духовная, но и физическая нечистоплотность. И если первую Кречмар не замечает, то вторую как бы пытается исправить. В этой связи эпизод купания Кречмаром Магды сочетает конкретно-бытовые и условно-метафорические значения и может быть многогранно интерпретирован. Во-первых, в этой сцене соединяются эротический и отечески-детский аспекты (Кречмар не только наслаждается близостью, но и заботливо учит Магду элементарным правилам гигиены). Во-вторых, сцена обладает семантикой потенциального очищения или обновления, но его не происходит. В-третьих, эпизод демонстрирует реверс социальных ролей, о котором говорилось выше: получается бюргер-искусствовед «обслуживает» пронырливого представителя пролетариата. Сцена отражает и

двойственное положение Магды: вроде бы она в положении госпожи, которую обслуживают, но в то же время она *объект* желаний, и забота Кречмара обусловлена физическим влечением к ней.

Повествователь отмечает, что Кречмар очаровывается безвкусицей юной любовницы, но в части социальных отношений со своим кругом сохраняет определённую осторожность. Проживая с Магдой на съёмной квартире, он «почти не выходил из дому, боясь встретить знакомых», вернувшись в свой дом, утаивает от приходящих гостей то, что Магда проживает с ним. Скрытность раздражает Магду, так как это означает, что Бруно не имеет серьёзных намерений жениться. При этом осторожность Бруно бессмысленна: окружающие понимают, что Магда его содержанка и любовница. Набоков смоделировал ситуацию, в которой бургер-европеец видит разную реакцию своего круга на измену жене и сожительство с содержанкой (кто-то перестал с ним общаться, а кто-то высказал поддержку). Набоков акцентирует аксиологический аспект: во-первых, показывает, что релятивизм ценностей в обществе и конкретно в социальной субкультуре бургеров и творческой интеллигенции снижает нравственную саморефлексию отдельного человека. Во-вторых, моральное одобрение или порицание оказывается менее значимо, чем полнота эстетического и плотского наслаждения от связи с Магдой, поэтому Кречмар всего лишь «с интересом» наблюдал за изменениями, за реакцией окружающих.

Тем не менее сюжетная логика проявляет, что персонажу, который способен на стыд и муки совести, комфортнее выпасть из устоявшегося социального круга, уехать с любовницей в путешествие, чтобы окружение не напоминало о выборе. Параллельно развитию отношений с Магдой меняется пространственное положение Кречмара: респектабельная квартира в Берлине сменилась на гостиничные номера в других странах и городах (чужое транзитное пространство, вокруг незнакомые постояльцы и прислуга, которые меняются по мере путешествия), потом больница, затем небольшое шале в Швейцарии, «на юру, среди ельника, в стороне от деревни» (Набоков 1991, с. 427) (периферийное место, вне социума, где всё окружение его составляет Магда и Горн, о присутствии которого он не знает). Кречмар фактически по своей воле, в соответствии со своим выбором покидает свой дом и лишается устойчивых социальных связей.

Свободное путешествие из страны в страну, проживание в дорогих отелях с молодой красивой спутницей, казалось бы, подчеркивает финансовые возможности богатого бургера-интеллигента. Однако по факту он обеспечивает беззаботную и безнравственную жизнь Магды и Горна. Кречмар слеп, а тайных любовников имморальное поведение

не смущает, так как оно служит выживанию и достижению их целей (материального благополучия, более высокого социального статуса). И объективно возникает пародия на семью, т.к. из-за разницы в возрасте Кречмара и Магду случайные свидетели, соседи принимали за отца с дочерью (Набоков 1991, с. 369), а Горна и Магду за «молодожен<ов> или беглец<ов>-любовник<ов>» (Набоков 1991, с. 414). Свобода Кречмара мнимая, манипуляции Горна и Магды делают его заложником ситуации и чужой воли ещё до того, как он физически и буквально окажется ограничен физически.

В предфинальных главах в отдалённом швейцарском шале Кречмар по сути оказывается в полном одиночестве. Исчезает его социокультурный мир (слепота не позволит вернуться к профессии; социальные связи сузились до скупого общения с Магдой, которая старалась как можно меньше времени проводить с ним). Его положение уподобляется тюремному заключению, то есть максимально бесправному и унижительному состоянию. Семантика заключения проявляется во фразах нескольких субъектов речи, что придаёт описанию этого состояния достоверности: «он походил на бородастого арестанта» (повествователь); «Я буду теперь запира́ть тебя» (Магда); «Ведь это пытка, застенки!» (Зегелькранц), «главное, скорее убраться из этого застенка!» (шурин Макс) (Набоков 1991, с. 436, 440, 443). Причём добавляет унижительности ситуации то, что обстоятельства этого заключения полностью определяет любовник Магды Горн: он выбирает место для жизни, решает «кто где будет жить», даже управляет вниманием Кречмара, имитируя звуками муху, птицу и т.д.

Характеризуя состояние Кречмара, повествователь обнажает его подлинное положение несвободы и в конкретном физическом пространстве комнаты (он плохо ориентировался, натёкался на вещи, поэтому предпочитал неподвижность), и в социокультурном пространстве, так как фактически находился в заложниках у Магды и Горна, и в индивидуально-психологическом, потому что мысли Кречмара ограничены, сконцентрированы на воспоминаниях о Магде и обусловлены жаждой владеть ею, видеть её: «Гладким покровом тьмы он был отделен от недавней очаровательной, мучительной, ярко-красочной жизни <...>. Питаясь воспоминаниями о ней, он словно перебирал миниатюры: Магда в узорном переднике..., Магда под блестящим зонтиком..., Магда, стоящая голою перед зеркалом...» (Набоков 1991, с. 432). Через пространственную метафору заключения Набоков раскрывает ограниченность внутреннюю.

Эта доведённая до крайности ситуация, когда социокультурный мир для персонажа практически исчезает, по сути, набоковская проверка идей солипсизма и эскапизма, которые в сюжетной ли-

нии Бруно не подтверждают своей состоятельности. Попытка компенсации утраченной полноты жизни в памяти и воображении Кречмара не утешает, так как она неполноценна, не может заменить физическую и социокультурную реальности, а его индивидуальный «миф» / иллюзия о новых, этически чистых отношениях с Магдой, во-первых, слабо утешает, во-вторых, обнаруживает свою недовольность, рассеивается: Макс, приехавший по просьбе Зегелькранца, видит издевающегося над слепцом Горна и разоблачает его; Кречмар, в свою очередь, понимает подлинные обстоятельства своего существования (Набоков 1991, с. 442).

Набоковым заостряется модернистская проблема непознаваемости реальности в её объективном виде. Многократно демонстрируя принципиальную недостижимость полноты и объективности знания о природной, социокультурной и психической реальности, Набоков обнажает состояние слепоты центрального персонажа, вызванное отсутствием даже интенции к её познанию. (Заметим, что схожую характеристику даёт герой «Дара» Фёдор Н.Г. Чернышевскому в написанной им биографии «великого шестидесятника». Слепота к окружающему миру, по версии Набокова, обуславливает творческую посредственность.) Бруно, ослепнув, «с ужасом замечал теперь, что, вообразив, скажем, пейзаж, среди которого однажды пожил, он не умеет назвать ни одного растения, кроме дуба и розы, ни одной птицы, кроме вороны и воробья» (Набоков 1991, с. 432), а умирая, видит Магду в ином свете, подмечая то, что для всех других было очевидно – её змеиную хватку, отсутствие безусловной красоты, ещё точнее – вместо красоты видит испорченность, буквально – болезнь («какие у нее выпуклые глаза, базедова болезнь» (Набоков 1991, с. 447)).

Эгоистичность, направленность на себя, потребительское отношение к жизни, неготовность «к бытию-для-другого» (которое как раз роднит Магду и Кречмара – он так же безнравственен по отношению к Магде, как и она к нему, если не больше, потому что она жаждет владеть его состоянием, а он – ею самой, как вещью), по мнению Г. Хасина, обуславливает слепоту и «самоизоляция от окружающих»; персонаж замыкается «в кругу его собственных фантазматических проекций» (курсив Хасина – Е.П., Т.М.) (Хасин 2001, с. 64, 66). Заметим, что такими же характеристиками обладает и Горн, может быть, даже в большей степени. Горн – не эскапист, он обладает способностями и остротой зрения. Но у него возникает иллюзия, что по отношению к Кречмару он является демиургом-режиссёром, полностью управляет его судьбой. Сознание Горна солипсично, так как он не сомневается в подлинности своего взгляда на мир, диалогическая позиция ему чужда. Более того, Горн, как и Герман в «Отчая-

нии», переносит возможности искусства в жизнь, стремится управлять не персонажами в своих произведениях, а живыми людьми в реальности, что по Набокову недопустимо. Поэтому immoralный карикатурист Горн терпит и профессиональное фиаско (он престал быть востребованным, несмотря на то, что не утратил таланта (Набоков 1991, с. 380) – доказательство того, что Набоков разделял пушкинскую идею о несовместимости «гения и злодейства»), и личностное, так как последний раз появляется в романе, когда Макс «треснул» его палкой, и он поспешно ретировался, смутившись внезапно своей наготы (своего подлинного состояния), то есть Горн из карикатуриста превратился в персонажа карикатурной сцены.

В сюжетной линии Кречмара солипсическая позиция ущербна, а эскапизм, уход в свой миф о мире не спасает от трагедии познания жизни, которая и прекрасна, и ужасна. Зегелькранц считает, что «жизнь мстит тому, кто пытается хоть на мгновение ее запечатлеть» (Набоков 1991, с. 430), но Набоков показывает, что эта месть гораздо менее существенна (муки совести довольно быстро покидают писателя), чем месть за слепоту, за нежелание познавать и принять жизнь во всей полноте, не только в эстетических, но и этико-социальных проявлениях. Невозможность ухватить, подчинить себе саму жизнь, которая воплощена в образе Магды, настойчиво фиксируется в финальной сцене противостояния слепца с бывшей любовницей.

В финале Кречмар возвращается в свою квартиру, чтобы застрелить Магду, но погибает сам. Совершив убийство Кречмара, Магда сбегает, дальнейшая судьба её неизвестна. Но Набоков наказывает её уже тем, что планы обогащения и повышения своего социального статуса за счёт бюргера-интеллигента не воплотились. О.Ю. Воронина сопоставила итоговую версию романа с черновыми вариантами и установила, что Набоков изначально планировал сделать местом финальной сцены квартиру не Кречмара, а съёмную Магды, развернул размышления Бруно о том, что его расправа над любовницей поможет ему прозреть; в итоге он осуществлял свою месть, убивал Магду, и финальные строки констатировали его поимку в статусе убийцы: «...чьи-то руки, множество рук, хватали его со всех сторон», – таковы последние слова набоковского черновика» (Воронина 2019, с. 14). Заметим, что такая концовка перекликается с финалом «Отчаяния», где убийца Герман видит собирающуюся под окном его комнаты толпу (обобщённый субъект, метафорический образ общества), готовую осудить его. В черновом варианте «Камеры обскуры» социальный акцент в семантике финала был более проявлен, Бруно получил бы наказание за своё immoralное поведение, но, как справедливо подметила О.Ю. Воронина, Магда тогда бы превратилась в жертву, и это скор-

ректировало бы основную тональность её образа. В итоговой версии романа Набоков переводит акценты в иную плоскость, констатируя трагизм разрушения персонального мира из-за несовпадения индивидуального видения реальности эстетом с самой реальностью (жизнью).

Согласимся с О.Ю. Ворониной, что «отказывая Кречмару в убийстве в окончательной редакции романа, автор “Камеры обскура” исходит из твердой уверенности в том, что у его героя нет права на месть» (Воронина 2019, с. 14). Более того, именно в финале «выстреливает» один из не вполне очевидных, казалось бы, периферийных мотивов подмены / реверса социальной роли и внутренней сущности, на который мы указывали выше: при первых встречах Кречмар представился Магде фамилией своего швейцара Шиффермюллером и не планировал раскрывать своего социального положения. Магда же, «дочь швейцарихи» и швейцара, говорит, что она сирота, а её отец был обнищавшим художником (Набоков 1991, с. 340), то есть представителем, хоть и бедной, но интеллигенции, более близкой кругу искусствоведа Кречмара. И если Магда сама разрушает эту версию биографии и больше не возвращается к ней, то Кречмар ещё раз представляется фамилией швейцара – брату любовницы, а в финале вначале именно за швейцара Шиффермюллера принимает его Магда, пакующая в квартире Кречмара в чемоданы, как тонко подметила О.Ю. Воронина, вероятно, не только свои вещи. То, что хозяйина квартиры Магда принимает за швейцара, имеет не конкретно-социальную, а условно-метафорическую семантику: Кречмар сам предал свои изначальные ценности (семья, эстетический вкус, любовь к элитарному искусству), сам поставил себя на место прислуги Магды (воплотившей в себе безвкусию, бездарность, наглую пошлость, жадность, сладострастие), за что и карается автором.

Заключение

«Камера обскура» – не «социальный роман» и не роман о социальном. Ставя в центр повествования Кречмара – персонажа, чьё восприятие замещает социальные реалии эстетикой и физиологией одновременно (он грезит о «молоденьких полуголых венерах» (Набоков 1991, с. 327), и его мечта воплощается, как ему кажется, в облике Магды), с одной стороны, Набоков смещает внимание с социальной тематики на проблему восприятия реальности «эстетизированным» сознанием. С другой – писатель посвящает описанию окружения и социально-бытовых условий становления и жизни персонажей отдельные главы (II, III, XVII), вводя социокультурную проблематику как значимую для понимания характеров персонажей и развития сюжетных коллизий. Более того, развитие сюжета доказывает: именно то, что Кречмар не учитывал

в достаточной мере социальный контекст формирования Магды и не проявлял интереса к ней как к личности обусловило его «психологическую» и «духовную» слепоту и привело к трагической развязке его сюжетной линии.

В сюжетной линии Магды писатель проявляет иллюзорность веры в то, что в лучших (других) условиях мелкий человек может преодолеть свою духовную малость и состояться в творчестве; улучшение социальных условий не даёт автоматического роста личности, и, если внутренне человек не соответствует высокому социальному статусу, бездарен, разоблачение неизбежно. То же происходит с Германом в «Отчаянии», отчасти и с персонажем-повествователем в «Соглядатае».

Сюжетная линия Кречмара так же подтверждает, что индивидуальное, личностное предопределяет социальное и социокультурное, а не наоборот: «предательство» искусствоведа и приличным семьянином изначальных ценностей, как эстетических, так и этических, приводит к краху социального (разрушение семьи, круга общения, утрата профессии) и индивидуального, внутреннего мира: самым ценным для него искусствоведческим открытием, «лучшей его находкой была Магда», и она не просто была утрачена из-за слепоты (Набоков 1991, с. 432), она оказалась, по сути, подделкой.

Социокультурная среда взаимодействия персонажей – значимый компонент анализируемого произведения, сюжетная основа, на которой Набоков выстраивает поэтику и проблематику модернистского романа, сконцентрированного на вопросах познания реальности сознанием, разграничения подлинника и подделки, возможности подлинности красоты формы без внутреннего содержания, смещения и размывания границ жизни и искусства.

Библиографический список

- Антошина Е.В. Культурологический аспект восприятия рекламы в произведениях В.В. Набокова // Ученые записки РГСУ. 2009. № 9 (72). С. 215–221.
- Букс Н. Владимир Набоков. Русские романы. Москва: Издательство АСТ, 2019. 448 с.
- Воронина О.Ю. «Но на что эту живую воду употребить?»: от черновой редакции окончания «Камеры обскура» к «Лолите» // Литературный факт. 2018. № 9. С. 8–56.
- Долинин А. Набоков, Достоевский и Достоевщина // Старое литературное обозрение. 2001. № 1(277). URL: <http://magazines.russ.ru/slo/2001/1/dol.html> (дата обращения: 04.03.2025).
- Злочевская А.В. Трехмерная модель мира в романе В. Набокова «Камера обскура» // Русская словесность. 2018. № 1. С. 22–56.

Копосова М.К. Элементы массовой культуры в романе В. Набокова «Камера обскура» // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи («Смирновские чтения»). Сборник статей по итогам III Международной научной конференции. Москва, 2019.

Крюкова А.С. Зрение и слепота: смысловые камертоны романа Владимира Набокова «Камера обскура» // Кризисный двадцатый век: парадоксы революционного кода и судьбы литературы. Отв. ред. Л.Г. Тютелова, Е.С. Шевченко. Самара, 2018. С. 195–200.

Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. Москва: Просвещение, 1988. 352 с.

Лотман Ю.М. Дом в «Мастере и Маргарите» // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. Москва: Языки русской культуры, 1996. С. 264–275.

Мельников Н.Г. Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: Критические отзывы, эссе, пародии. Под. ред. Мельникова Н.Г. Москва. 2000.

Набоков В.В. Камера обскура // Набоков В.В. Лолита. Камера обскура. Томск: Издательство ТГУ, 1991. С. 321–448.

Набоков В. Интервью Питеру Дювалю-Смиту. 1962. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/intervyu/intervyu-dyuvalyu-smitu-1962.htm> (дата обращения: 22.06.2024).

Набоков В. Лекции по русской литературе / пер. с англ. С. Антонова, Е. Голышевой Г. Дашевского и др. Санкт-Петербург: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. 448 с.

Орлова Е.В. Социокультурное пространство: к определению понятия // Манускрипт. 2017. № 7 (81). С. 149–152.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. Москва: Политиздат, 1992. 543 с.

Сорокин П.А. Общество, культура и личность: их структура и динамика. Система общей социологии (главы из книги) (перевод В.Г. Николаева). Sorokin P.A. Society, culture and personality: their structure and dynamics. A system of general sociology. N.Y.: Harper & Bros, 1947. pp. 359–364 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. 2010. № 3. С. 157–167.

Томас У. Набоков в Берлине. Москва: Аграф, 2004. 256 с.

Трубецкова Е.Г. Глаз и оптические средства: деформация зрения в прозе Владимира Набокова // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 58–65.

Трубецкова Е.Г. Сознание как «оптический инструмент»: о визуальной эстетике В. Набокова // Известия Саратовского университета. Новая

серия. Серия: Филология. Журналистика. 2010. Т. 10. № 3. С. 264–275.

Уиллис О. Принципы организации и функции городского пространства в ранней прозе В.В. Набокова берлинского периода // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2008. № 3. С. 62–68.

Уиллис О. Городской пейзаж В. Набокова и «Берлинский текст» немецкой литературы и искусства // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2008. № 3. С. 31–36.

Хасин Г. Театр личной тайны. Русские романы В. Набокова. Москва; Санкт-Петербург: Летний сад, 2001. 188 с.

Чудинова Е., Суккуба и Беатриче, или Защита Лолиты (романы В. Набокова «Камера обскура» и «Лолита») // Литература: Ежегод. прил. к газете «Первое Сентября». 1999. № 6. С. 5–9.

References

Antoshina, Ye.V. (2009), The cultural aspect of perception of advertising in the works of V.V. Nabokov, *Uchenyye zapiski RGSU*, no. 9 (72), pp. 215–221.

Buks, N. (2019), *Vladimir Nabokov. Russian Novels*, Izdatel'stvo AST, Moscow, Russia.

Voronina, O.Yu. (2018), "But what to use this living water for?" (crossed out): from the rough draft of the ending of *Camera Obscura* to *Lolita*, *Literaturnyy fakt*, no. 9, pp. 8–56.

Dolinin, A. (2001), Nabokov, Dostoevsky and Dostoevshchina, *Staroye literaturnoye obozreniye*, no. 1 (277), [Online], available at: <http://magazines.russ.ru/slo/2001/1/dol.html> (Accessed 4 Mar 2025).

Zlochevskaya, A.V. (2018), Three-dimensional model of the world in V. Nabokov's novel "Camera Obscura", *Russkaya slovesnost*, no. 1, pp. 22–56.

Koposova, M.K. (2019), Elements of popular culture in V. Nabokov's novel "Camera Obscura", *Slovesnoye iskusstvo Serebryanogo veka i Russkogo zarubezh'ya v kontekste epokhi* («Smirnovskiy chteniya»). *Sbornik statey po itogam III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*, Moscow, Russia.

Kryukova, A.S. (2018), Sight and Blindness: Semantic Tuning Forks of Vladimir Nabokov's Novel "Camera Obscura", *Krizisnyy dvadtsatyy vek: paradoksy revolyutsionnogo koda i sud'by literatury*, L.G. Tyutelova, Ye.S. Shevchenko (ed.), Samara, pp. 195–200.

Lotman, Yu.M. (1988), *In the school of poetic words: Pushkin. Lermontov. Gogol*, Prosveshhenie, Moscow, Russia.

Lotman, Yu.M. (1996), House in "The Master and Margarita", *Lotman Yu.M. Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya, Yazyki russkoj kul'tury*, Moscow, pp. 264–275.

Melnikov, N.G. (2000), *A classic without retouching. The literary world on Vladimir Nabokov's work:*

critical reviews, essays, parodies, Mel'nikov N.G. (ed.), Moscow, Russia.

Nabokov, V.V. (1991), *Kamera obskura*, Nabokov V.V. *Lolita. Kamera obskura*, Tomsk, Russia.

Nabokov, V. (1962), *Interview with Peter Duval-Smith*, [Online], available at: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/intervyu/intervyu-dyuvallyu-smitu-1962.htm> (Accessed 22 Jun 2024).

Nabokov, V. (2010), *Lectures on russian literature*, transl. from Engl. S. Antonova, Ye. Golyshevoy, G. Dashevskogo and other, Izdatel'skaya Gruppya «Azбуka-klassika», St. Petersburg, Russia.

Orlova, Ye.V. (2017), Sociocultural space: towards a definition of the concept, *Manuskript*, no. 7 (81), pp. 149–152.

Sorokin, P.A. (1992), *Man. Civilization. Society*, Politizdat, Moscow, Russia.

Sorokin, P.A. (2010), *Society, culture and personality: their structure and dynamics. The system of general sociology (chapters from the book) (translated by V.G. Nikolaev). Sorokin P. A. Society, culture and personality: their structure and dynamics. A system of general sociology. Harper & Bros, N. Y., 1947. pp. 359–364, Sotsial'n-yye i gumanitarn-yye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 11, Sotsiologiya: Referativnyy zhurnal*, no 3. pp. 157–67.

Tomas, U. (2004), *Nabokov in Berline*, Agraf, Moscow, Russia.

Trubetskova, Ye.G. (2018), The eye and optical aids: deformation of vision in Vladimir Nabokov's prose, *Bulletin of Tomsk State University*, no. 429, pp. 58–65.

Trubetskova, Ye.G. (2010), Consciousness as an "optical instrument": on the visual aesthetics of V. Nabokov, *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, vol. 10, no. 3, pp. 264–275.

Uillis, O. (2008), Principles of organization and functions of urban space in the early prose of V.V. Nabokov's Berlin Period, *Bulletin of Moscow University, seriya 9, Filologiya*, no. 3, pp. 62–68.

Uillis, O. (2008), The cityscape of V. Nabokov and the "Berlin Text" of German literature and art, *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedeniye, zhurnalistika*, no. 3, pp. 31–36.

Khasin, G. (2001), *Theatre of personal secrets. Russian novels by V. Nabokov*, Letnij sad, Moscow, St. Petersburg, Russia.

Chudinova, Y.E. (1999), Succubus and Beatrice, or the Defense of Lolita (novels by V. Nabokov "Camera Obscura" and "Lolita"), *Literatura: Yezhened. pril. k gazete «Pervoye SentyabrYA»*, no. 6, pp. 5–9.

Submitted: 01.03.2025

Revised: 01.06.2025

Accepted: 20.06.2025

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-2-62-69

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.161.1.06-2

Дата поступления: 02.04.2025
рецензирования: 24.05.2025
принятия: 10.06.2025

Д.Д. Морозов

Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
г. Челябинск, Российская Федерация
E-mail: goodofwin@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9647-3758>

Природа звуковых ремарок в пьесе Леонгарда Франка «Мужской квартет»

Аннотация: в статье рассматриваются пути и формы перехода описательного текста романа Леонгарда Франка «Оксенфуртский мужской квартет» в ремарки авторской инсценировки «Мужской квартет».

В романе Л. Франка «Оксенфуртский мужской квартет» ярко представлены разнообразные характеры, каждый из которых несет в себе уникальный внутренний конфликт. Описательный текст романа позволяет читателю глубже понять мотивацию героев и их отношения, создавая систему многослойных образов. Однако в ремарках авторской инсценировки «Мужской квартет» этот процесс трансформируется, передавая не только внутренние переживания, но и визуальные образы. Весь корпус ремарок явно распадается на ориентированные на сценическое решение (адресованные в первую очередь режиссеру), на восполняющие внесценические события и «достраивающие» таким образом фабулу и на дающие возможность актеру точнее выстроить внутреннее содержание образа.

Переход от описательного текста к драматической структуре неизбежно трансформирует первоначальный замысел произведения, его структуру и основные сюжетные линии.

Ключевые слова: Леонгард Франк; «Оксенфуртский мужской квартет»; «Мужской квартет»; ремарка; самоинсценировка.

Цитирование: Морозов Д.Д. Природа звуковых ремарок в пьесе Леонгарда Франка «Мужской квартет» // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 2. С. 62–69. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-2-62-69>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Морозов Д.Д., 2025

Денис Дмитриевич Морозов – аспирант кафедры литературы и методики обучения литературе, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, 454080, Российская Федерация, Уральский федеральный округ, Челябинская область, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 69.

SCIENTIFIC ARTICLE

D.D. Morozov

South Ural State Humanitarian
Pedagogical University,
Chelyabinsk, Russian Federation
E-mail: goodofwin@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9647-3758>

The kind of sound remarks in Leonhard Frank's play "Male Quartet"

Abstract: this article examines the ways and forms of the transition of the descriptive text in Leonhard Frank's novel *The Oxenfurt Male Quartet* into the stage directions of the author's staging *The Male Quartet*.

In L. Frank's novel *The Oxenfurt Male Quartet*, a variety of characters are vividly presented, each of whom carries a unique internal conflict. The descriptive text of the novel allows the reader to better understand the motivation of the characters and their relationships, creating a system of multi-layered images. However, in the stage directions of the author's staging *The Male Quartet*, this process is transformed, conveying not only internal experiences but also visual images. The entire body of stage directions clearly breaks down into those oriented toward the stage solution (addressed primarily to the director), those that supplement off-stage events

and "complete" the plot, and those that enable the actor to more accurately construct the internal content of the image. The transition from descriptive text to dramatic structure inevitably transforms the original concept of the work, its structure, and main plot lines.

Key words: Leonhard Frank; Ochsenfurt "Male Quartet"; "Male Quartet"; stage direction; self-staging.

Citation: Morozov, D.D. (2025), The kind of sound remarks in Leonhard Frank's play "Male Quartet", *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 5, no. 2, pp. 62–69, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-2-62-69>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Morozov D.D., 2025

Denis D. Morozov – Postgraduate Student of the Department of Literature and Methods of Teaching Literature, South Ural State Humanitarian and Pedagogical University, 69, Lenin Ave., Chelyabinsk, Chelyabinsk Region, Ural Federal District, 454080, Russian Federation.

Введение

Леонгард Франк – немецкий писатель-экспрессионист начала XX века. Отдельным этапом творческого пути автора является «Вюрцбургский цикл» («Шайка разбойников», «Оксенфуртский мужской квартет», «Трое из трёх миллионов», «Ученики Иисуса»), повествующий о жизненном пути друзей, на долю которых выпали различные трудности: войны, безработица и голод, социальная несправедливость. «Военный репарации, гиперинфляция, массовая безработица создали ту атмосферу безысходности и склонности к полужантасическим авантюрам, которую отражает Л. Франк в своем тексте» (Сейбель 2010, с. 67). В своих произведениях Франк изображает сложные человеческие судьбы и переживания героев, стремящихся найти свое место в мире, полном кризисов и опасностей. Его стиль характеризуется эмоциональностью, резкими контрастами и символикой. В «Вюрцбургском цикле» автор также затрагивает темы дружбы, предательства, отчуждения и поиска смысла жизни, отражая противоречивую реальность своего времени.

С каждым новым этапом политической жизни в Германии, начиная с Веймарской республики и до прихода к власти нацистов, позиция Франка становилась все более явной и бескомпромиссной. Его способность предвидеть последствия милитаризма и авторитаризма сделали его творчество актуальным и важным для современников. Процесс постепенного изменения власти в стране, который приводил к нарастающему угнетению, войне и страданиям, формировал у писателя уверенность в необходимости выражения антивоенной мысли и защите гуманистических идеалов.

Одним из ярчайших примеров основного вектора развития творчества Леонгарда Франка являются роман «Оксенфуртский мужской квартет», написанный в 1927 году, и самоинсценировка данного романа «Мужской квартет», написанная в 1959 году. Эти тексты разделяет более двадцати лет, за время которых Германия пережила одни из самых тяжелых событий в своей истории – от «Золотых двадцатых», резкого подъема экономи-

ки после кризисной пятилетки рубежа 1910-х – 1920-х, до фактического разрушения старой формы правления и перехода к новому режиму власти, развязыванию Второй мировой войны, поражению в ней, кризису и постепенному восстановлению. Между романом и пьесой – историческая пропасть, если вслед за Томасом Манном принять, что категории «давно» и «недавно» определяются важностью событий: «на некоем рубеже и перед поворотом» (Mann 1924). Два текста отражают кардинально разные стадии развития Германии. В 1920-е годы страна, после Первой мировой войны, пыталась восстановиться и переживала период культурного и экономического расцвета, известный как «Золотые двадцатые». Это время стало свидетелем значительных изменений в искусстве, науке и общественной жизни. Тем не менее, экономическая нестабильность, вызванная гиперинфляцией и последствиями Версальского договора, привела к социальным и политическим волнениям. Вскоре Германия столкнулась с безработицей, голодом и нарастающей политической напряженностью, что в итоге способствовало приходу в начале 1930-х годов к власти НСДАП. Период правления нацистов стал одним из самых мрачных в истории Германии, охватывающим начало Второй мировой войны, массовые преследования, геноцид и, в конечном итоге, поражение страны в 1945 году. Все это стало потрясением для Франка, осознавшего, что теряет не только родину, но и связь с читателем, испытывает ужас от происходящего в Германии, но и не может по-настоящему вписаться в культуру США. После войны Германия находилась в состоянии кризиса, однако «в конце 1948 года цены стабилизировались. Таким образом, всего за полгода был достигнут желаемый перелом ситуации, переход от централизованно-распределительной к денежно-рыночной экономике» (Родионова 2003, с. 135). Благодаря многим внутренним и внешним усилиям Германия смогла постепенно восстановиться экономически. Однако процесс нравственного прозрения и культурной реставрации занял гораздо больше времени. В связи с этим

политические и социальные изменения не могли не найти в них своего отражения.

Ход исследования

Пьеса и роман Франка связаны общими персонажами, одной из сюжетных линий и, частично, проблематикой.

«Роман “Оксенфуртский мужской квартет”, соединяющий различные сюжетные траектории, характеризуется широким охватом действительности и её цельным, целостным художественным воплощением» (Шевченко 2017, с. 118). Из всех сюжетных линий романа Франк оставил в пьесе только попытку квартета заработать на своем творчестве в условиях безработицы, любовную линию Ханны (Ганны), Томаса и доктора Гуфа (Хуфа), а одним из основных мотивов – расследование убийства старого ростовщика Молитора. В то же время Франк исключает из автоинсценировки линии с приключениями младших сыновей главных героев, борьбы за наследство семейства Люксов и Штрихмюллеров, взаимоотношения Ханны и сестры Гуфа. Таким образом, становится очевидно, что темами, интересующими автора, становится борьба человека за своё счастье и за своё будущее на фоне разрастающегося политического конфликта внутри страны и вне неё.

В композиции инсценировки Леонгард Франк также производит некоторые изменения, например, похороны Карла Фирнекеса перенесены в начало пьесы, при этом портной Фиркенес берет мерки с квартета прямо на мосту у старого замка, дуэль Томаса со студентом скомпонована с его общением с Гуфом и перенесена в сад, разговор Томаса со швейцарцем-анархистом был разбит на фрагменты и перенесен на разговор швейцарца со следователем и т.д. Вместе с этим Франк добавляет в самоинсценировку отдельные сюжетные линии, не звучавшие в романе в связи с политическими особенностями периода его написания. Таким образом, исходным событием пьесы становится смерть старого ростовщика Молитора, из-за чего начинается полицейское расследование, главными подозреваемыми в котором являются Фалькенауге, Оскар, Ганс и Теобальд – участники мужского квартета. Параллельно с этим действие разворачивается на детском кладбище, где вышеупомянутый мужской квартет выступает на похоронах Карла Фирнекеса, сына портного, сшившего фраки для выступающих. Однако после допроса всех подозреваемых узнается, что Молитор умер вследствие несчастного случая, что позволяет продолжить развиваться остальным конфликтам пьесы – любовному и социальному. Общая трагическая картина, выступающая фоном для детективного сюжета, постепенно выходит на первый план, позволяя Франку развить новую для его самоинсценировки мысль.

«Пьесы Франка, в отличие от его прозаических произведений, всегда исторически конкретны, в проблематике драматических текстов остро заявлен социальный, а не философский конфликт» (Воронин 2015, с. 150). Одной из основных тем «Мужского квартета» является появление рассуждения персонажей драмы о политике Адольфа Гитлера. Такие мысли можно назвать «предчувствием персонажей» немцев, живущих в 1930-х, и рефлексией самого автора, немца, пережившего эмиграцию, лишение германского гражданства, заключения в лагерях, мировую известность и возвращение на родину. Политическая тема выступает на разных уровнях. Первым её проявлением является взятие под стражу секретаря суда, избившего мужчину, который осудил милитаристскую политику Гитлера. Эта драка вынесена за пределы драматического действия и является внесценическим событием, однако её последствия проявляются в конце четвертой сцены драмы – некоего смыслового центра произведения. Следующим фрагментом, куда включен данный мотив, можно назвать подготовку квартета к выступлению, когда деньги, заработанные героями за первое выступление, забирают в пользу действующей местной власти. В финале пьесы на фоне песни основных героев звучит военный марш и топот шеренги солдат, постепенно заглушающий и заменяющий основной мотив. Такая смена акцентов позволила Л. Франку переключить внимание читателя и зрителя с бытовых и социальных проблем на политические темы.

«Ключевым отличием драмы от эпоса является наличие или отсутствие авторских комментариев» (Ромашкина 2022, с. 290), таким образом, в драме акцент смещается на диалоги и действия, которые и отражают внутренний мир персонажей. В отличие от романа, где описания могут занять страницы, драма требует экономного, но насыщенного языка, способного передать развитие отношений и конфликтов в сжатом виде. Тем не менее, обе формы проявления литературного жанра взаимодополняемы, особенно если предлагаемая пьеса является самоинсценировкой, в этом случае, в отличие от произведения, изначально принадлежащего к драме, у Франка есть образец поведения персонажей, места их нахождения и способа развития сюжета. В данном случае мы можем говорить о смещении точки наблюдения автора и его вненаходимости: «его индивидуальность снята, позиция его характеризуется теоретическим отвлечением от себя, этическим себя-исключением, отказом от собственного “я” при политическом представлении» (Ячин, Петракова 2024, с. 181).

«В отличие от других основных поэтических родов (эпического и лирического) полное и всестороннее раскрытие драмы мыслимо лишь в сценическом овеществлении» (Беспалов и др. 1930),

можно сказать, что, создавая драматический текст, автор выступает в роли «мысленного режиссера», расставляя акценты в произведении в зависимости от собственного замысла. Прямым вмешательством в действие персонажей в пьесе можно считать авторскую ремарку. Авторская ремарка в пьесе выполняет функцию, которая выходит за рамки простого описания сцен или действий персонажей. Она служит инструментом для создания атмосферы и уточнения намерений автором. Когда автор вмешивается в действие через ремарку, он не только задает тон, но и включает в текст дополнительные смыслы, позволяя зрителю углубиться в психологию героев, «в этом случае важно осознавать, что писатель-драматург ограничен в средствах повествовательного изображения» (Толчеева 2007, с. 53). Например, выражение эмоций или описание физического состояния персонажа может изменить восприятие происходящего на сцене. Таким образом, «ремарка из простого сценического указания превращается в средство эмоциональной характеристики образа» (Хайченко 2020, с. 395). Кроме того, авторские ремарки могут предвосхищать и комментировать действия персонажей, углубляя их мотивацию. Это позволяет зрителю лучше понять внутренние конфликты и стремления героев, усиливая эмоциональную привязку к ним. Ремарки часто становятся своеобразным мостом между автором и аудиторией, позволяя избежать недоразумений и создавая более полное представление о ситуации. «Основная функция ремарки в таком случае – давать информацию о ходе действия или выражать интенции автора» (Шляхова 2022, с. 786). Таким образом, авторская ремарка – это не просто декоративный элемент текста, а активный инструмент, который позволяет создать многослойное восприятие психологии персонажей и их внутреннего мира. В этом смысле она становится важной частью драматургического проекта, «стремится приблизить пьесу к роману, повести, любому не драматургическому жанру» (Горфункель 2020, с. 380), помогая реализовать замысел автора.

В пьесе Леонгарда Франка «Мужской квартет» более трёхсот ремарок, которые можно разделить на ряд групп по их функции и предназначению.

Первую группу ремарок составляют режиссерские ремарки, призванные помочь режиссеру определить ход сценического действия. В свою очередь, режиссерские ремарки в пьесе Л. Франка «Мужской квартет» также можно разделить на три большие группы: сценографические, которые указывают на расположение объектов на сцене: предполагаемые декорации («На заднике – крепость и виноградник на крутом склоне»), предполагаемый реквизит («правой протягивает доктору Хуфу визитную карточку»), персонажи («Пробегают мальчик, за которым гонится другой»), общая

атмосфера («Свадьба»); звуковые, которые указывают на слуховые образы на сцене и вне её и называют конкретные музыкальные произведения или направленность этих произведений: музыка («В замке заиграли «Ночную серенаду» Моцарта»), звуковые образы природы («Вдали – раскаты грома»), звуки, издаваемые человеком или группой людей вне сцены («Истошный крик женщины»); и тематические, которые указывают на смысловые точки произведения: линия прихода к власти Адольфа Гитлера и усиления милитаристских идей в обществе («Шаги марширующих приближаются»); линия, связанная с экономическими условиями Германии 30-х годов, характеризующимися ростом безработицы («У них вид людей, которым нечего делать») и линия любовного треугольника Ганны, Томаса и Хуфа («это своеобразная девушка еще только на пороге жизни»).

Вторую группу ремарок составляют указания для актеров, которые помогают артисту, исполняющему конкретную роль, определить психологическое, физическое и эмоциональное состояние. Актерские ремарки также делятся на 5 групп: физические – называют конкретное движение или действие («не двигаясь с места»), эмоциональные – называют конкретную эмоцию персонажа («смущенно»), физико-эмоциональные – называют эмоцию, которая должна быть передана посредством действия («глаза его краснеют»), речевые – называют способ передачи реплики актером («тихо»), диалогические – называют адресат сообщения («ни к кому не обращаясь»).

Стоит отметить, что некоторые отдельные ремарки могут не только совмещать в себе функции в рамках одного типа (актерские или режиссерские), но и быть предназначенными как для постановщика, так и для непосредственного исполнителя роли, например, ремарка «нажимая на кнопку звонка» одновременно указывает как на реквизит на сцене, так и на действие актера, «рассвирепев, стучит кулаком по письменному столу» – на эмоции и действия, «Женщина бедно одета, худая, тяжело дышит» – на тип персонажа, его действия, внешний вид. Такие ремарки могут служить связующим звеном между актером и режиссером, создавая общее действие на сцене.

Кроме того, ремарки могут варьироваться по степени выразительности. Иногда они становятся тонкими намеками, которые требуют от актера внутренней работы и ощущения момента («говорит правду, но таким тоном, словно шутит»). В других случаях это могут быть более откровенные указания, предполагающие необходимость кардинальных изменений в интерпретации роли («продолжает взволнованно расхаживать взад и вперед»).

«Обстановочная ремарка в драматургическом тексте призвана выполнять не только коммуни-

кативно-прагматические функции – она играет важнейшую роль в развитии сквозных мотивов и образов» (Шестакова 2013, с. 90). Особой выразительностью обладают звуковые метафоры.

В первой части первой сцены, изображающей общение квартета, подавляющее количество ремарок относится к созданию тишины между основными персонажами («*молча кланяется и уходит*», «*Унылое молчание*», «*после паузы*»), «молчание сопровождает общую ситуацию неговорения, это подтекст, проецируемый на всю пьесу» (Зорин 2009, с. 25). Такие ремарки позволяют Франку открыть первую тему его произведения – трагедию человека, оказавшегося перед лицом безработицы и нищеты, и если сначала фразы героев могут показаться нам юмористическими («*Когда наконец снова будет работа?*»), то сразу же этот разговор становится боле серьезным, Франк использует патетическую лексику («*Безработица во всех странах! В одной Германии – семь миллионов безработных!*»), после чего проблема всей страны отображается на судьбах конкретных персонажей («*А теперь еще мне придется продать кровать, а то нечем заплатить за квартиру*»). Окончанием этого фрагмента служит хор колоколов, который предвещает будущую смерть и войну («*Звон колоколов какой-то церкви. С ним сливаются колокола других церквей*»), создает атмосферу тревоги, которая может непосредственно не создаваться на сцене, но всегда подразумеваться.

Вторая сцена драмы посвящена любовной линии детей главных героев, Ханны и Томаса, и любовному треугольнику, создавшемуся из-за вмешательства в их отношения доктора Хуфа. Действие данной сцены развивается в саду. Франк не дает нам каких-либо звуковых образов, которые могли бы указывать на принадлежность данного действия к саду, однако при разговоре Ханны и Томаса появляется много пауз, а с середины сцены звучит «Ночная серенада» Моцарта, что вместе с паузами создает общее ощущение невинности, неловкости и влюбленности.

В третьей сцене, в связи с перемещением места действия на детское кладбище, где хоронят Карла Фиркенеса, звуковые образы приобретают больший масштаб: соответствующий месту действия «*Похоронный звон колоколов*» будто переходит из первой сцены и продолжает социальную тему, заданную автором в начале. При приближении супругов Фиркенесов, хоронящих своего сына, «*Похоронный звон смолкает*», оставляя процессию на непродолжительное время в тишине, однако скоро эта тишина нарушается природными звуками грома, что символизирует некое тайное беспокойство, которое пока что недоступно персонажам, но вскоре коснется их всех. Несмотря на общее настроение этой сцены, посреди неё вновь проглядывается любовная линия Томаса и Ханны, кото-

рая вновь сопровождается паузами, перенося нас обратно в вюрцбургский сад. Неким утешением на похоронах младенца может стать песня мужского квартета, символизирующего собой надежду на светлое будущее, людей, которые в непростые для Германии времена не отчаялись и решили изменить свою судьбу с помощью авантюры. Но сперва гром не дает мужскому квартету начать песню («*Две вспышки молнии и два сильных раската грома. Теобальд опускает руки*»), а затем дождь заставляет всех присутствующих уйти с кладбища, так и не дождавшись выступления («*Певцы прощаются с супругами Фирнекес и уходят в глубину налево*»). Своеобразным напоминанием о скорой катастрофе как для квартета, так и для всего немецкого народа служит тот же звуковой природный образ грома, тянущийся ещё с начала сцены.

Звуковым образом, присутствующим в центральном эпизоде повествования, является звонок на столе у следователя, который выступает одновременно и некоторым двигателем сюжета, и функцией полицейского участка («*Нажимает на кнопку звонка*»). Этот звонок представляет нам всех подозреваемых в убийстве старика Молитора, который, как оказывается позже, умер от несчастного случая, однако версия гибели вследствие несчастного случая возникает в последнюю очередь, а подозреваемыми становятся те люди, которые могли совершить убийство с целью исправить свое финансовое или социальное положение, что вновь отсылает нас к заданной в начале теме социального неравенства и безработицы. В этой сцене звук звонка появляется восемь раз, что создаёт гнетущую атмосферу без надежды на справедливость и спокойствие.

Основной косвенной уликой является плетка Оскара с металлическим шариком на конце. Щелчок этой плеткой в воздухе как бы сбрасывает общее настроение всех предыдущих сцен и выводит на первый план детективную линию. Именно в момент появления и демонстрации улики квартет понимает, что один из них может оказаться убийцей. Главным подозреваемым по делу об убийстве старика Молитора становится Оскар – идейный лидер мужского квартета. Несмотря на то, что он не является убийцей, фрагмент сцены с его допросом полон молчания и пауз, чем Леонгард Франк указывает на растерянность главного героя, его отчаяние и неспособность защищаться, так как все улики и показания свидетеля указывают на него. Своеобразной кульминацией сцены становится загадочный телефонный звонок, заставляющий следователя остановить череду допросов и отправиться на место преступления. За этим звонком следует необычное в рамках сцены применение звонка: вместо одного раза следователь нажимает на звонок трижды, будто оканчивая тем самым действие.

Однако даже после этого сцена не заканчивается, Франк включает в неё новую тематическую линию, связанную с политической жизнью Германии и всего немецкого народа. «*Истошный крик женщины*» вне сцены не дает следователю уйти, так как пострадавшая, чей крик мы слышим из-за сцены, вбегает и рассказывает о том, как избили её мужа, который высказался о политике Адольфа Гитлера в негативном ключе, а одним из хулиганов оказывается секретарь суда, которого тут же заключают под стражу. Сцена заканчивается только после его речи, в которой содержится некое предупреждение о будущем страны и угроза со стороны приверженца милитаристских взглядов.

Пятая сцена, действие которой происходит в комнате погибшего старика Молитора, становится развязкой детективной линии. Пауза, идущая после выяснения обстоятельств несчастного случая, повлекшего смерть Молитора, и, следовательно, непричастность к этому мужского квартета, заставляет зрителей или читателей усомниться в собственных подозрениях, которые, возможно, они строили на основе не только вещественных улик и показателей свидетеля, но и на факте бедности подозреваемых и их желании обогатиться.

Шестая сцена драмы представляет собой свадьбу Фалькенауге, одного из участников квартета, и фрау Юлии, бывшей служанки покойного Молитора. В самом начале нам открывается вполне понятная картина: вязаные салфеточки, семейные фотографии в овальных рамках, букеты искусственных цветов. Всю эту визуальную картину праздника, семейного счастья и уюта дополняет один звуковой образ – две щебечущие канарейки в клетке. Однако счастье героев продлилось не долго: квартет, в очередной раз пытающийся спеть, прерывается взрывом рядом с мастерской фрау Юлии, где и проходит свадьба. С одной стороны, данное событие можно назвать юмористическим, так как взрыв происходит из-за экспериментов с бомбами швейцарца-анархиста, достаточно нелепого персонажа, но последствия этого действия становятся трагическими – молодая семья Фалькенауге лишается своей мастерской, чуть ли не единственного способа заработка.

Седьмая сцена показывает подготовку зала к выступлению мужского хора. Символом будущего успеха становятся переговоры зрителей, собравшихся в зале. Также не звуковым, но предполагающим звук становится образ монет, падающих в тарелку, которые заработал квартет.

Следующим важным звуковым образом становится подготовка мужского квартета к выступлению в Оксенфурте в восьмой сцене: танцы, шутки, распевки и фрагменты песен, с помощью которых персонажи готовятся к выходу на сцену, прерываются приходом полицейского и конфискацией денег за билеты в пользу местной власти.

Такой резкий срыв обуславливается содержанием самой распевки – «*О светлой радости, о счастье, о весне!*», что создает контраст между искусством, шансом на будущее не только самого квартета, но и всей страны и реальным будущим – авторитарным режимом и войной.

Девятая сцена драмы является ключевым этапом развития отношений Томаса и Ханны. В ней мы видим отступление доктора Хуфа, его прощальный подарок, и, таким образом, разрушение любовного треугольника. Звуковой образ тишины, идущий с начала появления данной линии, переходит и в эту сцену: паузы, возникающие из-за неловкости, перерастают в паузы, вызванные поцелуем возлюбленных.

Финальная сцена пьесы является смысловым завершением социальной темы и перекликается с восьмой сценой: все основные персонажи пересекаются в винном погребе «Черный кит из Аскалона», с начала действия неким лейтмотивом проходит тема войны, которую начинает своими рассуждениями о будущем немецкого народа напившийся доктор Хуф, что влечет за собой череду пауз. Однако персонажи, хоть и обращают внимание на это, не хотят отчаиваться, только что у них начала зарождаться новая жизнь, полная любви и веры: слышны звон бокалов, песня «*Вон у ворот колодец...*», в которой слышны мотивы теплых воспоминаний, сентиментального настоящего и надежд на светлое будущее, но эта общая песня, которая затрагивает не только основных персонажей, но и «*девушку в открытом окне*», услышавшую хор и подпевающую ему, постепенно прерывается военной музыкой, которая «*становится все громче, затем внезапно обрывается*», но это резкое затухание является лишь подготовкой к следующему этапу – выходу марширующих «*штурмовиков со свастикой на рукавах*», что вновь заканчивается тишиной «*Все на улице и в доме стоят неподвижно*», как бы закольцовывая пьесу. Этот контекст помогает понять, как исторические события и социальные изменения влияют друг на друга, формируя будущее нации.

Выводы

Леонгард Франк постепенно развивает проблему социального неравенства и безработицы, создавая причинно-следственную связь между такими условиями и приходом страны к авторитарному политическому режиму и развязыванию мировой войны. «В сценических ремарках драматурги начинают использовать не столько содержательно-фактуальную, сколько содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую информацию» (Петрова 2011, с. 20). В связи с изменением характера политической жизни немецкого народа, как постепенным, так и резким процессом смены власти в Германии в начале – середине

XX века, антивоенная позиция Леонгарда Франка не только развивалась, но и укреплялась. В пьесе «Мужской квартет» прослеживается стремление к пониманию и сочувствию к страданиям людей, что можно рассматривать как холодный взгляд на бездушие, присущее военным конфликтам.

Франк, как один из ярчайших представителей своего поколения, модернизирует собственный эпический текст «Оксенфуртский мужской квартет» в драму «Мужской квартет», создавая таким образом уникальный пример автоинсценировки, включающий в себя не только социальную и бытовую тематику, но и новые политические темы, навеянные особенностями времени. Эта пьеса показывает, как война и насилие искажают человеческие ценности и приводят к трагедии, однако изображение этой темы является лишь фоном для изображения настоящих чувств живых людей. Антивоенная позиция Леонгарда Франка действительно пронизывает его творчество и становится особенно заметной в контексте изменений, происходивших в Германии между двумя мировыми войнами. Франк, как писатель, активно реагировал на политические и социальные потрясения своего времени, и его произведения отражают глубокую озабоченность по поводу человеческой судьбы на фоне войн и конфликтов.

Библиографический список

- Mann, T. (1924), *Der Zauberberg*, Fischer, Berlin, Deutschland.
- Klabund (1922), *Deutsche Literaturgeschichte in einer Stunde*, Dürr und Weber, Leipzig, Berlin, Deutschland, [Online], available at: <https://www.projekt-gutenberg.org/klabund/literatu/literatu.html> (Accessed 4 Oct 2024).
- Сейбель Н.Э. Мотив времени в романе Л. Франка «Оксенфуртский мужской квартет» // *Мировая литература в контексте культуры*. 2010. № 5. С. 67–69.
- Хайченко Е.Г. От драмы к эпосу: внесценические персонажи // *Вопросы театра*. 2020. № 1–2. С. 376–403.
- Шевченко А.А. Поэтика романа «Оксенфуртский мужской квартет» в контексте «Вюрцбургской трилогии» Леонгарда Франка // *Мировая литература в контексте культуры*. 2017. № 6 (12). С. 117–125.
- Ячин С.Е., Петракова Н.В. Эстетика вневходимости М.М. Бахтина в перспективе постгуссерлианской феноменологии // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2024. Т. 7, № 2. С. 176–198. DOI: <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2024-7-2-176-198>.
- Воронин С.С. Экспрессионистские традиции в пьесе Леонгарда Франка «Мужской квартет» // *Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета*. 2015. № 6. С. 147–155.
- Горфункель Е. История ремарки в тезисах // *Вопросы театра*. 2020. № 3–4. С. 372–395.
- Родионова Т.Н. Экономическое положение Германии после Второй мировой войны и реформа Л. Эрхарда // *Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики*. 2003. № 7. С. 134–141.
- Ромашкина М.В. Особенности трансформации эпического текста в драму: как меняется роман М. Горького «Мать» в драме Б. Брехта «Жизнь революционерки Пелагеи Власовой из Твери» // *Новый филологический вестник*. 2022. № 4 (63). С. 285–295. DOI: <https://doi.org/10.54770/20729316-2022-4-285>.
- Литературная энциклопедия. Т. 3 / Ком. Акад.; Секция лит., искусства и яз.; Ред. коллегия: Беспалов И.М., Лебедев-Полянский П.И., Маца И.Л., Нусинов И.М., Переверзев В.Ф., Скрышник И.А., Фриче В.М.; Отв. ред. Луначарский А.В.; Отв. секретарь Бескин О.М. [б.м.]: Изд-во Ком. Акад., 1930.
- Шестакова Т.Э. Функции обстановочной ремарки в драматургическом тексте // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2013. № 5(26). С. 89–93.
- Шляхова М.М. Наречные ремарки и их функции в драматургическом дискурсе // *Вестник Удмуртского университета*. 2022. Т. 32. Вып. 4. С. 785–792. DOI: <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2022-32-4-785-792>.
- Габдуллина А.Р. Преломление семиотических кодов культуры в авторской ремарке // *Вестник Башкирского университета*. 2008. Т. 13. № 1. С. 83–85.
- Петрова Н.Ю. Сценические ремарки как маркеры идиостиля автора // *Вестник Московского городского педагогического университета*. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2011. № 1. С. 16–23.
- Толчеева К.В. Авторская ремарка как средство визуализации и характеристики персонажа // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 1. С. 51–58.
- Зорин А.Н. «Тень звука» К вопросу о генезисе ремарки «пауза» в драматическом тексте // *Театр. Живопись. Кино. Музыка*. 2009. № 2. С. 22–30.
- Пьесы [Леонгард Франк] (пер. Завьялова Л.М.). URL: <https://coollib.cc/b/426997/read> (дата обращения: 13.10.2024).

References

- Mann, T. (1924), *Der Zauberberg*, Fischer, Berlin, Deutschland.
- Klabund (1922), *Deutsche Literaturgeschichte in einer Stunde*, Dürr und Weber, Leipzig, Berlin,

Deutschland, [Online], available at: <https://www.projekt-gutenberg.org/klabund/literatu/literatu.html> (Accessed 4 Oct 2024).

Seybel, N.E. (2010), The motif of time in L. Frank's novel 'The Oxenfurt Men's Quartet', *World Literature in the Context of Culture*, no. 5, pp. 67–69.

Khaichenko, E.G. (2020), From drama to epic: off-stage characters, *Issues of the Theatre*, no. 1–2, pp. 376–403.

Shevchenko, A.A. (2017), Poetics of the novel 'The Oxenfurt Men's Quartet' in the context of Leonhard Frank's 'Würzburg Trilogy', *World Literature in the Context of Culture*, no. 6 (12), pp. 117–125.

Yachin, S.E., and Petrakova, N.V. (2024), Aesthetics of Bakhtin's Out-of-Placeness in the Perspective of Post-Husserlian Phenomenology, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, vol. 7, no. 2, pp. 176–198, DOI: <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2024-7-2-176-198>.

Voronin, S.S. (2015), Expressionist traditions in Leonhard Frank's play 'Men's Quartet', *Bulletin of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University*, no. 6, pp. 147–155.

Gorfunkel, E. (2020), History of the stage direction in theses, *Issues of the Theatre*, no. 3–4, pp. 372–395.

Rodionova, T.N. (2003), The economic situation of Germany after the Second World War and L. Erhard's reform, *Scientific and Technical Bulletin of Information Technologies, Mechanics and Optics*, no. 7, pp. 134–141.

Romashkina, M.V. (2022), Features of the transformation of epic text into drama: how M. Gorky's novel 'Mother' changes in B. Brecht's drama 'The Life of the Revolutionary Pelageya Vlasova from Tver', *New Philological Bulletin*, no. 4 (63), pp. 285–295, DOI: <https://doi.org/10.54770/20729316-2022-4-285>.

Literary Encyclopedia (1930), vol. 3, Kom. Acad., Moscow, Russia.

Shestakova, T.E. (2013), Functions of the setting stage direction in a dramatic text, *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*, no. 5 (26), pp. 89–93.

Shlyakhova, M.M. (2022), Adverbial Stage Directions and their Functions in Dramatic Discourse, *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*, vol. 32, no. 4, pp. 785–792, DOI: <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2022-32-4-785-792>.

Gabdullina, A.R. (2008), Refraction of semiotic codes of culture in the author's stage direction, *Bulletin of the Bashkir University*, vol. 13, no. 1, pp. 83–85.

Petrova, N.Yu. (2011), Stage directions as markers of the author's idiosyncrasy, *Moscow City Pedagogical University Bulletin. Series: Philology. Theory of language. Linguistic education*, no. 1, pp. 16–23.

Tolcheeva, K.V. (2007), Author's stage direction as a means of visualization and characterization of the character, *Voronezh State University Bulletin. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 51–58.

Zorin, A.N. (2009), 'The shadow of sound' On the genesis of the 'pause' stage direction in a dramatic text, *Theatre. Painting. Cinema. Music*, no. 2, pp. 22–30.

Frank, L. *Plays*, (trans. Zavyalova, L.M.), [Online], available at: <https://coollib.cc/b/426997/read> (Accessed 13 Oct 2024).

Submitted: 02.04.2025

Revised: 24.05.2025

Accepted: 10.06.2025

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.111.06

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-2-70-78

Дата поступления: 01.04.2025
рецензирования: 22.05.2025
принятия: 17.06.2025

М.А. Розанов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: rozanovmax11@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0009-0006-3255-5651>

Формирование творческого перспективизма И. Макьюэна

Аннотация: творческий перспективизм понимается как ценностно обусловленная творческая воля автора. С этой точки зрения рассматривается формирование специфики перспективизма Иэна Макьюэна на материале его первых романов «Цементный сад» и «Утешение странников». Помимо этого, анализируется связь воплощающейся в вышеупомянутых произведениях ценностной ориентированности писателя с его внетворческим сознанием. Этой связью объясняется значимость категории границы для творческого перспективизма И. Макьюэна. В дебютном романе писателя обнаруживаются его антируссоевские позиции – И. Макьюэн рассматривает отсутствие установленных извне ограничений как ситуацию, в которой отношения человека с Другим травмируются, а границы во внутреннем мире личности выстраиваются под влиянием взявшего над ней верх природного начала. Далее исследовано развитие творческого перспективизма писателя в начале 1980-х гг. И. Макьюэн, исходя из понимания взаимоотношений внутреннего мира человека с установленными извне границами как наиболее значимой коммуникации в рамках становления личности, ставит вопрос о том, насколько межличностные отношения обусловлены сформированными в детстве желаниями, страхами, моделями поведения. Результатом исследования становится обнаружение сформировавшегося в 1980-х гг. вектора развития творческого перспективизма И. Макьюэна. Делается вывод о том, что сложившийся в ранних произведениях этический взгляд писателя на конфликты, связанные с внутренними границами личности, обусловил ценностную ориентированность его творчества вплоть до 2010-х гг.

Ключевые слова: творческий перспективизм; формирование; Иэн Макьюэн; «Цементный сад»; «Утешение странников»; границы; духовные силы.

Цитирование: Розанов М.А. Формирование творческого перспективизма И. Макьюэна // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 2. С. 70–78. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-2-70-78>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Розанов М.А., 2025

Максим Александрович Розанов – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

M.A. Rozanov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: rozanovmax11@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0009-0006-3255-5651>

Formation of Ian McEwan's artistic perspectivism

Abstract: artistic perspectivism is considered to be the author's value-based creative will. From this perspective, we analyse the formation of Ian McEwan's specific perspectivism based on his first novels *The Cement Garden* and *The Comfort of Strangers*. In addition, the connection between the writer's value orientation embodied in the above-mentioned works and his non-creative consciousness is considered. This connection explains the significance of the category of the boundary for I. McEwan's artistic perspectivism. In the writer's debut novel, his anti-Rousseau positions are revealed – I. McEwan considers the absence of externally imposed restrictions as a situation in which a person's relationship with the Other is traumatized, and bound-

aries in the inner world of the individual are built under the influence of the natural principle that has prevailed over it. Further, the development of the writer's creative perspectivism in the early 1980s is explored. Based on his understanding of the relationship between a person's inner world and externally established boundaries as the most significant communication in the context of personality formation, I. McEwan raises the question of how much interpersonal relationships are conditioned by desires, fears, and behavioral patterns formed in childhood. The study reveals the vector of development of I. McEwan's artistic perspectivism formed in the 1980s. It is concluded that the ethical view of the writer on conflicts related to the internal boundaries of the individual, which was formed in his early works, determined the value orientation of his novels until the 2010s.

Key words: artistic perspectivism; formation; Ian McEwan; "The cement garden"; "The comfort of strangers"; boundaries; spiritual strength.

Citation: Rozanov, M.A. (2025), Formation of Ian McEwan's artistic perspectivism, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 5, no. 2, pp. 70–78, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-2-70-78>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Rozanov M.A., 2025

Maksim A. Rozanov – Postgraduate Student of the Russian and Foreign Literature and Public Relations department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Любая этическая позиция формируется выстраиванием границ, с помощью которых складываются представления о справедливости, долге и добре. Границами в данном случае выступают ценности, опираясь на которые, субъект разделяет поступки и принятые в межличностных отношениях решения на этические и безнравственные. В свою очередь, вышеупомянутая ценностная опора формируется личностью в ее взаимоотношениях с Другим. Происходящие с человеком события, воспринимаемая им информация и опыт межличностных и институциональных отношений вызывают у него определенные реакции, рефлексирова над которыми, человек определяет, что является для него ценностью. Как пишет В.Б. О कोरोков, «мысль, прошедшая через «муки или радости» психики – ценностное воплощение личности» (О कोरोков 2008, с. 59).

Однако этические позиции направлены не только вовне. Устанавливая границы во внутреннем мире личности, они, как правило, гармонизируют отношения человека с самим собой – формируют перспективу, в которой его рвения, желания и потребности находят возможности для удовлетворения без вреда для человека и тех, кто его окружает. Вместе с тем В.Г. Зусман подчеркивает, «способность соединять различное, создавать условия для диалога» (Зусман, Сиднева 2015, с. 183) – существенное качество границы. Действительно, установление границ возможно лишь в диалогических отношениях, поэтому иррациональное начало человека находится в тесном взаимодействии с нравственным чувством, представлениями о долге и рациональной стороной личности. При этом модели их взаимодействия изменчивы: одно может организовывать или расшатывать, подавлять, усиливать и видоизменять другое. Так, иррациональное начало личности может повернуть

ее спиной к собственным ценностям. Подобную ситуацию, к примеру, Л.Н. Толстой изображает в романе «Анна Каренина». Когда князь Щербацкий видится с Кити на водах, он не пытается ничего внушить дочери, однако само его присутствие затрагивает что-то в ее внутреннем мире, и «с приездом отца для Кити изменился весь тот мир, в котором она жила. Она не отреклась от всего того, что узнала, но поняла, что она себя обманывала, думая, что может быть тем, чем хотела быть. Она как будто очнулась» (Толстой 1981, с. 244).

Примечательно, что вызванный иррациональным импульсом пересмотр ценностей может нести в себе этического конфликта. Он возникнет, когда появившееся у личности желание или чувство столкнется с границами ее этических позиций. В этой ситуации иррациональный порыв врывается в границы регулирующих поведение человека этических позиций. Благодаря этому столкновению начинается диалог, в котором граница «одновременно принадлежит обеим <...> взаимно прилегающим семиосферам» (Лотман 2000, с. 262). Подобным взаимодействием границ обусловлена любая перемена во внутреннем мире личности – ослабление или укрепление границ этических позиций, подавление иррационального начала человека или предоставление ему большей свободы.

Этические конфликты могут не вполне осознаваться личностью, но несмотря на это рефлексия над ними возможна в художественной литературе благодаря выходу автора за «пределы переживающей жизнь души» (Бахтин 1986, с. 68). То, что недоступно личности в отношениях человека с самим собой, Другим, культурой и социальными институтами, открывается писателю с позиции вневременности, поэтому создание эстетического объекта опирается на выстраиваемые автором отношения с героем, формируя границы которого,

писатель в целостности личности обнаруживает то, что создает внутренние конфликты или препятствует отношениям человека с Другим.

На протяжении всего творческого пути И. Макьюэна обнаруживается глубокий интерес писателя к этическим конфликтам, возникающим на границах личности. Помещая героя в ситуации, которые он ошибочно истолковывает или из-за которых он оказывается в тупике, писатель выявляет во внутреннем мире личности ограничения, которые негативно влияют как на ее самопонимание, так и на отношения с Другим. Такими ограничениями, как правило, выступают границы познания, ценностные позиции человека и упадок его духовных сил. Так, губительный характер ослабленности духа И. Макьюэн исследует в романе «Дитя во времени» (McEwan 1987), главный герой которого теряет дочь, из-за чего его жизнь меркнет и начинает рушиться: работа не приносит удовольствия, дома он пьет, отношения с женой разваливаются. Обнаруживается, что при нехватке духовных сил человек, потеряв волю к жизни, начинает испытывать равнодушие по отношению к действительности, из-за которого он лишается ценностной опоры, требующей активного участия личности в отношении с Другим. Поскольку апатичный человек не наделяет ничего ценностью (не испытывает восхищения, отторжения, уважения и т.д.), он теряет связь с действительностью и чувствует, что оказался во власти сложившихся обстоятельств. Так, главный герой романа «Дитя во времени» становится пленником границ тяжелого переживания, внутри которых возможна лишь стагнация, не позволяющая человеку вновь обрести счастье.

Продуктивная в рамках перспективизма И. Макьюэна категория границы существенна и для его внетворческого сознания. В интервью, данном И. Хэмилтону после публикации дебютного романа «Цементный сад», писатель рассказал о взглядах на жизнь, которых он придерживался в начале 1970-х гг. В то время И. Макьюэну симпатизировала субкультура хиппи, которую он воспринимал как «антирациональный, невербальный мир, который дарит праздник чувств, огромную свободу» (McEwan 2010, p. 11). В то же время писатель не хотел полноценно в нее погружаться, поскольку был воспитан в рациональной традиции, увлекся наукой и не мог от нее отказаться. Уже здесь обнаруживается осознанное установление границ в отношениях И. Макьюэна с Другим.

В период всеобщей увлеченности субкультурой хиппи друзья писателя приглашают его в поездку в Афганистан, беззаботность которой вызывает у И. Макьюэна следующие чувства: «Скука и курение травы в огромных количествах без какой-либо цели <...> Все, чего я хотел – это пространство в тишине и заняться делом» (McEwan 2010, p. 11).

Столкновение писателя с экзистенциальной пустотой неограниченного, необремененного человеческого существования и его стремление вновь обрести границы (в занятии делом, обязанности) напрямую отразилось на перспективизме его дебютного романа «Цементный сад». Более того, как мы позже увидим, реакция на поездку в Афганистан обусловила значение категории границы в формировании творческого метода И. Макьюэна.

В данной статье мы обратимся к раннему периоду его романного творчества – к произведениям «Цементный сад» (1978) и «Утешение странников» (1981) для того, чтобы проследить процесс формирования специфики перспективизма И. Макьюэна.

1. Перспективизм дебютного романа И. Макьюэна

Сюжет романа «Цементный сад» представляет собой историю семьи, в которой четверо детей (шестилетний Том, тринадцатилетняя Сью, пятнадцатилетний Джек и семнадцатилетняя Джули) теряют сначала отца, а затем и мать семейства. Из страха перед жизнью в приюте дети решают спрятать мамино тело в подвале их дома. Благодаря этому им удастся вполне беззаботно жить, пока молодой человек Джули не раскрывает их тайну. В финале произведения Джек и Джули занимаются сексом в то время, как полицейские подъезжают к их дому.

Оказавшись сиротами, главные герои освобождаются от каких-либо установленных извне ограничений – определенного ценностями родителей распорядка жизни. На первый взгляд единственные границы, с которыми они теперь считаются, – это сохранение секретности их преступления. Однако И. Макьюэн обнаруживает в свободе от ограничений, установленных Другим, пустоту, которая давит на личность, поскольку она зависима от границ, организующих ее жизнь и дающих ценностные ориентиры. При этом ситуация снятия внешних ограничений отражается в сознании каждого из детей характерным для его возраста образом, обуславливающим различие способов ее преодоления.

Ряд исследователей трактует данный роман с помощью понятийного аппарата психоанализа. Например, Р.Р. Систани утверждает, что зависимость от фигуры матери сильнее у мальчиков: «Все они, в особенности Джек и Том, на этом решающем этапе своей жизни жаждут материнской заботы, присмотра и организации» (Sistani, Hashim, Hamdan 2014, p. 454), но я полагаю, что И. Макьюэн связывает степень зависимости от родительских фигур и границ как таковых с возрастными особенностями психических процессов человека.

Так, шестилетний Том, ощущая острую потребность в материнской заботе, видит воплощение

фигуры матери в Джули. В его сознании невозможно мысль об отсутствии мамы, от которой он зависим как психологически, так и в бытовом плане, поэтому он бессознательно находит себе ее замену. При этом, поскольку Джули – «новая мама», границы в отношениях с ней не сформированы окончательно, чем и пользуется Том. Когда мальчик понял, что больше маминого внимания получают дети дошкольного возраста, он начинает вести себя, как младенец: «На коленях у нее [Джули], сунув палец в рот, сидел Том, голова его покоилась у нее на груди, на шее была на манер нагрудника повязана салфетка. Он сосал палец и смотрел куда-то вдаль сонным, мечтательным взглядом» (Макьюэн 2018, с. 167).

В свою очередь, у Джека уже нет настолько сильной зависимости от фигуры матери, однако после ее смерти он сталкивается с отсутствием ценностных ориентиров, из-за чего ощущает бессмысленность своего существования. Дома он маялся без дела, «старался испугаться своего отражения, но ощущал лишь отвращение и скуку» (Макьюэн 2018, с. 110). Эмоциональный голод возникает у Джека в связи с оторванностью от привычных ролей в межличностных отношениях, обязательств и общей упорядоченности жизни, в рамках которых он мог не задумываться о самоидентификации и смысле своей жизни. Теперь, оставшись предоставленным самому себе, он не может игнорировать отсутствие ответов на эти вопросы. Опустошенность Джека обостряет его недовольство собой, поэтому одновременно со скукой он ощущает отвращение к себе.

В поисках выхода из рутинности бесцельного существования мальчик обращается к искусству. Джек решает перечитать подаренный младшей сестрой роман о космическом путешественнике командоре Ханте, и, поскольку перспектива восприятия этого произведения обусловлена эмоциональным фоном Джека – ежедневно ощущаемой им скукой, внутренний отклик у мальчика находят не странствия по космосу, а внимание командора к чистоте его судна и интерес героя к литературе. В стремлении преодолеть пустоту своего существования Джек неосознанно заостряет внимание на бытовых привычках и увлечениях командора Ханта и задается вопросом о том, могут ли они служить ценностной опорой для бесцельно живущего человека: «Интересно, думал я, стал бы он заботиться о чистоте или интересоваться мировой литературой, если бы его корабль никуда не летел – просто висел бы в космосе, неподвижно, день за днем?» (Макьюэн 2018, с. 123).

Влияние ценностей литературного героя на Джека не сразу им осознается. Когда Джули задает достаточно абстрактный вопрос «Ну, что скажешь?» (Макьюэн 2018, с. 127), ответ Джека оказывается неожиданным даже для самого маль-

чика: «Давай приберемся на кухне, – вдруг сказал я» (Макьюэн 2018, с. 127). Незаметно для Джека эстетическая коммуникация сподвигла его расширить границы ценностных позиций, занявшись уборкой, к которой ранее мальчик не испытывал интереса.

Момент осознания Джеком того, что он перенимал ценности командора, И. Макьюэн изображает в сцене уборки: «Том пошел наверх искать Джули и Сью, а я принялся обходить гостиную и кухню, как командор Хант обходил свой корабль» (Макьюэн 2018, с. 131). Таким образом, в прочитанном романе мальчик обнаруживает «внутренне убедительное» (Бахтин 1975, с. 154) для себя слово – ценности, которые находят у него положительный отклик и принимаются Джеком, благодаря чему он может обрести собственные ориентиры и преодолеть экзистенциальную пустоту.

В свою очередь, в сознании Джули родительские фигуры, как и устанавливаемые Другим ограничения, имеют меньшую значимость, чем у младших детей. Самостоятельность девушки обусловлена наличием в ее сознании границ, опирающихся не на авторитет Другого, а исходящих из самопонимания Джули и ее взглядов на действительность. Подобные границы вырабатываются, когда человек рефлексировал над его взаимоотношениями с устанавливаемыми извне ограничениями и самостоятельно занимает позиции, опираясь на которые, он будет выстраивать отношения с Другим и самоактуализироваться. В то же время она проходит этап становления личности, на котором в ее внутреннем мире выстраиваются границы между пробудившейся женственностью, сестринской любовью и стремлением к самоактуализации в более ответственных ролях в отношениях. Неслучайно после маминой смерти Джули становится главой семьи и играет роль мамы Тома.

М. Шмитц-Эванс утверждает, что границы «с помощью маркировки реагируют на угрожающую диффузию» (Шмитц-Эванс 2023, с. 114), жертвой которой и становится Джули. Смерть родителей вместе со снятием ограничений создает ситуацию, в которой необходимо перераспределение ролей в семье, губительно искажающее отношения детей и негативно влияющее на психические процессы личности. Так, в вышеупомянутых отношениях границ во внутреннем мире Джули происходит смешение ее эротичности и сестринской любви, последствием которого является их с Джеком соитие.

Таким образом, перспективизм дебютного романа И. Макьюэна опирается на антирусоистские позиции автора – писатель рассматривает отсутствие установленных извне ограничений как ситуацию, в которой отношения человека с Другим травмируются, а границы во внутреннем мире личности выстраиваются под влиянием взявшего

над ней верх природного начала. Поскольку сознанию человека, как и его жизни, имманентны границы, после снятия установленных Другим ограничений личность остается без предлагаемых ей ориентиров, в связи с чем сталкивается с экзистенциальной пустотой и необходимостью обретения новых ценностных позиций. Помимо этого, при отсутствии внешних ограничений создается ситуация, в которой необходимо перераспределение ролей, искажающее межличностные отношения и губительно сказывающееся на внутреннем мире личности. В связи с этим И. Макьюэн утверждает необходимость границ, организующих жизнь человека, предлагающих ему ценностные ориентиры и создающих пространство для становления нетравмированной личности, способной выстроить полноценные отношения с Другим.

2. Развитие творческого перспективизма И. Макьюэна

В начале 1980-х гг., исходя из понимания взаимоотношений внутреннего мира человека с установленными извне границами как наиболее значимой коммуникации в рамках становления личности, писатель ставит вопрос о том, насколько межличностные отношения обусловлены сформированными в детстве желаниями, страхами, моделями поведения. В интервью, данном Д. Хаффендену, И. Макьюэн говорит о выдвинутых им тезисах на конференции «Марксизм сегодня»: «В сексуальном воображении есть некоторая непокорность, и желания человека не сильно поддаются изменению. Вполне возможно, что вы выросли, решив принять определенные интеллектуальные точки зрения <...>, но есть и другие вещи – уязвимые места, желания – в вашем внутреннем мире, которые могли быть безвозвратно сформированы в детстве» (McEwan 2010, p. 36). При этом те потребности, желания, склонности, страхи и комплексы, корни которых уходят в детство личности, как правило, находятся в бессознательном, поэтому причины их возникновения или даже сами проявления могут не осознаваться человеком.

Интерес к роли бессознательного в межличностных отношениях не только обнаруживается во внетворческом сознании И. Макьюэна, но и оказывается существенным для перспективизма его следующего романа «Утешение странников». Сюжет данного произведения выстраивается вокруг Колина и Мэри – пары, проводящей отпуск в европейском городе. Их отношениям присущи автоматизм и рутинность, но после знакомства с Робертом и его женой Кэролайн Колин и Мэри вновь ощущают влечение друг к другу. Из-за возникших вследствие психологической травмы комплексов Роберт склонен к садизму и наносит серьезные увечья своей жене, которую, впрочем, вполне устраивает уклад их жизни. Это настораживает

Колина и Мэри, но несмотря на это их все равно бессознательно тянет к данной супружеской паре. В дальнейшем выясняется одержимость Роберта его новым знакомым, из-за которой в финале романа он убивает Колина и скрывается вместе с Кэролайн.

Отправив главных героев произведения в путешествие, И. Макьюэн выдергивает их из привычного образа жизни и социальных отношений, в которых они состоят. Пространство, в которое писатель помещает героев, позволяет, сведя их существование к совместному времяпрепровождению, изолировать границы отношений Колина и Мэри – рассматривать их обособленно от других интересов и обязательств.

При этом И. Макьюэн конкретизирует место действия романа, создавая таким образом русло развития отношений Колина и Мэри. Сойдя с парохода, главные герои заходят в кафе, в котором Колин довольно долго разглядывает младенца: «Ладошки у малыша сжимались и разжимались, голова недоумевающе покачивалась, его пухлые слабые ножки разъехались под бесстыдно набрякшей тяготой подгузника. Его безумные глаза, круглые и пустые, сверкнув, окинули взглядом залитую солнцем площадь и с выражением, которое казалось исполненным удивления и гнева, остановились на крыше собора, где, как было когда-то написано, венцы арок, словно в экстазе, разбивались в мраморную пену и взмывали в бесконечную синь неба застывшими в камне завитками и вихрями, как будто прибрежные волны, скованные внезапным морозом за миг перед тем, как рухнуть вниз» (Макьюэн 2007, с. 66). В этой сцене И. Макьюэн обращается к высказыванию Д. Рёскина о находящемся в Венеции соборе святого Марка, тем самым определяя место действия романа. В то же время приведенная цитата интересна тем, что используемые в ней слова «экстаз», «взмывали», «скованные» и «рухнуть» эскизно передают динамику отношений Колина и Мэри. Обращение И. Макьюэна именно к этой, образующей параллелизм, цитате Д. Рёскина обусловлено сконцентрированностью творческого сознания писателя на развитии главной сюжетной линии и общей проблематике произведения, поэтому оно в равной степени может быть как осознанным поэтологическим решением, так и органическим, интуитивным проявлением перспективизма И. Макьюэна.

Образ Венеции как опасного, враждебного пространства прочно закреплен в культуре. Уже в XII в. у нее был очень сильный флот, который активно участвовал в крестовых походах, благодаря чему город получил огромную власть на Адриатическом море. Так, воинственность Венеции продемонстрирована, например, в стихотворении Р.М. Рильке «Поздняя осень в Венеции» (Рильке 2022, с. 293):

Но от стволов и полуголых веток
исходит мощь – и если бы к утру,
удвоив флот, его из Арсенала
спустить распорядился адмирал,
то на заре, пропахшей небывало
смолою, флот сиял бы у причала...

Помимо враждебности и опасности Венеции, в перспективизме романа «Утешение странников» существенными оказываются характерные для этого топоса «упадок <...> извращенная любовь и финальная смерть» (Джумайло 2018, с. 119). Действительно, в данном произведении И. Макьюэн исследует кризис отношений и извращенную любовь (одержимость Роберта Колина, отношения Роберта и Кэролайн) и создает взаимодействие главных героев, результатом которого является смерть Колина в финале. Таким образом, писатель использует образ Венеции как пространство, в котором отношения Колина и Мэри проходят «проверку на прочность». Финалом произведения И. Макьюэн утверждает их нежизнеспособность.

В вышеупомянутой сцене на площади святого Марка И. Макьюэн приводит цитату из работы Д. Рёскина иронически, формируя перспективу Колина, который, рассматривая ребенка, испытывает к нему определенное отвращение: «его пухлые слабые ножки разъехались под бесстыдно набрякшей тяготой подгузника. Его безумные глаза, круглые и пустые» (Макьюэн 2007, с. 66), и в то же время уделяет ему гораздо больше внимания, чем собору. Архитектура оставляет Колина равнодушным, окружение слегка отталкивает, и коммуникация с Мэри не приносит ему эмоций – он не вовлечен ни во что. Колина, как и Мэри, не хватает духовных сил, поэтому их отношения обрели автоматизм. Расстаться или что-либо изменить в лучшую сторону – это решения, которые они не могут принять в виду духовной слабости, поэтому остаются вместе, но почти ничего не дают друг другу, заботясь преимущественно о себе: «каждый терпеливо выслушивал приснившийся другому сон, в награду за это получая возможность переказать свой собственный» (Макьюэн 2007, с. 8).

Пассивность главных героев И. Макьюэн расширяет и на их отношение к досугу: «На торговых улицах они подолгу стояли перед витринами, обсуждая подарки, которые они могли бы здесь купить. Но для этого нужно было по меньшей мере зайти в магазин» (Макьюэн 2007, с. 12). Пребывание в путешествии предоставляет паре возможности для создания совместного опыта, которые Колин и Мэри постоянно упускают, не решаясь принять даже самое незначительное решение. Более того, они неспособны наполнить чем-то ценным время, проведенное наедине друг с другом, – в разговоре им не интересно слушать собеседника, у них практически нет близости и

они даже не заботятся о комфорте в своем номере: «Они совсем перестали ухаживать друг за другом, у них уже не находилось сил – в такую-то жару – взбить перед сном подушку» (Макьюэн 2007, с. 11). Безволие Колина и Мэри делает их заложниками границ собственных отношений – сформированные ими упорядоченности вместо того, чтобы создавать пространство для крепкой духовной связи, помещают Колина и Мэри в ситуацию равнодушного взаимодействия, в которой они остаются «по привычке» – не проявляют чувственности, активного интереса друг к другу, и в то же время ничего не меняют в отношениях, поскольку усилены автоматизмом своего существования. Вместе с тем обусловленный духовной слабостью упадок воли не позволяет проявиться бессознательным желаниям и склонностям человека, который, став пассивным и неучастным в межличностных отношениях, может не замечать свои потребности, желания и даже чувства к партнеру.

Писатель изображает людей, переживающих серьезный кризис отношений, и сталкивает их с полностью противоположной им парой. Отношения Роберта и Кэролайн крепки благодаря силе уходящих корнями в бессознательное желаний и ярко выраженных склонностей – садизма Роберта и мазохизма Кэролайн.

Роберт воспитывался в патриархальной семье с крайне строгими укладами: «Дед никогда не позволял отцу есть сладкое <...> сладости, и в особенности шоколад, очень дурно влияют на мальчиков. От них характер становится слабым, как у девчонок» (Макьюэн 2007, с. 46). Однажды он сообщает отцу о проделке сестер, за что они мстят мальчику. Сестры угощают Роберта сладостями, дают ему лимонад, после чего связывают и запирают в кабинете отца, где мальчик, не выдержав, в панике справляет нужду, испачкав всю комнату. После этого Роберт, прежде любимый ребенок папы, оказывается в отцовской опале, что возвращает в нем комплекс неполноценности. В образе Роберта И. Макьюэн рассматривает границы, возникающие в сознании человека в связи с полученной в детстве психологической травмой, которая, уходя в бессознательное, отражается на проявляемых в межличностных отношениях потребностях и склонностях человека. Так, комплекс неполноценности Роберт компенсирует садизмом: «Он шептал, что сейчас убьет меня, но он и раньше много раз такое говорил <...> Он сломал мне позвоночник» (Макьюэн 2007, с. 166). И. Макьюэн исследует зависимость человека от издевательств над Другим и обнаруживает, что они позволяют садисту выпустить накопившуюся внутри агрессию, которую вызывает ненависть к себе, обусловленная тем, что отвергнутый родителем ребенок растет, чувствуя, что он не достоин

любви. А повзрослев, такой человек обратит не любовь к себе либо на Другого, либо на себя. В первом случае это выльется в садистские наклонности, во втором – приведет к самоистязанию.

Помимо садизма, непринятие Роберта отцом приводит к возникновению у него одержимости Колином. Обнаруживается, что ребенок, которому не хватило папиной любви, может стать человеком, бессознательно восполняющим эту нехватку обсессивными отношениями с мужчинами. Вместе с тем травмированность Роберта, выражающаяся в гомосексуализме и садистских наклонностях, может быть обусловлена сохранившейся с детства обидой на женщин: «сестер я тоже так и не простил» (Макьюэн 2007, с. 50).

В то же время И. Макьюэн не утверждает детерминированность межличностных отношений человека его бессознательным как нечто однозначно негативное или, напротив, положительное. Еще в первой половине XX века мазохизм и садизм были определены как нечто присущее человеку: «Современная психопатология открывает в подсознательном человека глубокие инстинкты мазохизма и садизма, потребность в самоистязании и истязании других» (Бердяев 2011, с. 304). Действительно, в образе Кэролайн писатель заключает не создающую внутреннего конфликта ограниченность человека его бессознательным. Девушка склонна к мазохизму: «Я потеряла сознание от боли, и последняя моя мысль была: вот сейчас все и кончится. Обратной дороги нет. И конечно же, я хотела, чтобы он меня уничтожил» (Макьюэн 2007, с. 166), но она ничего этим не компенсирует и не наказывает себя. Для нее мазохизм естественен и не является средством решения какого-либо внутреннего конфликта или преодоления психологической травмы. Поскольку ее мазохистская наклонность органична, она имеет ценностную опору, и духовные силы Кэролайн идут на то, что делает ее счастливой: «Под словом «влюблена» я имела в виду, что вы для другого человека готовы сделать все, что угодно, и... – Она запнулась. Глаза у нее были необычайно яркие. – И ему разрешаете с собой делать все, что угодно» (Макьюэн 2007, с. 89). В свою очередь, духовные силы Роберта уходят на выбросы агрессии, получение того, что заменит отцовскую любовь – иными словами, на временное подавление внутреннего конфликта, а не его решение, поэтому Роберт несчастен и не способен обрести внутреннюю гармонию.

Однако коммуникация с Робертом и Кэролайн оживляет отношения Колина и Мэри: «Проснувшись, они с удивлением обнаружили, что лежат обнявшись. Секс удивил их еще того пуще, потому что такого мощного, всеобъемлющего удовольствия, таких острых, едва ли не болезненных приступов возбуждения они оба не помнили – как

выяснилось позже, в вечернем разговоре на балконе, – со времен семилетней давности, когда они только-только познакомились» (Макьюэн 2007, с. 114). Впечатление, произведенное их новыми знаковыми, пробуждает бессознательное Колина и Мэри и даже, как подчеркивает сам И. Макьюэн, «берет власть над их бессознательной жизнью» (McEwan 2010, p. 36).

Действительно, несмотря на то, что главные герои романа чувствуют опасность, исходящую от Роберта, в финале романа они все равно приходят к его дому: «вдруг они поймали себя на том, что остановились оба – чтобы из-за угла высокой электрической подстанции, меж двух ветвей могучего платана разглядеть увитый цветами балкон, где маленькая фигурка в белом сначала просто смотрела в их сторону, а потом начала махать рукой» (Макьюэн 2007, с. 147). Так И. Макьюэн передает бессознательную зависимость отношений Колина и Мэри от вызываемого внешними «раздражителями» импульса. Поскольку их близость и чувственность зависят от подпитки вызванными извне впечатлениями, отношения Колина и Мэри нежизнеспособны. Временное пробуждение их чувств друг к другу – лишь реакция, вызванная коммуникацией с Робертом и Кэролайн. У Колина и Мэри все еще нет духовных сил, необходимых для того, чтобы признать кризис их отношений и что-либо предпринять для его преодоления, поэтому в финале И. Макьюэн разделяет их смертью Колина.

Таким образом, перспективизм писателя обращен к детерминированности межличностных отношений внутренними границами личности. Опираясь на исследованную в дебютном романе значимость в рамках становления личности отношений человека с устанавливаемыми извне ограничениями, И. Макьюэн обнаруживает, что в детстве формируются желания, склонности, потребности, страхи и комплексы, определяющие то, чего человек будет хотеть от межличностных отношений и как станет себя в них вести. Так, полученная в детстве психологическая травма может стать причиной извращений и деструктивных наклонностей. В то же время ограниченность человека его бессознательным не коннотирована писателем – она в равной степени может определить взгляд человека на межличностные отношения, не препятствуя его счастью, и создать внутренний конфликт, замыкая человека в губительных для него паттернах (одержимость, извращенная любовь). В свою очередь, при нехватке духовных сил отношения сводятся к пассивному равнодушному взаимодействию, подлинные изменения в котором невозможны, поэтому наиболее существенным условием счастья в межличностных отношениях И. Макьюэн определяет солидарность духовных сил человека и его бессознательного.

Заключение

В результате проведенного исследования обнаруживается, что перспективизм И. Макьюэна формировался присущим и его внетворческому сознанию ощущением имманентности категории границы в жизни человека. Писатель утверждает значимость в рамках становления личности отношений человека с устанавливаемыми извне границами и обнаруживает, что при отсутствии этих границ создается ситуация, в которой над человеком берет верх природное начало, губительно сказывающееся на его внутреннем мире и искажающее межличностные отношения. В дебютном романе «Цементный сад» очевидны антируссостские позиции И. Макьюэна, опираясь на которые, он утверждает необходимость границ, организующих жизнь человека, предлагающих ему ценностные ориентиры и создающих пространство для становления нетравмированной личности. Далее творческий перспективизм писателя *выступает как воля к моделированию и утверждению возможности личности самостоятельно выстраивать границы* – И. Макьюэн утверждает детерминированность межличностных отношений желаниями, потребностями, страхами и комплексами, сформированными в отношениях ребенка с устанавливаемыми вокруг него границами. В романе «Утешение странников» писатель обнаруживает, что эта обусловленность присуща межличностным отношениям, но не играет в них решающей роли. Наиболее существенным условием для счастья в межличностных отношениях И. Макьюэн определяет солидарность духовных сил человека и его бессознательного. В проанализированном мной *периоде творчества* сформировался вектор развития перспективизма писателя, определивший его творчество вплоть до 2010-х гг. – этический взгляд на конфликты, связанные с внутренними границами личности, существенен как для иронического перспективизма романов «Амстердам» (1998) и «Искушение» (2001), так и, например, для более поздних *его произведений* «На берегу» (2007) и «Солнечная» (2010).

Источники фактического материала

Макьюэн И. Утешение странников / пер. с английского В. Михайлина. Москва: ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2007. 192 с.

Макьюэн И. Цементный сад / Пер. с английского Н.Л. Холмогоровой. Москва: Э, 2018. 224 с.

Толстой Л.Н. Анна Каренина: Роман в восьми частях. Москва: Художественная литература, 1981. 799 с.

Библиографический список

McEwan, I. (1987), *The child in time*, Jonathan Cape, London, UK.

McEwan, I. (2010), *Conversations with Ian McEwan*, R. Roberts (ed.), University Press of Mississippi, Jackson, USA.

Sistani, R.R., Hashim, R.S., Hamdan, S.I. (2014), Psychoanalytical Tensions and Conflicts of Characters' Interactions in Ian McEwan's *The Cement Garden*, *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, vol. 118, March, pp. 450–456, DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.02.061>.

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва: Художественная литература, 1975. 504 с.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1986. 445 с.

Бердяев Н.А. Дух и реальность. Москва: АСТ: Астрель, 2011. 664 с.

Джумайло О.А. «Венецианский текст» и эстетика отражений в фильме Пола Шредера «Утешение странников» по роману Иэна Макьюэна // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 4. С. 118–124. DOI: <https://doi.org/10.17072/2037-6681-2018-4-118-124>.

Джумайло О.А. Против сентиментальности: Иэн Макьюэн // Вопросы литературы. 2010. № 6. С. 242–260.

Зусман В.Г., Сиднева Т.Б. Категория границы в искусстве // Поэтика и метафизика художественного высказывания. 2015. С. 173–196.

Кочергина А.В. Художественное пространство и время в романах И. Макьюэна. Казань, 2016. 163 с.

Лотман Ю.М. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство–СПБ, 2000. 704 с.

Окроков В.Б. Бессознательное и границы социальности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2008. Т. 21. № 1. С. 55–62.

Рильке Р.М. Поздняя осень в Венеции. Санкт-Петербург: Азбука, 2022. 416 с.

Шмитц-Эманс М. К вопросу о семантике границы и формах разграничений // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2023. Т. 3, № 1. С. 113–123. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-113-123>.

References

McEwan, I. (1987), *The child in time*, Jonathan Cape, London, UK.

McEwan, I. (2010), *Conversations with Ian McEwan*, R. Roberts (ed.), University Press of Mississippi, Jackson, USA.

Sistani, R.R., Hashim, R.S., Hamdan, S.I. (2014), Psychoanalytical Tensions and Conflicts of Characters' Interactions in Ian McEwan's *The Cement Garden*, *Procedia – Social and Behavioral Sciences*

es, vol. 118, March, pp. 450–456, DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.02.061>.

Bakhtin, M.M. (1975), *Questions of literature and aesthetics. Studies of different years*, Khudozhestvennaya literatura, Moscow, USSR.

Bakhtin, M.M. (1986), *Aesthetics of verbal art*, Iskusstvo, Moscow, USSR.

Berdyaev, N.A. (2011), *Spirit and reality*, AST: Astrel', Moscow, Russia.

Dzhumailo, O.A. (2018), «The Venice text» and the aesthetics of reflections in Paul Schrader's movie «The Comfort of Strangers», based on the novel by Ian McEwan, *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*, vol. 10, no. 4, pp. 118–124, DOI: <https://doi.org/10.17072/2037-6681-2018-4-118-124>.

Dzhumailo, O.A. (2010), Against sentimentality: Ian McEwan, *Voprosy literatury*, no. 6, pp. 242–260.

Zusman, V.G. and Sidneva, T.B. (2015), The category of boundary in art, *Poetika i metafizika khudozhestvennogo vykazyvaniya*, pp. 173–196.

Kochergina, A.V. (2016), *Artistic space and time in I. McEwan's novels*, Kazan, Tatarstan, Russia.

Lotman, Y.M. (2000), *Semiosphere*, Iskusstvo–SPB, St. Petersburg, Russia.

Okorokov, V.B. (2008), The unconscious and the boundaries of sociality, *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya*, vol. 21, no. 1, pp. 55–62.

Rilke, R.M. (2022), *Late autumn in Venice*, Azbuka, St. Petersburg, Russia.

Schmitz-Emans, M. (2023), On the boundary semantics and differentiation forms, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 1, pp. 113–123, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-113-123>.

Submitted: 01.04.2025

Revised: 22.05.2025

Accepted: 17.06.2025

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-2-79-85

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.161.1.06-1

Дата поступления: 01.03.2025
рецензирования: 14.05.2025
принятия: 18.06.2025

Е.В. Абрамовских
Самарский государственный социально-педагогический университет,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: abramovskih@pgsga.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3185-5354>

Живописный экфрасис в субъектной структуре лирического цикла С. Гандлевского

Аннотация: цель статьи – изучить роль живописного экфрасиса в субъектной структуре лирического текста. Выбранное направление позволило рассмотреть взаимосвязь различных видов искусства, раскрыть возможности поэтического слова в передаче живописных образов, а также проблематизировать границы субъекта/адресата/читателя в тексте. На материале неавторского лирического цикла С. Гандлевского «Сигареты маленькое пекло» (1973), «Было так грустно, как если бы мы шаг за шагом...» (1976), «Обычно мне хватает трех ударов» (2012) рассмотрено восприятие лирическим субъектом картины Брейгеля «Охотники на снегу». Показано, что в каждом из стихотворений меняется точка зрения лирического субъекта, а соответственно, и ракурс постижения картины, погружения в мир, созданный художником, и генерирования «своего» мира. Самоидентификация лирического субъекта происходит через вовлеченность, проживание брейгелевского сюжета к остранению.

Ключевые слова: лирический субъект; адресат; читатель; субъектная организация; неавторский лирический цикл; экфрасис.

Цитирование: Абрамовских Е.В. Живописный экфрасис в субъектной структуре лирического цикла С. Гандлевского // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 2. С. 79–85. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-2-79-85>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Абрамовских Е.В., 2025

Елена Валерьевна Абрамовских – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы, журналистики и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443090, Российская Федерация, г. Самара, ул. Максима Горького, д. 65/67.

SCIENTIFIC ARTICLE

E.V. Abramovskikh
Samara State Social and Pedagogical University,
Samara, Russian Federation
E-mail: abramovskih@pgsga.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3185-5354>

Picturesque ekphrasis in the subjective structure of the lyrical cycle of S. Gandlevsky

Abstract: the purpose of the article is to study the role of pictorial ekphrasis in the subjective structure of the lyrical text. The chosen direction allowed us to consider the relationship between different types of art, to reveal the possibilities of the poetic word in conveying pictorial images, and to problematize the boundaries of the subject/addressee/reader in the text. Based on the material of the non-authorial lyrical cycle by S. Gandlevsky: "Cigarettes are a small hell" (1973), "It was so sad, as if we were step by step..." (1976), "Usually three blows are enough for me" (2012), the perception of Bruegel's painting "Hunters in the Snow" by the lyrical subject is examined. It is shown that in each of the poems the point of view of the lyrical subject changes, and accordingly the perspective of understanding the picture, immersion in the world created by the artist, and generation of a "one's own" world. Self-identification of the lyrical subject occurs through involvement, living through Bruegel's plot to estrangement.

Key words: lyrical subject; addressee; reader; subject organization; non-authorial lyrical cycle; ekphrasis.

Citation: Abramovskikh, E.V. (2025), Picturesque ekphrasis in the subjective structure of the lyrical cycle of S. Gandlevsky, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 5, no. 2, pp. 79–85, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-2-79-85>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Abramovskikh E.V., 2025

Elena V. Abramovskikh – Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Department of Literature, Journalism and Teaching Methods, Samara State Social and Pedagogical University, 65/67, Maxim Gorky Str., Samara, 443090, Russian Federation.

Введение

Актуализация в качестве материала исследования стихотворений Сергея Гандлевского обусловлена тем, что в его поэтическом мире живопись играет особую роль, являясь не просто фоном, а важной составляющей его мировоззрения и поэтики. С. Гандлевский не ограничивается простым описанием картин, он вступает с ними в диалог, переосмысливая их и создавая новые поэтические образы. В лирике поэта встречаются упоминания художников (В. Ван Гога, К. Коро, К. Брюллова, И. Репина, В. Сурикова) и аллюзии к известным живописным полотнам («Бурлакам на Волге» И. Репина, «Охотникам на снегу» Брейгеля, «Спальне в Арле» В. Ван Гога, «Переходу Суворова через Альпы» В. Сурикова, «Последнему дню Помпеи» К. Брюллова). К изучению экфрасической поэтики в лирике С. Гандлевского обращались такие исследователи, как: Г. Киришбаум (Киришбаум 2012), И. Романова (Романова 2018), А.С. Бокарев (Бокарев 2022), А.В. Кораблева (Кораблева 2022).

Однако аспект, связанный с видением, постижением объекта экфрасиса тем или иным субъектом сознания в лирическом произведении – не становился объектом специального научного рассмотрения. Эта проблема интересна с точки зрения изучения как специфики собственно экфрасиса, так и поэтического мира С. Гандлевского.

В определении экфрасиса и его функций в тексте мы опираемся на работы Л. Геллера, Т.Е. Автухович, В.Я. Малкиной. Не ставя перед собой цель охватить все исследовательские подходы к изучению экфрасиса, остановимся на принципиальном для нашего исследования вопросе о том, что «экфрасис есть поэтический комментарий к произведению искусства или акт его интерпретации, постижения его сверхвизуального смысла» (Автухович 2016, с. 46). Л. Геллер пишет, что экфрасис «переводит в слово не объект (это действительно невозможно) и не код (это не всегда нужно, хотя иногда такая задача ставится (...)), а восприятие объекта и толкование кода» (Геллер 2002, с. 10). Соответственно, «предметом экфрасиса является диалог двух творящих субъектов – художника и поэта» (Автухович 2016, с. 47). Сам акт восприятия культурного артефакта становится отправной точкой для осмысления собственной судьбы. Исследование живописного экфрасиса в субъектной

структуре лирического текста позволит постичь механизмы рецепции произведения. Ключевыми являются вопросы: кто видит картину? как трансформируется восприятие в процессе автокоммуникации? как происходит вовлечение читателя в метатекстовое пространство? Как читатель воспринимает взаимопроницаемость границ живописи и поэзии?

В основе изучения субъектной структуры лирического произведения – теоретические труды В.И. Тюпы, С.Н. Бройтмана, М.Н. Дарвина, В.Я. Малкиной. Принципиальной для нас является концепция С. Н. Бройтмана о субъектных структурах в лирике: «Под лирическим «я» понимают не биографическое «я» поэта, а ту форму или тот художественный образ, который он создает из своей эмпирической личности» (Бройтман 2004, с. 255–256). Тип лирического субъекта определяет текстовую стратегию и благодаря ему выстраивается бытийный мир текста.

Ход исследования

«Брейгелевский» лирический цикл С. Гандлевского включает три стихотворения разных лет: «Сигареты маленькое пекло» (1973), «Было так грустно, как если бы мы шаг за шагом...» (1976), «Обычно мне хватает трех ударов» (2012). В теории литературы подобные образования принято называть «неавторскими циклами» – циклы, которые реконструируются исследователями (внешними реальными читателями) на основании творческого наследия поэта. М.Н. Дарвин предлагает их называть «читательскими» циклами (Дарвин 2018, с. 36). При их выстраивании осуществляется моделирование некой тематической общности в сознании читателя.

Таким образом, читатель (внешний реальный) – выстраивает неавторский лирический цикл, находит основания для объединения стихотворений разных лет; понимает общность текстов и наличие отправной точки, которой становится картина Брейгеля «Охотники на снегу».

Живописный экфрасис дает основание сравнить композиционную форму лирического цикла с триптихом. Первая и третья части – это своего рода створки. В первой части картина Брейгеля дана с внешней точки зрения. Лирический субъект наблюдает её как пейзаж за окном: «чистая голландская

картина», в третьей части – видит репродукцию картины в старом календаре на даче и в музее. Вторая часть является основной – самоактуализация лирического субъекта через эстетическое переживание и сотворческое восприятие картины.

Остановимся более подробно на каждом стихотворении с точки зрения заявленной проблематики.

В первой части стихотворения «Сигареты маленькое пекло» (1973) картина Брейгеля «Охотники на снегу» является отправной точкой для рефлексии лирического субъекта о собственном мире. Пространственно в стихотворении обозначены два мира: улица, «за окном» и пространство дома, «квартиры». Границей между двумя мирами (внешним и внутренним) является «окно». Впоследствии внешний мир (и реальный/зримый, и мир картины Брейгеля) трансформируется во внутренний мир лирического субъекта.

«С улицы вливается в квартиру
Чистая голландская картина –
Воздух пресноводный и сырой,
Зимнее свечение ниоткуда,
Конькобежцы накануне чуда

Заняты подробною игрой» (Гандлевский 2019, с. 17).

Внешний мир, «за окном», воспринимаемый лирическим субъектом, сравнивается с «чистой голландской картиной». Это гармоничный зимний пейзаж. «Зимнее свечение ниоткуда» – аллюзия к золотому сечению, которое создаёт эффект сияния/свечения картины. Точка зрения лирического субъекта выхватывает за окном людей, катающихся на коньках: «конькобежцы накануне чуда». Мотив ожидания чуда связан с мотивом Рождества. Такая же гармония и спокойствие царят и в квартире. Воссозданы уют и тепло Дома: чаепитие, шахматы, кошки, зимняя скука. Возникает ощущение паузы, остановленного времени.

Но постепенно гармония разрушается. Процессуальность времени, проживаемая лирическим субъектом (от сумерек к ночи и к зимнему «электрическому» утру), позволяет почувствовать/пережить изменения его состояния: ожидание чуда в начале – через тревогу, напряжение, муки творчества – к рождению стиха, к созданию вымышленного мира. Ночная трагедия прочитывается как ожидание возлюбленной / Музы, муки творчества, ощущение тоски, одиночества.

Тревожное ожидание передается на уровне ритмической перебивки.

Адресат, к которому обращается лирический субъект, – персональный, поименованный: «милая». Неоднозначность адресата выстраивается через реконструкцию художественной целостности текста.

Во-первых, «Милая» может восприниматься как Возлюбленная лирического субъекта. Намеки на это содержатся в аллюзии к стихотворению И. Бродского «Ниоткуда с любовью надцатого

мартобря...»: «твердая горошина разлуки / В простынях незримая лежит...»; «Милая, мне больше длится нечем. / Потому с надеждой, потому / Всем лицом печальным человеческим / В матовой подушке утону» (Гандлевский 2019, с. 17); «Я тебя воссоздам из ночей / Вороною бездомною кровью – / от улыбки до лунок ногтей» (Гандлевский 2019, с. 18).

Образ несет и универсальное значение: «Милая» – природное женское начало, мать-земля: «Узнаю сквозь прозрачные веки, / Узнаю тебя, с чем ни сравни. / Есть в долинах великие реки – / Ты проточным просторам сродни» (Гандлевский 2019, с. 18).

Во-вторых, «Милая» – Муза, творческая и духовная субстанция, приоткрывающая завесу над тайнами мира. В ночном путешествии героя разворачиваются знаки мира брейгелевской картины: «Синий снег под ногами босыми. / От мороза в груди колотье. / Продвигаюсь на женское имя – / Наилучшее слово мое» (Гандлевский 2019, с. 18), «есть в долинах великие реки», «оглябая за кровлею кровлю».

Таким же эксплицитным (условным, символическим) адресатом является и Зеркало. По словам В.Я. Малкиной, «В литературном произведении появление зеркала влечет за собой мотивы зрения, двойничества, метаморфоз, влияет на изображение пространства (искажения, отражения, зазеркальный мир, граница между мирами), ставит проблемы самоидентичности, видимого / невидимого, особого взгляда (на мир, на себя, на другого) и т.п.» (Малкина 2017, с. 238).

Зеркало как метафора познания открывает другой мир, даёт понимание «другого» и себя самого как «другого». Но вопрос лирического субъекта, обращенный к Зеркалу: «Что, скажи, хоронишь от меня?» – указывает, что всё понять до конца невозможно и многие тайны сокрыты.

Зеркалом выступает ледяная поверхность речных протоков, они и реальные (видимые за окном), и напоминающие брейгелевский пейзаж.

Образ «проточного зеркала» замыкает ночное путешествие лирического субъекта, сводит начало и конец: от конькобежцев (на льду) из картины Брейгеля к проживанию состояния вдохновения, к созданию и рождению нового знания, закреплённого в новом произведении искусства.

Завершает стихотворение образ «таящей» «голубой пятерни» «на черной крышке пианино» – отсылка к «фиолетовым рукам» «на эмалевой стене» В.Я. Брюсова (стихотворение «Творчество»), символизирующим процесс творчества.

Так, лирический субъект, «я» сам, проживает бытовой / бытийный опыт. Образы Милой (персональный адресат) и Зеркала (условный адресат) помогают понять себя и разобраться в себе самом. Всё сопрягается в творческий процесс, рождение нового, продолжение себя в созданном.

Тексты С. Гандлевского пронизаны интертекстуальной игрой с текстами предшественников. В произведениях цикла угадываются аллюзии к стихотворениям А.С. Пушкина («Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю...»), О. Мандельштама («Чуть мерцает призрачная сцена»: «И живая ласточка упала / На горячие снега»), И. Бродского («Ниоткуда с любовью надцатого марта...»), В.Я. Брюсова («Творчество»).

Вторая часть лирического цикла С. Гандлевского «Было так грустно, как если бы мы шаг за шагом...» (1976) – погружение в картину, путешествие по брейгелевскому пейзажу, проживание событийности: от личного опыта к универсальному.

Картина Брейгеля «Охотники на снегу» представляет собой иллюстрацию к зимним месяцам для календаря. Охотники возвращаются в городок пустыми, ничего, кроме лисы, не сумевшими поймать; в трактире слева разводят огонь, чтобы жарить свинью; люди заняты обыденными делами (несут хворост), зимними забавами (катаются на коньках, играют в кёрлинг). Но повсюду видны тревожные знаки: полынья, в которую можно провалиться; кто-то тушит пожар; вывеска около трактира висит на одной петле; черные зловещие птицы; палки охотников (символ распятия); ловушки для птиц. Самый тревожный фрагмент картины – изображение собак и охотников. Охота – это необходимость, но и жестокость. Образы охотников вступают в диссонанс с гармоничным зимним пейзажем. Охотники не радуются мирной жизни городка. Они познали некую экзистенцию (встреча, лес, охота, убитая лиса) и приходят с безрадостной вестью. Убитая лиса вызывает сочувствие зрителей.

Работа с разными субъектами сознания в тексте – это следствие построения самой картины с нескольких точек зрения.

1. Общая панорама с высоты птичьего полета – взгляд Бога.
2. Взгляд человека с холма – охотники.
3. Твари земные – собаки. Одна из них – собака, которая смотрит на зрителей, разрушая эффект четвертой стены. Зритель устанавливает контакт с образом собаки в левом нижнем углу, и как на санках, летит с холма по перспективе картины до Альп и обратно, обозревая всё пространство.

Для стихотворения С. Гандлевского смена точек зрения на происходящее в сознании множественного субъекта («мы») определяет целостность выстраиваемого мира. Переключение регистра говорения – «Помнишь картину?» задаёт новый вектор восприятия текста. Остановимся на этом подробнее.

В стихотворении присутствует множественный субъект, представляющий вариант «составного «мы»». «Здесь также доминирующая точка зрения и речь принадлежит множественному субъекту, но «мы» периодически распадается, чаще всего на «я»

и «ты»» (Малкина 2024, с. 39); «формы «мы» характеризуются, во-первых, степенью целостности картины мира, во-вторых, как и формы «я», местом субъекта (пусть и множественного) в этой картине и его точкой зрения на нее» (Малкина 2024, с. 40).

Герои здесь не разъединены, несмотря на составное «мы». Происходящее проживается героями совместно, акцентируется состояние глубокой печали: «Долго сидели, колени руками обняв».

Стихотворение С. Гандлевского строится по принципу сюжетной полисемии, поскольку угадывается вариативность проживаемых событий, тем самым усиливается эффект воздействия на читателя (двойное и возможное проживание абсолютного настоящего лирического субъекта).

Лирический субъект в первой версии переживает собственный событийный опыт: «было так грустно». Сначала «было так грустно», «как если бы мы шаг за шагом», «я под сосною», «а ты на откосе сухом», «мы битый час провели на поляне пологой», «долго сидели» (Гандлевский 2019, с. 43). Было так грустно, как давнее проживание этого состояния.

«Было так грустно, как если бы мы шаг за шагом
Хвойной тропинкой взойшли на обветренный холм

И примостились бок о бок над самым оврагом –
Я под сосною, а ты на откосе сухом.

В то, что предстало тогда потемневшему взору,
Трудно поверить: закатная медная ширь,
Две-три поляны, сосняк и большие озера,
В самом большом отразился лесной монастырь.
Прежде чем тронуться в путь монастырской
дорогой,

Еле заметной в оправе некошенных трав,
Мы битый час провели на поляне пологой,
Долго сидели, колени руками обняв» (Гандлевский 2019, с. 43).

Какое же событие подвергается эпизации? Содействующая в тексте аллюзия к стихотворению Н. Гумилева «Жираф» («руки особенно тонки, колени обняв») – позволяет предположить, что речь идет о ситуации противопоставленности двух миров. Для стихотворения Н. Гумилева это противопоставление мира героя и мира героини, экзотический, чужой мир героя и свой, «печальный» героини.

Но противопоставленность в стихотворении С. Гандлевского дана не на уровне мира героев. Ситуация двоимирия проецируется на внешнюю реальность и «свой мир». Внешняя реальность – враждебная, в ней что-то происходило, но не проговаривается что, не говорится, откуда герои пришли. Идентификация «своего» мира происходит на этом холме, с которого открывается почти брейгелевский пейзаж и монастырь. Это «свой» мир – духовных ценностей и культуры.

Процессуальность действия позволяет адресату и читателю пройти путь, проделанный («шаг за ша-

гом») героями до этого важного «обветренного холма» (точка бифуркации) и позволяет понять – переход из другого мира (чужого, другого) в «свой».

Вторая версия проживания картины характеризуется сменой регистра говорения, необычной для воспоминания (во внутреннем монологе лирического субъекта): «Помнишь картину? Охотники лес покидают...» (Гандлевский 2019, с. 43).

«Помнишь картину? Охотники лес покидают.
Жмутся собаки к ногам. Вечереет. Февраль.
Там в городишке и знать, вероятно, не знают
Всех приключений. Нам нравилась эта печаль.
Было так грустно, как будто бы все это было –
Две-три поляны, озера, щербатый паром» (Гандлевский 2019, с. 43).

Вопрос обращен к нескольким адресатам: самому себе, спутнику / спутнице (другу / Возлюбленной), субъекту, с которым важно разделить это знание, и к читателю.

В случае подобной (многоканальной) интерпретации стихотворение можно отнести к металирике: текст творится на глазах читателя, и читатель вовлекается в творческий процесс.

В данном случае таким же нарушением закона конвенциональности можно считать образ собаки на картине Брейгеля, которая смотрит на зрителя, разрушая четвертую стену.

Собака, глядящая на зрителя, подает знак: с её помощью объединяются и меняются местами пространство зрителя и картины. Так и обращение внутри текста к читателю вовлекает его в пространство картины Брейгеля. Через образ Собаки зритель проникает в картину, примеряет на себя изображение. Акцентирование границы изображения – приём, достаточно часто встречающийся в живописи. Например, образ улитки в работе Франческо дел Косса «Благовещение» (Арасс 2023).

Итальянский историк искусства Мауро Лукко называет это явление «взаимопроницаемостью» реального мира и мира картины. В стихотворении С. Гандлевского фраза «Помнишь картину?» становится отправной точкой для путешествия по перспективе картины.

Во второй версии сюжета «другой», чужой мир соотносится с миром охотников (охота, убийство, жестокость, ожидание выстрела, лес, встреча, опасность), от которого герои пытаются уйти, но «следы» этого мира присутствуют во всём.

А внутренним миром оказывается сознание героев, постигающее онтологический и религиозный опыт. Точка зрения с высоты птичьего полета, дающая панорамный взгляд (взгляд Бога), а также образы монастыря, «монастырской дороги» указывают на религиозный опыт, необходимость пройти этой дорогой.

В двух версиях содержится двойное возвращение к точке отсчета – «холму», открывающему путь к обретению покоя, состоянию «светлой печали».

«Мы все выходим из леса и спускаемся с горы к своему дому. В этот вечер, протянув руки над огнем, мы поймем, что еще какое-то время будем живы» (Роке 2018, с. 200–201).

Процессуальность времени усиливает воздействие на читателя. Всё, уже совершившееся много веков назад, совершается и как будто происходит сейчас, длится в настоящем. Угадываются идеи А.Бергсона о жизни как о непрерывной творческой эволюции, «неделимой непрерывной изменчивости, которая и составляет истинную длительность» (Бергсон 2013, с. 31). Прошрое, настоящее и будущее сосуществуют в этой развивающейся системе, которая сама себя творит в едином порыве. Всё взаимосвязано в этом органическом единстве. Познать это единство можно только интуитивно, поэтому наиболее приспособленными к этому, по Бергсону, являются художники.

Третья версия лишь намечена, она может быть реализована в сознании читателя:

«Может, и было, да легкое сердце забыло.

Было и горше, но это уже о другом» (Гандлевский 2019, с. 43).

Таким образом, во втором стихотворении цикла происходит моделирование текста на глазах читателя. Событием является изменение состояния лирического субъекта от грусти к печали, а затем – к горю-утрате, проживаемое на нескольких уровнях: бытийного опыта самого лирического субъекта («мы») и вбирающего в себя брейгелевский опыт (лирический субъект сам как реципиент «Охотников на снегу»). По мнению Г. Киришбаума, «Гандлевскому отчасти свойствен «грех уныния» позднего Казакова или героев вампиловских «Утиной охоты» и «Прошлым летом в Чулимске», но характерного для Казакова и Вампилова последнего шага в роковую тоску, беспросветно-безутешную боль предпринимый элегический герой Гандлевского, на мгновение пережив эту горечь и грусть, не делает даже тогда, когда обращается к мотиву ружейного выстрела» (Киришбаум 2012).

В третьей части цикла С. Гандлевского «Обычно мне хватает трех ударов» (2012) экфрасис проявляется в опосредованной форме через изображение картины Брейгеля «Охотники на снегу» на календаре в дачном пространстве и затем в музее. Это своего рода изображение изображения.

«Я знаю жизнь. Теперь ему висеть
на этой даче до скончанья века,
коробиться от сырости, желтеть
от солнечных лучей и через год,
просроченному, сделаться причиной
неоднократных недоразумений,
смешных или печальных, с водевилным
оттенком.

Снять к чертям – и на растопку!

Но у кого поднимется рука?

А старое приспособление для

учета дней себя еще покажет
и время уместит на острие
мгновения» (Гандлевский 2019, с. 180).

По сравнению с предшествующими стихотворениями цикла это автопародия. Лирический субъект высмеивает самого себя: как человека, не пригодного к жизни и к хозяйственной деятельности (удар по пальцу), несмотря на утверждение «Я знаю жизнь»; моделирует абсурдность жизни по старому календарю; видит себя со стороны – состарившимся, смешным неудачником, но в то же время моделирует ситуацию встречи с шедевром в музее и прозрение.

На уровне субъектной организации в данном стихотворении возникает неосинкретический субъект, в котором «я» и «другой» «уже не смешаны (как это было в архаической лирике), а разыграны именно в их нераздельности и неслиянности» (Бройтман 2006, с. 320).

Лирический субъект, вдохновлённый картиной Питера Брейгеля «Охотники на снегу», не обращается напрямую к оригиналу, а смотрит на него как бы сквозь призму времени – через репродукцию на старом календаре, висящем на стене дачного дома. Этот календарь, являясь частью цикла «Времена года», сам по себе символизирует течение времени, его неизбежность. Но этот календарь уже не новый, он повидал много зим и лет, выцвел на солнце, промок от сырости – он словно устал от времени. Казалось бы, его утилитарная функция исчерпана, и ему пора отправиться в печь «на растопку». Однако репродукция картины Брейгеля, которую он содержит, делает его чем-то большим, чем просто обычным предметом. Этот предмет приобретает культурную ценность, становится носителем истории, и это не позволяет ему просто исчезнуть. Далее субъект сознания переносит читателя в будущее, в «весёлый две тысячи» год, где «здесьшний внук», случайно оказавшись в музее, видит ту самую знакомую картину, но уже не на старом календаре, а как ценный музейный экспонат. При этом образ внука соотносится с самим лирическим субъектом. Он разыгрывает лирическую ситуацию и изображает себя со стороны.

«Какой-то здесьшний внук,
в летах, небритый, с сухостью во рту,
в каком-нибудь две тысячи веселом
году придет со спутницей в музей
(для галочки, Европа, как-никак).
Я знаю жизнь: музей с похмелья – мука,
Осмотр шедевров через не могу.
И вдруг он замечает, бляха-муха,
Охотников. Тех самых. На снегу» (Гандлевский 2019, с. 180).

Этот эпизод наглядно показывает, что искусство неотделимо от жизни, является её частью и существует вне времени, переходя от одного поколения к другому. И даже когда «Охотники на снегу» становятся частью повседневной жизни, превраща-

ясь в картинку на календаре, они не утрачивают своей сакральности, своей значимости. Именно поэтому встреча «внука» с подлинником картины в музее переживается на уровне катарсиса, как будто разные пласты времени соединяются единым: прошлое, настоящее и будущее. Так, старый календарь, утративший способность считать дни, «себя ещё покажет», как «время уместится на острие мгновения», тем самым подчёркивая, что даже в мимолетном моменте можно увидеть отблеск вечности. И, в конце концов, этот старый календарь, утративший свою первоначальную функцию, становится символом ушедшего прошлого, но благодаря репродукции картины Брейгеля – это память, которую он хранит, одерживая победу над временем.

Полученные результаты и выводы

Таким образом, мы рассмотрели роль живописного экфрасиса, которым выступает картина Брейгеля «Охотники на снегу» в субъектной структуре лирического цикла С. Гандлевского «Сигареты маленькое пекло» (1973), «Было так грустно, как если бы мы шаг за шагом...» (1976), «Обычно мне хватает трех ударов» (2012).

Особенности восприятия картины Брейгеля, отображенные в цикле, связаны и с разными периодами (возрастными) и состояниями (ментальными) лирического субъекта.

В каждом из стихотворений меняется точка зрения лирического субъекта, а соответственно, и ракурс постижения картины, погружения в мир, созданный художником, и генерирования «своего» мира. От состояния творческого вдохновения, испытываемого от постижения живописного полотна, через открытие тайн бытия – к автопародии, к снижению и закреплению прожитого опыта в сознании и приобщению к культурному пространству «...охотников. Тех самых. На снегу».

Источники фактического материала

Гандлевский С. Счастливая ошибка: стихи и эссе о стихах. Москва: Изд-во АСТ: CORPUS, 2019. 256 с.

Библиографический список

Автухович Т.Е. «Шаг в сторону от собственного тела...»: экфрасисы Иосифа Бродского / red. tomu Roman Mnich. T.X. Siedlce: Inst. kultury regionalnej i badań lit. im. Franciszka Karpińskiego, Stowarzyszenie, 2016. 267 с.

Араасс Д. Взгляд улитки. Описания неочевидного. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2023. 160 с.

Бергсон А. Восприятие изменчивости. (Лекции, читанные в Оксфордском университете 26 и 27 мая 1911 г.) / пер. с фр. В.А. Флёровой. Санкт-Петербург: Изд-во М.И. Семёнова, 1913. 44 с.

Бокарев А.С., Кorableва А.В. Поэтика живописного экфрасиса в лирике Сергея Гандлевского // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28. № 4. С. 54–62.

Бройтман С.Н. Лирический субъект // Введение в литературоведение. Москва: Высшая школа, 2004. С. 320.

Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе. Сборник трудов Лозаннского симпозиума. Москва: МИК, 2002. С. 5–22.

Дарвин М.Н. Поэтический мир лирического цикла: Автор и текст. Москва: РГГУ, 2018. 288 с.

Киришбаум Г. Охотники на снегу: элегическая поэтология Сергея Гандлевского // Новое литературное обозрение. 2012. № 6. С. 278–292.

Малкина В.Я. Миры отраженные и отражающие: «Зеркало» у российских поэтов // Лирическая эволюция. К 70-летию Дарвина (Михаила Николаевича): сборник статей / сост. и ред. В.Я. Малкина и В.И. Тюпа. Москва: Эдитус, 2017. 390 с. С. 236–266.

Малкина В.Я. Типы субъектов в лирике // Субъектная структура лирики: коллективная монография / сост. и ред. В.Я. Малкина. Москва: Эдитус, 2024. С. 30–47.

Роке К.А. Брейгель, или Мастерская сновидений / пер. с фр. Т.А. Баскаковой. 2-е изд. Москва: Молодая гвардия, 2018. 301 с.

Романова И. Охотники на снегу П. Брейгеля в современной поэзии // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения / под ред. Т. Автухович. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe IKR[i]BL. Instytut Kultury Regionalnej i Badań Literackich im. Franciszka Karpińskiego, 2018. С. 252–261.

Скворцов А.Э. Самосуд неожиданной зрелости. Творчество Сергея Гандлевского в контексте русской поэтической традиции. Москва: ОГИ, 2013. 222 с.

Рымарь Н.Т. Поэтика границы в литературе: Эстетические и поэтологические аспекты проблемы границы как феномена художественного языка / ред. tomu Roman Mnich. Т. XI. Siedlce: Inst. kultury regionalnej i badań lit. im. Franciszka Karpińskiego, Stowarzyszenie, 2016. 334 с.

Теория литературы: в 2 т. / Под ред. Н.Д. Тамарченко. Т. 2. Бройтман С.Н. Историческая поэтика. Москва: Издательский центр «Академия», 2004. 368 с.

Тюпа В.И. Дискурс / Жанр. Москва: Intrada, 2013. 211 с.

Шульпяков Г. Сюжет Питера Брейгеля // Арион. 1997. № 15. С. 37–43.

References

Autukhovich, T.E. (2016), "A Step Away from One's Own Body...": Ekphrasis by Joseph Brodsky, red. tomu Roman Mnich, T.X. Siedlce, Polska.

Arasses, D. (2023), *The snail's view. Descriptions of the unobvious*, Ad Marginem Press, Moscow, Russia.

Bergson, A. (1913), *The perception of variability, Lectures given at Oxford University on May 26 and 27, 1911*, St. Petersburg.

Bokarev, A.S., Korableva, A.V. (2022), Poetics of picturesque ekphrasis in the lyrics of Sergei Gandlevsky, *Bulletin of Kostroma State University*, vol. 28, no. 4, pp. 54–62.

Broitman, S.N. (2006), Lyrical subject, *Introduction to literary criticism: textbook*, Higher school, Moscow, Russia, pp. 310–322.

Geller, L. (2002), Resurrection of the concept, or a word on ekphrasis, *Ekphrasis in Russian Literature. Collection of Works of the Lausanne Symposium*, MIK Moscow, Russia, pp. 5–22.

Darwin, M.N. (2018), *A poetic world of the lyrical cycle: Author and text*, RGGU, Moscow, Russia.

Kirshbaum, G. (2012), Hunters in the snow: Sergei Gandlevsky's elegiac poetology, *New Literary Review*, no. 6, pp. 278–292.

Malkina, V.Ya. (2017), Reflected and reflecting worlds: "Mirror" in Russian poets, *Lyrical Evolution. On the 70th Anniversary of Darwin (Mikhail Nikolaevich)*, Editus, Moscow, Russia, pp. 236–266.

Malkina, V.Ya. (2024), Types of subjects in lyrics, *Subjective Structure of Lyrics*, Editus, Moscow, Russia, pp. 30–47.

Roquet, K.A. (2018), *Bruegel, or the workshop of dreams*, Molodaya Gvardiya, Moscow, Russia.

Romanova, I. (2018), Hunters in the snow by P. Bruegel in modern poetry, *Theory and history of ekphrasis: results and prospects of study*, T. Avtukhovich (ed.), Wydawnictwo Naukowe IKR[i]BL, Franciszka Karpiński Institute of Regional Culture and Well-Being Literacy, pp. 252–261.

Skvortsov, A.E. (2013), Self-justification of unexpected maturity, *The work of Sergei Gandlevsky in the context of the Russian poetic tradition*, OGI, Moscow, Russia.

Rymar, N.T. (2016), Poetics of the border in literature, *Aesthetic and poetological aspects of the problem of the border as a phenomenon of artistic language*, Inst. regional culture and literature. im. Franciszka Karpińskiego, Stowarzyszenie, vol. XI, Siedlce, Polska.

Literary Theory (2004), *Textbook for students of the philological department of higher educational institutions: in 2 volumes*, N.D. Tamarchenko (ed.), Broitman S.N. Historical poetics, Publishing center «Academy», Moscow, Russia.

Tyupa, V.I. (2013), *Discourse / Genre*, Intrada, Moscow, Russia.

Shulpyakov, G. (1997), The plot of Pieter Bruegel, *Arion*, no. 15, pp. 37–43.

Submitted: 01.03.2025

Revised: 14.05.2025

Accepted: 18.06.2025

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 364.4:159.9+2-78

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-2-86-95

Дата поступления: 01.03.2025
рецензирования: 14.04.2025
принятия: 06.06.2025

И.Э. Петрова

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
E-mail: irinapetrovay@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6969-132X>

Е.И. Дулесин

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
E-mail: edulesin@yandex.ru

Траектории выборов в биографиях руководителей негосударственных конфессиональных центров реабилитации наркозависимых

СОЦИОЛОГИЯ

Аннотация: статья посвящена выявлению траекторий выборов в биографиях руководителей негосударственных конфессиональных центров реабилитации наркозависимых, жизненный путь которых включает периоды личной наркозависимости, опыт успешной реабилитации и этапы служения в качестве помощника и руководителя центра реабилитации. События личной биографии респондентов рассматриваются как спектр точек социальной неопределенности, в которых требовалось сделать выбор, влияющий на определение дальнейшего направления жизненного пути. Использование биографического подхода совместно с социологией жизненного пути и понятием агентности позволяет рассматривать выбор как активную позицию в построении собственной траектории жизненного пути посредством отказа от прежних и принятия новых жизненных траекторий, а также изучать процесс формирования ресурсов, необходимых для принятия решений, влияющих на определение дальнейшего направления жизненного пути респондентов. На основе анализа серии из 20 глубинных интервью с руководителями негосударственных конфессиональных центров реабилитации наркозависимых выявлены ключевые моменты совершения выбора в биографиях респондентов и определена ресурсная база, включающая личный опыт наркозависимости и успешной реабилитации. Сформированная агентность является основой для выбора дальнейшего служения в сфере реабилитации.

Ключевые слова: выбор; биографическая неопределенность; наркозависимость; формирование ресурсов; реабилитация; агентность.

Цитирование: Петрова И.Э., Дулесин Е.И. Траектории выборов в биографиях руководителей негосударственных конфессиональных центров реабилитации наркозависимых // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 2. С. 86–95. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-2-86-95>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Петрова И.Э., Дулесин Е.И., 2025

Ирина Эдуардовна Петрова – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой отраслевой и прикладной социологии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 603000, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, переулок Университетский, д. 7.

Евгений Иванович Дулесин – аспирант, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 603000, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, переулок Университетский, д. 7.

SCIENTIFIC ARTICLE

I.E. Petrova

Lobachevsky National Research State University
of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation
E-mail: irinapetrovay@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6969-132X>

E.I. Dulesin

Lobachevsky National Research State University
of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation
E-mail: edulesin@yandex.ru

Choice trajectories in the biographies of leaders of non-state confessional drug rehabilitation centers

Abstract: the article is devoted to the identification of trajectories of choices in the biographies of heads of non-state confessional drug rehabilitation centers, whose life paths include periods of personal drug addiction, experiences of successful rehabilitation, and stages of ministry as assistants and heads of rehabilitation centers. The events in the personal biographies of the respondents are considered as a spectrum of points of social uncertainty, in which choices had to be made, influencing the determination of the further direction of their life paths. The use of the biographical approach, together with the sociology of the life course and the concept of agency, allows us to consider choice as an active position in the construction of one's own life trajectory through the rejection of previous paths and the acceptance of new ones, as well as to study the process of formation of resources necessary for making decisions that influence the direction of the respondents' life courses. Based on the analysis of a series of 20 in-depth interviews with the heads of non-state confessional drug rehabilitation centers, the key moments of making choices in the respondents' biographies were identified, and the resource base – including the personal experience of drug addiction and successful rehabilitation – was determined. The formed agency is the basis for the choice of further ministry in the field of rehabilitation, agency.

Key words: choice; biographical uncertainty; drug addiction; resource formation; rehabilitation.

Citation: Petrova, I.E. and Dulesin, E.I. (2025), Choice trajectories in the biographies of leaders of non-state confessional drug rehabilitation centers, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 5, no. 2, pp. 86–95, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-2-86-95>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© Petrova I.E., Dulesin E.I., 2025

Irina E. Petrova – Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of Department of Subject and Applied Sociology, Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod, 7, Universitetskiy lane (Str.), Nizhny Novgorod, 603000, Russian Federation.

Eugenii I. Dulesin – PhD Student, Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod, 7, Universitetskiy lane (Str.), Nizhny Novgorod, 603000, Russian Federation.

Введение

Под социологическим биографическим исследованием мы, следуя определению Е.Ю. Рождественской, будем понимать «биографический рассказ как путь к пониманию социальной действительности, а также использование этого рассказа для характеристики самого рассказчика и его жизненного мира» (Рождественская 2012).

Биография как метод получения социально значимой информации вошел в исследовательскую практику в русле общеевропейского процесса модернизации, который проходил в направлении индивидуализации жизни (Рождественская 2012).

Человек выстраивает свой жизненный путь через постановку целей, выбор средств, способов и

методов их достижения (Бессчетнов 2016). В связи с этим анализу биографий с целью выявления точек неопределенности и рассмотрения выбора особым образом влияющего на дальнейшее направление жизни, содействует привлечение социологии жизненного пути как теоретико-методологической основы.

Социология жизненного пути стала частью общей тенденции в изучении человеческой жизни в начале 70-х г. прошлого века в результате отказа от концепции социализации, которая перестала удовлетворять социологов (Ежов 2005).

В основе исследования жизненных путей лежит идея о том, что социальная и институциональная структура общества может быть выявлена

через анализ и изучение биографий членов этого общества (Блоссфельд 2006).

Мир, по мнению А. Шюца, является не частным миром одного индивида, но intersubjective миром, общим для всех нас, который мы должны изменить нашими действиями. «Мы должны овладеть им, и мы должны преобразовывать его, чтобы реализовывать те цели, которые мы преследуем в нем среди других людей» (Шюц 2003).

Социология жизненного пути включает в предмет своего исследования как микрофакторы, состоящие из личных решений и выборов, так и факторы макроуровня – внешние условия, состоящие из экономических, политических, социальных событий, в которых формируются жизненные траектории индивида.

Российские ученые, предпринимающие попытки систематизации ключевых концепций и определения понятий социологии жизненного пути, отмечают, что подход к исследованию проблем жизненных стратегий неоднозначен, «целостная концепция жизненного пути в отечественной социологии в настоящее время не разработана» (Брикса, 2020), «устойчивый аппарат life course studies пока не сформировался». Тем не менее основные подходы в исследовании жизненных путей позволяют сформулировать ряд общих принципов их изучения, которые используются в зависимости от цели конкретного исследования (Тыркканова 2016).

Использование биографического подхода совместно с социологией жизненного пути и понятием агентности позволяет глубже анализировать последовательность выборов человека в переломные моменты его судьбы.

Ход исследования

Жизненный опыт наркозависимости и реабилитации как ресурс

Целью данной статьи является выявление траекторий выборов в биографиях руководителей негосударственных профессиональных центров реабилитации наркозависимых, жизненный путь которых включает периоды личной наркозависимости, опыт успешной реабилитации и этапы служения в качестве помощника и руководителя центра реабилитации.

Биография, имеющая в своей основе опыт наркозависимости и избавления от нее через процесс реабилитации, является особым объектом социологического анализа, поскольку содержит точки социальной неопределенности и жизненного выбора, в которых определение дальнейшей жизненной траектории является особенно значимым. Таким образом, анализ биографии позволяет рассмотреть моделирование жизненного пути как «реализуемого на индивидуальном уровне процесса принятия решений» (Блоссфельд 2016).

Анализ биографии позволяет выявить связь событий жизни с социально-политическими условиями, проследить, в каких ситуациях респонденты столкнулись с необходимостью сделать выбор и как ранний выбор повлиял на поздние события жизни. Поэтому в поле социального исследования оказывается и проблема социального конструирования жизненного пути личности в условиях изменяющейся социальной среды периода перестройки по причине влияния, оказанного на жизненные траектории респондентов (Брикса 2020).

Биографии благополучателей профессиональных центров реабилитации широко не представлены в научных публикациях в силу закрытого характера и изолированности от широкой общественности этого вида деятельности. Предмет исследования рассматривается с использованием комплексного подхода, включающего социологию жизненного пути, биографический материал, формирование социокультурных факторов.

Выборы, которые человек совершает во взрослом возрасте, невозможно понять без знания его предшествующего жизненного пути в юношеские годы (Ежов 2005).

В процессе индивидуального жизненного пути человек соотносит себя с формами социальной жизни, в которых предстоит жить и действовать, выявляет свои возможности, учитывает особенности и на этом основании определяет свое место в постоянно изменяющихся социальных условиях (Брикса 2020). Накопленный опыт становится ресурсом, оказывающим влияние на принятие решений.

Проследить, каким образом в жизненном пространстве происходит формирование опыта, помогает набор понятий социологии жизненного пути, включающий «траекторию», как последовательность жизненных ситуаций, «переход» – определяющий изменения состояния в определенные короткие периоды, «поворотный момент», выражающийся в значительном изменении направления.

Для нашего исследования существенно использование ценностно-событийного подхода в контексте жизненного пути личности (Брикса 2020), поскольку ценности, оказываются факторами, влияющими на выбор человека при конструировании жизненных событий. В рамках биографического исследования удастся «встать на точку зрения действующего субъекта и воссоздать тот мир, в котором он живет и который когнитивно конструирует» (Рождественская 2012).

Респонденты демонстрируют разные виды агентности: индивидуальную (действует самостоятельно, опираясь на свои ресурсы), опосредованную (индивид, будучи не в состоянии контролировать условия, влияющие на его жизнь, доверяет воздействие на ситуацию компетентным агентам), коллективную агентность (индивиды объединя-

ют усилия для достижения поставленных задач (Тыркканова 2016).

В интерпретации результатов исследования считаем важным использование возрастной модели, позволяющей учитывать связь возраста индивида и его чувствительности к социальным изменениям, и представить события личной биографии как «спектр выборов» (Тыркканова 2016).

Неопределенность в социологии жизненного пути рассматривает событие, способное стать переломным моментом, оказывающим влияние на весь жизненный путь человека (Бессчетнова 2016). Как объективный фактор неопределенность возникает как результат изменения социально политических и экономических институтов общества. Быстрая социально-политическая трансформация нарушает стабильность и уравновешенность в общественном сознании, запускается механизм качественной замены одних ценностей другими, который требует времени на принятие. Когда изменение общественных отношений запаздывает, образуется пустота в сознании индивидов и целого общества, которая будет заполнена низкосортными ориентирами (Брикса 2020).

В нашем исследовании неопределенность в субъективной жизни респондентов выразилась в социальной деградации, зависимости от тяжелых наркотиков, потере трудоустройства, распаде семьи и т.д. Респонденты в состоянии неопределенности утратили спектр возможностей, что привело к необходимости «выбора», «перехода» и «поворотного момента» как необходимого условия сохранения жизни.

Методы и результаты

Центральным моментом исследования является изучение личного опыта, который был приобретен, осмыслен и выражен в нарративном интервью непосредственно самим его участником. Для выявления точек неопределенности и моментов выбора на протяжении всего жизненного пути требовалось рассмотреть широкий контекст биографических событий. Таким образом, респондент не был информирован относительно основной цели исследования. Его задача состояла в том, чтобы как можно подробнее описать свой жизненный путь, начиная с детского возраста.

Нарративы глубинных интервью позволяют определить состояния неопределенности респондентов, выделить конкретные ситуации, а также возможные последствия жизненных выборов на каждом этапе. Основу исследования составили 20 глубинных интервью с руководителями негосударственных центров реабилитации наркозависимых. При выборе респондентов предпочтение отдавалось представителям различных регионов. Все опрошенные – мужчины, они возглавляют центры и проводят программы реабилитации для мужчин.

Руководство в конфессиональных центрах традиционно мужское (обосновано конфессиональным богословием и практическим опытом реабилитации).

Контакт с респондентами устанавливался через личные знакомства и через контакты, полученные от опрошенных респондентов (снежным комом). Важным критерием отбора являлось наличие личного опыта зависимости и успешной реабилитации, а также служения в качестве руководителя реабилитационного центра.

Средние значения общих для всех респондентов показателей: начальный возраст первого употребления наркотиков – 15 лет, срок пребывания в зависимости – около 10 лет, срок прохождения реабилитации – 1 год, опыт служения в качестве руководителя центра – не менее 5 лет.

Период сбора интервью: июнь–октябрь 2024 г. Интервью проводились как при личной встрече, так и по мобильной связи. Продолжительность интервью составляла от 1 до 2 часов. Гайд интервью включал четыре раздела:

1. Жизнь до зависимости (семья, детство, первый опыт употребления наркотиков).
2. Жизнь в период зависимости.
3. Период прохождения реабилитации.
4. Принятие решения о служении и методы построения реабилитационной работы.

Каждый раздел нарративного рассказа предварялся разъяснением общих направлений интереса исследователя об этом периоде жизни респондента. Далее нарратив респондента вопросами не прерывался. Респондент направлялся на возможно более подробный рассказ о событиях и фактах каждого периода, чем на их оценку.

Выбор 1. Улица, зависимость

Начальный этап биографических выборов респондентов в нашем исследовании связан с периодом социальных трансформаций 90-х годов и включает в себя расширение социального окружения респондента: изменения биографий имеют прямое соответствие в исторической трансформации общества (Блоссфельд 2006).

«Страна на тот момент уже катилась к этой лихой жизни 90-х, и я катился вместе с ней» (Инф. 9, 49 лет, стаж руководства – 20 лет).

Быстро изменяющийся политический, экономический и социальный контекст ограничивает контекст индивидуальных действий, по-разному влияя на разные слои населения, сводит их к стандартным образцам поведения.

«Моя молодость проходила вот именно в те времена, когда происходила перестройка в стране. Тогда мои родители были озабочены, как прокормить семью, а я был предоставлен сам себе» (Инф. 11, 42 года, стаж руководства – 6 лет).

Масштабные социальные изменения «выступают в качестве детерминанты основных жизненных

паттернов представителей той или иной возрастной когорты» (Гаврилюк 2018). В результате анализа биографий выявляется спектр выборов, которые встают перед респондентами и их родителями в юношеском возрасте.

Сходство социально-экономических условий объединяет общие структурные формы жизненного пути. Все наши респонденты выросли в благополучных семьях.

«Многие думают, что наркоманами становятся люди из неблагополучных семей. В моем случае так не было» (Инф. 14, 48 лет, стаж руководства – 8 лет).

«У меня – отец, мать, старшая сестра. Они все работали, никто никогда не употреблял алкоголь, наркотики, и поэтому они очень долго не могли поверить, что у них такой сын» (Инф. 1, 50 лет, стаж руководства – 15 лет).

«Я жил и рос в обычной семье. Отец был советский офицер, мать – медицинский работник. И всё в принципе было более-менее хорошо» (Инф. 8, 36 лет, стаж руководства – 8 лет).

«Папа и мама у меня интеллигентные люди: папа был доцентом, мама преподавала в институте. Обделен я не был, был окружен любовью» (Инф. 9, 49 лет, стаж руководства – 20 лет).

«У меня отец – военный прапорщик, мама – повар. Всю жизнь мы прожили в военных городках, я воспитывался в военной семье, то есть видел только хорошее. Отец у меня никогда не пил» (Инф. 11, 42 года, стаж руководства – 6 лет).

Выросший в нормальной семье, без особых вредных привычек, молодой человек встречается с новыми возможностями, которые предоставляет социальная среда периода социальных трансформаций. Исследователи жизненного пути указывают на связь быстрого перехода к капиталистической экономике с трансформацией институтов и «возникновением изменений в повседневной жизни населения» (Тырканова 2016).

«Рос я в 1990-е годы. Именно в этот период в нашей стране был огромный наплыв наркотиков и алкоголя» (Инф. 8, 36 лет, стаж руководства – 8 лет).

Выбор обусловлен и желанием стать взрослее, приобрести познание окружающей действительности, вырасти в глазах товарищей. В этом случае вопрос выбора «трансформируется в легитимирующие конструкции, например, маскулинности» (Даутова, Рождественская 2024).

«Старшие ребята уже попробовали. Мне казалось, что я стану круче, серьезнее стану в глазах других» (Инф. 1, 50 лет, стаж руководства – 15 лет).

«Мои старшие ребята были спортсменами, занимались различными единоборствами, они были для меня кумирами. Я с них брал пример, ну очень хотелось подражать им. И вот так, постепенно мы были все вовлечены в эту наркотическую за-

висимость» (Инф. 11, 42 года, стаж руководства – 6 лет).

Первый опыт употребления сигарет и алкоголя респонденты получали в подростковом возрасте. Переход от алкоголя к наркотикам проходил достаточно быстро. На первом этапе каждый из респондентов был уверен, что ему удастся удержать процесс употребления наркотиков под контролем и прекратить употребление в любой момент.

Следующим этапом жизненного пути становится направление к полной деградации. Постоянное употребление наркотиков приводит к сначала потере имущества, затем к добыванию денег преступным путем, к проблемам с законом и потере социальных связей. Деградация может происходить достаточно быстро, в течение первых 3–4 лет. Переход на «тяжелые» наркотики приводит респондента к осознанию зависимости.

«За 7 лет я потерял всё: все свои сбережения, всех своих знакомых, друзей и далее просто опустился на самое дно» (Инф. 10, 59 лет, стаж руководства – 20 лет).

«В первый раз я укололся уже в 17 лет. К 20 годам жизнь уже была разрушена» (Инф. 7, 45 лет, стаж руководства – 15 лет).

Одним из принципов life course studies исследователи считают взаимосвязанность жизненных опытов, когда выбор или событие погружены в контекст взаимоотношений индивида (друзья, члены семьи) (Тырканова 2016). Зачастую первыми проблему наркозависимого начинают осознавать члены его окружения, его родные, а не он сам. Когда ребенок начинает принимать наркотики, родители могут ничего не знать о такой жизни их ребенка. В течение первых лет возникает состояние зависимости, и проблема обнаруживается. Родители первыми осознают проблему и используют все возможные средства помощи.

Жизненный путь индивида является частью общественных процессов, находится под влиянием жизненных путей других людей, с которыми он состоит в более или менее тесных отношениях интеракции: родителей, партнеров, детей, друзей (Блоссфельд 2006). Этот фактор является определяющим в изменении жизненного пути наркозависимого, когда он еще не осознает своей проблемы, а близкие родственники стараются всеми способами повлиять на изменение жизни, побуждая его к выбору новой жизненной траектории.

«Я считал, что я не такой конченный, я смогу сам, я же когда-то бросал. Мои родные и близкие, которые видели мою жизнь, они уже сказали: «Мы вообще отказываемся от того, чтобы с тобой как-то взаимодействовать, пока ты не согласишься на то, чтобы тебе поехать куда-то лечиться. Потому что тебе необходимое лечение – ты зависишь» (Инф. 11, 42 года, стаж руководства – 6 лет).

Понимание необходимости изменения жизни появляется, когда приходит осознание собственной зависимости.

Выбор 2. Попытка самостоятельного выхода из зависимости

Борьба респондента продолжается до тех пор, пока он не осознаёт, что его усилия не дают результата. Осознав свою полную зависимость, наркоман теряет надежду освободиться от нее. Осознание зависимости сопровождается осознанием близкой смерти и подкрепляется известиями о смерти друзей и знакомых наркоманов. Такие события, как утрата близких, могут стать основными событиями жизненного пути (Брикса 2020).

«Сильнее всего на меня повлияла смерть родного брата по причине наркомании и алкоголизма. Ему было 27 лет. Тогда я в первый раз глубоко, осознанно задумался о том, что надо что-то по-пробовать поменять» (Инф. 7, 45 лет, стаж руководства – 15 лет).

Достигнув такого критического состояния, респондент готов принять любое предложение о помощи в избавлении от зависимости. В качестве ключевых событий формирования жизненного пути можно назвать моменты озарения, акты творчества, обновление взгляда на жизнь (Брикса 2020). В безвыходной ситуации респондент пытается обратиться к Богу, и быстрый ответ становится для него знаком существования духовного мира.

«Я был больной, зависимый, состояние было ужасное. Я как-то внутреннее прокричал в себе: «Господи, если я сейчас умру, наверное, это будет лучше». И все, и на удивление, что я спокойно уснул, несмотря на все свои похмельные синдромы и боли. Утром какое-то предчувствие появилось чего-то хорошего, что в жизни у меня что-то может быть изменится» (Инф. 8, 36 лет, стаж руководства – 8 лет).

Неожиданные и невозможные с точки зрения человеческого опыта события также способны стать точками «жизненного прозрения». «Нет более важного принципа в изучении жизненного пути, чем принцип взаимозависимых жизней. Человеческие жизни обычно включены в социальные связи с родственниками, друзьями и коллегами в течение всего жизненного цикла» (Ежов 2005). Перемена в состоянии близких или знакомых наркоманов является для респондента указанием на возможность освобождения от зависимости.

«У нас был друг, старый наркоман, ему лет 50 тогда было. Он на какое-то время пропал из поля зрения. Потом появился – и уже совершенный другой человек. И вот он посоветовал моему брату поехать на реабилитацию» (Инф. 6, 47 лет, стаж участия – 15 лет).

Выбор 3. Реабилитация

Третий этап жизненного пути наркозависимого связан с выбором пройти реабилитацию в конфес-

сиональном центре. Постановка работы с наркозависимыми в конфессиональных центрах такова, что освобождение получают даже пациенты с большими сроками зависимости. Информация об этом становится известной в кругу общения наркозависимых.

«Информация о том, что люди получают какую-то свободу, приходила только из каких-то мест, связанных с церковью, с какими-то религиозными организациями, с реабилитационными центрами христианской направленности» (Инф. 2, 45 лет, стаж руководства – 1 год).

Самую достоверную информацию о возможности пройти реабилитацию в негосударственном конфессиональном центре респондент узнает от своих друзей и знакомых, которые реабилитировались в таких центрах, информации о них в открытых источниках практически нет. Она становится доступной через родителей наркозависимых, которые, как правило, являются самыми заинтересованными людьми и ищут всевозможные способы для спасения своих детей.

На первом этапе информацию о возможной реабилитации наркозависимый просто принимает к сведению. В состоянии полной деградации, когда все попытки избавиться от наркотиков не дают положительного результата, выбор для респондента сужается до двух вариантов: согласиться на реабилитацию или дожидаться неминуемой смерти. Индивид в попытке разрешить ситуацию неопределенности преодолевает ограничения среды при помощи активного выбора. Научающий опыт и ограничения спектра возможных выборов тем самым направляют жизненный путь в определенное русло. «С определенным событием на жизненном пути, скажем, с вступлением в первый брак, всегда начинается новый отрезок времени» (Блоссфельд 2006). Желание жить толкает респондента на принятие решения о реабилитации.

«Пришло то время, когда я просто проснулся утром и понимаю, что надо всё, завязывать и ехать на реабилитацию. Я был готов на самом деле на любые условия, лишь бы поменять свою жизнь» (Инф. 12, 35 лет, стаж руководства – 5 лет).

Выбор 4. Уйти или остаться

В процессе реабилитации респонденту приходят мысли прекратить реабилитацию. Реабилитант снова оказывается перед выбором: уехать или проходить курс до полного освобождения. На первом этапе реабилитации, когда физическая зависимость еще не преодолена, выбор респонденту прекратить реабилитацию или остаться в центре стоит больших усилий.

«Очень тяжело. Ребята, мои друзья, которые приезжали, они очень сильно с этим боролись. Уходили, говорили: «Я не могу». Но спустя несколько дней они возвращались, потому что понимали, что если они уйдут –

то все. Это для них как последний шанс, если честно. Они вновь возвращались, опять сжимая зубы, опять продолжали проходить» (Инф. 1, 50 лет, стаж руководства – 15 лет).

На покидание реабилитации влияет преждевременная уверенность респондента в своих силах, после прохождения первого этапа освобождения от физической зависимости, когда устойчивое состояние еще не достигнуто. На выбор реабилитанта уйти из центра до окончания курса или остаться служители центра стараются не влиять.

«Я ушел, когда уже «встал на ноги», все у меня было хорошо, я решил, что я могу сам двигаться и они мне не нужны» (Инф. 8, 36 лет, стаж руководства – 8 лет).

Те, кто уходит из центра, не пройдя программу до конца, практически гарантированно возвращаются к употреблению наркотиков. Для некоторых преждевременное прекращение реабилитации быстро заканчивается смертельным исходом.

«Я через месяц уехал, намного меня не хватило, и опять все пошло по этому кругу порочному» (Инф. 7, 45 лет, стаж руководства – 15 лет).

Фактором, влияющим на выбор реабилитанта остаться на полный курс прохождения реабилитации, является необходимость подчиняться правилам распорядка, установленным в центре. Формальное согласие, которое подписывает реабилитант при приеме в центр, еще не означает внутреннего принятия предложенных ограничений. Правилами внутреннего распорядка он ограждается от внешнего влияния. Выполнение установленных правил и подчинение руководителям центра необходимо на весь период реабилитации (как правило, год). Значимым поводом, влияющим на решение продолжить реабилитацию, является пример успешной реабилитации и изменения жизни их бывших знакомых наркоманов.

«Когда мы один на один общались в комнате, я ему говорю: «Я смотрю на тебя, и у тебя жизнь поменялась. Если Бог поменял твою жизнь, а я знаю насколько плохим ты был, но неужели он меня не поменяет?!» (Инф. 12, 35 лет, стаж руководства – 5 лет).

На выбор влияет отношение к респонденту со стороны служителей центра. Атмосфера, созданная в центре, является фактором, положительно влияющим на выбор остаться на полный курс реабилитации. Принципы взаимоотношений между пациентами центра оказывают влияние на решение вернуться в центр для продолжения курса реабилитации. К факторам, влияющим на желание респондента остаться нахождение реабилитации, относится условие свободного выхода из центра, а также совместный труд.

«Потому что я что-то хорошее увидел, когда я жил с ребятами. И вот эта альтернатива, вот этот выбор, он присутствовал во мне. И я в та-

ком тяжелом состоянии вернулся» (Инф. 8, 36 лет, стаж руководства – 8 лет).

«Человек нормальный, здоровый должен трудиться. Это я не называю «работа», это я называю «трудотерапия». Потому что трудотерапия, она влияет на ход реабилитации человека. Пока он в труде, ему не приходят дурные мысли, пока у него чем-то голова занята, чем-то руки заняты» (Инф. 12, 35 лет, стаж руководства – 5 лет).

«Не только те или иные недавно начавшиеся состояния индивида ..., но и продолжительность пребывания в этих состояниях, и время, прошедшее уже после того или иного события, могут оказывать многообразное воздействие на последующий жизненный путь» (Блоссфельд 2006). Выбор человека продолжать реабилитацию зависит не только от физического освобождения, но и от духовной перемены жизни. Если ценностная система человека терпит крах, наступает момент осознания необходимости ее обновления (Брикса 2020).

Соглашаясь на прохождение реабилитации в конфессиональном центре, респондент на первых порах не придает значения духовной составляющей и процессу глубокой перемены для получения долгосрочного результата. Главная цель для него в начальный период – любым возможным способом избавиться от физической зависимости.

«В начале реабилитации у меня еще не было полного решения с Богом жизнь связать, потому что у меня была проблема зависимости, вот ее надо было, эту проблему решить» (Инф. 7, 45 лет, стаж руководства – 15 лет).

Прохождение хотя бы начального периода реабилитации дает зависимому шанс показать родным, которые прекратили общение с ним, свое согласие на изменение жизни.

Выбор 5. Изменение мировоззрения

Когда реабилитант избавляется от симптомов физической зависимости, перед ним встает следующий выбор: продолжить реабилитацию или прекратить курс. Для устойчивого, длительного результата ему предлагается изменить мировоззрение. Это также требует времени и усилий. На этом этапе зависимый решает: довольствоваться короткой передышкой в освобождении от зависимости или вступить на путь серьезных долгосрочных перемен. Когда человек не хочет изменять свое мировоззрение, ему дают право выбора и не удерживают.

Процесс духовного восстановления основан на анализе истинных причин зависимости, которые связаны с жизненным процессом девальвации духовных ценностей и излишним вниманием к ценностям материальной жизни (Брикса 2020). Изменение мировоззрения означает признание верховной реальности и построение своей жизни в соответствии с ней. Повседневная реальность кажется человеку естественной, и ему трудно от-

казаться от собственной установки, «не испытыв специфического шока, который вынуждает нас выйти за границы этой «конечной» области смысла и поставить акцент реальности на другую... Все-возможные религиозные переживания – например, кьеркегоровское переживание «мгновения» как скачка в религиозную сферу – тоже являются подобным шоком» (Шюц 2003).

Средствами духовного воздействия в процессе реабилитации являются знакомство с основными понятиями христианства через чтение Библии, принятие библейского учения о грехе и спасении, освоение практики молитвы и участие в богослужениях. Ежедневное пребывание в этой атмосфере от года до трех лет приводит к устойчивым результатам.

Практика формирования коллектива сотрудников в негосударственных конфессиональных центрах предполагает, что сотрудник должен иметь собственный опыт зависимости и успешного освобождения. Эти факторы становятся основой его работы с пациентами при отсутствии теоретической подготовки.

Методика работы конфессиональных центров основана на постоянном контакте с пациентом не только в плане контроля за физическим состоянием, но предполагает постоянное духовное попечение для скорейшего устранения возникающих у реабилитанта ментальных и эмоциональных проблем.

«Я сам прошел через все эти трудности, в которых находились они. В принципе всё основано на постоянном душепопечении, – человека выслушать, человеку объяснить и с человеком иметь контакт» (Инф. 8, 36 лет, стаж руководства – 8 лет).

Еще одним важным знаком для принятия решения о выборе нового мировоззрения становится попытка личного обращения к Богу за решением собственной проблемы, оставшейся после периода жизни в зависимости. Когда никакой реальной возможности для ее решения не осталось, то «чудо» становится «знаком», подтверждающим как ответ на просьбу, так и существование отвечающего.

Критические случаи, например, состояние сильной болезни, когда применение лечения не помогает, побуждает человека самому использовать молитву как средство помощи. Быстрое избавление от болезни человека рассматривает как результат ответа на свою молитву и принимает предложенный ему новый жизненный путь.

Знаком, указывающим на результат личной молитвы, оказывается ощущение свободы и исчезновение желаний к употреблению алкоголя и наркотиков после использования молитвы как средства духовной помощи. На этапе смены мировоззрения свидетельства медицинского персонала государственных лечебных учреждений, в которых прохо-

дит лечение зависимый, об особенно быстром результате выздоровления становятся для него подтверждением эффективности молитвы. Переход от процесса физической реабилитации к духовной перемене иногда оказывается для пациента нелегким.

«Я помню, что во мне боролись чувства. И это как-то так коснулось моего разума, что Бог захотел возродить во мне новую жизнь, я – не случайный в Божьем промысле. И это дало мне жизнь, это так меня одухотворило, я обрел смысл жизни, стало понятно, зачем я живу» (Инф. 8, 36 лет, стаж руководства – 8 лет).

Выбор 6. Служение

Последний выбор связан с принятием решения о служении в центре реабилитации в качестве сотрудника. Процесс подготовки к этому начинается еще в процессе собственной реабилитации респондента с трудового участия в жизни и обеспечении центра. Привлечение к труду начинается в некоторых случаях на самых ранних этапах реабилитации. Принцип служения ближнему в конфессиональных центрах является одним из основных в организации атмосферы взаимопомощи. Доверие является фактором, способствующим привлечению к служению.

«К концу реабилитации, мне уже давали небольшую ответственность. Начинал я с малого, отвечал за отдел химии. То, что жертвовали в центр, я расставлял по полочкам: шампуни, станки и гели для бритья, туалетную бумагу по ящикам раскладывал. И это было моё первое служение» (Инф. 12, 35 лет, стаж руководства – 5 лет).

Включение пациента в служение происходит под постоянным руководством и направлением руководителя. Степень участия возрастает постепенно, по мере выработки навыков и умений, с учетом его желания к тому или иному виду деятельности.

«Мы в процессе реабилитации, когда мы занимаемся с людьми, наблюдаем, насколько желание человека принимать участие именно в этом служении. Я вижу потенциал, выделяю человека, которого я беру с собой. Он всегда со мной. Я прошу его какие-то маленькие поручения делать. У него что-то начинает получаться, потом чуть-чуть побольше ему даю. И он вырастает» (Инф. 1, 50 лет, стаж руководства – 15 лет).

Фактором, влияющим на уровень доверия к пациенту в вопросах служения, являются результаты его физического и духовного изменения. Для человека, который жил для себя, служение другим может стать переломным знаковым моментом.

Приходит время, когда человек принимает решение остаться служить в центре. После освобождения и прохождения курса реабилитации он возвращается к нормальной жизни в социуме и имеет все возможности работать, иметь семью, жить для себя и своих близких. Посвящение слу-

жению наркозависимым означает отказ от многих собственных планов. Пример заботы о ближнем со стороны служителей центра, который реабилитант испытал на себе и возможность совместного служения с ними, будет определять выбор его дальнейшего жизненного пути.

Служение реабилитации требует полной отдачи и должно быть личным свободным выбором. Специфика реабилитационного процесса не всегда позволяет совмещать жизнь для себя и служение. Духовной основой помощи ближнему в конфессиональных центрах является внутреннее осознание и принятие евангельского призыва. Фактором, оказывающим влияние на выбор служения как направления для дальнейшего жизненного пути, становится чувство ответной благодарности за то, что кто-то помог тебе. Мотивом выбора служения, как направления своей жизни, является желание помочь своим бывшим друзьям.

«Я вернулся домой, смотрел на своих ребят, которых знал, и у меня прямо сердце сжималось. Мне хотелось им помочь. Я бегал за ними, я им пытался говорить, что им нужно менять свою жизнь. И многие ребята принимали это решение, они уезжали на реабилитацию». И потом я принял решение посвятить себя реабилитационному служению» (Инф. 1, 50 лет, стаж руководства – 15 лет).

Собственный опыт реабилитации и духовной перемены становится ресурсом для выбора служения. Решение посвятить себя служению формируется не сразу, иногда оно складывается в течение нескольких лет. Для принятия окончательного решения о выборе служения необходимо устранение некоторых препятствий. Значимым фактором, влияющим на выбор служения, является благодарность Богу за произведенные изменения в собственной жизни.

«Просто ходить на работу и зарабатывать деньги мне было неинтересно. Почему-то меня все тянуло и хотелось самому помочь, самому принести благо, как бы в знак благодарности Богу служить, так же помогать людям. И вот это во мне преобладало» (Инф. 8, 36 лет, стаж руководства – 8 лет).

В процессе осуществления жизненного выбора формируется агентность реабилитанта, которая и позволяет ему стать впоследствии руководителем центра для помощи зависимым (Сорокин 2021).

Заключение

Анализ данных серии глубинных интервью, наблюдение (более 10 лет) за деятельностью негосударственных конфессиональных центров реабилитации и реализация совместных социальных проектов (проведение лекций о медиативном подходе в разрешении конфликтов и мастер-классов по методам предупреждения конфликтов) позволили выявить основные этапы и выборы в жизненных

траекториях наркозависимых через собственную реабилитацию к руководству этим процессом. Активная позиция в составлении жизненного пути, радикальная смена прежних установок, поведения и среды и выбор новых свидетельствуют о формировании ресурсности человека и его нового качества, агентности, в изменении не только своей жизни, но и пространства вокруг, и влияния на жизнь других людей.

До оформления центра реабилитации как юридического лица, как правило, некоммерческой организации (благотворительный фонд, социально ориентированное НКО) проходит много времени, в течение которого складывается команда единомышленников, которые получают благословение старших служителей и постепенно разворачивают служение помощи наркозависимым. Каждый из респондентов прошел сложный путь организации служения помощи «с нуля» и выступал в эти моменты носителем трансформирующей агентности, которая позволила не просто измениться ему самому, но повлиять на структуры окружающего его социального пространства (создать новые сообщества).

В качестве дальнейшего направления исследования следует отметить необходимость анализа процесса самоорганизации таких трансформирующих сообществ, наделяющих его членов агентностью и позволяющих сформировать его ресурсность не только для формирования позитивной траектории собственной жизни, но и для помощи другим в трудной жизненной ситуации.

Библиографический список

Бессчетнова О.В. Генезис концепции жизненного пути в отечественной и зарубежной науке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2016. № 4(34). С. 71–80. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.4.8>.

Блоссфельд Х.П., Хьюинк И. Исследование жизненных путей в социальных науках: темы, концепции, методы и проблемы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. 9, № 1. С. 15–44.

Брикса Ю.О. Ценностные ориентации в основе построения жизненного и профессионального пути // Теория и методика профессионального образования. 2020. № 7. С. 125–131.

Гаврилюк Т.В. Исследования жизненного пути и классовый анализ в зарубежной социологии: точки пересечения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 1. С. 18–22. DOI: <https://doi.org/10.23672/SAE.2018.1.10089>.

Даутова Т.Е., Рождественская Е.Ю. Репертуар биографических выборов ветеранов Афганской

войны // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 3. С. 114–140. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2542>.

Дудаль Н.Н. Жизненный путь человека: основные подходы и определения // Психология третьего тысячелетия: Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения основателей кафедры психологии государственного университета «Дубна», В.П. Зинченко и В.М. Мунипова, Дубна, 19–20 апреля 2021 года / Под общей редакцией О.А. Гончарова, Б.Г. Мещерякова. Дубна: Университет «Дубна», 2021. С. 108–112.

Ежов О.Н. Парадигма жизненного пути в зарубежной социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8, № 3. С. 22–33.

Кузьминых В.Н. Жизненный путь в контексте эволюции социальной теории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2008. № 4(12). С. 37–41.

Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии. Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. 381 с.

Сорокин П.С. «Трансформирующая агентность» как предмет социологического анализа: современные дискуссии и роль образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21, № 1. С. 124–138. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-1-124-138>.

Тыканова Е.В., Хохлова А.М. Основные понятия и подходы в социологическом изучении жизненных путей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2016. № 3. С. 4–19. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.301>.

Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3, № 2. С. 3–34.

References

Besschetnova, O.V. (2016), Genesis of the concept of life path in domestic and foreign science, *Bulletin of Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Sociology and Social Technologies*, no. 4 (34), pp. 71–80, DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.4.8>, (In Russian).

Blossfeld, H.P., Huynink, I. (2006), Life Course Research in the Social Sciences: Themes, Concepts, Methods, and Problems, *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 9, no. 1, pp. 15–44, (In Russian).

Briksa, Yu.O. (2020), Value orientations in the basis of building a life and professional path, *Theo-*

ry and methodology of professional education, no. 7, pp. 125–131, (In Russian).

Gavrilyuk, T.V. (2018), Life Course Studies and Class Analysis in Foreign Sociology: Points of Intersection, *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, no. 1, pp. 18–22, DOI: <https://doi.org/10.23672/SAE.2018.1.10089>, (In Russian).

Dautova, T.E., Rozhdestvenskaya, E.Yu. (2024), Repertoire of biographical choices of Afghan war veterans, *Monitoring public opinion: economic and social changes*, no. 3, pp. 114–140, DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2542>, (In Russian).

Dudal, N.N. (2021), Life path of a person: basic approaches and definitions, *Psychology of the third millennium: Collection of materials of the VIII International scientific and practical conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of the founders of the Department of Psychology of the State University "Dubna", V.P. Zinchenko and V.M. Munipova, Dubna, April 19–20*, O.A. Goncharov, B.G. Meshcheryakov (ed.), Dubna University, Dubna, pp. 108–112, (In Russian).

Ezhov, O.N. (2005), Life Path Paradigm in Foreign Sociology, *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 8, no. 3, pp. 22–33, (In Russian).

Kuzminykh, V.N. (2008), Life Path in the Context of the Evolution of Social Theory, *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*, no. 4 (12), pp. 37–41, (In Russian).

Rozhdestvenskaya, E.Yu. (2012), *Biographical method in sociology*, Publishing house of the National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, (In Russian).

Sorokin, P.S. (2021), “Transforming agency” as a subject of sociological analysis: modern discussions and the role of education, *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*, vol. 21, no. 1, pp. 124–138, DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-1-124-138>, (In Russian).

Tykanova, E.V., Khokhlova, A.M. (2016), Basic concepts and approaches in the sociological study of life paths, *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*, no. 3, pp. 4–19, DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.301>, (In Russian).

Schutz, A. (2003), On the plurality of realities, *Sociological Review*, vol. 3, no. 2, pp. 3–34, (In Russian).

Submitted: 01.03.2025

Revised: 14.04.2025

Accepted: 06.06.2025

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316.4.06

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-2-96-106

Дата поступления: 11.03.2025
рецензирования: 24.04.2025
принятия: 15.06.2025

А.В. Рушева

Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
E-mail: avr0201@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4686-1204>

Запрос на созидательное управление

Аннотация: статья посвящена изучению характеристик управления, реализуемых в современном российском обществе, и обоснованию потребности в их изменении. В качестве первостепенной причины снижения потенциала социальной системы рассматривается потребительское поведение и низкий уровень субъектности сторон социального взаимодействия. *Целью работы* является обоснование потребности современного общества в созидательном управлении. *Теоретико-методологическую базу* составили труды основоположников социологии, социального управления и организаций, трансформационного лидерства, самоорганизующегося общества и профессионального менеджмента. *Методы исследования:* теоретический анализ концепций социального управления и вторичный анализ данных социологических исследований по заявленной теме. *Основные результаты* работы заключаются в аргументации необходимости расширения практик созидательной деятельности на всех уровнях общественной системы; определении влияния социальной солидарности и сплоченности на состояние социальной организации; описании вариантов формирования и реализации созидательного потенциала. *Научная новизна* состоит в положении, согласно которому интеграция теоретических знаний об особенностях функционирования социальных общностей и принципах социального управления, присущих профессиональному менеджменту с практиками, демонстрирующими конструктивное сотрудничество, способствует повышению уровня созидательного потенциала и успешного развития российского общества.

Ключевые слова: созидание; солидарность; социальное управление; потребительское поведение; трансформационное лидерство; субъектность; развитие; творческий подход.

Цитирование: Рушева А.В. Запрос на созидательное управление // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 2. С. 96–106. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-2-96-106>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Рушева А.В., 2025

Анна Витальевна Рушева – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общей социологии и социальной работы, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 603000, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23.

SCIENTIFIC ARTICLE

A.V. Rusheva

Lobachevsky State University
of Nizhni Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation
E-mail: avr0201@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4686-1204>

Request for creative management

Abstract: the article is devoted to the study of the characteristics of management inherent in and implemented by modern Russian society, as well as the justification for the need to transform them. The primary reason for the decline in the potential of the social system is consumer behavior and the low level of subjectivity among the parties to social interaction. The purpose of the study is to substantiate the need for creative management in contemporary society. The theoretical and methodological basis includes the works of the founders of sociology, social management and organization theory, transformational leadership, self-organizing society, and professional management. The research methods include theoretical analysis of social management concepts

and secondary analysis of sociological research data related to the stated topic. The main results of the study are: justification of the need to expand creative activity practices at all levels of the social system; identification of the impact of social solidarity and cohesion on the state of social organization; and a description of the options for developing and realizing creative potential. The scientific novelty lies in the assertion that integrating theoretical knowledge about the functioning of social communities and the principles of social management typical of professional administration with practices that demonstrate constructive cooperation contributes to enhancing creative potential and supporting the successful development of Russian society.

Key words: creation; solidarity; social management; consumer behavior; transformational leadership; subjectivity; development; creativity.

Citation: Rusheva, A.V. (2025), Request for creative management, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 5, no. 2, pp. 96–106, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-2-96-106>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Rusheva A.V., 2025

Anna V. Rusheva – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23, Gagarin avenue (Str.), Nizhny Novgorod, 603000, Russian Federation.

Введение

События, происходящих как в мире, так и в нашей стране на протяжении последних лет имеют крайне неоднозначные последствия. Развернувшиеся военные действия, введение разного рода жестких ограничений, активно развивающиеся цифровые технологии, социокультурные трансформации и другие факторы послужили достаточно сильным стимулом к переосмыслению населением жизненно важных ценностей и консолидации.

Осознание, что только вместе можно справиться с трудностями и преодолеть препятствия, подталкивает людей к объединению, сплочению, взаимопомощи и новым достижениям. Проявление солидарности и ощущение поддержки со стороны единомышленников, как правило, помогает человеку обрести уверенность в своих суждениях и поступках, повысить мотивацию и, самое главное, способствует развитию такого крайне важного качества личности, как субъектность.

Учитывая возможность подобных исходов, актуализируется вопрос поиска эффективной модели сплочения общества, не нарушающей права, потребности и интересы отдельных индивидов, но пробуждающей созидательную энергию.

Ассоциативное восприятие слова «созидание» достаточно распространено в нашей жизни. Мы часто отождествляем его с созданием, работой, творчеством, изобретением, и не всегда задумываемся о его глубинном смысле, заключающемся в «осознанном и целенаправленном участии человека в общественных преобразованиях и личностном самосовершенствовании» (Кумышева 2022, с. 56). Основываясь на том, что созидательная деятельность предполагает генерирование новых идей для творческого изменения реальности, при умелом и профессиональном подходе к управлению данным процессом социальная система получает возможность не только повысить свою ресурсность и сохранить целостность, но и обеспечить устойчивое

развитие. Пока же в современном российском обществе есть множество нерешенных проблем, требующих пристального внимания со стороны субъектов управления.

Теоретико-методологическая основа исследования включает концепции, позволяющие понять смысл и ключевые принципы социального управления, определить факторы созидательной деятельности и её значение для общества, выявить сопряженные с ней категории солидарности, трансформационного лидерства, созидательного потенциала и их роль в профессиональном менеджменте.

Главные предпосылки формирования теории социального управления были созданы еще классиками социологии (М. Вебер, Г. Зиммель, К. Маркс, Р. Мертон, В. Парето, Г. Спенсер и др.). Акцентируя внимание на том или ином факторе общественного развития, ученые подчеркивали принципиальное значение социальной солидарности, которая, например, в рамках структурно-функционального подхода Т. Парсонса выполняет роль консолидации общества, а посредством перехода от механической к органической солидарности (по Э. Дюркгейму) открывает перспективы социальной сплоченности.

Дальнейшее развитие теорий научного управления происходило на основе постепенного понимания значения человеческого фактора в производстве. Существенную роль в осмыслении того, что именно люди и социальные связи, а не станки и иные технические средства являются наиболее ценным ресурсом организации, сыграли результаты Хотгорнских экспериментов, проводимые под руководством Э. Мэйо, а также деятельность других представителей школы «человеческих отношений» (Н.А. Витке, Ф. Ротлисберг, М. Фоллет). Таким образом, к середине XX века был заложен фундамент социального управления, на котором впоследствии выстраивались новые теории и

подходы в рамках школы «поведенческих наук» (А. Маслоу, П. Друкер, Д. Макгрегор, Р. Лайкерт, Ф. Герцберг) и «социальных систем» (Д. Марча, Г. Саймона, А. Этциони и др.), способствующие более глубокому осознанию значимости человеческого потенциала.

Вопросами социального управления и преимущественно трудового поведения, в советский период в нашей стране занимались такие специалисты, как Г.М. Андреева, А.И. Кравченко, Н.И. Лапин, Г.В. Осипов, Ж.Т. Тощенко, О.И. Шкаратан, В.В. Щербина. Отдельно следует отметить масштабное исследование социально-трудовых отношений и ценностей рабочих, выполненное под руководством А.Г. Здравомыслова и В.А. Ядова (Здравомыслов, Ядов 2003).

Труды отечественных ученых внесли огромный вклад в развитие гуманизации труда и определение ключевых принципов созидательного управления. Среди авторов такого подхода – В.Г. Афанасьев. В одной из своих книг он наиболее точно формулирует суть управления человеком: 1) определить место каждого человека в общественной системе, его функции, права и обязанности, его социальную роль; 2) подготовить человека, научить его выполнению своей социальной роли, функций, обязанностей, обучить профессии, навыкам общественной деятельности; 3) создать каждому человеку самые благоприятные условия (прежде всего на работе, а также в быту) для наилучшего выполнения им социальной роли, воздействовать на него с тем, чтобы его дела отвечали интересам общества и коллектива; 4) не только помочь ему выбрать роль и эффективно ее выполнять, но и проконтролировать, как человек выполняет свою роль, при необходимости поправить его, по достоинству оценить результаты его работы; 5) воздействовать на него таким образом, чтобы его поведение, дела и поступки отвечали требованиям общества, коллектива, чтобы они были полезны и обществу, и человеку, способствовали прогрессу и общества, и личности (Афанасьев 1977).

На поиск и выявление методов повышения эффективности социального управления заметное влияние оказали сторонники синергетического подхода, основателем которого является Г. Хакен. Созданная им концепция самоорганизующегося общества, несмотря на мнение критиков о её утопичности, содержит очень актуальные принципы для современного общества, направленные на ответственное поведение и консолидацию, позволяющие выйти ему на качественно новый этап развития (Хакен 2013).

Анализ разного рода проблем современного российского общества привел к пониманию некоторых причин его «болезней», среди которых наиболее значимой, на наш взгляд является во многом губительная установка на постоянное и тотальное

потребление, исключающая возможность выражения созидательной энергии. Многие подтверждения своим гипотезам мы нашли у Ж. Бодрийяра в его знаменитом труде «Общество потребления»: «...логика потребления определяется как манипуляция знаками. В ней отсутствуют символические ценности созидания, символическое отношение внутреннего характера, она целиком ориентирована на внешнее» (Бодрийяр 2006). Ставшее для большей части населения привычным потребительское поведение на фоне преобладающей лени и пассивности приводит к сильнейшей зависимости от предложений из окружающей среды. Утрачиваемая таким образом субъектность человека лишает его сначала возможностей, а потом и прав что-то самостоятельно менять в своей жизни. Особенно критична данная ситуация для тех, кто занимает ответственные посты и «своими» решениями влияет на судьбу других людей.

В условиях, наделенных высоким потенциалом неопределенности и динамичности для обретения и поддержания конкурентоспособности социальных организаций, актуализируется потребность трансформационного лидерства. Основу его исследований заложил Дж. Макгрегор Бернс (Burns 1978), однако позже, в середине 1980-х гг., выявленная им идея о зависимости успешности трансакционного лидерства от характеристик среды, в которой он действует, получила свое дальнейшее развитие в работах Бернарда Басе. Сформулированная и обоснованная им теория трансформационно-трансакционного лидерства в современных условиях приобретает особую ценность, поскольку позволяет повысить эффективность деятельности предприятия за счет применения на практике наглядного описания качеств трансформационного лидера и формирования культуры инноваций. Ввиду того, что данный тип лидерства стимулирует способность впитывать знания, обеспечивая информацией и наделая ответственностью, выработку компетенций всех участников организационной деятельности и обеспечивается возможность созидательного управления (Замулин 2012).

Представленные ранее аспекты социального управления отражены во многих подходах к изучению профессионального менеджмента. Наиболее яркие примеры связаны с именами ученых-исследователей, теоретиков и практиков, чей вклад трудно переоценить. Среди них Ф. Тейлор, А. Файоль, Э. Мэйо, Д. Макгрегор, Р. Лайкерт, П. Друкер, У. Эдвард Деминг, И. Адизес. В их трудах даны ответы не только на вопросы, что делать управленцам, но и каким образом, как себя вести и какими быть, чтобы принимаемые управленческие решения приводили к намеченной цели всех участников совместной деятельности, а посредством вдумчивых мотивированных и творческих действий обеспечивалось достойное и надёжное будущее.

Результаты

Почему в обществе появляется запрос на созидательное управление?

Невозможно представить жизнь общества без управленческого начала и социального порядка. Любое социальное образование в своей основе имеет цель и нуждается в регулировании. Актуальность подобных характеристик социальной организации усиливается в условиях кризиса и неопределенности, когда её участники все чаще задумываются о том, что требует изменений, в каком направлении двигаться и какими качествами необходимо обладать, чтобы сохранять устойчивость и развиваться.

Причин дестабилизации много, начиная от динамичности внешней среды и заканчивая неурядицами внутри конкретной социальной общности. Одним из таких факторов, существенно подрывающих её иммунитет, является потребительское поведение. Основная угроза состоит в том, что оно проникает во все сферы человеческой жизни и социальных отношений, разрушая нравственные нормы и подменяя ключевые ценности. Особенно заметно потребление при активном использовании самых разных услуг, начиная от аренды жилья и заканчивая заказом обедов или «друга на час». Элементарный анализ подобного поведения указывает на существенное снижение уровня личной ответственности человека, принимающего во временное пользование предмет услуги. Всевозможные соблазны и стимулы «жить красиво» на фоне минимума критического мышления приводят к ложным представлениям о себе и своем положении, к сосредоточенности преимущественно на материальных благах в ущерб духовному развитию и самосовершенствованию. Похоже, что задачи преодоления лени и инертности, осознания ответственности в разрезе потребительского образа жизни не стоят.

Противоположными характеристиками обладает то социальное образование, в котором люди сознательно объединяются для создания чего-либо полезного и востребованного, проявляют творческий подход для конструктивных преобразований, несут ответственность. В данной ситуации очевидна созидательная позиция человека, сопряженная, как правило, с познанием себя и расширением кругозора, с приложением физических и умственных усилий, развитием способностей и проявлением воли. Подобные характеристики позволяют определить поведение как субъектное. В настоящее время о важном и крайне востребованном качестве субъектности свидетельствует, например, выражение гражданской позиции через участие в волонтерской деятельности или привлечение внимания к конкретной социальной проблеме, целеполагание и самостоятельный выбор способов получения желаемого, самореализация и саморазвитие, ре-

зультатами которых зачастую являются значимые изменения для общества и повышение качества жизни.

В чем проявляется запрос на созидание?

Учитывая происходящие в мире события и их возможные негативные последствия, созидательная направленность общества приобретает особую актуальность. Прежде чем мы рассмотрим некоторые её проявления, уточним, что созидание – «одна из двух жизненных направленностей человека (созидание и разрушение – по Э. Фромму), зависящая от результатов его воспитания, уровня развития, социальных условий; это онтопсихологическая категория, означающая «строительство жизни, упрямое существование». Созидательное отношение к жизни, своему здоровью или профессионализму может быть изменено человеком в любой жизненной ситуации. При этом он должен оценить эту ситуацию как факт своего становления (что я имею здесь и теперь?), как условие существования своих потребностей и целей (что я хочу иметь?) и как исходные данные для создания «модели потребного будущего» (что я должен узнать?)» (Тюмасева, Богданов, Щербак 2004).

На протяжении последних десятилетий, сопряженных с яркими политическими, экономическими и социально-культурными преобразованиями в российском обществе происходило интенсивное культивирование потребительских практик. Общество, сделавшее своим приоритетом удовлетворение повседневных потребностей и достижение телесного комфорта, рано или поздно сталкивается с фактом обесмысливания жизни (Тувев, Суслова 2018). Накопившуюся со временем «усталость» людей жить в зависимости от материальных благ, страхе потерь и условиях многочисленных кризисов, в среде, где приоритетна форма, а не содержание, следует считать стимулом к проявлению активности и социальной интеграции. К настоящему времени образовалось немало примеров социального потенциала созидания, который можно представить как «совокупность материально-духовных сил населения различных субъектов, сформированных на основе органического сочетания своих возможностей и способностей и за счет использования собственных ресурсов, обеспечивающих достижение устойчивого социально-экономического развития при наличии условий для своей реализации и гарантирующего необходимый уровень и качество жизни» (Файзуллин Ф.С., Файзуллин И.Ф. 2023). Здесь уместно вспомнить и высказывание Конфуция о том, что «путь к совершенству идет через созидание».

Другим фактором, определяющим общественные настроения и социальные установки личности, являются стремительно распространяющиеся, но неоднозначные процессы цифровизации. С одной стороны, они предоставляют неограничен-

ный доступ к информационным ресурсам, способствующим обогащению образовательной среды, с другой – посредством алгоритмизации, платформизации, сетевизации, исключающих творческий и созидательный характер деятельности, усиливают/увеличивают ограничения для творчества и развития человека (Павлова 2024), ослабляют его критическое мышление.

Следующий аргумент в пользу формирующегося запроса на созидательное управление в нашем обществе связан с характером социального взаимодействия на уровне предприятия. Являясь открытыми системами, современные организации находятся в постоянном взаимодействии с внешней средой, испытывая на себе её влияние. Начиная с целей, пересмотру и корректировке подвергаются все без исключения внутренние подсистемы. Наиболее заметны и ощутимы перемены, происходящие во власти и руководстве. В современных условиях формальное лидерство по принципу «контролируй и командуй» постепенно утрачивает свою силу. Всё сильнее проявляется потребность в управленцах нового типа, способных быстро адаптироваться и использовать появляющиеся во внешней среде возможности для организационного развития, искусно подбирать сотрудников, мотивировать их и, обладая гибким мышлением, эффективно управлять командами, достигать высокие цели.

Меняются предпочтения и ориентиры самих работников. Если поколения бэби-бумеров и X ценят стабильность рабочего места, социальные гарантии, честность и предсказуемость, возможность продолжения обучения и профессионального развития, поступательный карьерный рост и, соответственно, в большей степени привержены организации, исполнительны, дисциплинированы, зачастую выражают почтительное, лояльное и доверительное отношение к своему руководству (Лизовская 2023; Шамсутдинова, Ягафарова 2018; Поколению Z – удаленку и печеньки... 2022), то у миллениалов и зуммеров иные приоритеты. Представители данных поколений более требовательны к работодателям и в большей степени при выборе работы, помимо финансового вознаграждения, ориентированы на личную этику или убеждения, соответствие ценностей компании их личным, социальным и экологическим, для них необходимо наличие смысла и цели, справедливости в коллективе (2024 Gen Z and Millennial Survey... 2024; Исследование: какие ценности и ожидания сотрудников разных поколений влияют на подходы работодателей 2024). Кроме вышеобозначенных характеристик, в «портрет молодого сотрудника» также следует включить важность индивидуализма и самовыражения, быстрой и четкой обратной связи, отсутствие долгосрочных перспектив, установку на поиск своего пути и «социальный комфорт», разно-

образие жизни и получение удовольствия от неё, а не богатства и статуса. Работа должна быть им в радость, приносить доход, но не отнимать много времени: «вкалывать» молодые люди не готовы (Поколение Z разочаровало работодателей 2024).

Как видим, данные социальные факты, свидетельствующие об изменении восприятия сотрудников своего руководителя и манеры его поведения, указывают на необходимость пересмотра методов и подходов к управлению. Заметим, что выраженные мнения респондентов о значимости качеств менеджеров и предпочтительных условиях работы отражают ситуацию не только за рубежом, но и в нашей стране. Согласно данным опроса ВЦИОМ, наиболее важными и востребованными характеристиками начальника россияне назвали умение собирать команду, делать акцент на своих сотрудниках, создавать комфортную атмосферу в коллективе (94 %), поддержку инициативы сотрудников, побуждение высказывать новые идеи и предложения (89 %), делегирование задач и одобрение самостоятельности сотрудников (88 %) (Идеальный босс – 2021).

На основе вышеизложенного можно констатировать вполне наглядную сформировавшуюся в обществе потребность в управленцах, учитывающих происходящие изменения на рынке труда, настроенных на внедрение действенных и конструктивных подходов к управлению кадровым потенциалом, его развитие и совместное создание полезных благ, надежного будущего.

Каковы проявления созидательного потенциала российского общества?

Понимание термина «созидание» позволяет выделить ряд потребностей и характеристик человека, удовлетворение которых способствует формированию и росту его созидательного потенциала. К ним ученые относят адекватную самооценку; самостоятельность и свободу; понимание себя, своих ценностей, мыслей, эмоций; креативность; открытость к новым знаниям; стремление к красоте и развитые эстетические вкусы; умение получать удовольствие от повседневной рутины; потребность в проявлении своих сил и возможностей; способность быстро принимать решения; готовность понимать других людей, сопереживать им, помогать. Навык созидания помогает человеку развивать осознанность, поступать разумно и не действовать инстинктивно. Он учит самоконтролю, способствует развитию когнитивных навыков и стрессоустойчивости, помогает почувствовать себя более уверенным (Жеребятникова 2012). Понятно, что на становление такой личности оказывает влияние множество разнообразных факторов, которые либо усиливают, либо, наоборот, снижают её созидательный потенциал.

При рассмотрении процесса формирования данного социального качества в большем масштабе –

на уровне социальной организации или общества, в целом, нельзя не отметить главенствующую роль государства. Если возложенные на данный социальный институт ключевые функции по обеспечению стабильного функционирования общества и регулированию происходящих в нем процессов успешно выполняются, то социальное взаимодействие – конструктивное, а имеющее место развитие – планомерное и устойчивое. В противоположной ситуации в стране формируется неблагоприятная среда, сопряженная с неопределенностью, слабой социальной политикой, низким уровнем качества жизни, социальной напряженностью и деградацией. Очевидно, что в подобных условиях осуществление плодотворной деятельности и удовлетворение запросов на самореализацию крайне затруднительно (но не исключено!), поскольку первостепенными становятся экзистенциальные потребности человека.

Неуправляемые и неподготовленные инновационные и трансформационные процессы, отражающиеся на условиях жизнедеятельности, очень неоднозначны. Большая часть исторических событий последних десятилетий, среди которых политические и экономические изменения 90-х годов, пандемия коронавируса; недавние соглашения против нашей страны, сопровождающиеся информационными атаками, санкциями и вторжением в культурную среду, оказали сильнейшее воздействие на психическое и психологическое состояние населения страны (Кумышева 2022). Тем не менее, являясь представителем вида *Homo sapiens* и носителем социальной природы, человек демонстрирует свой адаптационный потенциал, развивая заложенные природой способности и изменяя своё поведение. Напрашивается вывод о том, что социокультурные, технологические и экономические детерминанты подталкивают его не только к поиску способов выживания (как биологического существа), но к открытию новых возможностей для самореализации, совершенствования, обе-

спечения преемственности и др. Следовательно, именно человек является источником созидания и творческой энергии, на протяжении всей истории преобразовывая среду, в которой постоянно находится.

Для прояснения ситуации о возможностях развития созидательного потенциала нашей страны приведем некоторые данные социологического мониторинга, проведенного в апреле 2024 года Федеральным научно-исследовательским социологическим центром РАН (Как живешь, Россия? 2024). Так, по мнению респондентов, в тройку лидеров тех, чьи интересы в настоящее время выражает и защищает российское государство, вошли: богатые (41 %), все граждане России (38 %) и государственной бюрократии (23 %); с утверждением «Власти заботятся о жизни простых людей» согласны только 30 % опрошенных, а 54 % считают, что «Людьми у власти нет никакого дела до простых людей». Неутешительна и оценка населения своих возможностей влияния на политические процессы в стране: лишь 14 % считает, что это реально. В то же время, закладывая в понятие «социализм» значения коллективизма (49 %), справедливости (46 %) и патриотизма (38 %), а в «капитализм» – конкуренцию (62 %), частную собственность (61 %), власть узкой группы людей и коррупцию (по 44 %) – 43 % респондентов хотели бы жить при социалистическом строе, а не при капиталистическом (15 %).

По данным того же исследования, в первую тройку понятий, которые могли бы лечь в основу политики возрождения России, вошли «мир» (30 %), «справедливость» (28 %), «закон» (26 %) и только на 11-м месте «созидание» и «нравственность» (по 10 %). Не менее важна оценка традиционных ценностей россиян, которые являются наиболее значимыми для обеспечения суверенитета, безопасности и устойчивого развития российского государства и общества. Приведем первые 10 позиций (см. табл. 1).

Таблица 1
Традиционные ценности россиян, которые являются наиболее значимыми для обеспечения суверенитета, безопасности и устойчивого развития российского государства и общества

Table 1
Traditional values of Russians, which are the most significant for ensuring the sovereignty, security and sustainable development of the Russian state and society

1	Жизнь, достоинство, права и свободы человека	58
2	Крепкая семья	51
3	Патриотизм, гражданственность	47
4	Справедливость	40
5	Защита и служение Отечеству, ответственность за его судьбу	37
6	Единство народов России	30
7	Историческая память и преемственность поколений	29
8	Взаимопомощь и взаимоуважение	27
9	Созидательный труд	26
10	Высокие нравственные идеалы	23

Исходя из суждений респондентов о ситуации в России о том, что «нынешнюю власть при всех её недостатках следует поддерживать» (79 %), «страна больше нуждается в устойчивом развитии и политической стабильности, чем в переменах» (77 %), «основные угрозы для России исходят из-за рубежа», но она развивается в правильном направлении (по 75 %), «России в целях успешного развития нужно единство власти и народа, порядок в обществе и твёрдая рука» (74 %), большинство населения одобряет проводимую государством политику и заинтересовано в стабильном развитии, согласно с необходимостью социальной интеграции и привлечением к руководству мотивированных к созданию благополучного общества волевых акторов.

В определенной степени вселяющим надежду фактом является динамика индекса гражданского потенциала общества, которая в период с 2020 по 2024 годы выросла с 7,5 до 16,7. Эту направленность подтверждают и многочисленные структурированные сведения, приведенные в Докладе о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2024 год (Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2024 год 2024), что, в целом, свидетельствует о постепенном процессе внутренней консолидации и развитии гражданского самосознания.

К приведенным данным добавим и другие умозаключения о факторах созидательной позиции населения России:

- особенности менталитета, проявляющегося, по мнению знаменитых русских философов, в склонности к коммюнитарности, общинности, соборности (Артемова, Филиппова 2008). На протяжении всей российской истории, включая современный этап развития нашего общества, наличие внешних угроз и иных условий, представляющих опасность разрыва социальных связей, усиливали сплоченность народа, объединяли на борьбу с врагом, укрепляли национальное самосознание;

- привычную и традиционную атмосферу коллективного труда и творчества как естественную потребность большинства россиян, формируемую системой воспитания (например, в советское время ключевыми методиками воспитания была «коллективная творческая деятельность» И.П. Иванова (Маленкова 2018), «социальный гуманизм» А.С. Макаренки (Сумина, Белопашенцева, Лосинская 2019));

- социальное предпринимательство, известное как в России, так и за рубежом благодаря активной деятельности отечественных предпринимателей-меценатов (Д. Голицына, С.И. Мамонтова, С.Т. Морозова, М.К. Тенишевой, братьев Третьяковых и др.). Их современный портрет включает высокий уровень социального доверия, готовность к общественной солидарности и по-

мощи людям, общественную активность, желание быть полезным обществу, личное стремление к изменению социальной реальности, внедрению социальных инноваций, профессиональному и образовательному росту (Портрет социального предпринимателя: ключевые характеристики 2013).

Из вышеизложенного следует, что в российском обществе, бесспорно, есть большое разнообразие проявлений и подтверждений имеющегося созидательного потенциала, что, в свою очередь, обуславливает растущий спрос на грамотное управление этим ценным ресурсом.

Заключено

В качестве заключения сформулируем несколько ответов на вопрос: «*Каким образом можно обеспечить созидательное управление?*»

1. Трансформационное лидерство, предполагающее формирование единого видения перспектив совместной деятельности, доверие, ясную обоснованную позицию необходимости изменений, психологическую поддержку и мотивацию, индивидуальный подход.

Анализ научных исследований, посвященных современным проблемам управления, позволил определить наиболее востребованные характеристики людей, занимающих руководящие посты, среди которых: ориентация на достижения, аналитический ум, стратегическое видение, системное суждение, гибкость, критическое мышление, мотивация к непрерывному самосовершенствованию, цифровая грамотность, понимание и поддержка людей, во многом определяющие эмоциональное состояние команды; умение действовать в ситуации неопределённости, психологическая зрелость (Рушева 2024), а также человечность, сострадание, восприимчивость, скромность, аутентичность (Bryant 2023). Как видим, рыночная среда и быстрое развитие технологий предъявляют серьезные требования не только к профессиональным компетенциям лидера (hard skills), но к его личностным качествам и способностям (soft skills). Наличие указанных выше качеств современного руководителя следует рассматривать как основу его созидательного потенциала. Соответственно, задачами ключевых социальных институтов, среди которых семья, образование, государство, менеджмент, гражданское общество, становится формирование и развитие личности, способной к целеполаганию, пониманию своей миссии, сотрудничеству, принятию решений и ответственности, эмпатии, гибкости, человечности, стремящейся к постоянному совершенствованию и познанию.

2. Развитие социально ответственного предпринимательства (преимущественно среднего и малого масштаба). Формирование и укрепление

данного социального института является неотъемлемой задачей государства в условиях рыночных отношений, которое искренне заботится о благополучии своего народа и стремится к обеспечению социальной и экономической стабильности. Несмотря на публичные отчеты и показатели успешности предпринимательской деятельности, в российском обществе расширение масштабов реализации предпринимательских инициатив достаточно скромное, особенно социально ориентированного. В то же время исторические примеры активных, решительных, думающих, неравнодушных людей и некоторые современные практики предпринимательства свидетельствуют о созидательном настрое и заложенном (возможно, на ментальном уровне) потенциале, присущем нашим соотечественникам. Вполне отчетливо он прослеживается в генерировании новых творческих подходов к управлению социальной системой, способности инициировать и воплощать в жизнь перспективные инновационные идеи, находить нестандартные пути решения в крайне сложных обстоятельствах и находить эффективные комбинации имеющихся ресурсов для преодоления неопределенности.

3. Социальная интеграция. Главенствующая роль субъектов управления в осуществлении созидательной деятельности была бы невозможной без соответствующего социального окружения – людей, разделяющих и поддерживающих взгляды своих лидеров. «Один в поле не воин» – гласит народная мудрость, поэтому рассматривая социальное управление как процесс социального взаимодействия, важно учитывать не только потенциал руководителя, но и то, что присуще поведению других его участников, направляющих свои усилия на достижение эффективного результата совместной деятельности. В то же время важно, чтобы процесс объединения целей и возможностей был управляемым, повышающим вероятность получения положительного синергетического эффекта. Обратим внимание и на то, что достижение желанного созидания не представляется без сплоченности, единства людей, взаимной ответственности, разделяемых ценностями, устойчивыми социальными отношениями, согласованностью действий и взаимопомощью.

4. Внутриорганизационное предпринимательство. В современной практике социального управления выработано достаточно много способов достижения организационных целей. Один из них – интрапренерство, предполагающее реализацию предпринимательских идей по созданию нового продукта деятельности, но инициированных «снизу» – рядовыми сотрудниками и осуществляемых силами и ресурсами самого предприятия (Стратегии бизнеса 1998). Практика применения интрапренерства имеет ряд преимуществ, в числе

которых формирование инновативного мышления, жизнеспособные проекты по обеспечению устойчивого положения организации на рынке, эффективное сотрудничество её внутренних стейкхолдеров, обеспечивающее реализацию их взаимных ожиданий (Рушева 2024).

5. Развитие субъект-субъектного подхода к управлению. Категория «субъектность» актуальна не только в сфере управления. На протяжении долго времени она была предметом исследования в философии, правоведении, педагогике, психологии. Осознание себя в качестве субъекта жизнедеятельности означает способность человека к целеполаганию, активность, стремление к познанию и созиданию, умение управлять своей жизнью. Социологический анализ «субъектности» позволяет рассмотреть её не только с позиции отдельно взятой личности, но и в контексте социального взаимодействия, предполагающего взаимовлияние его участников, разрешение возникающих противоречий и согласование интересов. В отличие от других подходов (например, субъект-объектного или субъект-ориентированного), субъект-субъектный основывается на положении, согласно которому каждый актор руководствует не только актуальными для него потребностями и выполняемыми/предпочитаемыми ролями, но и учитывает мотивы и задачи других участников социального взаимодействия. В управлении (причем на разных уровнях организационной системы) данная парадигма «требует стимулирования участия и консенсуса даже с рядовыми сотрудниками, предоставляет им право на ошибки, акцентирует внимание на совместном мониторинге изменений, допускает создание ядра из наиболее активных сотрудников, но это ядро не должно перекрыть доступ к изменениям остальных, отрицает проталкивание изменений «сверху»» (Рубцова 2008). Как отмечают авторы исследований самообучающихся организаций, для обеспечения управляемости и инновационной деятельности организации на основе субъект-субъектного подхода, от менеджмента требуется принятие ситуаций, в которых «у любого субъекта есть свое управляемое поле», позволительно «каждому отделу «изобрести свой велосипед», т.е. найти собственный путь к новой организации» (Рубцова 2008) и готовность к «работе над собой», способствующей изменению восприятия своих подчиненных, принципов своей деятельности, самосовершенствования и созидательного настроения.

В заключение можно отметить, что итоги проведенного исследования констатируют не только формирующийся в России созидательный потенциал, но и естественный характер данного процесса, подтверждающийся традиционными ценностями наших соотечественников. В свою очередь, в суждениях о необходимости внутрен-

него порядка и стабильного развития как раз и проявляется потребность в обществе, где каждый важен и влияет на достижение конструктивных результатов.

Источники фактического материала

Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2024 год. URL: <https://report2024.oprf.ru> (дата обращения 15.04.2025).

Идеальный босс – 2021. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idealnyi-boss-2021> (дата обращения 18.04.2025).

Исследование: какие ценности и ожидания сотрудников разных поколений влияют на подходы работодателей. URL: <https://spark.ru/startup/spark-news/blog/229505/issledovanie-kakie-tsennosti-i-ozhidaniya-sotrudnikov-raznih-pokolenij-vliyayut-na-podhodi-rabotodatelej> (дата обращения: 23.03.2025).

Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 54 этап социологического мониторинга, апрель 2024 года: [бюллетень] / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова [и др.]; ФНИСЦ РАН. Москва: ФНИСЦ РАН, 2024. 89 с. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024>.

Обзор 2024 года для поколения Z и миллениалов. Целеустремленная жизнь и работа в трансформирующемся мире. URL: <https://www.eticanews.it/wp-content/uploads/2024/05/deloitte-2024-genz-millennial-survey.pdf> (дата обращения 23.03.2025).

Поколение Z разочаровало работодателей. URL: <https://expert.ru/v-mire/pokolenie-z-razocharovalo-rabotodateley> (дата обращения: 18.03.2025).

Поколению Z – удаленку и печеньки, поколению Y – карьерный рост и обучение, поколению X – ДМС и отсутствие переработок. Главные преимущества работодателей для трех поколений. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/113328/pokoleniyu-z/> (дата обращения 19.03.2025).

Айвазян С.А., Балкинд О.Я., Баснина Т.Д. и др. Стратегии бизнеса: Аналитический справочник / под ред. Г.Б. Клейнера. Москва: КОНСЭКО, 1998. URL: <http://www.aup.ru/books/m71/pril2.htm> (дата обращения: 10.04.2025).

Библиографический список

Bryant, A. (2023), *The leap to leader. How ambitious managers make the jump to leadership*, Harvard Business Review Press, Boston, USA.

Burns, J.M. (1978), *Leadership*, Harper & Row, New York, USA.

Артемова В.Г., Филиппова Я.В. Ментальность русского народа: традиции и эволюция // Вестник ННГУ. Серия Социальные науки. 2008. № 2. С. 1–12.

Афанасьев В.Г. Человек в управлении обществом. Москва: Политиздат, 1977. 382 с.

Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры. Москва: Республика, Культурная революция, 2006. С. 103.

Жеребятникова Г.В. Характеристика созидательной активности будущего социального педагога // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=5334> (дата обращения: 12.04.2025).

Замулин А.Л. Лидерство в эпоху знаний // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2012. № 3. С. 48–77.

Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после. Москва: Аспект Пресс, 2003. 485 с.

Кумышева Р.М. Смысл созидательной деятельности в контексте взаимодействия человека с миром // Смыслообразование и его контексты: жизнь, структура, культура, опыт. Москва: Психологический институт Российской академии образования, 2022. С. 53–56. DOI: <https://doi.org/10.24412/cl-36922-2022-1-53-56>.

Лизовская В.В. Особенности поведения представителей поколения X на рабочем месте // Экономика и парадигма нового времени. 2023. № 3 (20). С. 28–30.

Маленкова Л.И. Коллективно-творческое дело: идеи и способы организации // Народное образование. 2018. № 8–9 (1470). С. 92–96.

Павлова М.П. Развитие созидательной творческой деятельности в цифровом социально-культурном пространстве: социологический аспект // Социология. 2024. № 1. С. 64–69. DOI: <https://doi.org/10.17513/mjeo.12195>.

Портрет социального предпринимателя: ключевые характеристики. Москва: Циркон, 2013. 60 с.

Рубцова М.В. Проблема обеспечения управляемости в современных организациях и пути ее решения // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 84. URL: https://lib.herzen.spb.ru/text/rubtsova_12_84_211_217.pdf (дата обращения: 12.04.2025).

Рушева А.В. Механизм интрапренерства в управлении персоналом современных организаций // Психология инновационного управления персоналом в контексте традиционных общественных ценностей. Нижний Новгород, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2024. С. 326–331.

Рушева А.В. Управленческие компетенции современного руководителя // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2024. № 4 (76). С. 191–203.

Сумина Т.Г., Белопашенцева А.С., Лосинская Е.О. Теория коллектива А.С. Макаренко в работе современных воспитательных систем // Социальная педагогика. 2019. № 2. С. 35–39. URL: <https://narodnoe.org/journals/socialnaya-pedagogika/2019-2> (дата обращения: 22.04.2025).

Тувев В.А., Суслова А.А. Смысл жизни человека как проблема современного общества // Вестник БГУ. 2018. № 3. С. 3–10. URL: <https://journals.bsu.ru/content/articles/1840.pdf> (дата обращения: 17.04.2025). DOI: <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2018-3-3-3-10>.

Тюмасева З.И., Богданов Е.Н., Щербак Н.П. Словарь-справочник современного общего образования: акмеологические, валеологические и экологические тайны. Санкт-Петербург: Питер, 2004. 464 с. URL: <https://didacts.ru/termin/sozidanie.html> (дата обращения: 17.04.2025).

Файзуллин Ф.С., Файзуллин И.Ф. Социальный потенциал как фактор интенсификации общественного развития // Личность, культура, общество: наследие Л.Н. Когана и современность. Екатеринбург: Издательство Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2023. С. 44–48.

Хакен Г. Самоорганизующееся общество // Синергетика. Антология. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2013. С. 116–136.

Шамсутдинова Н.К., Ягафарова Д.Г. Ценности поколений X и Y как основа для решений в сфере кадровой политики и управления персоналом // Российские регионы в фокусе перемен. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2018. Ч. 1. С. 564–568. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/60882/1/978-5-8295-0582-0_2018_56.pdf (дата обращения 18.05.2025).

References

Bryant, A. (2023), *The leap to leader: How ambitious managers make the jump to leadership*, Harvard Business Review Press, Boston, USA.

Burns, J.M. (1978), *Leadership*, Harper & Row, New York, USA.

Artemova, V.G., Filippova, Ya.V. (2008), Mentality of the Russian people: traditions and evolution, *Vestnik NNGU. Seriya Sotsial'nye nauki*, no. 2, pp. 1–12.

Afanas'ev, V.G. (1977), *A man in the management of society*, Politizdat, Moscow, USSR.

Bodriiyyar, Zh. (2006), *Consumer society: its myths and structures*, Respublika, Kul'turnaya revolyutsiya, Moscow, Russia.

Zherebyatnikova, G.V. (2012), Characteristics of the creative activity of the future social teacher, *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, no. 1, [Online], available at: <https://science-education.ru/article/view?id=5334> (Accessed 12.04.2025).

Zamulin, A.L. (2012), Leadership in the Age of Knowledge, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Menedzhment*, no. 3, pp. 48–77.

Zdravomyslov, A.G., Yadov, V.A. (2003), *Man and his work in the USSR and after*, Aspekt Press, Moscow, Russia.

Kumysheva, R.M. (2022), The meaning of creative activity in the context of human interaction with the world, *Smysloobrazovanie i ego konteksty: zhizn', struktura, kul'tura, opyt*, Psikhologicheskii institut Rossiiskoi akademii obrazovaniya, Moscow, Russia, pp. 53–56, DOI: <https://doi.org/10.24412/cl-36922-2022-1-53-56>.

Lizovskaya, V.V. (2023), Features of the behavior of representatives of generation X in the workplace, *Ekonomika i paradigma novogo vremeni*, no. 3 (20), pp. 28–30.

Malenkova, L.I. (2018), Collective and creative business: ideas and ways of organization, *Narodnoe obrazovanie*, no. 8–9 (1470), pp. 92–96.

Pavlova, M.P. (2024), Development of creative activity in the digital social and cultural space: sociological aspect, *Sotsiologiya*, no. 1, pp. 64–69, DOI: <https://doi.org/10.17513/mjeo.12195>.

Portrait of a social entrepreneur: key characteristics (2013), Tsirkon, Moscow, Russia.

Rubtsova, M.V. (2008), Today's Manageability Challenge and Solutions, *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*, no. 84, [Online], available at: https://lib.herzen.spb.ru/text/rubtsova_12_84_211_217.pdf (Accessed 12.04.2025).

Rusheva, A.V. (2024), Intrapreneurship mechanism in personnel management of modern organizations, *Psychology of innovative personnel management in the context of traditional social values*, Nizhny Novgorod, Natsional'nyi issledovatel'skii Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet im. N.I. Lobachevskogo, pp. 326–331.

Rusheva, A.V. (2024), Managerial competencies of a modern manager, *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki*, no. 4 (76), pp. 191–203.

Sumina, T.G., Belopashentseva, A. S., Losinskaya, E.O. (2019), The theory of the team of A. S. Makarenko in the work of modern educational systems, *Sotsial'naya pedagogika*, no. 2, pp. 35–39, [Online], available at: <https://narodnoe.org/journals/socialnaya-pedagogika/2019-2> (Accessed 22.04.2025).

Tuev, V.A., Suslova, A.A. (2018), The meaning of human life as a problem of modern society, *Vestnik BGU*, no. 3, pp. 3–10, [Online], available at: <https://journals.bsu.ru/content/articles/1840.pdf> (Accessed 17.04.2025), DOI: <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2018-3-3-3-10>.

Tyumaseva, Z.I., Bogdanov, E.N., Shcherbak, N.P. (2004), *Dictionary-directory of modern general education: acmeological, valeological and environmental secrets*, Piter, St. Petersburg, Russia, [Online],

available at: <https://didacts.ru/termin/sozidanie.html> (Accessed 17.04.2025).

Faizullin, F.S., Faizullin, I.F. (2023), Social potential as a factor of intensification of social development, *Personality, culture, society: L.N. Kogan's legacy and modernity*, Izdatel'stvo Ural'skii federal'nyi universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'tsina, Yekaterinburg, Russia, pp. 44–48.

Khaken, G. (2013), *Self-organizing society / Sinergetika. Antologiya, Tsentr gumanitarnykh initsiativ*, Moscow; St. Petersburg, Russia, pp. 116–136.

Shamsutdinova, N.K., Yagafarova, D.G. (2018), X and Y Generation Values as the Basis for HR Policy and HR Solutions, *Russian regions in the focus of change*, UMTs UPI, Yekaterinburg, Part 1, pp. 564–568, [Online], available at: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/60882/1/978-5-8295-0582-0_2018_56.pdf (Accessed 18.03.2025).

Submitted: 11.03.2025

Revised: 24.04.2025

Accepted: 15.06.2025

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316.334.56+911.375

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-2-107-111

Дата поступления: 15.05.2025
рецензирования: 25.04.2025
принятия: 16.06.2025

Н.П. Ревякина

Донской государственный технический
университет,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
E-mail: nadinrev@ya.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5158-6118>

В поисках семиотического кода города Ростова-на-Дону

Аннотация: статья представляет собой анализ семиотических аспектов, определяющих культурный код города Ростова-на-Дону в фокусе его историко-культурных и социальных изменений. Использована семиотическая методология в рассмотрении культурного кода города. Данный инструмент анализа служит источником понимания его культурных и социальных составляющих. Город предстает перед своими жителями и гостями как пространство, развитие которого основано на деятельности человека. Следовательно, диапазон его измерения формируется отношениями между действиями и явлениями, субъектами и предметами. Следует признать, что подобные семиотические исследования играют немаловажную роль и в осмыслении имиджевого образа города. Автор полагает, что городские жители и город создают двусторонние коммуникационные отношения посредством взаимодействия с физической, культурной и социальной средой пространства. Рассматривается эволюция городского пространства от основания крепости Святого Дмитрия Ростовского до современных урбанистических и цифровых практик. Особое внимание уделяется влиянию глокализации, урбанизации и цифровизации на формирование новых смыслов. Результаты исследования показывают, что семиотика Ростова-на-Дону представляет собой динамичный палимпсест, в котором пересекаются имперское, советское и постсоветское наследие, а также глобальные тренды нового времени.

Ключевые слова: семиотика города; глокализация; культурная идентичность; историческая память; урбанистические трансформации.

Цитирование: Ревякина Н.П. В поисках семиотического кода города Ростова-на-Дону // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 2. С. 107–111. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-2-107-111>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Ревякина Н.П., 2025

Надежда Петровна Ревякина – кандидат филологических наук, доцент кафедры интегративной и цифровой лингвистики, Донской государственный технический университет, 344000, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

N.P. Revyakina

Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russian Federation
E-mail: nadinrev@ya.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5158-6118>

In search of Rostov-on-Don semiotic code

Abstract: this article presents the analysis of the semiotic aspects of Rostov-on-Don's cultural code through the lens of its historical, cultural, and social changes. The semiotic methodology used in the article helps in examining the city's cultural code. This analytical tool serves as a source of understanding its cultural and social components. The city appears to its inhabitants and guests as a space whose development is based on human activities. Therefore, the range of its measurement is formed by the relations between actions and phenomena, subjects and objects. It should be recognized that such semiotic studies play an important role in understanding the distinctive features of the city's image. The author believes that the city's residents and the city itself create bilateral communicative relationships through interaction with the physical, cultural, and social environment of the space. The evolution of urban space – from the foundation of the fortress of St. Dmitry Rostovsky to modern urban and digital practices – is considered. Particular attention is paid to the

influence of glocalization, urbanization, and digitalization on the formation of new meanings. The results of the study show that the semiotics of Rostov-on-Don is a dynamic palimpsest, in which the imperial, Soviet, and post-Soviet heritage, as well as the global trends of the New Age, intersect.

Key words: urban semiotics; glocalization; cultural identity; historical memory; urban transformations.

Citation: Revyakina, N.P. (2025). In search of Rostov-on-Don semiotic code, *Semioticheskie issledovaniya*. *Semiotic studies*, vol. 5, no.2, pp. 107–111, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-2-107-111>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Revyakina N.P., 2025

Nadezhda P. Revyakina – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Integrative and Digital Linguistics, Don State Technical University, 1, Gagarina Str., Rostov-on-Don, 344000, Russian Federation.

Введение

Семиотическое пространство города представлено коммуникативными культурными процессами. Город является знаковым воплощением собирательного коммуникативного пространства. Семиотическое прочтение города начинается уже с названий, которые закрепляются за Донской столицей в устах как ее жителей, так и гостей – «русский Чикаго», «азовский Ливерпуль», «русский американец», «маленькая Москва», «город-купец», «Ростов-папа». И ростовчанам нравятся эти определения, вызывая своего рода гордость. Жители Ростова-на-Дону считают, что в них заключена их история и жизнь, их самобытность.

Важным для рассмотрения культурно-семиотического кода города Ростова-на-Дону является тот факт, что его можно рассматривать как своеобразный культурный контекст. В семиотике термин «код» подразумевает соответствие между планом выражения и планом содержания знака. Культура в научных семиотических исследованиях рассматривается как знаковая система, продукт «символического мышления и поведения, подменяющего собой объективную реальность» (Кассирер 2001, с. 221). Это означает, что человек живет не только в физическом, но и в символическом пространстве, части которого представлены языком, мифами, искусством, религией. Это «нити, из которых сплетается символическая сеть, запутанная ткань человеческого опыта» (там же, с. 223). Инструментом «кодировки», следовательно, могут быть некие символические формы, являющиеся не копиями бытия, а векторами и способами структурирования, способными нести важные существенные смыслы. Современные города, по мнению Умберто Эко, представляют собой «открытые произведения», коды которых постоянно переписываются под влиянием внешних и внутренних факторов (Эко 2016, с. 12).

Ростов-на-Дону, основанный в 1749 году как пограничная крепость, сегодня является не только административным центром Юга России, но и самобытным в культурно-семиотическом отношении объектом. Достаточно упомянуть, что пространство этого уникального города формировалось на пересечении многих культур: донского ка-

зачества, крымской армянской диаспоры, русской купеческой традиции, советского классицизма и современной модернизации.

Семиотика городского пространства, выделение ее характеристик и представление их в виде знаковых систем недостаточно изучена. Актуальность проблемы обусловлена необходимостью осмысления трансформаций городской идентичности в условиях ускользающей глобализации, которая, с одной стороны, стирает локальные особенности, а с другой – порождает гибридные формы.

Ростов-на-Дону служит ярким примером этого противоречия: здесь сталинский ампи́р соседствует с постмодернистскими высотками, а казачьи мифы – с цифровыми нарративами.

Цель работы – выявить ключевые элементы семиотического кода города, проследив их эволюцию и взаимодействие с современными вызовами.

Методология включает:

1. Семиотический анализ наиболее значимых для города архитектурных объектов и визуальных маркеров.
2. Изучение краеведческих материалов прошлого.
3. Интерпретацию культурных практик (фестивали, стрит-арт, цифровые проекты).

Теоретической основой исследования являются концепции Ю.М. Лотмана о городе как тексте (Лотман 2000, с. 45) и теория «глобализации» Р. Робертсона, подчеркивающая синтез глобального и локального (Робертсон 2005, с. 28).

Ход исследования

Семиотический анализ пространства города показывает, что Ростов-на-Дону представляет собой динамичный «палимпсест». Под термином «палимпсест» имеется в виду «многослойная структура, в которой все ярусы являются видимыми и сохраняют свое значение для общего целого» (Данилова, Бакшутова 2022). Подобное наслоение определяет сложные структурные временные изменения при сохранении следов прошлого. Палимпсест выступает как своего рода альтернатива не только предметам модерна, но и объектам цифровой культуры, транслирующим виртуальные образы в реальное пространство.

В ходе исследования проведен краткий экскурс исторических слоев Ростова-на-Дону от крепости до «ворот Кавказа». Начнем с того, что город начал формироваться как военно-торговый узел. Крепость Святого Дмитрия Ростовского (1761 г.) явилась не только оборонительным сооружением, но и символом имперской экспансии (Киричек 2018, с. 34). Однако уже к XIX веку город превратился в южную столицу благодаря мягкому климату, удобному расположению, торговым отношениям со многими частями России и портовой инфраструктуре (город являлся портом пяти морей).

Кроме того, анализ показывает, что особую роль сыграла крымская армянская диаспора, основавшая Нахичевань-на-Дону (1779 г.). Её влияние прослеживается в топонимике (ул. Сурб-Хач) и архитектуре (Церковь Сурб-Карапет, 1867 г.) (Сидоров 2005, с. 67). Архивы Ростовского краеведческого музея свидетельствуют, что к 1890-м годам в городе действовало 15 национальных школ, что также заложило основы поликультурности (Архив РОМК 2005).

Следующим шагом явилось исследование архитектурного пространства Ростова-на-Дону. В целом оно представлено так называемым «диалогом эпох». Следовательно, архитектурный код города можно формировать своеобразной хроникой стилей:

- *Классицизм*: здание Городской думы (1899 г.) с колоннами и фронтонами отражает амбиции купечества.

- *Модерн*: доходные дома Парамонова (1910-е гг.) украшены растительными орнаментами, символизируя связь с природой Дона.

- *Конструктивизм*: дом-коммуна «Новый быт» (1930 г.) – воплощение коллективизма.

- *Сталинский ампир*: театр драмы им. М. Горького (1935 г.), выполненный в индустриальном стиле с конными статуями, стал символом триумфа СССР.

- *Постмодерн*: бизнес-центр «Ростов-Сити» (2010-е гг.) со стеклянными фасадами отражает интеграцию в глобальную экономику (Петров 2020, с. 112).

По утверждению Ролана Барта, архитектурные стили служат «застывшей речью» эпохи (Барт 1986, с. 102), а их смешение в Ростове-на-Дону создает эффект урбанистического палимпсеста.

Семиотический код города состоит, конечно, не только из архитектурной символики. Анализ мифологии и литературы позволяет воссоздать важные элементы топографии. Следующим этапом исследования является анализ городской мифологии Ростова-на-Дону, которая включает:

- *Легенды о подземных ходах* под Старым базаром, где, по слухам, скрыты сокровища купцов (Ткаченко 2008, с. 56).

- *Образы из литературы*: в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» город становится метафорой конфликта между традиционным укладом и модернизацией.

- *Современные мифы*: истории о «призраке Ростсельмаша» – духе рабочего, бродящем по бывшему заводу (Дубровский 2021).

Эти и другие нарративы, по утверждению А.В. Иванова, формируют «альтернативную карту» памяти, конкурирующую с официальной историей (Иванов 2015, с. 89).

Анализ показывает также, что урбанизация может быть связана с фрагментацией и конфликтами. Расширение города (микрорайоны «Левенцовский», «Суворовский») привело к семиотической фрагментации. Типовые многоэтажки периферии, лишённые исторических отсылок, контрастируют с центром, где сохраняются дореволюционные особняки. По мнению Мануэля Кастельса, это порождает «шизофреническую топографию»,рывающую связь между прошлым и настоящим (Castells 1996, p. 203).

Исследуя моменты ускользающей глобализации, следует упомянуть и о том, что объекты городской среды находятся в пространственном положении между унификацией и гибридизацией. Рассмотрим некоторые примеры:

- *Унификация*: ТРЦ «Горизонт», сети Starbucks и билборды с глобальной рекламой создают неомодернистский ландшафт.

- *Гибридизация*: стрит-арт на Пушкинской (например, мурал «Казак с iPhone») сочетает локальные символы с поп-культурой (Арт-группа «Злые города» 2021, с. 33).

Новые смысловые слои создает цифровизация:

- Соцсети формируют альтернативные репрезентации через хештеги [#Ростовкрасивый, #Донскаястолица].

- AR-гиды («Исторический Ростов в 3D») позволяют накладывать цифровые образы прошлого на современные улицы («Исторический Ростов AR» 2023).

- Проект «Цифровой архив Ростова» (2023 г.): оцифровано 5000 документов, доступных через QR-коды на исторических зданиях (Цифровой архив Ростова 2023).

Исследование показывает также, что в фокусе экологии намечается семиотика сопротивления: активисты «Эко Дон» используют граффити с изображением осетровых рыб, популяции которых сокращаются из-за загрязнения реки Дон. Эти визуальные нарративы превращают экологические проблемы в часть публичного дискурса (Колесников 2023). Споры вокруг застройки парка «Дружба» (2023 г.) стали символическим конфликтом между урбанизацией и сохранением природы (Гурова 2023, с. 89).

В поисках семиокода города Ростова-на-Дону отмечены также такие символы, как памятники

Великой Отечественной войны (например, стела «Освободителям Ростова»). Этот мемориал соседствует с памятниками участникам СВО, создавая наложение военных нарративов.

Ростов-на-Дону выбирает стратегию синтеза, которая находит выражение в глокализации (от слов «глобализация» и «локализация»). Приведем примеры успешного баланса:

- *Фестиваль «Мост»*: музыкальные коллективы исполняют казачьи песни в аранжировке электронной музыки.
- *Ресторан «Тачанка»*: такие блюда, как «борщ с трюфелем», сочетают традиции донской кухни с фьюжн-эстетикой (Гастрономический гид «Ростов на вкус» 2023, с. 90).
- *Креативные кластеры*: проект «Дом прототипов» в здании бывшего завода «Ростсельмаш» превратил индустриальный объект в центр цифрового искусства (Новиков 2022, с. 105).

Полученные результаты и выводы

Поиски семиотического кода города Ростова-на-Дону, анализ некоторых существенных моментов отражения объектов, памятников, коммуникативных явлений, позволяют сделать вывод о возможности их включения в семиокод города:

1. Историческая память остается ядром семиотики, но её репрезентации трансформируются под влиянием новых идеологий и технологий.
2. Глокализация позволяет городу сохранять уникальность, интегрируя глобальные тренды в локальный контекст.
3. Конфликты (экологические, идеологические, урбанистические) становятся частью семиотического кода, отражая социальные напряжения.

В каждой культуре существует строгая иерархия кодов, которая представляет открытую, универсальную, самодостаточную, но при этом постоянно меняющуюся, не имеющую жестких границ систему моделирования картины мира. Открытость позволяет вести дискуссии по совершенствованию наполняемости кода. Рассмотрим ряд примеров:

- Внедрение *participatory design* (личные дизайн-проекты объектов) — вовлечение горожан в проектирование публичных пространств.
- Цифровая архивация культурного наследия через AR-гиды и открытые базы данных.
- Поддержка гибридных культурных проектов, таких как фестивали, объединяющие традиции и инновации.

Особенности уходящей глобализации в Ростове-на-Дону аналогичны тем, что наблюдаются во всем мире, где и визуальные образы, и язык, «вписанные в среду», отражают социолингвистические, социокультурные и политические реалии» (Дикинсон 1997, с. 27). Вывески и слоганы на иностранных языках привлекают не столько зарубежных покупателей, сколько местных жителей. В

этом проявляется неоднозначное отношение русских к Западу. С одной стороны, отмечается неприязнь в связи с политическими коллизиями, а с другой — некоторое восхищение образом жизни за рубежом. Этот оттенок иностранности формирует позитивное восприятие самого объекта.

В Ростове-на-Дону можно наблюдать эти проявления в различных языковых формах:

- употребление иностранных слов: IMAX, hostel, hotel;
- английские слова, написанные латиницей: цирюльник, шопинг, сейл;
- русские слова, написанные кириллицей: teplo, rost, vstrecha;
- различные виды гибридов: Дон-hall, Дон-travel, КОФЕИН и др.

Особой отличительной чертой семиотического ландшафта города Ростова-на-Дону является отношение к русской культуре как к ценностной категории, ее самобытность (Джонс 2017, с. 7). Это отношение проявляется и в образах народных хоровых ансамблей, в песнях и танцах, в произведениях искусства и культуры.

Появление новых форм взаимодействия, частично из-за глобализации и многоязычия, приводит к изменениям в моделях дискурса и словарном запасе, например:

- 1) усвоение иностранных слов, номинирующих новые форматы общения, такие как флэш-моб, пипл фэст;
- 2) образование гибридов, обозначающих эти форматы и их участников: pasta hata;
- 3) создание новомодных мероприятий и трендов: ивенты, иллюзии с использованием компьютерных технологий и звука, например «Summer Event Forum», «Event-Прорыв».

Перспективным направлением исследований может стать анализ влияния искусственного интеллекта на семиотику города, например, использование нейросетей для реконструкции утраченных исторических объектов.

Заключение

Рассматривая историю осмысления понятия «семиотический код», мы приходим к выводу, что однозначного понимания данного термина нет, как нет и его строгого определения. Ясно одно: код — основа коммуникации, способ передачи любого типа сообщений, это ключ к пониманию культурных явлений и ценностей, определяющих культуру этноса.

Семиотический код города Ростова-на-Дону предстает динамичной системой, в которой исторические, культурные и социальные слои непрерывно взаимодействуют. Современные вызовы (глокализация, урбанизация, цифровизация) не стирают локальную идентичность, но усложняют её, добавляя новые уровни интерпретации.

Библиографический список

- Cassirer, E. (2001), *Philosophy of symbolic forms. Vol. 2. Mythological Thinkin*, Universitetskaya Kniga, Moscow; St. Petersburg, p.113
- Castells, M. (2009), *The Rise of the Network Society. Information Age, vol. 1*, 2nd edition with a New Preface edition, Wiley-Blackwell.
- Robertson, R. (1995), *Glocalization: time-space and homogeneity-heterogeneity*, SAGE.
- Данилова Э.В., Бакшутова Д.В. Концепция палимпсеста в современной архитектуре. URL: <https://archi.ru/elpub/96093/koncepciya-palimpsesta-v-sovremennoi-arkhitekture>.
- Джонс Р.Х. Город наблюдает за тобой. В тезисах конференции «City Talk: городские идентичности, мобильности и текстуальности». Бернский университет, 2017. С. 7.
- Дубровский А. Интервью с краеведом // Журнал «Донской диалог». 2021. № 6. С. 38.
- Иванов А.В. Мифология города: теоретический аспект // Вопросы культурологии. 2015. № 7. С. 62.
- Киричек М.С. Крепость Дмитрия Ростовского // Донской временник. 2018.
- Колесников А.И. Интервью с координатором «ЭкоДон» // Наш Ростов. 2023.
- Круглый стол «Судьба советских монументов» // Донская политика. 2024. № 1.
- Лотман Ю.М. Избранные статьи // Семиотика культуры и понятие текста. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 129–132.
- Лотман Ю.М. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2000. 110 с.
- Новиков А.К. Постиндустриальный урбанизм. Москва: Алетея, 2022, 67 с.
- Петров А.И. Архитектура Ростова-на-Дону: между прошлым и будущим. ЮФУ, 2023. 118 с.
- Сидоров В.С. История Ростова-на-Дону. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2005. С. 78.
- Ткаченко А.Л. Легенды Ростова: сборник. Феникс, 2018. С. 16.
- Эко Умберто. Исследования по семиотике текста / пер. С. Серебряного. Москва: АСТ: CORPUS, 2016. 640 с.
- Дикинсон Г. Ностальгия и формирование идентичности. Журнал «Речь». 1997. № 83(1). С. 1–27.
- Архив Ростовского областного музея краеведения. Фонд 3. оп. 1. д. 45. 2005.
- Гастрономический гид «Ростов на вкус» // Донской курьер. 2023.
- Арт-группа «Злые города» // Интервью. Донской современник. 2021. № 4.

References

- Cassirer, E. (2001), *Philosophy of symbolic forms. Vol. 2. Mythological Thinkin*, Universitetskaya Kniga, Moscow; St. Petersburg, p.113.
- Castells, M. (2009), *The Rise of the Network Society. Information Age, vol. 1*, 2nd edition with a New Preface edition, Wiley-Blackwell.
- Robertson, R. (1995), *Glocalization: time-space and homogeneity-heterogeneity*, SAGE.
- Danilova, E.V., Bakshutova, D.V. (n.d.), *The concept of palimpsest in modern architecture*, [Online], available at: <https://archi.ru/elpub/96093/koncepciya-palimpsesta-v-sovremennoi-arkhitekture>.
- Jones, R.H. (2017), The city watches you, *City Talk: Urban Identities, Mobilities and Textuality Conference*, University of Bern, December 11–12, p. 7.
- Dubrovsky, O. (2021), Interview with a Local Historian, *Donskoy Dialog*, no. 6.
- Ivanov, A.V. (2015), Mythology of the City: Theoretical Aspect, *Questions of Cultural Studies*, no. 7, pp. 62.
- Kirichek, M.S. (2010), The Fortress of Dmitry Rostovsky, *Donskoy Vremennik*.
- Kolesnikov, A. (2023), Interview with the Coordinator of "EcoDon", *Nash Rostov*.
- Round table "The Fate of Soviet Monuments" (2024), *Donskaya Politika*, no. 1.
- Lotman, Yu.M. (1992), Selected articles, *Semiotics of culture and the concept of text*, vol. 1, pp. 129–132.
- Lotman, Yu.M. (2000), *Semiosfera*, Iskustvo-SPB, St. Petersburg, Russia.
- Novikov, A.K. (2022), *Post-Industrial Urbanism*, Aleteiya, Moscow, Russia.
- Petrov, A.I. (2020), Architecture of Rostov-on-Don: between past and future, *YuFU*.
- Sidorov, V.S. (2005), *History of Rostov-on-Don*, Donskoy Izdatelsky Dom, Rostov n/D, Russia.
- Tkachenko, A.L. (2008), *Legends of Rostov: A Collection*, Feniks, Russia.
- Eco, U. (1989), *The Open Work*, Harvard University Press, Harvard, UK.
- Dickinson, G. (1997), Nostalgia and the Construction of Identity, *Quarterly Journal of Speech*, no. 83(1), pp. 1–27.
- Rostov regional museum of local history archives (2005), Fund 3, op. 1, d. 45.
- Gastronomic Guide "Rostov on Taste" (2023), *Donskoy Kurier*.
- Art group "Evil cities" (2021), *Donskoy sovremennik*, no. 4.
- Submitted: 15.05.2025
Revised: 25.04.2025
Accepted: 16.06.2025

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316.346.32-053.6

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-2-112-121

Дата поступления: 01.12.2024
рецензирования: 10.01.2025
принятия: 01.04.2025

С.Ю. Митрофанова

Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: mit_s@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9571-9883>

Завершилось ли детство у современной молодежи? Треки эмпирического анализа

Аннотация: в статье поднимается вопрос треков анализа взросления на основе субъективной оценки возраста окончания детства. Используются треки анализа окончания детства по возрасту, полу и территории проживания, а также специфике взросления в сравнительной перспективе 2018 и 2023 гг. Респонденты – молодежь 17–23 лет, преимущественно студенчество в возрасте 18 лет (N = 774, 2018 г. и N = 1210, 2023 г.), отмечали дебютный возраст наступления конкретных событий в их жизни. Метод: онлайн-анкетирование, выборка неслучайная потоковая. Доказывается продуктивность использования треков эмпирического анализа в контексте обсуждаемой проблематики. Треки анализа по возрасту и специфике взросления в аспекте пола доказали свою эффективность, поскольку в них наиболее явно представлена парадоксальность одновременно укороченного и удлиненного взросления, как трек анализа внутри групп с ранним, нормативным и поздним взрослением в зависимости от пола, так и трек анализа по полу в зависимости от ориентации респондентов на раннее, нормативное и позднее взросление наиболее убедительно подтверждают идею одновременно пролонгированного и сокращенного взросления именно в отношении мальчиков. Полученные данные актуализируют вопрос определения тенденций взросления в детстве в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: треки эмпирического анализа; парадоксальность детства; возраст окончания детства; пролонгированное детство; укороченное детство; современная молодежь.

Цитирование: Митрофанова С.Ю. Завершилось ли детство у современной молодежи? Треки эмпирического анализа // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 2. С. 112–121. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-2-112-121>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Митрофанова С.Ю., 2025

Светлана Юрьевна Митрофанова – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, доцент кафедры социологии политических и региональных процессов, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

S.Yu. Mitrofanova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: mit_s@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9571-9883>

Has the childhood of the modern youth ended? Tracks of empirical analysis

Abstract: the article raises the issue of analytical tracks for the study of growing up based on a subjective assessment of the age at the end of childhood. The tracks used to analyze the end of childhood include age, gender, and territory of residence, as well as the specifics of growing up in a comparative perspective between 2018 and 2023. Respondents – young people aged 17–23, mainly 18-year-old students (N = 774 in 2018 and N = 1210 in 2023) – noted the debut age of the onset of specific events in their lives. The online questionnaire method was used, with a non-random, streaming sample. The productivity of using empirical

analysis tracks in the context of the discussed issues is demonstrated. The tracks of analysis by age and the specifics of growing up from a gender perspective have proven their effectiveness, as they most clearly reflect the paradoxical nature of both shortened and extended growing up. The track of analysis within groups with early, normative, and late adulthood depending on gender, and the track of analysis by gender depending on respondents' orientation toward early, normative, and late adulthood, most convincingly confirm the idea of both prolonged and shortened adulthood, particularly in relation to boys. The data obtained actualize the issue of identifying medium-term trends in growing up during childhood.

Key words: tracks of empirical analysis; paradoxical childhood; age of childhood end; prolonged childhood; shortened childhood; modern youth.

Citation: Mitrofanova, S.Yu. (2025), Has the childhood of the modern youth ended? Tracks of empirical analysis, *Semioticheskiye issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 5, no. 2, pp. 112–121, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-2-112-121>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Mitrofanova S.Yu., 2025

Svenlana Yu. Mitrofanova – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Cultural Studies, Department of Sociology of Political and Regional Processes, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Данная статья встраивается в общий контекст дискуссии о раннем или пролонгированном взрослении подрастающих поколений в современном обществе (например, Мамычева 2010; Швец, Поливанова 2017; Митрофанова 2020; Нартова, Фатехов 2021; Тихомандрицкая, Рикель 2022; Ядова 2022; Майорова-Щеглова, Колосова 2024), которая развивалась ранее в тех или иных аспектах и зарубежными учеными (например, Valentine 2003; Robertson 2004; Noxon 2006; Blatterer 2007; Arnett 2019; Keij 2021). Реперные точки этой дискуссии применительно к детству были обозначены в публикации (Майорова-Щеглова, Митрофанова 2020). Ее суть в самом общем виде в том, что есть разные сферы, плоскости, уровни анализа, данные которых как внутри, так и между ними могут противоречить друг другу, что и отмечают ученые, говоря, например, о том, что «детство ... легко меняет свои границы и очертания в зависимости от области научных знаний, а также от целей и задач исследователей» (Ретюнских 2022, с.72). Так, есть, например, публичная плоскость обсуждения данного вопроса, где не раз заявлялось о пролонгации детства до 30, а то и до 42 лет (например, Скворцова спрогнозировала...; ООН: Детство...). Есть научная плоскость, где акцент ставится на том, что возрастают объемы информации, требуемой для усвоения современными детьми, отмечается необходимость увеличения времени для получения соответствующего образования, указывается на более позднее начало трудовой деятельности и профессиональное самоопределение, и другие позиции (например, Лишаев 2016). С другой стороны, условия информационного общества, технологизация различных сфер жизни способствуют более раннему появлению определенных практик у современных детей и приобретению ими специфических компетенций, которые либо во-

обще отсутствовали у предыдущих поколений, либо они осваивали их гораздо позже, что также отмечают ученые (например, Лишаев 2016; Майорова-Щеглова, Колосова, Губанова 2020). Данная работа является развитием некоторых положений и идей этой дискуссии, однако в ней поставлена и реализована новая цель: описать треки эмпирического анализа на основе субъективного определения молодыми верхней границы детства, провести сравнительный анализ результатов 2018 и 2023 годов по вопросу окончания детства.

В самом общем смысле под треками понимаем исследовательскую конструкцию в виде отдельных пунктирных линий, которые получаем по итогам эмпирического анализа. В контексте данной статьи рассуждаем об эмпирическом анализе процессов взросления и тех прерывистых линиях, «трассах», «дорожках», «следах» взросления, которые выявляем через субъективную оценку возраста окончания детства. В нескольких смыслах говорим о пунктирах в рамках эмпирического анализа процессов взросления. Первое. Пунктирность проявляется в том, что как в 2018 г., так и 2023 г. данные в определенный период времени по возрасту окончания детства у молодых в контексте тех или иных срезов (пола, материального положения, территории проживания и других) являются отдельными «пунктами» того или иного конкретного трека взросления. Второе. Пунктиры как составляющий элемент трека эмпирического анализа окончания детства могут быть положены в основу исследования тенденций взросления как относительно устойчивых ориентаций в процессе взросления. Третье. Так, хотя сам процесс взросления непрерывен, не может повернуться вспять в том плане, что именно ребенок вырастает во взрослого, а не наоборот. Вместе с тем сам анализ процесса взросления по своему итогу представляет собой именно выявление пунктиров взросления. Делает-

ся «фотографический снимок» или фиксируется картинка взросления в определенное время, которая сопоставляется с другой картинкой взросления в другое время, то есть процесс исследования – это не перманентный процесс, а прерывистый, в отличие от взросления или социальных изменений.

Треки эмпирического анализа в данной статье связываем, во-первых, со сравнением долей респондентов, отметивших конкретный возраст окончания детства по годам: 2018 г. и 2023 г. (трек по возрасту), во-вторых, с исследованием внутри групп тех, кто ориентирован на раннее, субъективно нормативное или позднее взросление по отдельным социальным характеристикам, таким как пол, материальное положение и территория проживания (треки по специфике ориентации взросления). И в-третьих, с возможностями сравнения данных по таким социальным характеристикам, как пол и место проживания у групп с разной ориентацией на раннее, субъективно нормативное или позднее взросление (треки по полу, материальному положению). Социальных характеристик в базе гораздо больше, однако выбрали именно эти, поскольку распределения по ним показали наиболее интересными.

На эмпирическом уровне к группе респондентов с ранним взрослением причисляем тех, кто считает, что детство завершилось до 13 лет включительно. Однако исходим из того, что эта группа очень неоднородна по своему составу, и имеет смысл внутри нее выделять подгруппы по таким субъективным оценкам возраста окончания детства, как 3–5, 6–9 и 10–13 лет. Обосновываем это деление как психологическими особенностями детей в каждом из возрастов (Аверин 1998), так и полученными данными в рамках реализуемого проекта. В анализе этой группы сконцентрируемся на изучении наибольшей по численности подгруппы среди тех, кто ориентирован на раннее взросление, а именно отметивших, что детство заканчивается в 10–13 лет. Вместе с тем не отказываемся и от рассмотрения других когорт, ориентированных на раннее взросление, когда это необходимо для получения полноты общей картины взросления. За субъективно нормативные или стандартные, обычные, типичные рамки окончания детства принимаем интервал от 14 до 18 лет, поскольку статистически в этом интервале самая многочисленная группа на основе субъективного представления об окончании детства. К позднему взрослению причисляем респондентов, отказывающихся взрослеть с наступлением совершеннолетия.

Методы исследования

Молодым юношам и девушкам (17–23 лет, но преимущественно в возрасте 18 лет) было предложено отметить дебютный возраст наступления конкретных событий в их жизни, при этом мы от-

казались от единых стандартизированных биографических событий (посещение детского сада, получение паспорта и др.). Всего событий в 2018 г. – 77, не считая возраста окончания детства, в 2023 г. с учетом доработки инструмента по итогам опроса 2018 г. – 100, и в дополнение снова возраст перехода к взрослости и дополнительно уточнение, с какого возраста респонденты вообще имеют воспоминания. Первоначально собрано анкет больше, но потребовался жесткий ремонт, поскольку часть анкет отбракована по разным причинам: например, не все анкеты заполнены до конца или искажены данные, например, указан один возраст на все пункты. Всего в 2018 году обработано 774 анкеты, в 2023 – 1210 анкет, респонденты из разных регионов России и типов поселения, из них $\frac{3}{4}$ – девушки и $\frac{1}{4}$ – юноши. Причем подавляющее большинство опрошенных – это студенчество: в 2018 г. – 85,3 % и 2,6 %, а в 2023 г. – 79,6 % и 12,5 % обучались в вузе и СПО соответственно. Поэтому считаем, что те выводы, которые получили, распространяются, прежде всего, на такую подгруппу молодежи, как студенческая молодежь. Методы: онлайн-анкетирование, выборка неслучайная потоковая. Опрос проводился через учебные заведения посредством обращений к профессорско-преподавательскому составу и общественные объединения молодежи. Проект реализован инициативной группой под руководством С.Н. Майоровой-Щегловой.

Результаты

Прежде всего поясним, что речь идет именно о субъективной оценке самими респондентами возраста окончания детства.

Таблица 1

Доля обозначивших возраст окончания детства (в % к общему числу респондентов по годам)

Table 1

Fraction of those who indicated the age of childhood graduation (in % of the total number of respondents by year)

Возраст \ Год	2018	2023
3, в %	0,4	0,3
4, в %	0,3	0,3
5, в %	0,3	0,1
6, в %	1,0	0,5
7, в %	0,6	1,5
8, в %	1,0	1,4
9, в %	1,4	1,6
10, в %	3,6	5,0
11, в %	2,5	2,5
12, в %	6,1	7,7
13, в %	5,2	7,3
14, в %	9,0	12,6
15, в %	10,8	8,9
16, в %	9,9	11,9
17, в %	8,4	7,6
18, в %	12,3	11,6
средний возраст окончания, в годах	14,4	14,2

В табл. 1 шрифтом выделен наибольший показатель по рассматриваемым годам. Существенных изменений в пятилетнем промежутке по среднему возрасту окончания детства не обнаружено, хотя он и стал немного ниже (14,4 – в 2018 г. и 14,2 – в 2023 г.). Доля ориентированных на раннее взросление – тех, у кого детство завершилось до 13 лет – выше по данным 2023 года (22,4 % – в 2018 г. и 28,2 % – в 2023 г.).

Объединяем в укрупненные когорты респондентов по возрасту окончания детства на основе их ориентации на раннее, нормативное и позднее взросление (рис. 1).

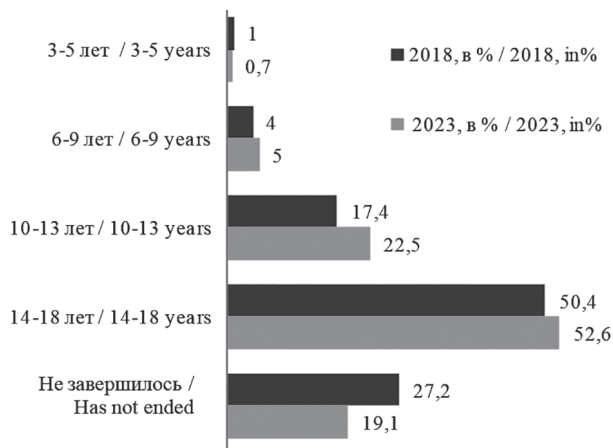

Рис. 1. Динамика окончания детства в зависимости от принадлежности к соответствующей возрастной когорте (в % к общему числу респондентов по годам)
Fig. 1. Dynamics of childhood graduation depending on belonging to the corresponding age cohort (in % of the total number of respondents by year)

Существенных изменений в пятилетнем промежутке в отношении доли опрошенных, у которых детство завершается в трех интервалах: от 3 до 5, от 6 до 9 и от 14 до 18 лет, – не обнаружено. Подчеркнем, что у чуть более половины опрошенных как в 2018, так и в 2023 годах, детство завершилось, когда они находились в возрасте от 14 до 18 лет.

Скорее всего, это говорит об определенной стабилизации возраста окончания детства в среднесрочной перспективе, поскольку численность этой группы изменилась незначительно: от 50,4 % в 2018 году до 52,6 % в 2023 году. Но вместе с тем можно выделить еще две группы – это те, у кого детство не завершилось с наступлением 18 лет (таковых было 27,2 % в 2018 г. и 19,1 % в 2023 г.), и те, у кого оно завершилось ранее 13 лет включительно (22,4 % в 2018 г. и 28,2 % в 2023 г.). Эти группы требуют особого внимания. Среди тех, у кого детство завершилось до 14 лет, основная по численности группа – с 10 до 13 лет. Ее динамика такова, что на 5,1 % в 2023 году по сравнению с 2018 годом возросла доля тех, у кого детство закончилось в этом интервале. Также отметим, что снизилось на 8,1 % количество тех, кто считает, что детство не завершилось с наступлением совершеннолетия. Вместе с тем, несмотря на снижение численности тех, кто считает, что их детский период продолжается, этот процент остается стабильно высоким: каждый четвертый так думал в 2018 году (27,2 %) и фактически каждый пятый так считает в 2023 году (19,1 %). Полученные данные свидетельствуют о том, что сохраняет свое значение субъективная установка респондентов на позднее взросление, и в то же время усиливается ориентация на раннее взросление к 2023 г. по сравнению с 2018 г.

Группа отказывающихся взрослеть впервые была подвергнута детальному анализу на основе данных 2018 года (Губанова, Майорова-Щеглова 2019; Митрофанова 2019). Она нуждается в более пристальном рассмотрении и на основе проведенного в 2023 году исследования, так же как и группы тех, кто ориентирован на нормативное и раннее взросление, что позволит выявить динамику изменений в этих группах.

Рассмотрим представленность юношей и девушек внутри групп, ориентированных на раннее, субъективно нормативное и позднее взросление, а также по всей выборке по году проведения исследования.

Распределение респондентов по полу внутри групп с ранним, субъективно нормативным и поздним взрослением и по всей выборке по году проведения исследования (%)

Table 2

Distribution of respondents by gender within groups with early, normative and late adulthood and across the entire sample during the course of the study (%)

Год	2018			2023		
Группы по специфике взросления	Муж., в %	Жен., в %	Всего муж. и жен., в %	Муж., в %	Жен., в %	Всего муж. и жен., в %
Раннее взросление (10–13 лет)	19,4	80,6	100	23,4	76,6	100
Субъективно нормативное взросление (14–18 лет)	26,1	73,9	100	21,9	78,1	100
Позднее взросление (не закончилось детство)	31,8	68,2	100	32,3	67,7	100
Итого по всей выборке	26,7	73,3	100	24,0	76,0	100

В табл. 2 шрифтом отмечен наибольший процент по полу в группах с ранним, субъективно нормативным и поздним взрослением по годам. В группе с ранним взрослением мальчиков в 2023 г. больше, чем мальчиков в 2018 г., в то время как девочек больше в 2018 г. по сравнению с девочками 2023 г. В группе с субъективно нормативным взрослением мальчиков в 2018 г. больше, чем мальчиков в 2023 г. Девочек больше в этой группе в 2023 г. по сравнению с девочками 2018 г. В группе с поздним взрослением мальчиков примерно одинаково как в 2018 (31,8 %), так и в 2023 гг. (32,3 %), при этом мальчиков в этой группе больше, чем в других группах (с ранним и субъективно нормативным взрослением) как в 2018 г., так и в 2023 г. Девочек в группе с поздним взрослением примерно одинаковая доля как в 2018 г., так и в 2023 гг., но при этом их доля в этой группе меньше, чем их доли в других группах (с ранним и поздним взрослением). Полученные данные говорят о том, что именно в отношении мальчиков, прежде всего, имеет смысл говорить как об ориентации на раннее взросление (поскольку к 2023 году их доля в этой группе возросла по сравнению с 2018 г.), так и позднее (поскольку мальчиков, ориентированных на позднее взросление, больше, чем в других группах (с ранним и субъективно нормативным взрослением) и в 2018, и в 2023 гг.).

Отметим, что существенных различий по среднему возрасту окончания детства в зависимости от пола не обнаружено как в 2018 г., так и в 2023 г.: у мальчиков – 14,4, у девочек – 14,6 в 2018 г. и у мальчиков – 14,1, у девочек – 14,2 в 2023 г.

Покажем возможности трека анализа окончания детства через сравнение данных по полу, принимая за 100 % отдельно юношей и отдельно девушек по исследуемым годам соответственно. В итоге получаем 4 группы: юношей 2018 и 2023 гг. и девушек 2018 и 2023 гг.

Трек анализа окончания детства по полу позволяет сравнивать данные по юношам 2018 г. с данными по юношам 2023 г., как и девушек 2018 г.

с девушками 2023 г. Этот анализ возможен, поскольку доли юношей и девушек, принимавших участие в исследовании в 2018 г., примерно совпадают с их долями в 2023 году. Так, результаты показывают, что в 2023 году доля юношей, отметивших, что детство завершилось в интервале от 10 до 13 лет, по сравнению с юношами 2018 г. – выше (22,1 % в 2023 г. против 12,6 % в 2018 г.), и в то же время доля юношей в 2023, считающих, что детство не завершилось, ниже, чем в 2018 г., но все равно достаточно высокая (25,9 %): каждый четвертый юноша так считает. Что подтверждает идею парадоксальности одновременно раннего и позднего взросления применительно к юношам. Что касается девушек, то в 2023 г. доля тех, кто считает, что детство завершилось в интервале от 10 до 13 лет, немного выше (22,7 %), чем в 2018 г. (19 %), а также чье детство закончилось от 14 до 18 лет в 2023 г. немного выше, чем в 2018. Доля тех девушек, что еще «задержались в детстве», в 2023 г. ниже (17,1 %), чем в 2018 г. (25,4 %), но вместе с тем это также достаточно высокий процент.

Считаем, что можно сопоставить данные по годам: результаты по юношам 2018 года с данными, полученными по исследованию девушек в 2018 г., и по 2023 году аналогично. С одной стороны, поскольку выборка неслучайная потоковая, не претендуем на репрезентативность в масштабах российского общества, однако считаем, что такой анализ может быть полезен для выявления самых общих трендов.

Если в 2018 г. больше девушек (19 %), отметивших, что детство завершилось в интервале от 10 до 13 лет, чем юношей (12,6 %), то в 2023 г. примерно одинаковый процент юношей и девушек отметили, что детство завершилось в этом интервале. Юношей, ориентированных на позднее взросление, больше, чем девушек, как в 2018 г., так и в 2023 г. Что позволяет сделать вывод, что юноши больше ориентированы на позднее взросление, чем девушки.

Таблица 3

Распределение внутри групп юношей и девушек респондентов по их ориентации на раннее, субъективно нормативное и позднее взросление (в %)

Table 3

Distribution of respondents within groups of boys and girls according to their orientation towards early, subjective normative and late adulthood (in %)

Пол Год	Юноши		Девушки	
	2018, в %	2023, в %	2018, в %	2023, в %
Группы по возрасту окончания детства				
3–5 лет	1,4	0,3	0,7	0,9
6–9 лет	4,3	3,8	4,0	5,3
10–13 лет	12,6	22,1	19,0	22,7
14–18 лет	49,3	47,9	50,9	54,0
Не закончилось детство	32,4	25,9	25,4	17,1
Итого	100	100	100	100

Таким образом, как трек анализа внутри групп с ранним, субъективно нормативным и поздним взрослением в зависимости от пола, так и трек анализа по полу в зависимости от ориентации респондентов на раннее, нормативное и позднее взросление подтверждают идею одновременно удлиненного и укороченного взросления, причем наиболее очевидна она именно в отношении мальчиков.

Рассмотрим оценки респондентами своего материального положения (табл. 4).

Обратим внимание на понижение среднего возраста окончания детства по всем группам, характеризующим материальное положение, в 2023 г. по сравнению с 2018 г.

Рассмотрим, как внутри групп с ранним, субъективно нормативным и поздним взрослением респонденты распределяются по оценке материального положения своей семьи в детстве (табл. 5).

В 2023 году, как и в 2018 году, среди всех групп большинство из опрошенных оценили материально-экономическое состояние своей родительской семьи во время детства на среднем уровне. По всем группам респондентов с ранним, субъективно нормативным и поздним взрослением отмечаем, что повысилась доля тех, кто отметил материальное положение во время их детства как высокое и выше среднего, и понизился процент тех, кто фиксировали свое материальное положение в детстве как низкое и ниже среднего. При этом отметим, что в 2023 году доля тех, кто указал, что их материальное положение в детстве среднее, – 49 % – ниже, чем в 2018 и самая низкая из всех групп в 2023 г. Считаем, что это снижение в 2023 г. произошло за счет повышения доли группы тех, кто считает, что их положение выше среднего, она наибольшая в группе с ранним взрослением. Может быть, это связано с тем потенциалом, ресурсами,

Таблица 4

Средний возраст окончания детства в зависимости от материального положения семьи в 2018 и 2023 гг.
Table 4
The average age of late childhood, depending on the financial situation of the family in 2018 and 2023

Год	2018				
Материальное положение	Высокое	Выше среднего	Среднее	Ниже среднего	Низкое
Средний возраст	13,6	14,6	14,6	14,3	12,5
Год	2023				
Средний возраст	13,2	14,3	14,3	13,8	12,3

Таблица 5

Распределение респондентов по субъективной оценке материально-экономического состояния своей родительской семьи во время детства внутри групп с ранним, субъективно нормативным и поздним взрослением и по всей выборке по году проведения исследования (%)
Table 5

Distribution of respondents according to a subjective assessment of the material and economic condition of their parent family during childhood within groups with early, subjective normative and late adulthood and across the entire sample by year of the study (%)

Год	2018						2023					
Группы по специфике взросления	Материальное положение											
	Высокое в %	Выше среднего в %	Среднее в %	Ниже среднего в %	Низкое в %	Итого в %	Высокое в %	Выше среднего, в %	Среднее в %	Ниже среднего в %	Низкое в %	Итого в %
Раннее взросление (10–13 лет)	2,2	15,7	61,2	16,4	4,5	100	5,9	28,6	49,0	14,3	2,2	100
Субъективно нормативное взросление (14–18 лет)	2,3	15,6	63,4	16,9	1,8	100	3,1	23,6	60,0	11,6	1,7	100
Позднее взросление (не закончилось детство)	0,9	19	59,7	16,6	3,8	100	4,7	22,8	59,2	12,9	0,4	100
Итого по всей выборке	2,2	16,1	61,7	16,8	3,2	100	4,3	23,7	57,3	12,7	2,0	100

которыми обладают обеспеченные семьи, способные предоставить детям возможности раннего взросления, в том числе финансовые, например, для приобретения компьютера или всевозможных гаджетов, средств передвижения. В то же время в группах с нормативным и поздним взрослением доля тех, кто выбрал этот же пункт в шкале, также высока. Поскольку в 2018 г. 15,7 %, а в 2023 г. 28,6 % в группе респондентов с ранним взрослением оценили свое материальное положение в детстве как выше среднего, то считаем, что оценка респондентами своего материального положения в детстве напрямую не связана с субъективной оценкой возраста окончания детства. Считаем, что более позитивные оценки респондентами материального положения в детстве по данным 2023 года по сравнению с 2018 г. могут быть связаны с тем, что те опрошенные, чье детство пришлось на начало нулевых, жили хуже, чем те, чье детство наступило на 5 лет позже. И потому опрошенные в 2018 году более критичны в оценках своего материального положения в детстве.

Рассмотрим роль территории проживания в детстве в фиксации возраста его окончания (табл. 6).

Немного повысился средний возраст окончания детства тех, кто проживает в больших и небольших городах, но при этом существенно снизился средний возраст окончания детства тех, кто проживает в сельской местности в 2023 году по сравнению с 2018 годом. Возможно, это связано с происходящими событиями в стране и мире, которые наиболее остро ощутили на себе сельские жители и дети в том числе.

Интерес представляет распределение изучаемых групп опрошенных по типу проживания в детский период жизни.

Как в 2018, так и в 2023 гг. в группах с ранним и субъективно нормативным взрослением основные доли опрошенных – это те, кто проживали в детстве в небольших городах. В группе с поздним взрослением в 2018 году – также проживали в небольшом городе, а в 2023 году из этой группы – самая высокая доля тех, кто проживал в детстве в сельской местности. Возможно, это связано с тем, что образ жизни, характерный для сельских поселений, позволяет подольше задержаться в детстве. Полученные данные подчеркивают парадоксальность процессов взросления, протекающих

Таблица 6

Средний возраст окончания детства по территории проживания в детстве

Table 6

The average age of the end of childhood in the territory of residence in childhood

Год	2018			
Группы по специфике взросления	Территория проживания			
	Большой город	Город-миллионник	Небольшой город	Сельская местность
Средний возраст	13,9	14,0	13,9	15,1
Год	2023			
Средний возраст	14,2	14,0	14,2	14,3

Таблица 7

Распределение респондентов по территории проживания в детстве внутри групп с ранним, субъективно нормативным и поздним взрослением и по всей выборке по году проведения исследования (%)

Table 7

Distribution of respondents by territory of residence in childhood within groups with early, subjective normative and late adulthood and across the entire sample by year of the study (%)

Год	2018					2023				
Группы по специфике взросления	Территория проживания									
	Большой город, в %	Город - миллионник, в %	Небольшой город, в %	Сельская местность, в %	Итого, в %	Большой город, в %	Город - миллионник, в %	Небольшой город, в %	Сельская местность, в %	Итого, в %
Раннее взросление (10–13 лет)	17,9	29,9	33,5	18,7	100	23,8	21,6	33,0	21,6	100
Субъективно нормативное взросление (14–18 лет)	15,1	24,3	38,9	21,7	100	22,3	22,6	31,2	23,9	100
Позднее взросление (не закончилось детство)	20,9	25,6	36,5	17	100	19,4	25,9	25,9	28,8	100
Итого по всей выборке	17,3	26,3	37,2	19,2	100	21,9	23,3	30,4	24,4	100

Таблица 8

Распределение внутри групп по территории проживания респондентов по их ориентации на раннее, субъективно нормативное и позднее взросление (в %)

Table 8

Distribution within groups by the territory of residence of respondents according to their orientation towards early, subjective normative and late adulthood (in %)

Год	2018				2023			
	Территория проживания							
Группы по специфике взросления	Большой город, в %	Город – миллионник, в %	Небольшой город, в %	Сельская местность, в %	Большой город, в %	Город – миллионник, в %	Небольшой город, в %	Сельская местность, в %
3–5 лет	0,8	1,4	0,7	0,7	0,7	0,7	0,8	0,7
6–9 лет	4,5	5,9	4,2	1,3	6,0	4,2	4,6	5,1
10–13 лет	17,9	19,6	15,6	16,8	20,9	24,5	24,5	20,0
14–18 лет	44,0	46,6	52,8	57,0	51,1	53,6	53,8	51,5
Не закончилось детство	32,8	26,5	26,7	24,2	21,3	17,0	16,3	22,7
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

в сельской местности. Так, с одной стороны, наблюдаем снижение среднего возраста окончания детства в сельской местности (табл. 6), но с другой стороны, в группе с поздним взрослением в 2023 году больше тех, кто проживал в сельской местности в детстве (28,8 %) (табл. 7).

По всем территориям проживания в детстве основная по численности группа – это те, чье детство завершилось в интервале от 14 до 18 лет. Но вместе с тем есть важные нюансы, касающиеся возраста окончания детства в зависимости от конкретной территории проживания в детстве. В 2023 году по всем территориям тех, чье детство завершилось в интервале от 10 до 13 лет, выше, чем в 2018 г., в то время как тех, у кого детство не завершилось, ниже. В 2018 году из тех, кто проживал в больших городах, детство не завершилось практически у каждого третьего респондента (32,8 %), а в 2023 – у каждого пятого (21,3 %). В городах-миллионниках в 2018 году было больше тех, чье детство не завершилось (26,5 %), чем тех, у кого оно завершилось в интервале от 10 до 13 лет (19,6 %). В то время как в 2023 году картина прямо противоположная: 24,5 % отметили, что детство завершилось в интервале от 10 до 13 лет, а 17 % – не завершилось. В небольших городах ситуация такая же при сопоставлении по году исследования: в 2018 г. завершилось в интервале от 10 до 13 лет – 15,6 %, не завершилось – 26,7 %, в то время как в 2023 г. завершилось в интервале от 10 до 13 лет – 24,5 %, не завершилось – 16,3 %. В сельской местности в 2023 году тех, чье детство завершилось в интервале от 10 до 13 лет, выше (20 %), чем в 2018 году (16,8 %), а тех, у кого не завершилось в 2023 г. (22,7 %), – ниже, чем в 2018 г. (24,2 %).

Заключение

В рамках данного исследования использованы треки анализа окончания детства 1) по возрасту, 2) специфике взросления в аспектах пола, материального положения, территории проживания, а также 3) полу и территории проживания относительно ориентации на раннее, субъективно нормативное или позднее взросление. Треки анализа по возрасту и специфике взросления в зависимости от пола доказали свою эффективность, поскольку в них наиболее очевидно представлена парадоксальность одновременно укороченного и удлиненного взросления. Возможно выделение и иных треков, которые считаем перспективными в контексте обсуждаемого вопроса. Например, по особенностям взросления относительно оценки респондентами состояния здоровья в детстве или детства в целом как счастливого или несчастного, а также треков по оценке респондентами состояния здоровья в детстве или детства в целом как счастливого или несчастного в зависимости от ориентации на раннее, субъективно нормативное или позднее взросление.

По итогам исследования выявлено, что, хотя существенных изменений в пятилетнем промежутке по среднему возрасту окончания детства не обнаружено, доля ориентированных на раннее взросление – тех, у кого детство завершилось до 13 лет – выше, по данным 2023 года. Вместе с тем, несмотря на снижении численности тех, кто считает, что детство не закончилось к 2023 году, этот процент остается стабильно высоким. Таким образом, сохраняет свое значение субъективная установка респондентов как на раннее, так и на позднее взросление. В 2023 году доля юношей, отметивших, что детство подошло к окончанию в интервале от 10 до 13 лет, по сравнению с юношами 2018 г. выше, и в

то же время доля юношей в 2023, считающих, что детство еще продолжается, ниже, чем в 2018 г., но все равно достаточно высокая, что подтверждает идею парадоксальности одновременно раннего и позднего взросления, прежде всего, применительно к юношам. По всем группам респондентов с ранним, субъективно нормативным и поздним взрослением отмечаем, что повысилась к 2023 году доля тех, кто отметил материальное положение во время их детства как высокое и выше среднего, и понизился процент тех, кто фиксировал свое материальное положение в детстве как низкое и ниже среднего. Немного повысился средний возраст окончания детства тех, кто проживает в больших и небольших городах, но при этом существенно снизился средний возраст окончания детства тех, кто проживает в сельской местности в 2023 году по сравнению с 2018 годом. В 2023 году по всем территориям тех, чье детство подошло к концу в интервале от 10 до 13 лет, выше, чем в 2018 г., в то время как тех, у кого детство не завершилось, ниже.

На основе субъективной интерпретации респондентами перехода от детства к взрослости в сравнительной перспективе 2018 и 2023 гг. возможно выстроить и треки взросления через событийность, это одна из важных перспективных задач, которая становится возможной при обосновании валидности эмпирических замеров, представленных в этой статье. Полученные данные в обобщенном виде подтверждают идею парадоксальности современного детства, одновременно ориентированного как на раннее, так и на позднее взросление и актуализируют вопрос определения тенденций взросления в детстве в среднесрочной перспективе.

Источники фактического материала

ООН: Детство у мужчин продлится до 42 лет, 2018. URL: <https://kurer-sreda.ru/2018/07/25/3655400on-detstvo-u-muzhchin-prodlitsya-do-42-let> (дата обращения: 16.04.2024).

Скворцова спрогнозировала увеличение периода детства до 30 лет (Общество, 21 мая 2018). 2018. URL: <https://www.rbc.ru/society/21/05/2018/5b02d0aa9a794718b0baefcd> (дата обращения 16.04.2024).

Библиографический список

Arnett, J.J. (2019), *Emerging adulthood: the winding road from the late teens through the twenties (2nd edition)*, Oxford University Press, New York, USA, DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199929382.001.0001>.

Blatterer, H. (2007), Contemporary adulthood: reconceptualizing an uncontested category, *Current Sociology*, vol. 55(6), pp. 771–792.

Keij, D. (2021), Immature adults and playing children: on Bernard Stiegler's critique of infantilization,

Studies in Philosophy and Education, vol. 40, pp. 67–80, DOI: <https://doi.org/10.1007/s11217-020-09742-9>.

Noxon, Ch. (2006), *Rejuvenile: kickball, cartoons, cupcakes, and reinvention of the american grown-up*, N.Y., USA.

Robertson, A. (2004), *Life like dolls: the collector doll phenomenon and the lives of the women who love them*, Routledge, New York, USA.

Valentine, G. (2003), Boundary Crossings: Transitions from Childhood to Adulthood, *Children's Geographies*, vol. 1, no. 1, pp. 37–52.

Аверин В.А. Психология детей и подростков: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. Санкт-Петербург: Изд-во Михайлова В.А., 1998. 379 с.

Губанова А.Ю., Майорова-Щеглова С.Н. Когда уходит детство? Границы и события окончания детства // Народное образование. 2019. № 5 (1476). С. 173–184.

Лишаев С.А. От детства к зрелости (феномен пролонгации молодости и современность) // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2016. № 2 (20). С. 110–132.

Майорова-Щеглова С.Н., Митрофанова С.Ю. Раннее взросление или инфантилизация: парадокс событийности современного детства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 25–39. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.102>.

Майорова-Щеглова С.Н., Колосова Е.А., Губанова А.Ю. Маршруты офлайн и онлайн-жизни детства: событийный анализ // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 3. С. 21–34. DOI: <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2020-3/21-34>.

Майорова-Щеглова С.Н., Колосова Е.А. Труд детей в семье и за ее пределами: факторы, влияющие на возрасты дебютов // Семья и работа. Материалы международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2024. С. 63–67.

Мамычева Д.И. Трансформации категорий «Детство» и «Взрослость» в современной культуре // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010. № 3. С. 75–80.

Митрофанова Е.С. (Не)время взрослеть: как меняется возраст наступления дебютных биографических событий у россиян // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 4. С. 36–61. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i4.12043>.

Митрофанова С.Ю. (Не)законченное детство современных юношей и девушек // Вестник ВЭГУ. 2019. № 2 (100). С. 89–96.

Нартова Н.А., Фатехов А.М. Переход во взрослость российских миллениалов: на пути от получения образования к обретению ответственности и потере оптимизма? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 319–344. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1832>.

Ретюнских Л.Т. Детство как объект междисциплинарного исследования // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 71–78. DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-6>.

Тихомандрицкая О.А., Рикель А.М. (Не)взрослое поколение: модель исследования поколенческой отнесенности оценки взрослости // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19. № 2. С. 209–232. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-2-209-232>.

Швец Т.А., Поливанова К.Н. Характеристики субъективного возраста в младшем подростковом возрасте // От детства к взрослости: вариации нормы и особенности развития. Сборник докладов II межвузовской конференции молодых ученых. Ред.-сост. А.С. Обухов. Москва, 2017. С. 147–150.

Ядова М.А. Тенденции взросления в России и за рубежом: общее и особенное // Siberian Socium. 2022. Т. 6. № 1 (19). С. 8–17. DOI: <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2022-6-1-8-17>.

References

Arnett, J.J. (2019), *Emerging adulthood: the winding road from the late teens through the twenties (2nd edition)*, Oxford University Press, New York, USA, DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199929382.001.0001>.

Blatterer, H. (2007), Contemporary adulthood: reconceptualizing an uncontested category, *Current Sociology*, vol. 55(6), pp. 771–792.

Keij, D. (2021), Immature adults and playing children: on Bernard Stiegler's critique of infantilization, *Studies in Philosophy and Education*, vol. 40, pp. 67–80, DOI: <https://doi.org/10.1007/s11217-020-09742-9>.

Noxon, Ch. (2006), *Rejuvenile: kickball, cartoons, cupcakes, and reinvention of the american grown-up*, N.Y., USA.

Robertson, A. (2004), *Life like dolls: the collector doll phenomenon and the lives of the women who love them*, Routledge, New York, USA.

Valentine, G. (2003), Boundary Crossings: Transitions from Childhood to Adulthood, *Children's Geographies*, vol. 1, no. 1, pp. 37–52.

Averin, V.A. (1998), *Psichologija detej i podrostkov: ucheb. Posobie [Psychology of children and adolescents: study guide]*, 2-e izd., pererab, Izd-vo Mihajlova V.A, SPb., 379, (In Russian).

Gubanova, A.Ju., Majorova-Shheglova, S.N. (2019), “When does childhood leave? Boundaries and events of the end of childhood”, *Narodnoe obrazovanie*, no. 5(1476), pp. 173–184.

Lishaev, S.A. (2016), “From childhood to adulthood (the phenomenon of prolongation of youth and modernity)”, *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriya «Filosofija. Filologija»*, no. 2(20), pp. 110–132.

Majorova-Shheglova, S. N., Mitrofanova, S. Ju (2020), “Early adulthood or infantilization: the paradox of the eventfulness of modern childhood”, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologija*, no. 3 (1), pp. 25–39, DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.102>.

Majorova-Shheglova, S. N., Kolosova, E. A., Gubanov, A. Ju. (2020), “Routes of offline and online childhood life: event analysis”, *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovanija*, no. 3, pp. 21–34, DOI: <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2020-3/21-34>.

Majorova-Shheglova, S.N., Kolosova, E.A. (2024), The work of children in the family and beyond: factors influencing the age of debuts, *Sem'ja i rabota. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*, Nizhnij Novgorod, pp. 63–67.

Mamycheva, D.I. (2010), Transformations of the categories "Childhood" and "Adulthood" in modern culture, *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*, no. 3, pp. 75–80.

Mitrofanova, E.S. (2020), (Not) the time to grow up: how the age of onset of debut biographical events among Russians changes, *Demograficheskoe obozrenie*, no. 7 (4), pp. 36–61, DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i4.12043>.

Mitrofanova, S.Ju. (2019), “(Not)completed childhood of modern boys and girls”, *Vestnik VJGU*, no. 2 (100), pp. 89–96.

Nartova, N.A., Fatehov, A.M. (2021), Transition to adulthood of Russian millennials: on the way from getting an education to gaining responsibility and loss of optimism? *Monitoring obshchestvennogo mnenija: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, no. 4, pp. 319–344, DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1832>.

Retjunskih, L.T. (2022), Childhood as an object of interdisciplinary research, *Nauchnyj rezul'tat. Social'nye i gumanitarnye issledovanija*, no. 8(1), pp. 71–78, DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-6>.

Tihomandrickaja, O.A., Rikel', A.M. (2022), (Non) adult generation: a model for the study of generational relativity of the assessment of adulthood, *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Psihologija i pedagogika*, no. 9(2), pp. 209–232, DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-2-209-232>.

Shvec, T.A., Polivanova, K.N. (2017), Characteristics of subjective age in early adolescence, *Ot detstva k vzroslosti: variacii normy i osobennosti razvitiya. Sbornik dokladov II mezhvuzovskoj konferencii molodyh uchenyh*, pp. 147–150, (In Russian).

Jadova, M. A. (2022), Trends of growing up in Russia and abroad: general and special, *Siberian Socium*, vol. 6, no. 1 (19), pp. 8–17, DOI: <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2022-6-1-8-17>.

Submitted: 01.12.2024

Revised: 10.01.2025

Accepted: 01.04.2025

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 004.8:1+004.8:34

DOI: 10.18287/

Дата поступления: 02.02.2025
рецензирования: 15.03.2025
принятия: 18.06.2025

Н.А. Масленкова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: maslenkova.na@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2100-3510>

А.С. Никитина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: nikitinanna.s@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4962-0166>

Искусственный интеллект как соавтор? Переосмысление авторства в контексте взаимодействия человека с ИИ

Аннотация: активное внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в сферу производства текстов ставит под сомнение традиционные представления об авторстве. В статье рассматривается вопрос о том, можно ли считать ИИ соавтором текстов, созданных во взаимодействии с человеком. Анализ проводится в социокультурном, этическом и философском ключе с опорой на современные подходы в области авторского права, теории литературы и цифровых гуманитарных наук.

Исследование основывается на междисциплинарной методологии и включает анализ кейсов использования ИИ в академическом, художественном и медийном производстве текстов. Особое внимание уделяется степени смыслового вклада ИИ и роли человека как инициатора, редактора и куратора результата. Несмотря на то, что юридически авторство закреплено только за человеком, развитие алгоритмов требует переосмысления существующей модели. Обсуждаются такие аспекты, как отсутствие правосубъектности у ИИ, невозможность приписать ему творческое намерение, а также правовые последствия генеративной деятельности алгоритмов. Рассматриваются модели расширенного авторства, сетевого и распределённого творчества как более адекватные гибридной природе взаимодействия человека и ИИ.

В заключение предлагается гибкий и контекстуальный подход к определению авторства в условиях ИИ-посредничества. Подчеркивается необходимость диалога между правоведами, разработчиками, творческими профессионалами и этиками для выработки адаптивных норм, учитывающих баланс между инновацией и интеллектуальной ответственностью.

Ключевые слова: искусственный интеллект; авторство; авторское право; сотрудничество человека и ИИ; цифровое творчество; этика ИИ; технологии создания текста.

Цитирование: Масленкова Н.А., Никитина А.С. Искусственный интеллект как соавтор? Переосмысление авторства в контексте взаимодействия человека с ИИ // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 2. С. 122–133. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-2-122-133>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Масленкова Н.А., Никитина А.С., 2025

Наталья Александровна Масленкова – кандидат филологических наук, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

Анна Сергеевна Никитина – магистрант специализации «Социальная аналитика новых медиа», кафедра социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

N.A. Maslenkova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: maslenkova.na@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2100-3510>

A.S. Nikitina

Samara National Research University,

Samara, Russian Federation

E-mail: nikitinanna.s@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4962-0166>

Artificial intelligence as a co-author? Rethinking authorship in the context of human interaction with AI

Abstract: the increasing integration of artificial intelligence (AI) into the domain of text production challenges the traditional boundaries of authorship. This paper examines whether AI systems can be considered co-authors of texts created in collaboration with humans. We explore this question from cultural, ethical, and philosophical perspectives, drawing on current frameworks in copyright law, literary theory, and digital humanities.

The study employs an interdisciplinary methodology, analyzing selected cases of AI-assisted textual production across academic, artistic, and journalistic domains. Particular attention is given to the extent of AI's semantic contribution and the human agent's role in directing, editing, or curating the outcome. While current legal systems attribute authorship solely to human individuals, the increasing sophistication of AI tools necessitates re-examining this paradigm.

Key issues addressed include the legal non-personhood of AI, the difficulty of attributing creative intent, and the implications of AI-generated content for intellectual property frameworks. We discuss models such as extended authorship, distributed creativity, and networked authorship, suggesting that these may better reflect the hybrid nature of human–AI interaction.

We conclude by recommending a context-sensitive, field-specific approach to authorship in AI-mediated creativity. A dialogic framework involving legal scholars, content creators, ethicists, and developers is proposed to develop adaptive guidelines that balance innovation and intellectual responsibility.

Key words: artificial intelligence; authorship; copyright law; human–AI collaboration; digital creativity; ethics of AI; creative writing technologies.

Citation: Maslenkova, N.A. and Nikitina, A.S. (2025), Artificial intelligence as a co-author? Rethinking authorship in the context of human interaction with AI, *Semioticheskiye issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 5, no. 2, pp. 122–133, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-2-122-133>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© Maslenkova N.A., Nikitina A.S., 2025

Natalia A. Maslenkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

Anna S. Nikitina – Graduate student in the "Social Analytics of New Media" specialization, Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Вопрос авторства традиционно является предметом обсуждения в искусстве, праве, гуманитарных науках. Однако развитие искусственного интеллекта, способного участвовать в создании текстов, актуализирует необходимость пересмотра устоявшихся представлений. На фоне массового внедрения языковых моделей и алгоритмов машинного обучения возникает вопрос: может ли ИИ считаться полноправным участником творческого процесса и, следовательно, соавтором произведения?

До появления моделей глубокого обучения сгенерированные тексты заметно отличались от текстов, написанных человеком, — их можно было узнать по шаблонности, примитивной структуре, ошибкам, слабой логике и отсутствию глубокой аналитики. Благодаря развитию больших языковых

моделей, таких как GPT-3 и более поздних версий, ИИ стал генерировать связные и качественные тексты, неотличимые от естественных.

Современные пользователи имеют свободный доступ к интуитивно понятным платформам для генерации контента, где они не просто получают готовые тексты, но и взаимодействуют с ИИ: дополняют сгенерированные тексты своими комментариями, идеями, уточняя промпты, а также используют фрагменты сгенерированных текстов в своих работах. Это приводит к появлению так называемых гибридных текстов, которые сочетают в себе как естественные, так и сгенерированные элементы. В связи с этим определение авторства становится еще более затруднительным. Ученые факультета компьютерных наук Мэрилендского университета смогли отличить с помощью детектора естествен-

ный текст от сгенерированного в 80 % случаев, но точность определения авторства снизилась до 70 %, когда они попытались оценить гибридный текст (частично написанный ИИ, частично отредактированный человеком).

Исследование, проведенное учеными из Европейской сети академической честности (ENAI), подтверждает эти результаты: в результате тестирования ни один из 14-ти ИИ-детекторов (Check For AI, Compilatio, DetectGPT, GPT Zero, OpenAI Text Classifier, Turnitin и др.) не показал точность выше 80 % (Weber-Wulff 2023). С каждым годом определение авторства текстов усложняется, и особенно тяжело это дается людям. Так, участники одного из экспериментов смогли определить контент, сгенерированный GPT-2, с точностью не выше 57,9 %, а тексты, сгенерированные GPT-3, – с точностью максимум 49,9 % (Weber-Wulff 2023).

Ученые справедливо отмечают, что сегодня «collaborative writing by humans and AI poses a potential challenge for existing AI analysis methods, which have primarily been tested on either human-written texts or generated samples alone» («совместное написание текстов человеком и ИИ представляет собой потенциальную проблему для существующих методов анализа ИИ, которые в основном тестировались либо только на текстах, написанных людьми, либо только на сгенерированных образцах» (Anderson 2023)).

Языковые модели, которые с каждым обновлением становятся все более похожими на человеческие и помогают создавать сложные гибридные тексты, воспринимаются некоторыми людьми как равноправные партнеры, как соавторы. Уже есть случаи прямого упоминания ИИ как одного из соавторов при написании научных статей. Х. Горрайс провел поиск подобных работ в научных журналах и обнаружил, что в базе данных Web of Science Core Collection (WoS CC) содержатся четыре статьи, в которых ChatGPT указан как автор (включая два случая, когда он заявлен как единственный автор). В базе данных Scopus были обнаружены две статьи, в которых ChatGPT указан как соавтор, однако из второй статьи чат-бот был удален из списка авторов по требованию журнала (Gorraiz 2025).

Поскольку реакция научного сообщества на включение ИИ в число соавторов оказалась неоднозначной и вызвала дискуссии, возникает вопрос: можно ли вообще считать ИИ соавтором или эта роль принадлежит исключительно человеку? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть существующие подходы к пониманию концепции соавторства человека и ИИ в различных социальных науках, а также проанализировать ключевые критерии авторства. Теоретическую базу нашей работы составляют три ключевые области: 1) теория авторства в литературоведении (Р. Барт, Ж. Деррида и др.); 2) юридические определения

авторства и интеллектуальной собственности (Бернская конвенция, законодательство РФ и ЕС); 3) концепции цифрового творчества, включая идеи сетевого и распределённого авторства.

Методологически исследование базируется на качественном анализе статей, в которых так или иначе поднимаются вопросы из выше обозначенных областей.

1. Соавторство ИИ в научных публикациях

На сегодняшний день авторитетные научные журналы, включенные в международные базы данных, руководствуются рекомендациями Комитета по публикационной этике (COPE). Это сообщество помогает журналам, редакторам и издателям в решении этических вопросов, а именно: разрабатывает стандарты, направленные на обеспечение честности и прозрачности научных работ. Согласно COPE, инструменты ИИ не могут называться авторами, поскольку не могут нести ответственность, не способны к разрешению конфликта интересов, управлению авторскими правами и лицензионными соглашениями. Комитет не запрещает использование ИИ, но рекомендует указывать в разделе «Материалы и методы», как был использован ИИ и какой именно инструмент применялся (COPE Council 2024).

Другой комитет, разрабатывающий рекомендации по публикационной этике для международных научных журналов, – это Комитет по редакционным стандартам медицинских журналов (ICMJE). Его рекомендации считаются особенно важными для авторов и редакций, поскольку касаются исследований в области медицины, которые требуют высокой точности, этического и профессионального подхода. ICMJE указывает следующие критерии авторства:

- 1) значительный вклад в концепцию, или дизайн работы, или в сбор, анализ или интерпретацию данных для работы;
- 2) написание работы, создание интеллектуального содержания;
- 3) авторское окончательное одобрение версии для публикации;
- 4) согласие авторов и редакторов нести ответственность за все аспекты работы с гарантией, что вопросы, касающиеся точности или целостности любой части работы, надлежащим образом расследованы и решены.

Комитет не уточняет, применимы ли эти критерии к ИИ, но утверждает, что модели ИИ не способны нести ответственность за точность, целостность и оригинальность работы. Поэтому все генеративные модели должны быть указаны не как авторы или соавторы, а как инструменты в разделе «Благодарности» или «Методы» (ICMJE 2025).

Тем не менее четкие рекомендации международных комитетов, таких как COPE и ICMJE, не могут

в полной мере учесть все возникающие вопросы о возможности соавторства человека и ИИ. Появляется потребность в более глубоком анализе, в рассмотрении не только этических, но и философских, правовых и лингвистических аспектов соавторства.

В связи с этим в научном сообществе ведутся оживленные дискуссии о том, можно ли признать ИИ соавтором. Исследователи расходятся во мнении: одни призывают изменить этические рекомендации для журналов и признать, что ИИ должен получать похвалу и признание наравне с человеком; другие считают употребление термина «соавтор» по отношению к ИИ неприемлемым и невозможным. Например, Ю. Эргун считает, что использование ИИ в качестве соавтора не угрожает человеческому достоинству, а свидетельствует о способности человека к инновациям и адаптации, а также служит стимулом к пересмотру устоявшихся норм (Ergun 2023). М.Д. Полонски и Д.Д. Ротман обращают внимание на то, что ИИ обладает большим потенциалом и становится сильнее, поэтому в некоторых случаях уже сегодня может быть назван соавтором, а в будущем будет соответствовать всем четырем критериям авторства Международного комитета редакторов медицинских журналов (ICMJE) (Polonsky, Jeffrey 2023). Р. Шарифзаде отмечает, что ИИ может быть признан соавтором, поскольку соответствует критериям автора, является агентом и может нести определенную моральную ответственность. Однако он предлагает ввести ряд ограничений: ИИ не должен быть первым автором, обязан соблюдать установленные человеком правила и не может участвовать в работах, предполагающих оценку знаний одного автора, в роли которого выступает человек (Sharifzadeh 2024).

С другой стороны, М. Шимека и Р. Бонфилио считают, что приравнивание человека к машине или программе недопустимо, т.к. ИИ не обладает достоинством, ответственностью и способностью понимать контекст. Поэтому эти исследователи призывают ограничить роль ИИ в написании научных работ (Scimesa, Bonfiglio 2023). А. Бозкурт настаивает на том, что ИИ не может быть автором или соавтором, т.к. не способен нести ответственность, принимать решения, испытывать чувство вины, стыд, раскаяние (Bozkurt 2024). Исследователь предлагает признать вклад людей, которые стоят за генеративными инструментами – разработчиков-авторов, создающих коды и алгоритмы. Подобным образом Д. Форсайт вводит понятие «нетехнических факторов», влияющих на работу ИИ, и утверждает, что «although technology is often viewed as value-free, an anthropological perspective suggests that technological tools embody values and assumptions of their builders» («ИИ может <...> служить для подкрепления ценностей и убеждений своих разработчиков» (Forsythe 1993)).

Таким образом, вопрос о признании ИИ соавтором остается спорным. Ключевой аргумент против заключается в неспособности ИИ нести ответственность за результат, а значит, быть субъектом, который действует наравне с человеком. Поэтому далее мы рассмотрим вопрос о субъектности ИИ.

2. Субъектность ИИ

Относительно проблемы субъектности также существуют противоположные мнения: одни исследователи отрицают субъектность ИИ, другие допускают ее наличие. Выделяя в качестве критериев субъектности сознание и разум, исследователи приходят к выводу, что ИИ несубъектен. Г. Нортхофф и С.С. Гувейя рассматривают субъектность как способность иметь точку зрения, ощущать принадлежность себе переживаемого опыта, перцептивность, а также гибкость и адаптивность временных процессов. Доказывая, что ИИ не обладает вышеперечисленными качествами, исследователи делают вывод, что он не проявляет никаких признаков субъектности (Northoff, Gouveia 2024).

Другие ученые предлагают пересмотреть традиционный подход и выделяют в качестве критерия субъектности не сознание. Они аргументируют это тем, что способность к восприятию и рассуждению применима не ко всем субъектам (например, ей не обладают люди с ограниченными когнитивными способностями в силу возраста, состояния здоровья или врожденных отклонений). Поэтому С. Войтчак в контексте акторно-сетевой теории предлагает рассматривать в качестве критерия субъектности участие или присутствие в социальной жизни, независимо от роли (Wojtczak 2023). Из этого следует, что, даже не обладая сознанием, ИИ может играть роль в социальных взаимодействиях и признаваться обществом как равноправный субъект.

К. Д'Амато также рассматривает субъектность ИИ в более широком социальном контексте. Он опирается на концепцию дисциплинарного общества М. Фуко и утверждает, что субъектность может сформироваться только проходя через процессы дисциплины и контроля. Поэтому автор предлагает рассматривать модели ИИ в качестве новых субъектов и технических артефактов, которые направляются людьми в соответствии с определенными теориями, стратегиями, нормами (D'Amato 2024). Э. Плевракис, опираясь на философию Г. Гегеля, для которого сознание – это не просто наличие определенного набора интеллектуальных или психических характеристик, а динамичный процесс, включающий в себя развитие и самопонимание, утверждает, что ИИ уже частично «сознателен», но еще не «интеллектуален» и не обладает «разумом». Однако такая логика не отвергает возможности появления сильного ИИ, который будет обладать субъектностью. Это означает, что человечество должно рассматривать ИИ как развивающийся

субъект, обладающий потенциалом для обретения разума и свободы (Plevrakis 2024). Таким образом, учитывая способность ИИ к участию в социальных отношениях, усвоению норм и правил, развитию и обучению, можно говорить о формировании новой, технологически опосредованной формы субъектности – агентности.

3. Агентность ИИ

Под агентностью в нашей статье мы будем понимать «способность контролировать и направлять свой собственный программный поток, принимая независимые решения о конкретных путях, последовательности и характере действий, которые должны быть выполнены для достижения своих целей» (ItWeek 2025). Это концепция, которая относится к способности сущности (например, человека, животного или искусственного интеллекта) действовать автономно, принимать решения и влиять на окружающую среду: действовать самостоятельно, без непосредственного внешнего контроля; ставить перед собой цели и стремиться к их достижению; обирать и анализировать данные из окружающей среды; взаимодействовать с другими агентами или объектами в окружающей среде и т.д.

Так, Р. Шарифзаде считает, что для признания ИИ соавтором не существует никаких теоретических препятствий, даже если тот не обладает сознанием. Ученый утверждает, что ChatGPT может удовлетворять критериям ответственности, а именно: способен предоставлять корректную достоверную информацию, признавать ошибки и исправлять их. И в этом ИИ во многом походит на людей, которые не всегда предоставляют верную информацию, совершают ошибки и не могут гарантировать безупречности своей работы. Не стоит требовать от машины того, что мы не требуем и не должны требовать от людей, заявляет автор. Мы можем приписать ИИ моральную ответственность – считать его достойным осуждения или похвалы – на основании того, что он может следовать заложенным в него моральным кодам, даже не понимая их значения (Sharifzadeh 2024).

Способность ИИ нести некоторую степень ответственности подтверждается рядом исследований. Известно, что одна из самых критикуемых особенностей ИИ – это так называемые галлюцинации (явление, при котором ИИ уверенно генерирует правдоподобный текст, на самом деле содержащий недостоверные факты). Учитывая это, доверять ИИ и относиться к нему как к ответственному соавтору представляется неразумным. Однако исследование, проведенное Д.Х. Чой и соавторами, показало, что ИИ может не галлюцинировать, если его об этом попросить. ChatGPT выдавал правдивую информацию для прохождения экзамена по юриспруденции после того, как ему дали инструкцию не придумывать неверные факты (Choi 2022).

Более того, изобретатели отмечают, что избавляться от галлюцинаций ИИ не всегда целесообразно, потому что они могут приносить пользу. Так, доктор Д. Бейкер совместно с другими учеными-химиками получил в 2023 году Нобелевскую премию за открытие быстрого способа создания белков. Бейкер в интервью журналисту «Нью-Йорк Таймс» отметил, что ключевую роль в его работе сыграл ИИ, который создал тысячи виртуальных белков, несуществующих в природе, что, в свою очередь, помогло ученым разработать реальные белки. Благодаря новой технологии команда химиков получила около 100 патентов, в том числе патент на инновационный способ лечения рака и борьбу с вирусными инфекциями по всему миру (Broad 2024). Подобные примеры показывают, что в ряде случаев галлюцинации могут восприниматься не как безответственное распространение дезинформации, а как творческий акт, расширяющий границы человеческого мышления.

Иногда сомнению подвергается именно оригинальность текстов, сгенерированных ИИ. Некоторые считают, что ИИ не может быть автором, поскольку не способен внести личный вклад в выполнение работы (см. выше критерии авторства ICMJE). Однако ученые отмечают, что ИИ справляется с написанием оригинальных текстов, содержащих идеи, которые можно назвать новыми, творческими или полезными. Д. Хааз и П. Ханель сравнили креативность генеративного ИИ (а именно: чат-ботов *alpha.ai*, *Copy.ai*, *ChatGPT-3*, *ChatGPT-4*, *Studio.ai* и *YouChat*) с креативностью людей. Участники эксперимента должны были придумать как можно больше идей использования пяти различных предметов. Комментируя результаты, исследователи отмечают, что не выявили качественных различий между креативностью ИИ и людей. В обоих случаях встречались как оригинальные, так и менее оригинальные и даже нерелевантные идеи. При этом лишь 9,4 % людей показали более высокий уровень креативности, чем самый креативный ИИ – ChatGPT-4. Таким образом, как отмечают исследователи, чат-боты можно назвать креативными. В основе креативности лежат не реальный опыт, эмоции и вдохновение, а способность создавать нечто новое и полезное (Haase, Hanel 2023).

Однако подобное творчество осуществляется лишь во взаимодействии с людьми, поскольку ИИ обычно генерирует идеи в ответ на запросы человека, который запускает творческий процесс (Runco, Jaeger 2012). Это объясняется тем, что, в отличие от простой креативности, которая предполагает комбинацию уже известных ранее идей, креативность более высокого порядка для ИИ пока не доступна. В 1998 году М.А. Боден отмечал, что трансформационная креативность (создание прежде невозможных и недостижимых идей, революционных изменений и прорывных открытий) для генеративных

моделей пока недоступна. Однако, отмечает исследователь, в будущем ИИ может освоить трансформационную креативность, если усвоит ценностные ориентиры и научится определять, что будет признано обществом как ценность, а что нет (Boden 1998).

Более интересен подход к оригинальности контента, который предлагает А. Саркар. Он отмечает, что с развитием систем ИИ меняется сам характер творческой и интеллектуальной деятельности. Подобно промышленной революции, которая свела на нет зависимость человека от ручных операций, изменения в сфере ИИ приводят к тому, что чат-боты выполняют вместо человека труд, связанный с производством контента. Когда этот процесс будет полностью «механизирован», общество перестанет воспринимать его как творческий. Таким образом произойдет сдвиг от создания информации к ее «критической интеграции», которая заключается в том, что человек не создает ничего нового, а интегрирует результаты, сгенерированные ИИ, в более широкий контекст: выбирает самые удачные стратегии использования ИИ, формулирует запросы, критически оценивает качество сгенерированного контента. То есть человек перестает играть роль «творца» и входит в роль «эксперта» или «редактора» (Sarkar 2023). Это может привести к интересному парадоксу: люди, которые называют себя авторами, перестанут создавать оригинальный контент, а генеративные модели, авторство которых подвергается сомнению, будут главным источником новых креативных идей.

В контексте образования это может привести к тому, что успеваемость студентов станет оцениваться совсем по другим принципам: прежде всего будет проверяться не умение писать с чистого листа, творить и предлагать новые идеи, а способность управлять запросами к ИИ, редактировать и критически оценивать сгенерированный контент.

Активная роль ИИ в создании текстов и изменения, которые он привносит в этот процесс, не только ведет к признанию агентности ИИ, но и провоцирует пересмотр представлений об авторстве и творчестве, о месте в них человека и технологий. Далее мы рассмотрим теоретические подходы к пониманию концепции соавторства, позволяющие проанализировать эти изменения.

4. Соавторство человека и ИИ

Многие исследователи в размышлениях о соавторстве человека и искусственного интеллекта опираются на акторно-сетевую теорию Бруно Латура, Мишеля Каллона и Джона Ло (далее – АСТ), согласно которой «никакая наука о социальном не может даже начаться, если прежде всего не будет тщательно изучен вопрос о том, кто и что участвует в действии, даже если это может означать включение в качестве элементов [взаимодействия]...

не-человеков» (Latour 2005, p. 72). Сторонники АСТ не противопоставляют человеческие и не-человеческие акторы, а видят в них равноправных участников взаимодействия, формирующих устойчивую сеть. Из этого следует, что актором может быть и объект, не обладающий сознанием, но при этом активно влияющий на процесс взаимодействия. Например, С. Вулгар предполагает, что один из способов объяснить социальную природу ИИ – значит отвергнуть идею о том, что между людьми и машинами существует внутреннее различие в социальных способностях. Уже в 1985 году он призывал к развитию социологии машин для анализа функционирования систем ИИ как социальных акторов, которые формируют социальные отношения и конструируют социальные реальности (Woolgar 1985).

Однако даже в рамках АСТ главную ответственность за происходящее пока предпочитают возлагать на людей – «человеческих акторов». Так, Л. Юйин и Ч. Цзиньчи в качестве основных акторов, ответственных за возникновение этических проблем, называют разработчиков генеративных моделей, поставщиков инструментов ИИ, медиаплатформы и компании по сбору данных. Исследователи отмечают, что этические проблемы (предвзятость генеративных моделей, неправомерное использование ИИ человеком, утрата общественного доверия, нарушение конфиденциальности) возникают вследствие сложных и многослойных взаимосвязей в сети, когда акторы разной природы взаимодействуют друг с другом, но при этом люди не проявляют озабоченности последствиями этих взаимодействий (Li, Zhu 2024).

Логичным продолжением АСТ является теория распределенного соавторства. Согласно этому подходу, представление о единственном авторе в лице человека – это пережиток идеализированного и мифологического прошлого эпохи романтизма, когда главной фигурой, имеющей власть над текстом, считался «автор-гений», руководствовавшийся исключительно своим вдохновением и личным видением. С развитием технологий (распространением медиа прежде всего) наступил новый этап. Новые средства коммуникации распределили авторство между множествами агентов (людей, технологий, данных, организаций и т.д.), которые взаимодействуют между собой внутри социальной системы. Теория распределенного авторства берет свое начало в таких работах периода становления постмодернизма, как «Смерть автора» Ролана Барта, «Что такое автор?» Мишеля Фуко, «Грамматология» Жака Деррида и «Открытое произведение» Умберто Эко.

Так, Р. Барт в эссе 1967 года утверждал, что автор – это феномен, порожденный обществом Средневековья и представляющий собой олицетворение индивидуализма. Однако в действитель-

ности язык существует независимо от автора, а его значение определяется не личностью автора, а взаимодействием текста с читателем. Текст – это «a text is made of multiple writings, drawn from many cultures and entering into mutual relations of dialogue, parody, contestation, but there is one place where this multiplicity is focused and that place is the reader, not, as was hitherto said, the author. The reader is the space on which all the quotations that make up a writing are inscribed without any of them being lost; a text's unity lies not in its origin but in its destination» («Текст состоит из множества текстов, взятых из разных культур и вступающих во взаимные отношения диалога, пародии, соперничества, но есть одно место, где эта множественность сосредоточена, и это место – читатель, а не автор, как утверждалось ранее. Читатель – это пространство, на котором все цитаты, составляющие текст, записываются так, что ни одна из них не теряется; единство текста заключается не в его происхождении, а в его предназначении» (Barthes 1986, p.51)). Соответственно, чтобы текст обрел смысл, автор должен «умереть», а читатель – «родиться», чтобы наделить текст значением.

М. Фуко рассматривал автора как функцию, которая организует тексты и придает им определенный статус в культуре, а также обеспечивает дискурсивность, т.е. возможности и правила для создания других текстов. При этом текст отделяется от автора и существует независимо от него, в то время как писатель-субъект исчезает. Даже его имя перестает принадлежать ему как биографической личности, а становится всего лишь частью текста. Имя автора – это не просто ярлык, а часть культуры (Foucault 1969).

Ж. Деррида также критиковал традиционные представления об авторстве. Для того, чтобы показать, что язык – это открытая и динамичная система, он ввел такое понятие, как «различание» (франц. *différance*, от *differ* – «различать» и *defaire* – «разбирать»), которое означает невозможность найти и сохранить единственное значение. То есть смысл слова всегда определяется через его отличие от других слов и никогда не фиксируется окончательно, а зависит от будущих интерпретаций. Абсолютного смысла не существует, слова представляют собой следы следов (Деррида 1967). Таким образом, язык отражает происходящее в обществе, а текст создается только путем преобразования другого текста.

У. Эко также утверждал, что смысл текста определяется не авторским замыслом, а его интерпретацией. Говоря об искусстве, философ отмечал, что открытость произведения выражается как «допустимость бесконечного ряда возможных его прочтений, каждое из которых вдыхает в это произведение новую жизнь в соответствии с личной точкой зрения, вкусом, исполнением» (Эко 2004).

Эти идеи объясняют принципы распределенного авторства, которое с появлением ИИ еще более отдаляет тексты от того, кто его написал. Теперь в написании текста может участвовать не только автор-человек (субъектность которого не существует до появления текста, вне социального контекста и исчезает по мере дальнейшей «жизни» текста), не только читатель (наделяющий текст смыслом), но также ИИ как соавтор, который является одним из элементов современной культуры и потому активно участвует в формировании текстов. Более того, модели ИИ включают в себя других участников распределенного авторства – разработчиков, пользователей, алгоритмы, данные, вложенные в них ценности и т.д. С развитием технологий категория автора становится более размытой и распределенной. Роль автора-человека трансформируется.

Как отмечает П. Гудфеллоу, в такой ситуации человек все чаще действует не как автор, а как «куратор, поскольку теперь главной задачей является не создание материала, а то, что делать с информацией, как ее структурировать, хранить и представлять» (Goodfellow 2023).

Однако мнения исследователей относительно применения теории распределенного авторства расходятся. Одни используют ее, чтобы подчеркнуть значимость ИИ в процессе создания текстов и предостеречь от излишнего антропоцентризма, другие же видят в ней подтверждение тому, что исключительно человек как наивысшая ценность способен быть полноценным участником социальных практик, и потому только он по-прежнему может претендовать на главную роль автора-творца. Так, А. Челик заявляет, что признание ИИ в качестве автора ошибочно: автор эпохи романтизма остался в прошлом, однако разговоры о смерти субъекта, существующего независимо от текста, есть превеличие.

«Смерть» автора-человека отнюдь не значит, что его место должен занять нечеловеческий актор (Çelik 2023). Чтобы аргументировать свою позицию, Челик ссылается на концепцию интертекстуальности, введенную Ю. Кристевой, объединившей идеи Фердинанда де Соссюра и Михаила Бахтина (Кристева 2000, с. 432). Но здесь надо видеть, что М. Бахтин подчеркивал диалогичную природу языка, его многоголосие, в котором каждое высказывание непременно субъектно и существует в отношении других высказываний. Для Бахтина «диалог – это не только язык, присвоенный субъектом, но еще и письмо, в котором прочитывается голос другого» (цит. по: Кристева 2000, с. 433). Согласно этой точке зрения, автор не может быть мертв в принципе. Его голос утрачивает авторитет, но, несмотря на это, продолжает отчетливо звучать в полифонии других голосов. ИИ в этом контексте может быть автором, поскольку участие в таком диалоге – один из равноправных

голосов, представляющим определенный «опыт» порождения текста и взаимодействия в диалоге с другими текстами.

Развивая бахтинские идеи, Ф. Бомба и соавторы вводят схожее понятие – «переплетенное авторство» – и определяют его как «деиндивидуализированное производство знания» (Bomba, Menéndez-Blanco, Grigis 2024). Они утверждают, что такого рода авторство возникает в результате взаимодействия агентов, совместно создающих знание, а не из отдельных сущностей в виде одного автора-человека или одной машины. Однако, отмечают исследователи, машины не обладают намерением, поэтому право собственности на результаты деятельности, по их мнению, по-прежнему принадлежит человеку.

Примечательно, что эта концепция перекликается с написанной чуть ранее статьей К. Фрауэнберга, в которой он совмещает ранее упомянутую нами АСТ с постфеноменологией, объектно-ориентированной онтологией и агентным реализмом. Он объединяет эти подходы в общую теорию (теорию взаимосвязей), согласно которой человек и вещи не могут существовать отдельно друг от друга и формируются только посредством взаимодействия с другими сущностями. Так, Фрауэнбергер приходит к новому пониманию отношений человека и компьютера – переплетенному взаимодействию (Entanglement HCI), при котором границы между технологиями и человеком размываются; человек перестает быть единственным активным участником отношений, а нечеловеческие акторы, наоборот, по мере своего развития становятся более активными (Frauenberger 2019).

Примерно так же размышляет о трансформации взаимоотношений автора, читателя и технологий Х. Байор, который называет свою идею «модель каузального авторства». Он вводит своеобразную шкалу удаленности автора-человека от конечного текста. Казуальное авторство включает в себя следующие виды-этапы: 1) первичное авторство – написание текста полностью человеком; 2) вторичное авторство – создание текста ИИ, но по правилам, написанным человеком; 3) третичное авторство – использование машинного обучения, где правила генерируются автоматически; 4) четвертичное авторство – взаимодействие с большими языковыми моделями, где пользователь лишь предоставляет запросы (Bajohr 2023). Эта модель дополняет теорию распределенного авторства, акцентируя внимание на увеличении дистанции между текстом и его создателем, и служит основой для появления менее антропоцентрических концепций авторства.

Как следствие, в другой своей работе Байор предлагает концепцию анонимного авторства. Исследователь отмечает, что стандартное ожидание заключается в том, что по умолчанию авторство текста приписывается человеку. Это ожидание

трансформируется по мере развития технологий. Сегодня, если текст оказывается сгенерированным, читатель пока еще чувствует себя обманутым, потому что его ожидания от авторства не оправдались (если специально не указано, что текст полностью сгенерирован ИИ). Однако количество сгенерированного контента увеличивается. И в будущем может появиться новое стандартное отношение к текстам – сомнение в их происхождении. Далее, поскольку люди не могут постоянно жить в условиях неопределенности и стремятся к установлению нормы, модель ожидания человеческого авторства также устареет. Один из возможных сценариев – переход к постискусственным текстам, которые представляют собой гибрид человеческого и машинного творчества, стирают различия между естественным и искусственным. В таком случае вопрос об авторстве потеряет свою значимость: все тексты станут анонимными, а читателей будет интересовать в первую очередь не происхождение текста, а его содержание.

Таким образом, на пути к постискусственной литературе читатель пройдет через три ведущих состояния – обманутый, сомневающийся и безразличный. Байор предлагает сопротивляться подобному сценарию с помощью лингвистической непредсказуемости, т.е. экспериментировать с формой, разрушать стандартные языковые модели.

Стандарт анонимного авторства – феномен будущего. Однако практика издания текстов, не подписанных именами авторов, существует уже сегодня. Й.Т. Деннис приводит в качестве примера журнал «The Economist», который публикует статьи, созданные коллективом авторов и редакторов. При таком подходе тексты становятся «плодом коллективного разума», «коллективной мудрости», что «претендует на определенную степень объективности, недоступную отдельным авторам» (Tenen 2024). Хотя здесь пока не идет речи о включении ИИ в коллектив авторов, можно предположить, что такая практика либо возникнет в недалеком будущем, либо уже есть, но пока не оформлена надлежащим образом и не озвучивается.

Заключение

В последнее время появляется все больше аргументов в пользу того, что ИИ субъектен: искусственный интеллект демонстрирует признаки субъекта, может нести некоторую (условную пока) степень ответственности, способен создавать достоверные, креативные, оригинальные тексты, не уступающие по качеству человеческим. Это дает некоторым исследователям основание считать его соавтором человека. Действительно, ИИ может выглядеть таковым. Однако при всех своих впечатляющих возможностях ИИ не обладает пониманием, которым обладают люди. Для описания этого феномена воспользуемся метафорой «стохастиче-

ский попугай» Эмили М. Бендер, которая указывает, что модели генерируют правдоподобный текст, основываясь на статистических закономерностях, но при этом не понимают значения языка. Они «перебирают» существующие в данных слова и фразы, но не имеют доступа к контексту и семантике, как человек. ИИ пока еще остается инструментом, который искусно имитирует осмысленную человеческую речь, но на самом деле не может ее осмыслить, как человек. Этот факт ставит вопрос о природе субъектности ИИ и возможности уравнивания ее с человеческими возможностями, который в данной работе мы можем поставить, но претендовать на ответ пока не в состоянии.

Кроме того, АСТ и теории распределенного, переплетенного, каузального, анонимного авторства дали нам понять, что ИИ – пока еще не единственный агент, а сложный конструкт, который включает в себя множество агентов (людей и алгоритмов), представляет собой коллективный разум, отражающий состояние общества и ценности работников. Это означает, что даже несмотря на то, что внешне ИИ может демонстрировать поведение субъекта, но по природе своей этот субъект явно иной, чем человеческий. И ответственность за результат по-прежнему несет человек. Взаимодействуя с ИИ в процессе написания текстов, он играет роль редактора, руководителя и вдохновителя; принимает решения о структуре, логике и содержании работы, вносит необходимые правки, чтобы текст соответствовал замыслу.

Признавая ИИ равноправным соавтором и придерживаясь принципа распределенного авторства, человек рискует переложить на генеративную модель ответственность за производство текстов и последствия этого производства, что может привести к этическим проблемам: проблема «призрачного авторства», при которой профессиональный писатель выполняет за гонорар работу, приписываемую другому автору; проблема «авторства в подарок», когда в числе авторов указан автор, не соответствующий критериям соавторства, чаще всего ради получения взаимной выгоды; «гостевого авторства», когда авторитетные авторы одалживают свое имя исследованию, чтобы вызвать благодаря этому доверие у читателей (AJE 2025). Если на практике человек не выступает в качестве основного автора и редактора, но выдает чужие тексты за свои, как в подобных сценариях, это свидетельствует о смене практик, касающихся многих – в том числе этических – аспектов существования текстов в практиках человечества.

В то же время нельзя отрицать развивающиеся способности ИИ в производстве текстов и смыслов, его потенциал и все возрастающую социальную роль. Возможно, дискуссии на тему соавторства человека и ИИ приведут к тому, что в будущем общество пересмотрит понятие авторства или признает

новую его форму. В случае появления сильного ИИ (AGI) появится больше оснований для того, чтобы назвать его субъектом, поскольку способности ИИ к имитации понимания и осмысленных текстов будут гораздо сильнее. Но пока субъектность и соавторство ИИ является не его внутренней характеристикой, а социальным конструктом, результатом взаимодействия с человеком.

Источники фактического материала

Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений (Парижский акт от 24 июля 1971 г., с изменениями от 28 сентября 1979 г.) // Бернская конвенция для охраны литературных и художественных произведений. URL: https://www.wipo.int/treaties/en/ip/berne/summary_berne.html (дата обращения: 07.04.2025).

AJE. *Ghost Authorship, Gift Authorship, Guest Authorship: 3 Practices to Avoid*, [Online], available at: <https://www.aje.com/arc/ghost-authorship-gift-authorship-guest-authorship/> (Accessed March 1, 2025).

COPE Council. *Authorship and AI tools. COPE position – Authorship and AI – English*, [Online], available at: <https://doi.org/10.24318/cCVRZBms> (Accessed March 1, 2025).

EUROPEAN PARLIAMENT. *Artificial intelligence act: Proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council*, [Online], available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021PC0206>.

ICMJE. *Defining the Role of Authors and Contributors*, [Online], available at: <https://www.icmje.org/recommendations/browse/roles-and-responsibilities/defining-the-role-of-authors-and-contributors.html> (Accessed March 1, 2025).

ItWeek. Является ли ваш ИИ действительно «агентным» или просто «агентоподобным»? // Искусственный интеллект. 17.01.2025. URL: <https://www.itweek.ru/ai/article/detail.php?ID=231480> (дата обращения: 01.03.2025).

ONCOSCIENCE. *Introducing Oncoscience*, [Online], available at: <https://www.oncoscience.us/> (Accessed 1 March 2025).

Библиографический список

Anderson, N., Belavy, D.L., Perle, S.M., et al. (2023), AI did not write this manuscript, or did it? Can we trick the AI text detector into generated texts? The potential future of ChatGPT and AI in Sports & Exercise Medicine manuscript generation, *BMJ Open Sport Exerc Med*, vol. 9, no. 1, DOI: <https://doi.org/10.1136/bmjsem-2023-001568>.

Aydoğdu Çelik, M. (2023), Death of the author: a survey on artificial intelligence in literature, *Journal of Communication Science Researches*, vol. 3, no. 2, pp. 142–154.

- Bajohr, H. (2023), *Artificial and post-artificial texts. On machine learning and the reading expectations towards literary and non-literary writing*, Universität Basel, Basel, [Online], available at: <https://mediarep.org/entities/book/97e3a213-ae8e-4286-8b7a-be8f6433fafb> (Accessed 1 March 2025).
- Bajohr, H. (2024), Writing at a distance: notes on authorship and artificial intelligence, *German Studies Review*, pp. 315–337.
- Barthes, R. (1986), *The rustle of language*, Hill and Wang, New York, USA.
- Boden, M.A. (1998), Creativity and artificial intelligence, *Artificial Intelligence*, vol. 103, pp. 347–356.
- Bozkurt, A. (2024), GenAI et al.: cocreation, authorship, ownership, academic ethics and integrity in a time of generative AI, *Open Praxis*, vol. 16, no. 1, pp. 1–10, DOI: <https://doi.org/10.55982/openpraxis.16.1.654>.
- Bridy, A. (2012), Coding creativity: copyright and the artificially intelligent author, *Stanford Technology Law Review*, pp. 2–28.
- Broad, W.J. (2024), How hallucinatory A.I. helps science dream up big breakthroughs, *The New York Times*, Dec. 23, [Online], available at: <https://www.nytimes.com/2024/12/23/science/ai-hallucinations-science.html?smid=url-share> (Accessed 1 March 2025).
- Bomba, B., De Angeli, A. (2024), More than human art: agency, creativity and authorship, *SSRN*, [Online], available at: <https://ssrn.com/abstract=5108335> (Accessed 1 March 2025).
- Choi, J.H., Hickman, K.E., Monahan, A.B., Schwarcz, D. (2022), ChatGPT goes to law school, *Journal of Legal Education*, vol. 71, no. 3, [Online], available at: <https://jle.aals.org/home/vol71/iss3/2/> (Accessed 1 March 2025).
- Cilliers, P. (1998), *Complexity and postmodernism: understanding complex systems*, Routledge, London and New York.
- Dennett, D.C. (1971), Intentional systems, *The Journal of Philosophy*, vol. 68, no. 4, pp. 87–106, DOI: <https://doi.org/10.2307/2025382>.
- D'Amato, K. (2024), ChatGPT: towards AI subjectivity, *AI & SOCIETY*, DOI: <https://doi.org/10.1007/s00146-024-01898-z>.
- Ergun, Y. (2023), Redefining authorship in the era of artificial intelligence: balancing ethics, transparency, and progress, *ESMO Open*, vol. 8, no. 5, [Online], available at: https://www.esmoopen.com/article/S2059-7029%2823%2900869-4/fulltext?utm_source=chatgpt.com (Accessed January 14, 2025).
- Forsythe, D.E. (1993), The construction of work in artificial intelligence, *Science, Technology, & Human Values*, vol. 18, no. 4, pp. 460–479.
- Frauenberger, C. (2019), Entanglement HCI the next wave? *ACM Transactions on Computer-Human Interaction*, vol. 7, no. 1, Article 2, pp. 1–27, [Online], available at: <https://dl.acm.org/doi/10.1145/3364998> (Accessed 1 March 2025).
- Foucault, M. (2025), *What is an author?* [Online], available at: <https://genius.com/Michel-foucault-what-is-an-author-annotated> (Accessed 1 March 2025).
- Goodfellow, P. (2023), The distributed authorship of art in the age of AI, *Age of AI. Arts*, vol. 13, no. 5, DOI: <https://doi.org/10.3390/arts13050149>.
- Gorraiz, J. (2025), Acknowledging the new invisible colleague: Addressing the recognition of Open AI contributions in scientific publishing, *Journal of Informetrics*, vol. 19, no. 2.
- Haase, J., Hanel, P.H.P. (2023), Artificial muses: Generative artificial intelligence chatbots have risen to human-level creativity, *Journal of Creativity*, vol. 33, no. 3, [Online], available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2713374523000250> (Accessed 1 March 2025).
- Jasanoff, S. (2016), *The ethics of invention: Technology and the human future*, W.W. Norton & Company, New York, USA.
- Latour, B. (2005), *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Li, Y., Zhu, J. (2024), An ethical study of generative AI from the actor-network theory perspective, *International Journal on Cybernetics & Informatics (IJCI)*, vol. 13, no. 1, pp. 67–78.
- Northoff, G., Gouveia, S.S. (2024), Does artificial intelligence exhibit basic fundamental subjectivity? A neurophilosophical argument, *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, vol. 23, pp. 1097–1118.
- Polonsky, M.J., Rotman, D.J. (2023), Should Artificial Intelligent Agents be Your Co-author? Arguments in Favour, Informed by ChatGPT, *Australasian Marketing Journal*, vol. 31, no. 2, pp. 91–96.
- Plevrakis, E. (2024), Can AI be a subject like us? A Hegelian speculative-philosophical approach, *Discover Computing*, vol. 27, no. 46, [Online], available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10791-024-09472-3> (Accessed 14 January 2025).
- Runco, M.A., Jaeger, G.J. (2012), The standard definition of creativity, *Creativity Research Journal*, vol. 24, no. 1, pp. 92–96, DOI: <https://doi.org/10.1080/10400419.2012.650092>.
- Samuel, G. (2023), AI and the future of authorship, *Journal of Intellectual Property Law & Practice*, vol. 18, no. 4, pp. 231–239, DOI: <https://doi.org/10.1093/jiplp/jpad001>.
- Scimeca, M., Bonfiglio, R. (2023), Dignity of science and the use of ChatGPT as a co-author, *ESMO Open*, vol. 8, no. 4, [Online], available at: [https://www.esmoopen.com/article/S2059-7029\(23\)00842-6/fulltext](https://www.esmoopen.com/article/S2059-7029(23)00842-6/fulltext) (Accessed 14 January 2025).
- Sarkar, A. (2023), Exploring perspectives on the impact of artificial intelligence on the creativity of knowledge work: beyond mechanised plagiarism and stochastic parrots, *In Annual Symposium on Human-Computer Interaction for Work*, Oldenburg,

Germany, [Online], available at: <https://arxiv.org/pdf/2307.10751> (Accessed 1 March 2025).

Sharifzadeh, R. (2024), ChatGPT as co-author? AI and research ethics, *Ethics in Progress*, vol. 15, no. 1, pp. 155–173.

Teixeira da Silva, J.A., Tsigaris, P. (2023), Human- and AI-based authorship: Principles and ethics. *Learned Publishing*, vol. 36, no. 3, pp. 453–462, DOI: <https://doi.org/10.1002/leap.1547>.

Tenen, D.Y. (2024), Author – anonymous and distributed, *New Techno-Humanities*, vol. 4, pp. 54–57.

Bomba, F., Menéndez-Blanco, M., Grigis, P., et al. (2024), The choreographer-performer continuum: a diffraction tool to illuminate authorship in more than human co-performances, *ACM Trans. Comput.-Hum. Interact.*, vol. 31, no. 6, [Online], available at: <https://dl.acm.org/doi/10.1145/3689040> (Accessed 1 March 2025).

Woolgar, S. (1985), Why not a sociology of machines? The case of sociology and artificial intelligence, *Sociology*, vol. 19, no. 4, pp. 557–572.

Wojtczak, S. (2023), On actor-network theory and algorithms: ChatGPT and the new power relationships in the age of AI, *AI and Ethics*, vol. 4, pp. 1071–1084.

Weber-Wulff, D., Anohina-Naumeca, A., Bjelobaba, S., et al. (2023), Testing of detection tools for AI-generated text, *Int J Educ Integr*, vol. 19, p. 26, DOI: <https://doi.org/10.1007/s40979-023-00146-z>.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Москва: Прогресс, 1994. 616 с.

Деррида Ж. О грамматологии. Москва: Ad Marginem, 2000. 560 с.

Деррида Ж. Различание // Психоанализ. URL: <https://inlnk.ru/yODoav> (дата обращения: 01.03.2025).

Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. Москва, 2000. С. 427–457.

Степанова Н.И. Интертекстуальность в текстах культуры // Преподаватель XXI век. 2012. № 3. С. 360–363.

Фуко М. Что такое автор? // Фуко М. Работы разных лет. Санкт-Петербург: Наука, 1996. С. 391–409.

Эко У. Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике. Санкт-Петербург: Академический проект, 2004. 384 с.

References

Anderson, N., Belavy, D.L., Perle, S.M., et al. (2023), AI did not write this manuscript, or did it? Can we trick the AI text detector into generated texts? The potential future of ChatGPT and AI in Sports & Exercise Medicine manuscript generation, *BMJ Open Sport Exerc Med*, vol. 9, no. 1, DOI: <https://doi.org/10.1136/bmjsem-2023-001568>.

Aydoğdu Çelik, M. (2023), Death of the author: a survey on artificial intelligence in literature, *Journal*

of Communication Science Researches, vol. 3, no. 2, pp. 142–154.

Bajohr, H. (2023), *Artificial and post-artificial texts. On machine learning and the reading expectations towards literary and non-literary writing*, Universität Basel, Basel, [Online], available at: <https://mediarep.org/entities/book/97e3a213-ae8e-4286-8b7a-be8f6433fafb> (Accessed 1 March 2025).

Bajohr, H. (2024), Writing at a distance: notes on authorship and artificial intelligence, *German Studies Review*, pp. 315–337.

Barthes, R. (1986), *The rustle of language*, Hill and Wang, New York, USA.

Boden, M.A. (1998), Creativity and artificial intelligence, *Artificial Intelligence*, vol. 103, pp. 347–356.

Bozkurt, A. (2024), GenAI et al.: cocreation, authorship, ownership, academic ethics and integrity in a time of generative AI, *Open Praxis*, vol. 16, no. 1, pp. 1–10, DOI: <https://doi.org/10.55982/openpraxis.16.1.654>.

Bridy, A. (2012), Coding creativity: copyright and the artificially intelligent author, *Stanford Technology Law Review*, pp. 2–28.

Broad, W.J. (2024), How hallucinatory A.I. helps science dream up big breakthroughs, *The New York Times*, Dec. 23, [Online], available at: <https://www.nytimes.com/2024/12/23/science/ai-hallucinations-science.html?smid=url-share> (Accessed 1 March 2025).

Bomba, B., De Angeli, A. (2024), More than human art: agency, creativity and authorship, *SSRN*, [Online], available at: <https://ssrn.com/abstract=5108335> (Accessed 1 March 2025).

Choi, J.H., Hickman, K.E., Monahan, A.B., Schwarcz, D. (2022), ChatGPT goes to law school, *Journal of Legal Education*, vol. 71, no. 3, [Online], available at: <https://jle.aals.org/home/vol71/iss3/2/> (Accessed 1 March 2025).

Cilliers, P. (1998), *Complexity and postmodernism: understanding complex systems*, Routledge, London and New York.

Dennett, D.C. (1971), Intentional Systems, *The Journal of Philosophy*, vol. 68, no. 4, pp. 87–106, DOI: <https://doi.org/10.2307/2025382>.

D'Amato, K. (2024), ChatGPT: towards AI subjectivity, *AI & SOCIETY*, DOI: <https://doi.org/10.1007/s00146-024-01898-z>.

Ergun, Y. (2023), Redefining authorship in the era of artificial intelligence: balancing ethics, transparency, and progress, *ESMO Open*, vol. 8, no. 5, [Online], available at: https://www.esmooopen.com/article/S2059-7029%2823%2900869-4/fulltext?utm_source=chatgpt.com (Accessed January 14, 2025).

Forsythe, D.E. (1993), The construction of work in artificial intelligence, *Science, Technology, & Human Values*, vol. 18, no. 4, pp. 460–479.

Frauenberger, C. (2019), Entanglement HCI The Next Wave? *ACM Transactions on Computer-Human Interaction*, vol. 7, no. 1, Article 2, pp. 1–27, [Online],

available at: <https://dl.acm.org/doi/10.1145/3364998> (Accessed 1 March 2025).

Foucault, M. (2025), *What is an author?* [Online], available at: <https://genius.com/Michel-foucault-what-is-an-author-annotated> (Accessed 1 March 2025).

Goodfellow, P. (2023), The distributed authorship of art in the age of AI, *Age of AI. Arts*, vol. 13, no. 5, DOI: <https://doi.org/10.3390/arts13050149>.

Gorraiz, J. (2025), Acknowledging the new invisible colleague: Addressing the recognition of Open AI contributions in scientific publishing, *Journal of Informetrics*, vol. 19, no. 2.

Haase, J., Hanel, P.H.P. (2023), Artificial muses: Generative artificial intelligence chatbots have risen to human-level creativity, *Journal of Creativity*, vol. 33, no. 3, [Online], available at: <https://www.science-direct.com/science/article/pii/S2713374523000250> (Accessed 1 March 2025).

Jasanoff, S. (2016), *The ethics of invention: Technology and the human future*, W.W. Norton & Company, New York, USA.

Latour, B. (2005), *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Li, Y., Zhu, J. (2024), An ethical study of generative AI from the actor-network theory perspective, *International Journal on Cybernetics & Informatics (IJCI)*, vol. 13, no. 1, pp. 67–78.

Northoff, G., Gouveia, S.S. (2024), Does artificial intelligence exhibit basic fundamental subjectivity? A neurophilosophical argument, *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, vol. 23, pp. 1097–1118.

Polonsky, M.J., Rotman, D.J. (2023), Should Artificial Intelligent Agents be Your Co-author? Arguments in Favour, Informed by ChatGPT, *Australasian Marketing Journal*, vol. 31, no. 2, pp. 91–96.

Plevrakis, E. (2024), Can AI be a subject like us? A Hegelian speculative-philosophical approach, *Discover Computing*, vol. 27, no. 46, [Online], available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10791-024-09472-3> (Accessed 14 January 2025).

Runco, M.A., Jaeger, G.J. (2012), The standard definition of creativity, *Creativity Research Journal*, vol. 24, no. 1, pp. 92–96, DOI: <https://doi.org/10.1080/10400419.2012.650092>.

Samuel, G. (2023), AI and the future of authorship, *Journal of Intellectual Property Law & Practice*, vol. 18, no. 4, pp. 231–239, DOI: <https://doi.org/10.1093/jiplp/jpad001>.

Scimeca, M., Bonfiglio, R. (2023), Dignity of science and the use of ChatGPT as a co-author, *ESMO Open*, vol. 8, no. 4, [Online], available at: [https://www.esmopen.com/article/S2059-7029\(23\)00842-6/fulltext](https://www.esmopen.com/article/S2059-7029(23)00842-6/fulltext) (Accessed 14 January 2025).

Sarkar, A. (2023), Exploring perspectives on the impact of artificial intelligence on the creativity of

knowledge work: beyond mechanised plagiarism and stochastic parrots, *In Annual Symposium on Human-Computer Interaction for Work*, Oldenburg, Germany, [Online], available at: <https://arxiv.org/pdf/2307.10751> (Accessed 1 March 2025).

Sharifzadeh, R. (2024), ChatGPT as co-author? AI and research ethics, *Ethics in Progress*, vol. 15, no. 1, pp. 155–173.

Teixeira da Silva, J.A., Tsigaris, P. (2023), Human- and AI-based authorship: Principles and ethics. *Learned Publishing*, vol. 36, no. 3, pp. 453–462, DOI: <https://doi.org/10.1002/leap.1547>.

Tenen, D.Y. (2024), Author – anonymous and distributed, *New Techno-Humanities*, vol. 4, pp. 54–57.

Bomba, F., Menéndez-Blanco, M., Grigis, P., et al. (2024), The choreographer-performer continuum: a diffraction tool to illuminate authorship in more than human co-performances, *ACM Trans. Comput.-Hum. Interact.*, vol. 31, no. 6, [Online], available at: <https://dl.acm.org/doi/10.1145/3689040> (Accessed 1 March 2025).

Woolgar, S. (1985), Why not a sociology of machines? The case of sociology and artificial intelligence, *Sociology*, vol. 19, no. 4, pp. 557–572.

Wojtczak, S. (2023), On actor-network theory and algorithms: ChatGPT and the new power relationships in the age of AI, *AI and Ethics*, vol. 4, pp. 1071–1084.

Weber-Wulff, D., Anohina-Naumeca, A., Bjelobaba, S., et al. (2023), Testing of detection tools for AI-generated text, *Int J Educ Integr*, vol. 19, p. 26, DOI: <https://doi.org/10.1007/s40979-023-00146-z>.

Bart, R. (1994), *Selected works: semiotics, poetics*, Progress, Moscow, Russia, (In Russian).

Derrida, J. (2000), *About grammatology*, Ad Marginem Publ., Moscow, Russia, (In Russian).

Derrida, J. (1967), Distinction, *Psychoanalysis*, [Online], available at: <https://inlnk.ru/yODoAB> (Accessed 1 March 2025), (In Russian).

Kristeva, Y. (2000), Bakhtin, word, dialogue and novel, *French Semiotics: From Structuralism to Post-structuralism*, Moscow, pp. 427–457, (In Russian).

Stepanova, N.I. (2012), Intertextuality in cultural texts, *Teacher XXI century*, no. 3, pp. 360–363, (In Russian).

Foucault, M. (1996), What is an Author?, *Foucault M. Works of Different Years*, Nauka, St. Petersburg, Russia, pp. 391–409, (In Russian).

Eco, U. (2004), Open work, *Form and Indeterminacy in Contemporary Poetics*, Academic Project, St. Petersburg, Russia, (In Russian).

Submitted: 02.02.2025

Revised: 15.03.2025

Accepted: 18.06.2025

НАУЧНАЯ РЕЦЕНЗИЯ
УДК 62:1+1(430)(092)

DOI: 10.18287/

Дата поступления: 05.06.2025
принятия: 23.06.2025

А.А. Лисенкова

Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: oskar46@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8825-3760>

Г.Л. Тульчинский

НИУ «Высшая школы экономики –
Санкт-Петербург»,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: gtul@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5820-7333>

**Человек, техника и космос: о значении книги Фридриха Дессауэра
«Человек и космос. Спор о технике» в переводе А.Ю. Нестерова.
Рецензия на книгу «Человек и космос. Опыт. Спор о технике»
в переводе А.Ю. Нестерова**

Аннотация: в работе рассматриваются ключевые идеи Ф. Дессауэра, связанные с философией техники, взаимодействием человека и технологий, а также с концепцией «четвёртого царства» техники, которая интерпретируется как новая форма бытия, созданная человеком. Авторы рецензии подчёркивают актуальность идей Дессауэра в контексте современных технологических вызовов, таких как развитие технологий искусственного интеллекта, биотехнологий, виртуальной и дополненной реальностей и др. Особое внимание уделяется роли техники как созидательной и разрушительной силы, а также её влиянию на изменение человеческого восприятия реальности и отношений с космосом.

Отдельного внимания заслуживает вклад переводчика А.Ю. Нестерова, который не только сохранил стилистические и терминологические особенности оригинала, но и сделал текст доступным для русскоязычной аудитории, снабдив его пояснительными комментариями.

Книга Дессауэра представлена как ключевой текст философии техники, который продолжает оставаться актуальным в эпоху развития современных технологий, изменяющих как нашу жизнь, так и понимание самих себя. Рецензия поднимает вопросы о пределах человеческого контроля над техникой, этических последствиях её развития и возможностях применения концепции метакосмоса к анализу современного технологического прогресса.

Ключевые слова: Фридрих Дессауэр; философия техники; человек и техника; четвёртое царство техники; метакосмос; технологический прогресс; искусственный интеллект; этика техники; постгуманизм; технологическая реальность.

Цитирование: Лисенкова А.А., Тульчинский Г.Л. Человек, техника и космос: о значении книги Фридриха Дессауэра «Человек и космос. Спор о технике» в переводе А.Ю. Нестерова. Рецензия на книгу «Человек и космос. Опыт. Спор о технике» в переводе А.Ю. Нестерова // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 2. С. 134–138. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-2-134-138>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Лисенкова А.А., Тульчинский Г.Л., 2025

Анастасия Алексеевна Лисенкова – доктор культурологии, директор Высшей школы общественных наук Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 194064, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 3-й учебный корпус, д. 29.

Григорий Львович Тульчинский – доктор философских наук, профессор, НИУ «Высшая школы экономики – Санкт-Петербург», 190121, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16.

SCIENTIFIC REVIEW

A.A. Lisenkova

Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University,
St. Petersburg, Russian Federation
E-mail: oskar46@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8825-3760>

G.L. Tulchinsky

HSE University Saint Petersburg,
St. Petersburg, Russian Federation
E-mail: gtul@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5820-7333>

Man, technology and cosmos: on the significance of Friedrich Dessauer's book "Man and Cosmos. The Dispute about Technology" in translation by A.Yu. Nesterov. Review of the book "Man and Cosmos. Experience. Dispute about Technology" translated by A.Yu. Nesterov

Abstract: the paper reviews Dessauer's key ideas related to the philosophy of technology, the interaction between humans and technology, and the concept of the "fourth realm" of technology, which is interpreted as a new form of being created by humankind. The authors of the review emphasize the relevance of Dessauer's ideas in the context of modern technological challenges, such as the development of artificial intelligence technologies, biotechnology, virtual and augmented reality, and others. Special attention is paid to the role of technology as a creative and destructive force, as well as its influence on the transformation of human perception of reality and human relations with the cosmos.

Special attention should be paid to the contribution of the translator A.Yu. Nesterov, who not only preserved the stylistic and terminological features of the original, but also made the text accessible to the Russian-speaking audience by providing it with explanatory comments.

Dessauer's book is presented as a key text in the philosophy of technology, which continues to be relevant in the era of contemporary technological development, which is changing both our lives and our understanding of ourselves. The review raises questions about the limits of human control over technology, the ethical implications of its development, and the possibilities of applying the concept of the metacosmos to the analysis of contemporary technological progress.

Key words: Friedrich Dessauer; philosophy of technology; man and technology; fourth realm of technology; metacosmos; technological progress; artificial intelligence; ethics of technology; posthumanism; technological reality.

Citation: Lisenkova, A.A. and Tulchinsky, G.L. (2025), Man, technology and cosmos: on the significance of Friedrich Dessauer's book "Man and Cosmos. The Dispute about Technology" in translation by A.Yu. Nesterov. Review of the book "Man and Cosmos. Experience. Dispute about Technology" translated by A.Yu. Nesterov, *Semioticheskiye issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 5, no. 2, pp. 134–138, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-2-134-138>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© Lisenkova A.A., Tulchinsky G.L., 2025

Anastasia A. Lisenkova – Doctor of Cultural Sciences, Director of the Graduate School of Social Sciences of the Humanities Institute, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 29, Polytechnicheskaya Str., 3rd academic building, St. Petersburg, 194064, Russian Federation.

Grigory L. Tulchinsky – Doctor of Philosophy, Professor, HSE University Saint Petersburg, 16, Pechatnikov Str., St. Petersburg, 190121, Russian Federation.

Введение

В современном мире, где технологический прогресс играет все большую роль и кардинально меняет не только нашу повседневность, но и фундаментальные основы всего человеческого существования, философия науки и техники приобретает особое значение. Одним из выдающихся

текстов в этой области является книга Фридриха Дессауэра «Человек и космос. Опыт. Спор о технике». В данной работе автором подняты чрезвычайно значимые вопросы, актуальные не только для середины XX века, но еще более важные сегодня, предлагается уникальный взгляд на взаимодействие человека и техники через призму косми-

ческого и метакосмического измерений. Сегодня мы все более внимательно относимся к неоднозначной роли техники с её созидательной и разрушительной силой. Развитие современных технологий, таких как искусственный интеллект, биотехнологии, квантовые вычисления, технологии дополненной и виртуальной реальностей ставят перед современным человечеством те же вопросы, которые поднимал Дессауэр: Каковы пределы человеческого контроля над техникой? Может ли техника заменить природу или человека? Какие этические последствия имеет развитие техники?

Основная часть

Фактически Дессауэр предвосхитил многие темы современной философии техники, особенно в том, что касается её связи с онтологией (которую он понимал как «соединение естественнонаучных, космических, обусловленных различными видами причинности слоёв реальности со слоем духа, располагающемся за пределами космоса, и со слоем метакосмоса, создаваемую человеком искусственную среду обитания» (Дессауэр 2024, с. 6) и этикой. Работа Фридриха Дессауэра направлена на исследование именно этих ключевых тем философии техники, а также места человека в мире технического прогресса, где техника становится не просто средством, а все более самостоятельным актором, что в современных условиях все расширяющейся технологической реальности делает текст Дессауэра еще более актуальным.

Дессауэр выделяет концепт «четвёртого царства» техники, интерпретируя его как новую форму бытия, созданную усилиями человека, обозначая тем самым появление нового порядка реальности, в котором техника занимает не менее важное место, чем природа. По Дессауэру это «Царство предустановленных образов решений, которое обосновывает и ограничивает технику, которая определяется через него» (Дессауэр 2024, с. 225). Эта идея «четвёртого царства» по-прежнему звучит очень актуально, подчёркивая двойственный характер техники, которая продолжает природные процессы и одновременно создаёт совершенно новую реальность. Новая реальность, созданная человеком, обладает собственной логикой и динамикой, где «изначальные формообразующие способности человека являются основанием технического исторического процесса [*geschichtliches Geschehen*], латентное наличие в «четвёртом царстве» предустановленных, подлежащих исполнению норм является *основанием возможности техники*» (Дессауэр 2024, с. 227). Фактически, согласно Дессауэру, технические изобретения позволяют человеку познать и осознать космос, научиться задавать ему вопросы и строить из полученных ответов системы знаний, выходя тем самым в пространство метакосмоса техники.

Космос раскрывается им как «естественный порядок природы, как надёжная и достоверная законосообразность мироздания, обнаруживаемая человеком с помощью эксперимента как правильно поставленного природе вопроса» (Дессауэр 2024, с. 3), таким образом, космос – рационально упорядоченная система, которую человек может познать через эксперименты и научные методы. Это ключевая идея Дессауэра, связывающая науку, философию и технику.

Одной из ключевых тем, которые остаются актуальными и сегодня, в книге Дессауэра является взаимодействие человека и техники. Автор подчёркивает, что техника – это не просто инструмент, но форма человеческой активности, позволяющая не только познавать и осваивать реальность, но и преодолеть ограничения природы и выйти за пределы привычных представлений о реальности. Тем самым, техника по своей сущности «есть выход из животного подчинения данностям природы, освобождение от них, самостоятельное и ответственное формирование среды, соответствующей потребностям души и духа, то есть это свобода в двойном смысле: свобода *от* подчинённости и свобода *к* собственному проекту, *к* формированию будущего» (Дессауэр 2024, с. 241).

Создавая и используя технику, преодолевая собственные ограничения, человек открывает новые горизонты для самовыражения и самореализации. Техническое творчество создает пространство для развития как физических возможностей, так и самосознания. В этом контексте человек и техника образуют неразрывную систему, что делает технику глубоко человеческим, хотя и относительно независимым объективированным миром. В этом отношении Дессауэр рассматривает человека как творца, способного создавать новые миры с помощью техники. Эта концепция в эпоху виртуальной реальности и появления метавселенных звучит невероятно актуально и своевременно. Однако он также предупреждает об опасностях, связанных с неконтролируемым развитием технологий. Это делает его работу не только философским исследованием, но и важным этическим руководством.

Особое место в книге занимает тема метафизической природы техники. Дессауэр вводит понятие метакосмоса – пространства, созданного техникой, где физическое и духовное сливаются в единое целое. Он пишет: «метакосмос – это изменённая техникой природная среда обитания, искусственная среда жизнедеятельности, мир культуры. История познания метакосмоса – это открытие объективных законов рефлексии человека над объективными законами существования природы... метакосмос – необозримый мир тех предметов, которые были созданы человеческим духом путём *изобретений* из средств природной законосообразности для удовлетворения челове-

ческих потребностей, для освобождения от рабского положения растения и животного. Каждый из этих предметов обладает своей собственной силой... В технической вещи всё соразмерно *цели и смыслу*» (Дессауэр 2024, с. 112). Отсюда возникает понимание ценности и достоинства техники как основания для «освобождения человека и человеческого рода от растительной и животной зависимости и связанности, в продвижении к духу» (Дессауэр 2024, с. 126). Концепция метакосмоса предвосхищает современные дискуссии о гибридной реальности и метавселенных, в которых человек, техника, природа и культура создают сложные взаимосвязи. Пространство метакосмоса становится новой ареной человеческой деятельности, где возможно переосмысление традиционных философских категорий, таких как бытие, природа и свобода.

Работа Дессауэра имеет глубокие связи с другими философскими текстами и традициями. Её можно рассматривать как продолжение идей И. Канта, Г.В. Гегеля, И. Ньютона. Как и у Канта, техника у Дессауэра выступает посредником между природой и культурой, инструментом, как некий «образ действий природы, ввиду сходства целей, которое мы обнаруживаем в её продуктах» (Кант 1965, с. 332) и который позволяет человеку постичь своё место в космосе. С Гегелем автора роднит идея диалектического развития, где техника становится частью саморазвития духа и одной из фундаментальных форм человеческого самовыражения, черпающая вдохновение в метакосмосе.

Фактически Дессауэр соединяет философию, науку и теологию, создавая уникальный синтез, позволяющий рассматривать технику в её целостном культурно-историческом контексте, подчеркивая значимость человека как создателя и ответственного субъекта техники. Дессауэр утверждает, что техника не только изменяет окружающий мир, но и трансформирует самого человека, его восприятие реальности и его отношения с космосом: «с изначальным стремлением к знанию (познание), к финалистскому, творческому формированию в представлении (изобретение) и к переносу (транскендированию) вымышленного из имманентности во внешнюю действительность «вещей в себе» (обработка) (Investigator, Inventor, Faber) человек выстраивает собственную среду, метакосмос, соответствующий его сущности, в котором он может обитать, который даёт ему свободу *от* многих бед и опасностей, свободу *к* развитию, к «становлению человеком», даёт ему силу, преодолевающую пространство и время» (Дессауэр 2024, с. 249). Данная идея находит отклик в современных исследованиях, посвящённых влиянию технологий на субъектность, идентичность и мировоззрение. Этот тезис развивает А.Ю. Нестеров в комментариях к книге, говоря о метакосмосе техники, «воз-

никающем из пересборки человеческого опыта в акте откровения, как о месте порождения нового субъекта – „неочеловека“, „трансчеловека“ или „постчеловека“» (Дессауэр 2024, с. 17).

Это делает работу Дессауэра актуальной не только для философии, но и для широкого круга социальных, гуманитарных и естественных наук, задавая предпосылки важного и плодотворного междисциплинарного синтеза, а то и конвергенции. Причем предпосылки такого синтеза у Дессауэра имеют довольно явную семиотическую природу. Так, в философии Дессауэра техника становится существенно значимым фактором смыслообразования. Полемизуя с О. Шпенглером на страницах книги «Спор о технике», Дессауэр считает, что техника не просто изменяет внешний мир, она вносит новые смыслы в восприятие человека, меняет его внутренние ориентиры и ставит перед ним новые вопросы.

Развиваемое Дессауэром представление о технике как средстве расширения реального мира, порождение в нём новых связей, структур, процессов сближает идеи Дессауэра с концепцией Б. Латура и его сторонников, согласно которым, воплощение идей в развитии социально-культурных практик, их операционализация и институционализация создают сети, узлы которых, предметно воплощаясь, выступают в качестве относительно самостоятельных субъектов (Латур 2014). В этом плане латуровская акторно-сетевая модель реализации семиозиса фактически совпадает с дессауэровским возникновением и расширением технического мета космоса. А сама эта идея метакосмоса удивительно напоминает формирование среды (Umwelt) живого организма в биосемиотике Я. Иксюля (Иксюль 2025).

В этом контексте техника является не только и не столько предметом использования, а значимой частью того, что формирует новое понимание мира и себя в нем. Эти идеи кажутся в современных условиях чрезвычайно актуальными – например, современные философы также обсуждают, можно ли считать ИИ субъектом, обладающим автономией (Floridi & Sanders 2004, p. 351). Дессауэр же в книге «Человек и космос» утверждает, что техника является продолжением духа, но не обладает самостоятельной волей. Это позволяет по-новому взглянуть на дискуссию о границах искусственного интеллекта и его автономии.

Важно при этом и что Дессауэр не идеализирует технику, рассматривая её как силу, которая может быть как созидательной, так и разрушительной. В этой связи он акцентирует внимание на необходимости этического контроля над техническим прогрессом, говоря о моральной ответственности человека за техническое творчество, предупреждая об опасностях, связанных с неконтролируемым развитием технологий и подчёркивая

необходимость осознания их последствий. Так, он говорит о том, что «в смысл техники – значит не привести нечто чуждое, но, напротив, позволить осуществиться полноте данного, и сверх того – дать технической профессии освящение, способное возникнуть лишь из этического напряжения» (Дессауэр 2024, с. 126). Очевидно, что развитие новых технологий требует от человека способности не только к творческому использованию инструментов, но и к осознанию последствий этих действий для будущих поколений.

Заключение

Всё сказанное выше позволяет признать, что перевод выдающейся философской работы Дессауэра чрезвычайно актуален и своевременен, вводя ее в широкий научно-образовательный оборот. В этом плане он является значительным вкладом в потенциал развития отечественной философии техники, предлагая уникальный взгляд на взаимодействие человека и техники, рассматривая технику не просто как инструмент, но как новую форму бытия.

Перевод философских текстов, а тем более столь концептуально насыщенных, как работы Дессауэра, требует особого мастерства, так как необходимо передать не только содержание, но и стиль изложения, а также сложную терминологию, которая часто формируется в рамках конкретной культурной и языковой традиции. Качественный перевод подобного текста – это всегда вызов, особенно если речь идет о произведении, насыщенном специфическими концепциями. А.Ю. Нестеров справился с этой задачей блестяще. Благодаря его профессиональному переводу терминология Дессауэра тщательно адаптирована к русскому языку, к отечественному философскому и научно-техническому дискурсу, что позволяет сохранить нюансы философского анализа и воспринимать русский текст как органичный и последовательный, сохраняя академическую строгость и ясность. Важными представляются также авторские комментарии и пояснения, которые помогают читателю разобраться в контексте отдельных понятий и рассуждений, что делает перевод не просто адаптацией, но полноценным инструментом для глубокого анализа текста.

А.Ю. Нестерову удалось сохранить философский дух оригинала, сделать текст доступным для русскоязычной аудитории. Это, безусловно, сделало издание важным событием для всего отечественного философского сообщества. Однако, несмотря на многочисленные достоинства, книга имеет и некоторые ограничения. Ее концептуальная интенсивная насыщенность может затруднить восприятие для неподготовленного читателя и более широкой аудитории. Поэтому добавление

гlossария ключевых терминов могло бы облегчить процесс ее изучения. Очень полезными были бы также предметный и именной указатели. Эти соображения, однако, ни в коей мере не умаляют значимость данного издания, представленного в качестве 1-го тома серии «*Spatium cosmicum ad vivendum*», а только подчеркивают необходимость подобной доработки при возможном переиздании, тем более – при подготовке продолжения публикации серии.

Рассмотренная книга Дессауэра остаётся одним из ключевых текстов философии техники. Представленные в ней размышления о технике как о создателе новой реальности находят отражение в современных технологиях, оказывающих колоссальное влияние на нашу жизнь, понимание самих себя и своего места в мире. Это делает работы Дессауэра важным инструментом для осмысления этих изменений, поиска ответов на ряд актуальных вопросов.

Источник фактического материала

Дессауэр Ф. Человек и космос. Опыт. Спор о технике: монография / пер. с нем. А.Ю. Нестерова. Т. 1. Самара: Мудрая черепаха, 2024. 340 с.

Библиографический список

Floridi, L., & Sanders, J.W. (2004), On the morality of artificial agents, *Minds and Machines*, no. 14, pp. 349–379.

Икскуль Я. фон. Путешествие в окружающие миры животных и людей. Теория значения. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2025. 208 с.

Кант И. Сочинения в 6-и томах. Т. 4. Ч. 1. Москва: Мысль, 1965. 543 с.

Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. Москва: ИД Высшей школы экономики, 2014. 384 с.

References

Floridi, L., & Sanders, J.W. (2004), On the morality of artificial agents, *Minds and Machines*, no. 14, pp. 349–379.

Uexküll, J. von (2025), *A journey into the surrounding worlds of animals and humans. A theory of meaning*, Ad Marginem Press, Moscow, Russia.

Kant, I. (1965), *Collected works: In 6 vols*, vol. 4, № 1, Mysl, Moscow, Russia.

Latour, B. (2014), *Reassembling the social: introduction to actor-network theory*, Publishing House of the Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Submitted: 05.06.2025

Accepted: 23.06.2025

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ

УДК 316.77:004+930-316.4

Дата поступления: 04.06.2025
принятия: 22.06.2025

Н.В. Авдошина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: avdoshina.nv@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9117-7781>

А.Ю. Агафонов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: agafonov.ayu@ssau.ru

В.Ю. Бочаров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: bocharov.vyu@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3915-2189>

Ю.В. Васькина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: vaskina.yuv@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0586-839X>

А.Ш. Галимова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: galimova.ash@ssau.ru

И.А. Гапаров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: gaparov.ia@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4745-9113>

Я.А. Голубинов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: golubinov.yaa@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2274-4989>

А.С. Готлиб

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: gotlib.as@ssau.ru

А.И. Демина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: demina.ai@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6054-9255>

Н.А. Захарченко

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: zakharchenko.na@ssau.ru

О.П. Карникова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: karnikova.op@ssau.ru

Л.А. Киселева

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: kiseleva.la@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4875-6435>

А.А. Косицин

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: kosicin.aa@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8823-6135>

Г.В. Кучумова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: kuchumova.gv@ssau.ru

С.В. Николаев

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: nikolaev.sv@ssau.ru

Г.А. Позднякова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: pozdnyakova.ga@ssau.ru

Е.Н. Сергеева

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: sergeeva.en@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7248-2756>

М.В. Черкунова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: cherkunova.mv@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1855-9462>

Человек в информационном обществе: связь поколений через «историческую память» и поиск точек взаимодействия традиций и прогресса

Цитирование: Человек в информационном обществе: связь поколений через «историческую память» и поиск точек взаимодействия традиций и прогресса / Н.В. Авдошина, А.Ю. Агафонов, В.Ю. Бочаров, Ю.В. Васькина, А.Ш. Галимова, И.А. Гапаров, Я.А. Голубинов, А.С. Готлиб, А.И. Демина, Н.А. Захарченко, О.П. Карникова, Л.А. Киселева, А.А. Косицин, Г.В. Кучумова, С.В. Николаев, Г.А. Позднякова, Е.Н. Сергеева, М.В. Черкунова // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 2. С. 139–154.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Авдошина Н.В., Агафонов А.Ю., Бочаров В.Ю., Васькина Ю.В., Галимова А.Ш., Гапаров И.А., Голубинов Я.А., Готлиб А.С., Демина А.И., Захарченко Н.А., Карникова О.П., Киселева Л.А., Косицин А.А., Кучумова Г.В., Николаев С.В., Позднякова Г.А., Сергеева Е.Н., Черкунова М.В., 2025

Наталья Владимировна Авдошина – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 25/14.

Андрей Юрьевич Агафонов – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

Владислав Юрьевич Бочаров – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, 190005, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 25/14.

Юлия Владимировна Васькина – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 25/14.

Альмира Шамильевна Галимова – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

Искендер Абдурашидович Гапаров – кандидат философских наук, ассистент кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

Ярослав Анатольевич Голубинов – кандидат исторических наук, декан исторического факультета, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

Анна Семеновна Готлиб – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры методологии социологических и маркетинговых исследований, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

Анна Ивановна Демина – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

Наталья Аркадьевна Захарченко – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории журналистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

Ольга Павловна Карникова – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории и методики профессионального образования, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

Лариса Айратовна Киселева – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

Андрей Александрович Косицин – кандидат филологических наук, доцент кафедры издательского дела и книготорговли, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

Галина Васильевна Кучумова – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

Сергей Владимирович Николаев – ассистент кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

Галина Алексеевна Позднякова – старший преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

Елена Николаевна Сергеева – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

Марина Владимировна Черкунова – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

EDITORIAL ARTICLE

N.V. Avdoshina

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: avdoshina.nv@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9117-7781>

A.Yu. Agafonov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: agafonov.ayu@ssau.ru

V.Yu. Bocharov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: bocharov.vyu@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3915-2189>

Yu.V. Vaskina

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: vaskina.yuv@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0586-839X>

A.Sh. Galimova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: galimova.ash@ssau.ru

I.A. Gaparov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: gaparov.ia@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4745-9113>

Y.A. Golubinov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: golubinov.yaa@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2274-4989>

A.S. Gotlib

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: gotlib.as@ssau.ru

A.I. Demina

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: demina.ai@ssau.ru,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6054-9255>

N.A. Zaharchenko

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: zakharchenko.na@ssau.ru

O.P. Karnikova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: karnikova.op@ssau.ru

L.A. Kiseleva

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: kiseleva.la@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4875-6435>

A.A. Kositsin

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: kositsin.aa@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8823-6135>

G.V. Kuchumova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: kuchumova.gv@ssau.ru

S.V. Nikolaev

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: nikolaev.sv@ssau.ru

G.A. Pozdnyakova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: pozdnyakova.ga@ssau.ru

E.N. Sergeeva

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: sergeeva.en@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7248-2756>

M.V. Cherkunova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: cherkunova.mv@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1855-9462>

Man in the information society: connection between generations through "historical memory" and the search for points of interaction between traditions and progress

Citation: Avdoshina, N.V., Agafonov, A.Yu., Bocharov, V.Yu., Vaskina, Yu.V., Galimova, A.Sh., Gaparov, I.A., Golubinov, Y.A., Gotlib, A.S., Demina, A.I., Zaharchenko, N.A., Karnikova, O.P., Kiseleva, L.A., Kositsin, A.A., Kuchumova, G.V., Nikolaev, S.V., Pozdnyakova, G.A., Sergeeva, E.N., Cherkunova, M.V. (2025), Man in the information society: connection between generations through "historical memory" and the search for points of interaction between traditions and progress, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 5, no. 2, pp. 139–154.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© Avdoshina N.V., Agafonov A.Yu., Bocharov V.Yu., Vaskina Yu.V., Galimova A.Sh., Gaparov I.A., Golubinov Y.A., Gotlib A.S., Demina A.I., Zaharchenko N.A., Karnikova O.P., Kiseleva L.A., Kositsin A.A., Kuchumova G.V., Nikolaev S.V., Pozdnyakova G.A., Sergeeva E.N., Cherkunova M.V., 2025

Nataliya V. Avdoshina – Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Social and Cultural Studies Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation; Research Associate, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS branch, 25/14, 7th Krasnoarmeyskaya str., St. Petersburg, 190005, Russian Federation.

Andrey Yu. Agafonov – Doctor of Sciences in Psychology, Professor, Head of the General Psychology Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

Vladislav Yu. Bocharov – Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Social and Cultural Studies Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation; Research Associate, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS branch, 25/14, 7th Krasnoarmeyskaya str., St. Petersburg, 190005, Russian Federation.

Yuliya V. Vaskina – Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Head of the Social and Cultural Studies Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation; Research Associate, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS branch, 25/14, 7th Krasnoarmeyskaya str., St. Petersburg, 190005, Russian Federation.

Almira Sh. Galimova – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and Technology of Social Work, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

Iskender A. Gaparov – Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Lecturer of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

Yaroslav A. Golubinov – Candidate of Historical Sciences, Dean of the Faculty of History, Associate Professor of the Department of General History, International Relations and Documentation, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

Anna S. Gotlib – Doctor of Sciences in Sociology, Associate Professor, Professor of Department of the Sociological and Marketing Research Methodology, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

Anna I. Demina – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

Natalya A. Zakharchenko – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Journalism Theory and History Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

Olga P. Karnikova – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Professional Education, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

Larisa A. Kiseleva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language and Mass Communication, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

Andrey A. Kositsin – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Publishing Business Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

Galina V. Kuchumova – Doctor of Sciences in Philology, Associate Professor, Professor of the German Philology Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

Sergey V. Nikolaev – Assistant Professor of the Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

Galina A. Pozdnyakova – Senior Lecturer, Department of Foreign Languages and Professional Communication, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

Elena N. Sergeeva – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian and Foreign Literature and Public Relations Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

Marina V. Cherkunova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

В Самарском национальном исследовательском университете имени академика С.П. Королева (Самарский университет) 23–26 апреля 2025 г. состоялась Третья международная научно-практическая конференция, посвященная 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, «Человек в информационном обществе». Значимость мероприятия трудно переоценить: обсуждение роли и будущего человека возможно только при синтезе гуманитарного, технического и естественнонаучного знания, а значит, требует объединения усилий ученых всех направлений – философов, социологов, психологов, филологов, историков, журналистов, педагогов. Как влияет научно-технический прогресс на человека, насколько изменяется само понимание человечности, к чему может привести зависимость от современных технологий, – на эти вопросы старались найти ответы участники конференции.

На открытии конференции проректор по воспитательной работе и молодежной политике Самарского университета **М.М. Леонов** отметил, что результаты первых конференций нашли живой отклик в российском научном сообществе и дали импульс новым исследованиям и развитию самого университета. Например, гибкость образовательных траекторий, которые как раз и позволяют реализовать мультидисциплинарный подход, не раз обсуждалась именно на конференции «Человек в информационном обществе».

В свою очередь директор социально-гуманитарного института Самарского университета

А.Ю. Нестеров подчеркнул, что информация – это жизнь, но умение работать с ней, существовать в постоянном информационном потоке, отбирать действительно важное и нужное, что позволит сохранить психическое здоровье и критическое мышление, – новый вызов, с которым сталкивается человек сегодня, и именно в рамках конференции «Человек в информационном обществе» можно попытаться понять друг друга ученым разных дисциплин и приблизиться к осознанию того, как человек в XXI веке остается человеком.

Пленарное заседание традиционно носило мультидисциплинарный характер: прозвучали доклады, посвященные социологическим, историческим, экономическим, психологическим, культурологическим и философским проблемам современного общества. Вызовам современного информационного общества были посвящены доклады **В.А. Кузнецова**, депутата Самарской Губернской Думы, председателя комитета по бюджету, финансам, налогам, экономической и инвестиционной политике, к.ф.н., зав. кафедрой социологии политических и региональных процессов Самарского университета, **А.И. Агеева**, д.э.н., профессора, академика Российской и Европейской академий естественных наук, директора Института экономических стратегий РАН (Москва). Осмыслению природы и роли медиа, их влиянию на человека, проблеме и границам субъектности – доклады **Е.Н. Ивахненко**, председателя экспертного совета ВАК по философии,

социологии, культурологии, д.ф.н., профессора, профессора кафедры философии гуманитарных факультетов МГУ им. Ломоносова (Москва), **В.Е. Лепского**, д.пс.н., профессора, главного научного сотрудника Института философии РАН (Москва), **В.В. Нурковой**, д.пс.н., профессора, профессора РАН, главного научного сотрудника ИП РАН, заведующей лабораторией психологии личности ИП РАН (Москва), **А.А. Лисенковой**, доктора культурологии, доцента, директора Высшей школы общественных наук, Санкт-Петербургский Политехнический Университет Петра Великого (Санкт-Петербург), **Т.Н. Ивановой**, д.с.н., профессора, зав. кафедрой «Журналистика и социология» Тольяттинского государственного университета. и.о. директора Гуманитарно-педагогического института (Тольятти).

А.И. Мантарова, профессор, д.с.н., руководитель кафедры социального контроля, отклонений и конфликтов Института философии и социологии Болгарской Академии наук (София, Болгария), поделилась результатами исследования, посвященного изучению роли информационно-коммуникационных технологий в повседневной жизни болгарских студентов.

Поскольку в этом году конференция посвящена 80-летию победы в Великой Отечественной войне, большое внимание в докладах было уделено проблеме исторической памяти. Так, **Н.В. Суржикова**, заведующая Лабораторией междисциплинарных гуманитарных исследований Института истории и археологии УрО РАН, д.и.н., главный научный сотрудник (Екатеринбург), представила доклад, посвященный отражению истории Великой Отечественной войны в виртуальном пространстве. Особым событием пленарного заседания стал доклад **Д.И. Дубровского**, участника

Великой Отечественной войны, доктора философских наук, главного научного сотрудника Института философии РАН «Глобальный кризис мировой цивилизации и опыт Великой Отечественной войны». Давид Израилевич поделился своим опытом и отметил, что решающую роль в наступлении победы сыграл высочайший патриотизм советского народа.

В следующие за пленарным дни конференции проходили заседания **11 секций**, а также междисциплинарного студенческого (бакалавры и магистры) круглого стола «**Историческая память: связь поколений**», в работе которых приняли участие более **300** историков, педагогов, социологов, социальных работников, психологов, филологов и философов Самарского университета и исследователей, представляющих научные школы **25** городов России, а также других стран – Беларуси, Болгарии, Германии, Китая, Казахстана, Кыргызстана, США. Всего было представлено **295** докладов. Динамика количественных показателей трех прошедших с 2021 г. международных конференций «Человек в информационном обществе» свидетельствует о неуклонном росте количества участников и представленных докладов, а также увеличении количества научных секций (см. таблицу).

Секция № 1. «Человек, общество и технологии: в поисках новых конфигураций» (рук. секции **Ю.В. Васькина**).

На секцию был заявлен 21 доклад, авторы которых представляли как высшие учебные заведения, так и исследовательские центры разных регионов России – Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Тюмени, Омска, Самары. Иностраный участник – **Бокеш Толганай Бакбергенкызы** из Казахстана.

Таблица

Динамика количественных показателей участников трех международных конференций
«Человек в информационном обществе»

Table

Dynamics of quantitative indicators of participants in three international conferences
«Human being in the information society»

	2021 г.	2023 г.	2025 г.
Общее количество участников	Более 100	Более 250	Более 300
Количество докладов	89	239	295
Количество секций	7	10	11 и круглый стол

Примечание: Данные за 2021 г. и 2023 г. см. подробно:

Человек в информационном обществе: начало дискуссии в дискурсе конвергенции гуманитарных дисциплин / Н.В. Авдошина, А.Ю. Агафонов, А.А. Бельцер, В.Ю. Бочаров, Ю.В. Васькина, И.В. Дёмин, А.И. Дёмина, Н.А. Захарченко, Т.В. Казарина, Г.В. Кучумова, К.С. Поздняков, Е.А. Тузлаева, О.А. Усачёва, Е.В. Шокова // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 2. С. 111–120.

Человек в информационном обществе: перспектива междисциплинарных исследований в рамках проблемного подхода / Н.В. Авдошина, А.Ю. Агафонов, Е.П. Барина, В.Ю. Бочаров, Л.В. Вандышева, Ю.В. Васькина, А.С. Готлиб, С.В. Егорова, Н.А. Захарченко, А.А. Косицин, Г.В. Кучумова, О.Б. Леонтьева, Ю.А. Разинов, Е.Н. Сергеева, Е.Ю. Сысоева, О.А. Усачёва, В.Д. Шевченко // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 2. С. 118–130.

Открыл работу секции доклад **Е.С. Басовой** (ИГ «Свободное мнение», Самара) и **О.А. Малакановой** (Самарский ун-т) «Цифровизация НКО: анализ смыслов на региональном уровне». Авторы подчеркнули актуальные проблемы процесса цифровизации НКО, связанные с несовпадением целей субъектов этого процесса («двойным фреймингом»), и предложили разработать механизм, позволяющий сблизить позиции представителей органов власти и самих некоммерческих организаций для повышения эффективности использования цифровых технологий в их деятельности.

Тему цифровизации НКО продолжил доклад нижегородских исследователей (из ННГУ имени Лобачевского) **Ю.Ю. Клемянич, А.В. Куликовой** и **В.В. Михайловой** «Особенности информационной работы ресурсных центров Поволжья». На основе результатов социологического исследования, охватившего 72 ресурсных центра из 14 регионов ПФО, авторы заострили внимание на ряде проблемных моментов в организации информационной работы ресурсных центров ПФО: отсутствие отражения специфики деятельности организации именно как ресурсного центра, использование недостаточного количества каналов информации, редкое обновление сайтов.

Проблемам использования технологий искусственного интеллекта в образовании были посвящены несколько выступлений. **Н.В. Авдошина** (Самарский ун-т) в докладе «Отношение субъектов образовательного процесса к использованию искусственного интеллекта в учебной деятельности в университете» привела результаты опроса студентов об их отношении к применению таких технологий в учебной деятельности. Вопреки распространенному мнению, студенты сообщили, что осознают риски и недостатки ИИ, поэтому выступают за его осторожное использование как вспомогательного средства. Доклад **Г.А. Трафимовой** (Самарский ун-т) «Цифровая трансформация российских университетов: проблемы и перспективы» содержал обзор направлений цифровой трансформации вузов на примере Самарского университета и наряду с ее успехами делал акцент на ряде проблем и вызовов, связанных как с технологическими, финансовыми, так и с организационными и социально-психологическими аспектами. Особое место занимает проблема применения технологий генеративного искусственного интеллекта, побуждающая университеты вырабатывать четкую позицию по отношению к их использованию.

Несколько докладов секции были связаны тематикой патриотизма. В докладе **В.А. Кузнецова** (Самарская Губернская Дума, Самарский ун-т) и **С.Ю. Митрофановой** (Самарский ун-т) «Патриотизм как традиционная духовно-нравственная ценность в молодежной среде современного

российского общества» обосновывалась актуальность проблемы формирования традиционной ценности патриотизма у современной молодежи, подверженной противоречивому информационному влиянию в интернет-среде, содержался обзор результатов социологических исследований патриотизма, проведенных ВЦИОМ и ФОМ, а также реализованного в рамках Губернского гранта в области науки и техники (в Самарской области) социологического исследования «Смыслы и виды патриотизма в молодежной среде: региональный аспект». Данная тематика была продолжена в выступлении **Ю.В. Васькиной** (Самарский ун-т) «Смыслы и виды патриотизма студентов университета», которая познакомила участников секции с частью результатов упомянутого исследования. В своем выступлении она отметила, что среди студентов Самарского университета преобладает «гражданское» понимание патриотизма (73,9 %), как стремления помочь процветанию и развитию страны, а «охранительного» патриотизма как не критического восприятия положения дел в стране и необходимости ее защиты от любых нападок извне придерживаются лишь 5,1 % опрошенных. При этом «гражданская» трактовка патриотизма связана с собственной идентификацией себя как патриота, и напротив, если респонденты интерпретируют патриотизм как «охранительный», то реже хотят отождествлять себя с патриотами. Патриотическая тематика выступлений была продолжена докладом **Г.М. Петросяна** (Московский психолого-социальный университет) и **Е.И. Чердымовой** (Самарский ун-т) «Цифровой экологический туризм для формирования патриотического сознания у подростков», в котором авторы отметили потенциал туризма для формирования патриотического сознания подростков и предложили свою программу экологического туризма.

Интерес слушателей вызвали доклады доцента **В.Ю. Бочарова** (Самарский ун-т) в соавторстве с коллегами из Тюменского государственного университета – **В.В. Гаврилюк** («Социальное самочувствие молодежи, занятой в сервисной сфере экономики: методика измерения») и **Т.В. Гаврилюк** («Возможности измерения профессиональной идентичности молодых работников сервисной экономики в рамках массового анкетного опроса»). В докладах были представлены методики измерения социального самочувствия и профессиональной идентичности, которые разработаны для применения в рамках грантового исследования, поддержанного РНФ.

Работу секции завершали выступления аспирантов кафедры социологии и культурологии. В докладе **А.В. Лашманкина** (Самарский ун-т) и его научного руководителя **Е.И. Чердымовой** «К вопросу о социализации студенческой молодежи в цифровой среде» делается вывод о том, что роль

новых медиа в социализации молодежи более значима, чем роль традиционных медиа. В выступлении **Д.А. Каршина** (Самарский ун-т) «Ценностные ориентации студентов-геймеров: социологический анализ» была приведена типология геймеров, составленная на основе двух критериев – вида игр и доминирующих ценностей игроков.

Заслушанные на секции доклады и состоявшаяся дискуссия позволили участникам конференции выделить перспективные направления будущих исследований.

Секция № 2. «Традиционные и специфические методы анализа качественных данных» (рук. секции **А.С. Готлиб**).

В работе секции, наряду с преподавателями, студентами и аспирантами Самарского университета, приняли участие и представители ведущих вузов и организаций страны: НИУ ВШЭ (Москва), Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург); а также исследовательница из Германии.

Л.А. Бархатова (НИУ ВШЭ, Москва) выступила с докладом про возможности применения семантических сетей для анализа качественных данных, показав, что их применение позволяет валидировать исследовательские выводы. Доклад **А.И. Нефедовой** (НИУ ВШЭ, Москва) содержал возможности онлайн-инструментов для коллективного анализа глубинных интервью. **Л.А. Чернышева** (Социологический институт РАН, Санкт-Петербург) рассказала об опыте применения action research в проекте создания общественного сада в Санкт-Петербурге. Продолжила повествование об action research как инструменте повышения эффективности профессионального развития учителей **И. Куденко** (Германия).

Особый интерес представляли доклады аспирантов кафедры методологии социологических и маркетинговых исследований, а также совместные исследования студентов и преподавателей. Аспирант кафедры **Д.С. Горохов** выступил с качественным анализом Стратегии государственной культурной политики, обосновав недостаточное внимание государства к региональному кинематографу. Еще одна аспирантка кафедры, **Е.А. Рыжкова** представила свою работу о возможностях сочетания методов автоэтнографии и глубинных интервью на примере выявления мотивов дачников. Доцент кафедры **С.Н. Фазульянова** совместно со студентом второго курса **М.А. Медведевым** посвятили свой доклад эпистемологическим противоречиям между качественным (QCA) и количественным контент-анализом, описав также потенциал применения генеративного искусственного интеллекта для решения дилемм QCA. Совместный доклад, посвященный применению тематического анализа в исследовании институционализации онлайн-школ для подготовки к ЕГЭ, представила студентка 4 курса **А.Е. Глухова** с научным руководителем **Ю.О. Шекуновой**.

Содержательная часть работы секции началась с вступительного слова и доклада доктора педагогических наук, профессора, зав. кафедрой теории и технологии социальной работы Самарского университета **Л.В. Куриленко**. Её доклад на тему «Философские основания социального служения» был посвящен актуальной проблеме социального служения, которую с точки зрения философии можно рассматривать как процесс воздействия на молодежь с позиции формирования нравственных ценностей. Так, докладчик обозначил воспитание молодежи как процесс приобщения ее к социальному опыту во всех его формах – знания, эмоции, этические, эстетические нормы – с учетом индивидуальных возможностей и склонностей. В этом случае воспитание молодежи представляет собой социальный процесс, оказывающий влияние на ее поведение и деятельность, следовательно, социальным институтам необходимо решать задачи, направленные на организацию условий для позитивного влияния на молодого человека, которые могли бы помочь ему в период включения его в социальную жизнь; докладчик подчеркнула, что воспитание молодежи – это процесс культурной идентификации, социальной адаптации и творческой самореализации личности, что позволяет ей в ходе развития индивидуальных способностей и возможностей войти в контекст современной культуры социума.

Секция № 3. «Практики социальной работы в фокусе решения актуальных задач современного российского общества» (рук. секции **А.Ш. Галимова**).

Интерес у аудитории вызвал доклад на тему «Клиентоцентричность как принцип взаимодействия в учреждениях службы занятости населения», представленный доцентом **Т.В. Глуховой** (Самарский ун-т). В докладе была рассмотрена клиентоцентричность как приоритетный принцип в контексте модернизации службы занятости. Отмечено, что клиентоцентричность приобретает особое значение в период перехода на цифровой формат. С 2022 года взаимодействие специалистов кадровых центров с гражданами, состоящими на учете с целью получения государственной услуги по содействию в поиске работы, и потенциальными работодателями преимущественно осуществляется на базе электронного ресурса Единая Цифровая Платформа «Работа России». В докладе сделан акцент на следующие аспекты клиентоцентричности как принципа взаимодействия с гражданами в службе занятости: разработка индивидуального плана предоставления социальных услуг каждому клиенту в зависимости от его жизненной ситуации, использование технологий сервис-дизайна. Также была отмечена необходимость рас-

смотрения двух сторон взаимодействия – внешне-го и внутреннего клиента. Под внешним клиентом следует понимать гражданина, обратившегося в службу занятости за получением государственной услуги, а под внутренним клиентом – специалиста службы занятости.

Обратил на себя внимание слушателей доклад **С.В. Польского**, доцента Школы исторических наук, факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшей школы экономики» г. Москва «История понятий «безопасность» и «население» в России с точки зрения фуколдианского подхода». В докладе было отмечено, что этот подход основан на философии Мишеля Фуко, он предполагает фокус на изучение власти, знания и дискурса. Понятия «безопасность» и «население» рассмотрены через призму отношения власти к формированию основных общественных институтов и их функционированию. Большое значение уделено таким составляющим управления, как контроль и планирование. В период цифровизации системы социальных сервисов роль государства и официальной власти приобретает особое значение, поскольку встает вопрос безопасности здоровья и жизни граждан, соблюдения их прав и свобод.

В совместном докладе доцента **А.Ш. Галимовой** и старшего преподавателя кафедры теории и технологии социальной работы Самарского университета **Ю.А. Костровой** были представлены результаты внедрения в учебный процесс курса «Профилактика синдрома профессионального выгорания» и обоснована значимость профилактики профессионального выгорания в рамках реализации индивидуальных образовательных траекторий обучающихся в вузе. Представлены результаты исследования профессионального выгорания у обучающихся по программам магистратуры Самарского университета. Обосновано применение средств самодиагностики и самопомощи в процессе профилактики и терапии профессионального выгорания.

В докладе **В.Е. Рязановой**, специалиста «Областного центра помощи семье и детям», были представлены материалы об особенностях выстраивания коммуникации в группе с подростками в трудной жизненной ситуации, соотношении их с трендами цифровизации, предложены рекомендации по оптимизации этого процесса.

В результате представленных докладов и их обсуждения обозначены актуальные проблемы современного российского общества через призму практики социальной работы.

Секция № 4. «Психология жизни человека в информационном обществе» (рук. секции **А.Ю. Агафонов**).

Выступление **С.Н. Бурмистрова** (Самарский ун-т) было посвящено экспериментальной работе,

выполненной в русле изучения эффектов имплицитного научения. Показано влияние контекстуальных подсказок на решение задачи зрительного поиска. В докладе **С.В. Березина** (Самарский ун-т) была предложена концептуализация особого психического состояния – «путешественности». Обоснованы критериальные признаки данного состояния и условия его актуализации. В докладе **Е.С. Шушакова** (Тольяттинский государственный университет) был раскрыт взгляд на эволюцию структуры личности от древнейших времён до современной информационной эпохи. Автор утверждает, что современная структура личности формируется в рамках протестантизма и будет изменяться под влиянием технологий нейроинтерфейса. Выступление **Н.Ю. Самыкиной** (Самарский ун-т) было посвящено экспериментальному исследованию, направленному на выявление взаимосвязи креативности и способности к различению продукта нейросети и продукта творческой деятельности художника. В докладе **А.Ю. Агафнова** (Самарский ун-т) рассматривалась проблема когнитивного функционирования сознания и взаимодействия бессознательных и сознательных процессов в ходе познавательной деятельности.

В общей сложности в работе секции приняло участие 70 человек. Сделано 19 очных докладов.

Секция № 5. «Литература, художественные языки и исследовательские практики информационного общества» (рук. секции **Е.Н. Сергеева**).

В рамках работы секции можно было выделить несколько проблемно-тематических блоков, объединивших разнообразные исследовательские интересы участников. В центре внимания докладчиков оказалось освоение реалий современного цифрового общества средствами литературы, классическое наследие и формы его бытования в информационном обществе, трансформации традиционных литературных практик, затронута была также тема новых литературных жанров и феноменов, порожденных информационной эпохой.

Интересный аспект, парадоксально соединивший тематику конференции с исследованием отечественной литературы 20-х годов 20 века, предложил в докладе «Изображение молвы как недостоверного источника информации в русской сатирико-юмористической литературе XX века» проф. **С.А. Голубков** (Самарский ун-т). Классические тексты, рассмотренные с точки зрения функционирования слухов, рождения и движения недостоверной информации, неожиданно обнаружили свою актуальность для современного читателя, человека информационного общества.

Образы искусственного интеллекта и их художественная рецепция также стали предметом интереса исследователей. Этой проблематике был

посвящен доклад **В.Н. Ивановой** и **Л.Г. Тютеловой** (Самарский ун-т) «Голосовой помощник в современной драматургии». Как было показано в докладе, современные драматурги довольно часто делают голосового помощника героем своих текстов. Возникающая при этом особая ситуация – ситуация иллюзорного общения, в котором герой-человек тем не менее нуждается, – и становится для авторов пьес объектом художественного исследования. **Г.В. Заломкина** (Самарский ун-т) обратилась к творчеству В. Пелевина, писателя, который затрагивает тему цифровых технологий в большинстве своих текстов, однако в ряде его произведений можно обнаружить и особый поворот этой темы – связь цифровых технологий и литературного творчества. В тематике цифровых технологий писатель выявляет аспект симулятивности, что позволяет ему смоделировать разнообразные проблемные ситуации, в частности, взаимоотношений автора, персонажа и читателя, авторства литературного текста, убедительности фикционального нарратива.

Вопросы освоения современной культурой искусственного интеллекта, нащупывания языка говорения о нем стали предметом интереса **Е.А. Нечаевой** (Самарский ун-т) в докладе «Библейский дискурс в концептуализации процессов технологического развития». Автор доклада отмечает, что в культуре последнего десятилетия для разговора о технологиях и технологических процессах довольно часто используется библейский метанарратив, что представляется неожиданным и заслуживающим осмысления.

Искусственный интеллект рассматривался участниками секции не только как предмет изображения в литературе, но и как инструмент филологических исследований. Так, интерес слушателей вызвал доклад **С.В. Васильевой** и **Н.В. Южакова** (Петрозаводский государственный университет) «Использование генеративных моделей ИИ для филологического диахронического анализа художественного текста: на материале трагедии “Фауст” И.В. Гёте». Авторы представили результаты сравнительного сопоставления шести текстов, сгенерированных ИИ, перед которым была поставлена задача осуществить диахронический анализ фрагмента классического текста, и свои размышления о будущем нейросетей как инструмента филолога.

Авторы нескольких докладов сосредоточились на осмыслении феноменов литературы и культуры, порожденных информационной эпохой. В частности, выступление **А.С. Поповой** (Бийский филиал им. В.М. Шукшина «АлтГПУ») было посвящено образовательному потенциалу виртуальных музеев книги как инновационного инструмента образования. Два доклада затрагивали новые формы бытования классического наследия:

доклад **Е.С. Шевченко** «Классическое наследие Ф.М. Достоевского и новые формы его бытования в информационном обществе» и **К.М. Краснова** «П.А. Флоренский и его наследие в интернет-пространстве». Примыкало к ним по тематике и выступление **К.И. Морозовой** (Самарский ун-т) «Вот и сказке конец? Трансформация жанра сегодня» о попытке создания локального самарского мифа, в центре которого – «шлетуны», придуманные писателем Д. Либстером, – хранители лунного света из Самарской Луки.

Документ в литературе и искусстве и его осмысление – это также одна из важных тенденций современной гуманитарной науки. В своем докладе «Феномен документальной ленинианы в драме и на киноэкране в период “долгих 1970-х”» **Н.В. Семенова** (Санкт-Петербургский государственный университет) продемонстрировала интересные трансформации, происходившие с образом основателя Советского государства в позднесоветские годы, фиксируя смещение фокуса с фигуры Ленина на образы других персонажей или локаций, связанных с ним.

Несколько докладов были связаны с актуальными теоретическими проблемами литературоведения – теория жанра автофикшн, особенности поэтики графического романа. **В.В. Ромашова** (Самарский ун-т) рассматривает конститутивные признаки жанра автофикшн, обнаруживая такой признак нарратива автофикционального повествования, как интерсубъективация опыта (доклад «Специфика нарративизации опыта в современном жанре (на примере автофикциональной прозы)»). **Е.Н. Сергеева** и **Д.В. Узлова** (Самарский ун-т) в докладе «“Делая прошедшее настоящим”: черты драматического рода литературы в графическом романе» поднимают вопрос о месте в литературной родовой системе жанра графического романа, который на данный момент еще не обрел своего языка описания в литературной теории. В докладе «Герой в пространстве обыденности vs герой в пространстве мечты в повести Ю. Коваля «Самая лёгкая лодка в мире»» **И.Д. Пологова** (Самарский ун-т) рассмотрела принципы сюжетного развертывания в творчестве Ю. Коваля, трактуя путешествие героя как переход из пространства обыденности в пространство мечты.

Современный взгляд на тексты, далеко отстоящие от нашего времени, был представлен в докладах **В.Е. Симаковой** (Самарский ун-т) «Дневник поэта Б.Ю. Поплавского как документ эпохи» и **Е.В. Вашуты** и **К.А. Сундуковой** (Самарский ун-т) «Современные подходы к исследованию романа В. Вулф “На маяк”». Дневники Б. Поплавского рассматривались В.Е. Симаковой как уникальный документ 1920-30-х годов, зафиксировавший взгляд писателя-эмигранта на революции, судьбу художника, общественную мысль того времени.

Роман В. Вулф «На маяк» интерпретируется в докладе Е.В. Вашуты и К.А. Сундуковой как текст, предвосхитивший явление гипертекстуальности; отмечается, что новаторская поэтика английской писательницы во многом соотносима с фрагментарным мышлением современного человека.

Актуальная литература также была в центре внимания докладчиков и слушателей секции. Доклад американского филолога **Н.А. Ефимов** (университет Флориды) был посвящен творчеству Евгения Водолазкина, проблемам памяти, забвения, прощения в его творчестве («Миф и реальность в романе Е. Водолазкина “Чагин”»), доклад **Л.С. Сидоренко** (Самарский ун-т) – поэтике пространства в романе Александра Иличевского «Исландия» и пространственной метафорике его творчества. **Ю.Р. Гарбузинская** (Самарский ун-т) в докладе «Образ подростка в повестях современных русскоязычных писателей» познакомила присутствующих с именами, текстами и актуальными тенденциями литературы young adult. Доклад «”Нам не дано предугадать...”», или О границах рецептивной свободы классического художественного текста в 21 веке», представленный **И.И. Коган** (Самарский ун-т), затрагивал проблемы рецепции классики в современном информационном обществе.

Секция № 6. «Язык, коммуникация и лингвистика в цифровую эпоху».

Подсекция «Зарубежная филология» (рук. подсекции: Г.В. Кучумова, М.В. Черкунова). В рамках подсекции было заявлено 18 докладов, количество выступлений с докладами – 15 (из них 3 доклада онлайн). Отметим наиболее интересные доклады.

Доклад **Ю.В. Блиновой** (Самарский ун-т) информирует о прецедентном ономастике языковой личности экранной культуры на материале новейшего немецкоязычного романа. Доминирование прецедентных названий интернет-ресурсов, прецедентных фильмов и имен из мира кино в речи героев романов свидетельствует о замещении кодов книжной культуры готовыми образами экранной. В совместном докладе **Н.К. Данилова** (Самарский ун-т) и **Ю.В. Нестерюк** (Самарский ун-т) представлены результаты исследования персонального интервью как диалогического медиатекста. Условием успеха языковых технологий формирования интеракции становится переход стратегических действий участников в действие коммуникативное, ведущее к консенсусу. В докладе **В.С. Сударевой** (Самарский ун-т) рассматривается феномен творческого взаимодействия человека и искусственного интеллекта на материале опубликованной «Речи о будущем» австрийского писателя Даниэля Кельмана. В фокусе исследования – границы между человеческим творчеством и алгоритмической генерацией, переосмысление роли автора и пара-

доксы литературного творчества в условиях цифровой эпохи. Выступление **Ю.С. Старостиной** (Самарский ун-т) посвящено выявлению аксиологических приращений в новейшей англоязычной драме. На примере доминанты «здоровье» рассмотрен кластерный состав аксиологического конструкта, выявлен набор конкретных ценностных векторов. Отмечен факт повышенного внимания коммуникантов к психологическому здоровью по сравнению с физическим благополучием. В докладе **О.С. Сытник** (Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II) рассматриваются причины расхождений в интерпретации речевых жанров и коммуникативных стратегий адресантом и адресатом. Особое внимание уделяется изучению вопроса о контекстной зависимости рассмотренных феноменов. Посредством анализа оценки слушателем содержания высказывания выявляется роль корректной интерпретации речевых жанров и стратегий в процессе социального взаимодействия. Сообщение **А. Ахмеда** (Самарский ун-т) раскрывает черты экзистенциального романа в произведении П. Коэльо «Одиннадцать минут». Критическому анализу подвергается образ главной героини романа, Марии. В докладе убедительно показано, каким образом события личной жизни Марии, а также проблемы, с которыми ей приходится столкнуться, в совокупности раскрывают философию экзистенциализма.

Работа подсекции «Зарубежная филология» проходила в приятной творческой атмосфере филологического братства двух кафедр факультета. Все доклады вызвали неизменный интерес и побуждали к активному обсуждению актуального материала и дискуссии, в которой принимали участие как выступающие, так и слушатели. Отметим также надежную техническую поддержку на платформе ВВВ (аспирант А.В. Галашов).

Подсекция «Отечественная филология» (рук. подсекции Л.А. Киселева).

Доклад аспиранта **К.П. Баракат** (Самарский ун-т) «Об одном аспекте метафорического образа “жизнь – перемещение в пространстве” – способ перемещения» был посвящен анализу лексико-семантического варьирования глаголов движения и других средств, обозначающих способ перемещения, с целью выявления их образного потенциала.

В докладе **А.А. Безруковой** (Самарский ун-т) «Неологизмы цифровой эпохи (лексико-семантический и словообразовательный аспекты)» рассмотрена история появления в русском языке компонентов терминотерминологической системы цифровых технологий, освоенных в общем употреблении, а также мотивированные ими производные слова, зафиксированные информационно-поисковым лексико-графическим ресурсом «Новое в русской лексике. Словарные материалы» Института лингвистических исследований РАН.

В докладе аспиранта **Д.М. Гудова** (Самарский ун-т) «Семантика слов-компонентов с корнем *kras- в составе паремий» проанализированы содержательные особенности русских пословиц и поговорок, включающих в качестве компонентов лексемы с указанным корнем, сделаны выводы о реализации его семантического потенциала.

В своем докладе «Сенсорная метафора в поэзии Серебряного века (на материале лексики со значением температуры)» аспирант **Е.О. Добронравова** (Самарский ун-т) сосредоточила внимание на анализе основных метафорических моделей, характерных для поэтического языка названной эпохи, продемонстрировав как общность, так и различия данных моделей в творчестве ряда авторов.

В докладе **В.М. Зариповой** (Самарский ун-т) «Функционирование лексемы *эстетический* в интернет-коммуникации» на материале «Национального корпуса русского языка» рассмотрены основные закономерности употребления указанного слова в текстах разных стилей и жанров, выявлены его семантические связи с другими лексическими единицами.

Н.А. Илюхина (Самарский ун-т) в своем докладе «О неочевидном проявлении изоморфизма в простом и сложном предложениях» с опорой на обширный фактический материал проанализировала случаи содержательной эквивалентности простого и сложного предложения, обратив внимание на их регулярный характер.

В докладе **Л.Б. Карпенко** (Самарский ун-т) «Языковые особенности апокрифического Евангелия детства в оцифрованном Беляковском сборнике XVI века» рассмотрены важнейшие черты названной рукописи и сделан вывод о том, что она отражает черты болгарского языка среднеболгарского периода, которые проявляются в фонетических и грамматических характеристиках текста.

Доклад **Л.А. Киселевой** (Самарский ун-т) «Семантика и прагматика эмотивных средств в современном медиадискурсе» был посвящен анализу наиболее частотных лексических и грамматических средств репрезентации категории эмотивности в письменных медиатекстах, выявлена обусловленность их семантики различными неязыковыми факторами.

В докладе **Н.Г. Мещановой** (Самарский ун-т) «Речевое манипулирование в интервью» основное внимание было уделено описанию типичных стратегий манипулирования, оказывающих влияние на широкую интернет-аудиторию, детально охарактеризованы речевые средства, применяемые с этой целью.

Е.В. Резникова (Самарский ун-т) в своем докладе «Прецедентные феномены в современной массовой коммуникации: коммуникативный аспект (на материале русскоязычных СМИ)» рас-

смотрела основные виды прецедентных феноменов, актуализируемых в текстах СМИ, выявив их частотность и наиболее важные функции.

В докладе **Н.Ю. Темниковой** (Самарский ун-т) «Семантическая оппозиция “власть – подчинение” в низовом дискурсе советской эпохи (на материале песен-сценок В.С. Высоцкого)» проанализированы языковые средства репрезентации указанной оппозиции, выявлена их обусловленность особенностями индивидуально-авторского стиля В.В. Высоцкого.

Н.А. Чернявская и **О.А. Усачева** (Самарский ун-т) в своем совместном докладе «Лингвокогнитивная характеристика жертвы мошенничества» с привлечением материала текстов СМИ комплексно описали важнейшие лексические средства, посредством которых создается языковой образ жертвы мошенничества.

Секция № 7. «Новые тренды в современных медиакоммуникативных процессах» (рук. секции: Н.А. Захарченко, А.А. Косицин).

В докладе **А.А. Батеевой** (РОСБИОТЕХ) «Угрозы и риски цифрового пространства для детей и молодежи: социологический анализ» рассмотрены негативные последствия цифровизации для подрастающего поколения. В работе **Е.Д. Богатыревой** (Самарский ун-т) «Особенности медиазписи в книге А. Горнона “25-й кадр, или стихи не о том”» проанализирована уникальная поставангардная практика полифоносемантики – сочетания текста, звука и визуального элемента в едином издательском проекте. Доклад **А.А. Гайнутдиновой** (Самарский ун-т) «Пропозициональная метонимия в рекламе: модели и функции» посвящен наиболее частотным и продуктивным моделям пропозициональной метонимии в рекламных слоганах. В докладе **А.В. Давыдова** (Самарский ун-т) «Колористическая формула как понятие в доцифровой и цифровой среде» рассмотрено понятие колористической формулы в условиях масштабного процесса цифровизации искусства и дизайна, отмечена взаимосвязь математических моделей цвета, выраженных в колористических формулах и визуального восприятия. Совместный доклад **Т.Ю. Депцовой** (Самарский ун-т) и **А.А. Гнутовой** (Самарский ун-т) «Векторы медиаинформационной грамотности в цифровую эпоху» посвящен проблемам информационной перегрузки современного человека и необходимости повышения уровня медиаграмотности. В работе **Е.В. Ермаковой** (Самарский ун-т) «Специфика ведения сообществ в социальной сети “ВКонтакте”» выявлена роль контент-маркетинга в продвижении бизнеса социальных сетях в 2025 году. В докладе **С.С. Кашкаревой** (Детская школа искусств № 6; Самарский ун-т) «Использование технологий искусственного интеллекта в процессе обучения медиадизайну учеников школ

искусств» обсуждались вопросы интеграции ИИ в образовательный процесс. В работе **А.С. Коваленко** (ЮФУ) «Влияние алгоритмов персонализации контента на модели медиапотребления» рассмотрены эффекты, связанные с формированием информационных пузырей и эхокамер, а также изменение поведения пользователей в социальных сетях под влиянием алгоритмов. В докладе **А.А. Косицина** (Самарский ун-т) «ИИ-интервью как феномен цифровой эпохи» продемонстрированы возможности применения ИИ в образовательной среде, в частности – рассмотрена коммуникация с аватарами исторических личностей как перспективный с точки зрения цифровой педагогики формат изучения различных дисциплин. В совместной работе **А.А. Нечитайло** (Самарский ун-т), **Н.В. Прядильниковой** (Самарский ун-т) и **А.С. Никитиной** (Самарский ун-т) «Специфика современного медиапотребления» описаны ключевые тенденции трансформации медиаповедения – такие, как рост интернет-аудитории, популярность коротких форматов, использование ИИ в создании контента. В докладе **Е.А. Смышляева** (ЮУрГУ) «Функционирование цифровых образовательных проектов в современной медиасреде (на примере Виртуального музея писателей Южного Урала)» рассмотрен Виртуальный музей писателей Южного Урала как удачный пример функционирования цифровых образовательных проектов, показаны преимущества цифровизации материалов и интерактивности, а также отмечена роль подобных проектов в популяризации региональной литературы. В докладе **А.В. Шелудякова** (Институт космических исследований Земли, Сколково) «Информационные методы и технологии в медиакommunikациях» показано, как информация усложняется и упрощается в медиасюжетах и как это влияет на восприятие зрителя, помогая ему формировать интеллектуальные ориентиры в цифровой эпохе. В совместной работе **Е.В. Шоковой** (Самарский ун-т), **И.В. Ахматовой** (Самарский ун-т), **А.В. Сургутанова** (Самарский ун-т) и **Г.Д. Ахматовой** (ПГУТИ) «Семиотический анализ визуальной коммуникации в печатных изданиях» произведен анализ визуальной коммуникации в учебных изданиях с точки зрения семиотики и выявлен ряд проблем, связанных с дизайном и формой подачи визуальной информации.

Секция № 8. «Войны в истории России XVIII–XX вв.: время, пространство, коммуникация» (рук. секции **Ю.А. Жердева**).

На секции (была проведена в рамках работы над грантом РНФ № 24-28-01430) представили доклады исследователи разных городов и научно-образовательных учреждений, рассказав как о новых наработках, так и о результатах уже давно ведущихся исследований.

О.Б. Леонтьева (Самарский ун-т) рассказала об изменениях в современной отечественной историографии Первой мировой войны и указала на значимые методологические повороты, произошедшие в историографии за последние несколько десятков лет. **Л.В. Ланник** (ИВИ РАН, Москва) раскрыл проблемы, связанные с изучением инфраструктуры коммуникаций как фактора принятия решений в гегемонистской политике Кайзеррейха в 1918 г. **Е.П. Барина** (Самарский ун-т) показала, как представлена историческая память о русской армии времен Первой мировой войны в цифровом пространстве. **Я.А. Голубинов** (Самарский ун-т) указал на особенности изучения проблем темпоральности войны в историографии двух мировых конфликтов XX в. **Ю.А. Жердева** (Самарский ун-т) поделилась опытом изучения репрезентации времени в иллюстрированной прессе Первой мировой войны. **А.Е. Гулина** (Самарский ун-т) детально проанализировала влияние религиозных праздников на эмоциональное состояние комбатантов на Русском фронте Первой мировой войны. **А.И. Елисеев** (Самарский ун-т) представил результаты исследования практик чтения исторической литературы на фронте (по материалам писем и дневников участников Первой мировой войны). **С.Г. Малкин** (СГСПУ) очень подробно и аргументированно доказал концепцию урбанизации социального протеста и указал на влияние этого процесса на колониальный контроль в Британской империи после Великой войны. **О.А. Чернов** (СГСПУ) поделился итогами изучения вопросов войны и мира в эпистолярном наследии и трудах дипломата Н. В. Чарыкова. Аспирантка кафедры российской истории и сотрудница Музея Э.А. Рязанова **И.Д. Янцен** рассказала о важности изучения фоноисточников, на материалах которых было выстроено изучение экстремальной повседневности женщин-фронтовиков в годы Великой Отечественной войны. **Н.А. Балаклея** (СамГТУ) проблематизировала концепт «войн памяти» и указала на возможные пути его применения в историко-философском изучении вооруженных конфликтов. **Д.А. Афанасьева** (Самарский ун-т) в своем выступлении показала, как были связаны мирный процесс и коммеморативные практики радикальных республиканских групп при разрешении конфликта в Северной Ирландии.

Секция № 9. «Цифровая образовательная среда: проблемы и перспективы» (рук. секции **О.П. Карникова**).

В докладе **Т.И. Рудневой** (Самарский ун-т) «Этнотрадиции в становлении человека современного общества» была рассмотрена проблема становления современного человека этническими средствами. В работе **Т.Г. Балиной** (Волгоградский институт искусств и культуры) «Социокульту-

турная среда интернет площадок молодежных общественных организаций как одно из направлений духовного воспитания обучающихся» проанализирована социокультурная среда интернет площадок молодежных общественных организаций как одно из направлений духовного воспитания обучающихся. Совместный доклад **Е.А. Безруковой (Мусиенко)** (Кыргызский университет), **В.А. Баймаганбетовой** (Школа ресторанного бизнеса, г. Алматы) и **О.В. Балжановой** (Школа ресторанного бизнеса, ГРК «Кимасар», г. Алматы) «Роль современных медиакоммуникаций в Казахстане в андрагогических процессах» посвящен возможностям современных медиаплатформ и социальных сетей для реализации программ непрерывного образования взрослых. В работе **К.В. Бойковой** (Омский педагогический университет) «Развитие ассертивного поведения в эпоху цифровизации» обсуждались проблемы, препятствующие развитию ассертивности, и их негативные последствия. В совместном докладе **С.В. Вдовиной** (Самарский ун-т) и **Н.В. Иванушкиной** (Самарский ун-т) «Исследование отношения студентов к цифровизации образовательной среды вуза» предлагались результаты исследования отношения студентов к цифровизации образовательной среды вуза. В докладе **Л.Н. Пономаревой** (Самарский ун-т) «Информационная культура в эпоху цифровизации образования» был дан анализ структурных компонентов информационной культуры и их трансформации в цифровую эпоху. В совместной работе **Т.А. Трифоновой** и **А.А. Трифоновой** (Казанский инновационный университет) «Возможности и риски применения нейросетей в образовании» рассматривались преимущества и угрозы применения искусственного интеллекта в образовании. В совместном докладе **З.А. Аксютинной** (Омский педагогический университет) и **И.Д. Сусликова** (Омский педагогический университет) «Компьютерные игры как современное средство патриотического воспитания детей и молодежи» представлены примеры успешных патриотических проектов, реализованных в компьютерных играх. В совместной работе **И.А. Шубняковой** и **О.В. Щиповой** (Самарский ун-т) «Гибридное обучение в вузе: риски и перспективы» описаны перспективы развития гибридного обучения и риски его использования в вузе.

Секция № 10. «Философские проблемы информационного общества» (рук. секции: А.Ю. Нестеров, Л.Б. Четырова, Ю.А. Разинов).

В центре внимания первого дня заседания секции оказалась проблема человека и различных аспектов субъектности. Широкий компаративистский контекст постановке проблемы человека задал доклад **Л.Б. Четыровой** (Самарский ун-т), посвященный сравнению европейского и тибетского

то-буддистского подходов к человеку в целом и к образованию в частности. Не менее широко поставила проблему и **Т.В. Бернюкевич** (НИУ МГСУ), обратившись в своем докладе к вопросу о субъектности культуры. Дискуссия о границах субъектности продолжилась докладом **Е.О. Труфановой** (Институт философии РАН), в котором автор обращается к человеку как индивидуальному субъекту и рассматривает влияние на него цифровых технологий. Важной составляющей человеческой субъектности, как отмечает Елена Олеговна, является телесная воплощенность, которой лишена цифровая коммуникация, в связи с чем возникает проблема доверия, сомнения в человечности цифрового собеседника. О целостной, природно-социально-духовной сущности человека сказал в своем докладе **И.А. Беляев** (Оренбургский государственный университет), предложив термин «*homo cosmicus*», «человек космический». Сравнению понятий «космополитизм» и «глобализация» посвятил свой доклад постоянный участник конференции **Гунтер Шольц** (Рурский университет Бохум, Германия).

Во второй день в представленных на секции докладах традиционно был освещен широкий спектр проблем современного общества. Общим знаменателем докладов и дискуссий в этом году выступила озабоченность перед вызовами, которые ИТ-технологии и искусственный интеллект поднимают перед современным обществом, перед изменениями, оказываемыми цифровой средой на природу человека.

В докладе **Л.И. Баранова** (Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования) «Тенеты цифрового бессмертия» автор обратил внимание на возможные последствия от применения технологий, направленных на достижение состояния «цифрового бессмертия», среди которых были учтены энергетические затраты, необходимые для поддержания цифровой среды, вероятность распространения вирусов и поддержание состояния бестелесности на онтологическом уровне. Было представлено несколько вариантов преодоления человеком страха смерти – эликсир бессмертия, потенциальное воскрешение, наследие, бессмертность души. Проблема определения содержания выражения «цифровое пространство (реальность)» получила развитие в докладе **Д.С. Быльевой** (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого). Автором было показано, что выражение «цифровая реальность / цифровое пространство» используется в качестве метафоры, за которой скрывается потребность в упрощении актов познания и деятельности. Делается вывод о том, что если прогресс человечества строится на преодолении неопределённости, то метафоры «цифрового» должны находиться не в ряду онтологиче-

ских конструкторов, а в ряду знаковых конструкторов.

В своем докладе «Место человека в информационной картине мира» **Л.Л. Чекалов** (ООО «Транс-Мобил Спедишн») обратил внимание на то, что когнитивные функции человека настолько несовершенны, что не позволяют ему обработать весь объем информации, поступающей из внешнего / внутреннего мира. Поскольку ИТ-технологии созданы людьми, постольку они страдают теми же самыми недостатками.

Ряд докладчиков уделили внимание проблеме имитации искусственным интеллектом текстов художественного и научного содержания. Если **Н.И. Абрамова** (Самарский государственный медицинский университет Минздрава России) продемонстрировала особенности работы нейросетей, связанные с имитацией понимания смыслов текстов, то **А.Е. Сериков** совместно с магистрантами **Д.Ю. Зайцевым** и **В.С. Корнеевым** (Самарский ун-т) осуществил сравнение морфологических и функциональных параметров нейросетей «Gigachat» и «Deerseek» на примере исследования характеров персонажей из романа Ф. Герберта «Дюна».

Большой блок докладов секции был посвящен онтологическим, гносеологическим, праксеологическим и аксиологическим аспектам трансформации человеческой природы, в том числе проблемам саморепрезентации человека и разработки интеллектуальных персональных киберфизических ассистентов. Проблема формирования ценностных доминант в цифровом пространстве была поднята в серии докладов, среди которых следует отметить выступления **А.В. Михайловского** (НИУ ВШЭ, г. Москва), **Е.Б. Бабошиной** (Курганский филиал РАНХиГС при Президенте РФ, г. Курган), **С.Н. Гринченко** (Институт проблем информатики Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН, г. Москва) и др. В центре внимания оказались вопросы трансформации содержания ценностных доминант в условиях цифровой реальности – «ответственности» (**С.А. Лишаев**, Самарский ун-т), «заботы» (**Е.Н. Болотникова**, Самарский государственный медицинский университет Минздрава России), «пользы» (**И.А. Гапаров**, Самарский ун-т), «доверия» (**Н.В. Журавлева**, **С.И. Голенков**, Самарский ун-т) и др.

Секция № 11. «Современные технологии обучения иностранным языкам» (рук. секции: **В.В. Левченко**, **Г.А. Позднякова**).

В ходе работы секции обсуждались актуальные вопросы о деятельности учителя и преподавателя иностранных языков в цифровую эпоху. Особое внимание уделялось интеграции современных технологий искусственного интеллекта в процесс обучения иностранным языкам. Были представлены учебные материалы с использованием искус-

ственного интеллекта. В конференции принимали участие преподаватели, магистранты и аспиранты Самарского университета и университетов России.

Междисциплинарный студенческий (бакалавры и магистры) круглый стол «Историческая память: связь поколений» (рук.: **С.В. Николаев**)

На круглом столе присутствовали представители правительственных организаций, профессорско-преподавательского состава Самарского университета, бакалавры, магистранты и гости конференции. В ходе дискуссии участники обсудили вопросы, связанные с пониманием сути категории «историческая память», о подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны. Участники круглого стола с позиции различных научных областей (истории, литературы, педагогики, психологии и социологии) проиллюстрировали проявление связи поколений через «историческую память».

Доклад **К.М. Дунавского** (Самарский ун-т) был посвящен проблеме формирования памяти афроамериканцев о Гражданской войне в США во второй половине XIX – начале XX века как обособленного элемента общеамериканского нарратива. Автором отмечена основная причина маргинальности памяти афроамериканцев, заключающаяся в недостаточной вовлеченности белых американцев в процесс сохранения этой памяти. **Л.М. Комин** (Самарский ун-т) в своём выступлении показал результаты анализа «советского» нарратива, проведенного на основе материалов периодической печати о Самарском трубочном заводе. Автором отмечается, что конкретно взятый пример позволяет исследовать память об индустриальном прошлом в региональной перспективе. В докладе **В.Ю. Башкировой** (Самарский ун-т) освещалась проблема формирования нравственного человеческого идеала в сознании молодежи средствами современной литературы, определялись популярные на сегодняшний день направления литературы у читателя: автофикшн, кросс-жанровое направление литературы, смесь автобиографии и художественной прозы. В докладе **И.М. Перепелкина** (Самарский ун-т) на основе сюжета романа «Отцы и дети» 1890-х годов в тетралогии Е.Н. Чирикова «Жизнь Тарханова» рассматривается связь жанра «семейной хроники» с обозначенной проблемой, а также особенности ее репрезентации и построения конфликта. Автором отмечается, что поколение 1860-х годов в отличие от поколения 1840-х годов начинает делить «жизнь на соборное и личное, не абсолютизирует божественную волю и лишения во имя нее как нечто, выступающее вершиной ценностной иерархии». В своем выступлении **А.С. Ярцева** (Самарский ун-т) описывает основные характеристики героев разных поколе-

ний людей, определяя сам термин «герой», а также отмечает склонность молодежи видеть героизм в «бытовых» ситуациях. В докладе **А.И. Кичерова** (Самарский ун-т) была затронута проблематика психологического благополучия лиц с разной эмоциональной оценкой исторических событий. Отмечено, что чем больше событие представлено в культуре, тем меньшее влияние оказывало психологическое благополучие при оценке важности. В докладе **Е.И. Супрун** (Самарский ун-т) и **М.Ю. Исаева** (Самарский ун-т) были представлены результаты социологического исследования, направленного на выявление особенностей формирования исторической памяти в студенческой среде. Установлено, что студенты гуманитарных и технических специальностей имеют разный уровень критического восприятия исторических событий. Доклад **А.А. Каримовой** (Самарский ун-т) был посвящен рассмотрению концепции исторической памяти в педагогической науке, уточнена роль исторической памяти в формировании культурной идентичности, гражданственности и нравственных ориентиров. В докладе **Г.Г. Орлова**

(Самарский ун-т) раскрывается проблема роли и значения исторической памяти в отношении к человеку как деятельному индивиду. Историческая память у автора представлена как коллизия на основании классификации Ф. Ницше, а также отмечено два типа отношения человека к прошлому: забвение и любовь.

В завершении обзора подчеркнем, что так же, как и предыдущие годы, все руководители прошедших в рамках конференции секций отметили высокий уровень её организации и благоприятную обстановку, способствовавшую конструктивной научной дискуссии. Материалы прошедшей конференции опубликованы в сборнике трудов (РИНЦ), а лучшие доклады рекомендованы к публикации в журнале Самарского университета – «Семиотические исследования. Semiotic Studies» (гл. ред. А.Ю. Нестеров).

Submitted: 04.06.2025

Accepted: 22.06.2025